

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№2 2023 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

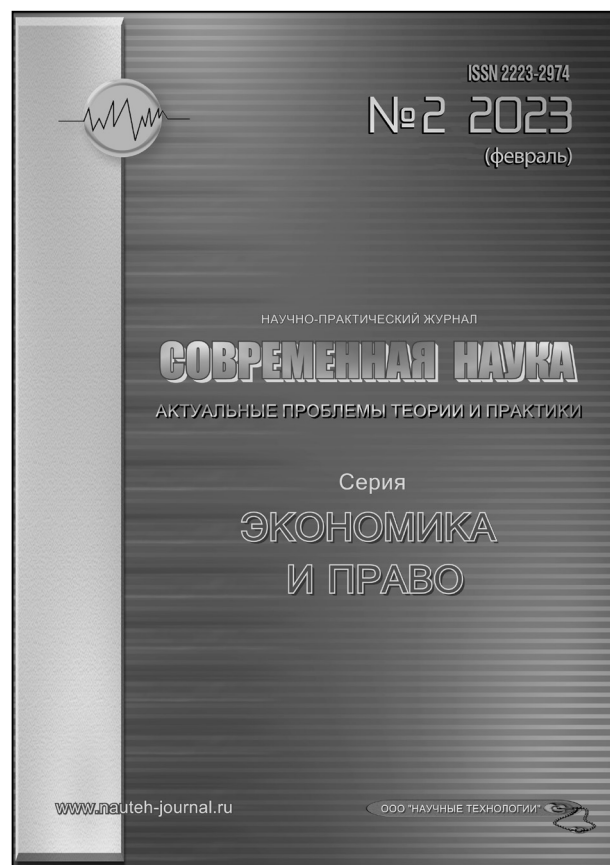
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.02.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Антонов В.С. — Формирование интегрального критерия результативности системы всеобщего ресурсосбережения на основе нечетких множеств

Antonov V. — Creation of an integral criteria of a universal resource saving system efficiency of base of fuzzy sets 6

Бодриков А.В. — Формирование актуальной интегрированной системы менеджмента: интеграция системы менеджмента качества и системы менеджмента бережливого производства

Bodrikov A. — Formation of the actual integrated management system: integration of quality management system and lean production management system 11

Егорова Д.А. — Драйверы развития фармацевтической отрасли: глобальные тренды

Egorova D. — Drivers for the development of the pharmaceutical industry: global trends 22

Знаменская М.А. — Инструменты проектного управления научной инновационной деятельностью национальных исследовательских университетов

Znamenskaya M. — Tools for project management of scientific innovation activities of national research universities 27

Карелина Е.А. — Современные паттерны интернационализации в стратегиях транснациональных корпораций развивающихся стран

Karelina E. — Modern patterns of internationalization in the strategies of transnational corporations in developing countries 36

Кубанцев К.А. — Направленность управления финансовой устойчивостью предприятий в условиях кризиса: современные тенденции

Kubantsev K. — The direction of financial stability management of enterprises in a crisis: current trends... 41

Кувшинов М.С., Виноградова Т.А. — Инновационная активность персонала как фактор управления инновационным развитием предприятия

Kuvshinov M., Vinogradova T. — Innovative activity of personnel as a factor of management of innovative development of the enterprise..... 46

Кузьмич Н.П. — Рациональное землепользование – важнейший фактор развития сельского хозяйства

Kuz, mich N. — Rational land use is the most important factor in the development of agriculture 55

Миндлин Ю.Б. — Кластеры в АПК России: проблемы и перспективы развития

Mindlin Yu. — Clusters in the agro-industrial complex of Russia: problems and prospects of development 59

Оськина М.А. — Устойчивое развитие как основа мировой политики в области водных ресурсов. Интегрированное управление водными ресурсами

Oskina M. — Sustainable development as the basis of world water policy. – Integrated water resources management 64

Панарин А.А., Глухова Е.В. — К вопросу о типологии бизнес-консалтинговых услуг в условиях цифровой трансформации

Panarin A., Glukhova E. — On the typology of business consulting services in the context of digital transformation 70

Потоцкая Л.Н., Уколова Н.В. — Совершенствование инструментов регулирования механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики

Pototskaya L., Ukolova N. — Improving the regulating tools for the mechanism of land ownership and land use in the digital economy 76

Суханова И.Ф., Санникова М.О. — Суверенный продовольственный потенциал как основа продовольственной безопасности страны <i>Sukhanova I., Sannikova M.</i> — Sovereign food potential as the basis of the country's food security82	Дружинин А.В. — Особенности реализации права на отсрочку от призыва на военную службу граждан, обучающихся в духовных образовательных религиозных организациях <i>Druzhinin A.</i> — Features of the implementation of the right to deferment from conscription for military service of citizens studying in religious educational organizations110
Филатов Г.И. — Исследования и разработки цифровых инноваций в современной автомобильной промышленности <i>Filatov G.</i> — Research and development of digital innovations in today's automotive industry88	Ильин Ф.И. — Некоторые особенности криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых в Вооруженных Силах РФ, как важной составляющей методики судебного разбирательства <i>Ilin F.</i> — Some features of the criminalistic characteristics of corruption crimes committed in the Armed Forces of the Russian Federation as an important component of the methodology of judicial proceedings116
Право	
Аликова С.В. Михайлина О.А. — Легитимность: о концепте и концепциях <i>Alikova S., Mikhaylina O.</i> — Legitimacy: the concept and conceptions92	Кесаева И.Р. — Криминальный суицид в вопросах квалификации преступлений по ст. ст. 205 и 205.1 УК РФ <i>Kesaeva I.</i> — Criminal suicide in matters of qualification of crimes under articles 205 and 205.1 of the criminal code of the Russian Federation125
Андреев А.А. — Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики <i>Andreev A.</i> — Bankruptcy of individuals: problems of theory and practices95	Кузнецов А.К. — Организационно-правовые тенденции развития государственных информационных систем <i>Kuznetsov A.</i> — Organizational and legal trends in the development of state information systems.129
Анетулы Бексултан — Превышение должностных полномочий иностранным публичным должностным лицом <i>Anetuly Beksultan</i> — Abuse of official powers by a foreign public official.98	Рейх А.П. — Влияние мировой климатической повестки на институты предпринимательского права <i>Reikh A.</i> — Impact of the world climate agenda on business law institutions132
Белоусов А.В., Вассалатий Ж.В. — Розыскная деятельность следователя при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации <i>Belousov A., Vassalatiy Zh.</i> — Search activity of the investigator in the investigation of crimes in the field of computer information.102	Самохина А.Н. — Особенности организации корпоративного управления в банковском секторе <i>Samokhina A.</i> — Features of corporate governance organization in the banking sector137
Гезгиев М.А. — Правовой статус несовершеннолетнего, подозреваемого в совершении правонарушений: правовое регулирование и правоприменительная практика <i>Gezgiev M.</i> — Legal status of a minor suspected of committing offenses: legal regulation and law enforcement practice105	

Селина Е.А. — Проблематика реализации принципа состязательности в деятельности защитника на досудебных стадиях уголовного процесса	
<i>Selina E.</i> — The problems of the implementation of the principle of competition in the activities of the defender at the pre-trial stages of the criminal process.	142
Сташкевич А.В. — Понятие и значение принципа реального исполнения договорного обязательства в доктрине советского периода гражданского права. Дискуссия в доктрине	
<i>Stashkevich A.</i> — The concept and significance of the principle of real fulfillment of a contractual obligation in the teaching of the Soviet period of civil law. Debate in doctrine	147
Упоров И.В. — Федеральный уровень публичной власти в России: правовые основы	
<i>Uporov I.</i> — Federal level of public authority in Russia: legal framework	152
Упоров И.В. — Каким был уголовный закон при распаде советского государства	
<i>Uporov I.</i> — What was the criminal law during the disintegration of the Soviet state	156
Фадеева О.В. — Здоровоохранение: финансирование и расходы 2022 года, в рамках обеспечения права на бесплатную медицинскую помощь, гарантированного конституцией РФ	
<i>Fadeeva O.</i> — Healthcare: financing and expenses of 2022, within the framework of ensuring the right to free medical care guaranteed by the constitution of the Russian Federation	160
Якубов М.Л. — Обеспечение защиты прав потребителей финансовых услуг при совершении банковских сделок посредством смарт-контрактов	
<i>Yakubov M.</i> — Ensuring the protection of the rights of consumers of financial services when performing banking operations through smart contracts	164

СОЦИОЛОГИЯ

Аверкиев А.В., Горелик В.Ю. — Особенности реализации специальных проектов в социальной сфере города Москва: современное состояние и проблемы	
<i>Averkiev A., Gorelik V.</i> — Features of the implementation of special projects in the social sphere of the city of Moscow: current status and problems	167
Ван Цзяньган — Воздействие на демографические процессы миграционного оттока населения северо-восточных районов КНР: на примере провинции Хэйлунцзя	
<i>Wang Jianguang</i> — The impact on demographic processes of the migration outflow of the population of the north-eastern regions of China: on the example of Heilongjiang province.	171
Горбаренко Е.А., Зуев А.В., Платонов А.В., Рубцов С.Н. — Коммуникативный конфликт: лингвокультурные особенности	
<i>Gorbarenko E., Zuev A., Platonov A., Rubtsov S.</i> — Communicative conflict: linguistic and cultural features.	177
Круглова В.В., Утеева Э.Н., Голованова И.И. — Работа с неблагополучными семьями: региональный опыт реализации технологии межведомственного взаимодействия	
<i>Kruglova V., Uteeva E., Golovanova I.</i> — Working with dysfunctional families: regional experience in implementing the technology of interdepartmental interaction	181
Информация	
Наши авторы. Our Authors	186
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	188

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО КРИТЕРИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ВСЕОБЩЕГО РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ

CREATION OF AN INTEGRAL CRITERIA OF A UNIVERSAL RESOURCE SAVING SYSTEM EFFICIENCY OF BASE OF FUZZY SETS

V. Antonov

Summary. The work proposes a method of creation an integral criteria for the effectiveness of a regional management system based on resource saving.

Keywords: lean region, efficiency, resource saving, fuzzy multiple model.

Антонов Виталий Станиславович

Старший преподаватель, Казанский
инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
vitaliy3005@yandex.ru

Аннотация. В работе предложен метод формирования интегрального критерия результативности системы регионального управления на основе ресурсосбережения.

Ключевые слова: бережливый регион, результативность, ресурсосбережение, нечетко-множественная модель.

Задачи устойчивого территориального развития в настоящее время являются актуальными и значимыми. Это обусловлено высоким уровнем турбулентности внешней среды, преобладанием нерыночных инструментов конкурентной борьбы и превалированием косвенных инструментов государственного и регионального управления. Концепция Бережливого региона является одним из эффективных подходов к обеспечению устойчивого развития региона.

Бережливый регион в целом, будучи распределенной системой, представляет собой сложный организационно-технический объект управления, непосредственно действующий с динамичной и конкурентной средой рынка. Различные факторы рынка, трансформируясь, существенным образом воздействуют на результативность его функционирования, а также влияют на внутреннюю среду.

Основой управления и оценки результативности системы управления бережливого региона является информация, которая, на практике, может являться некорректной или неполной. Это связано, в первую очередь, с ограничениями в подсистеме сбора и обработки информации, затратами на ее применение и нехваткой ресурсов, необходимых для функционирования системы управления.

В силу перечисленных факторов система управления бережливым регионом функционирует в условиях неопределенности степени достоверности оценки ее результативности, а одной из задач улучшения качества

управления становится создание инструментов повышения объективности и достоверности информации.

С целью реализации поставленных задач и созданию эффективных подходов к принятию административно-управленческих решений и оценки результативности системы управления бережливого региона, автор предлагает сформировать систему критериев и показателей, сопоставимых с федеральным и отраслевым уровнями, с учетом особенностей территориального управления. В соответствии с этим предлагается разработать единый региональный общесистемный критерий и комплекс локальных критериев и показателей результативности системы управления бережливым регионом. Представление результативности системы как функции результативности подсистем дает возможность преодолеть существующие сложности в построении единого обобщающего показателя и системы показателей результативности. При этом введены следующие ограничения:

1. для системы в целом, как и для каждой подсистемы, существует адекватный критерий, оценивающий степень достижения основной и частных целей системы, в результате чего, результативность оценивается при помощи ряда критериев в соответствии с множественным характером целей;
2. помимо основного критерия (показателя), характеризующего результативность системы или ее подсистем, существует определенное множество «частных» показателей, дополняющих основной;
3. результативность каждой из подсистем обуславливается степенью достижения основной,

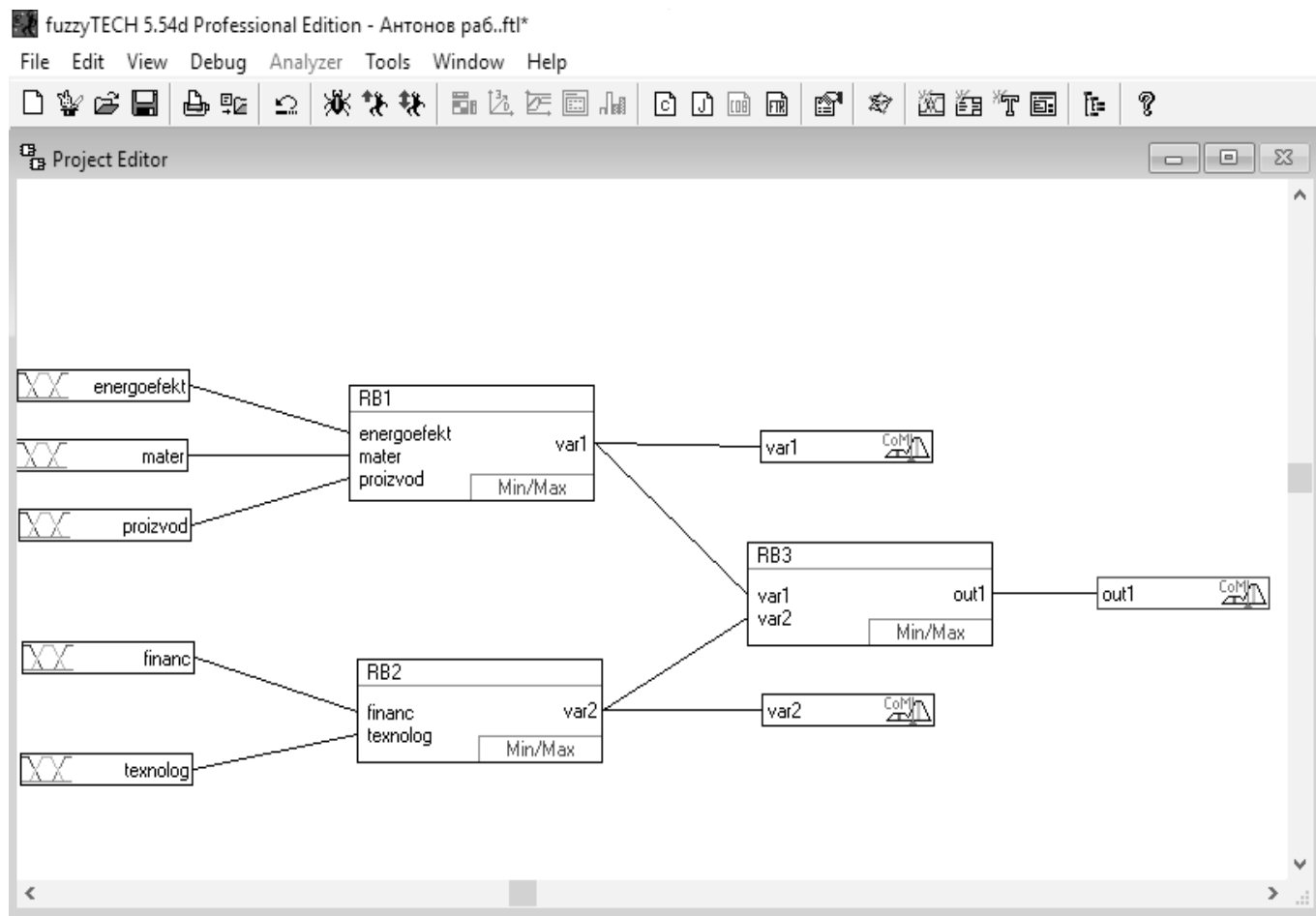

Рис. 1. Формализация системы нечеткого вывода комплексной оценки результативности управления бережливым производством в программной среде Fuzzy Tech.

а также частных целей управления, что дает возможность объективно оценить результативность каждой подсистемы, применяя аппарат теории нечетких множеств;

4. объединение показателей с целью определения интегрального критерия осуществляется с использованием решающих правил, назначаемых экспертным путем.

Для практической реализации предложенной нечетко-множественной модели оценки результативности управления бережливым производством в аспекте одной отрасли формализуем ее в программной среде моделирования Fuzzy Tech. На рисунке 1. показан скриншот (снимок экрана компьютера) системы нечеткого вывода комплексной оценки результативности управления бережливым производством в аспекте одной отрасли, реализованной в программной среде моделирования Fuzzy Tech.

где, входы системы:

- ◆ Energoefekt — Энергоэффективность;
- ◆ Mater — Материалоемкость;
- ◆ Proizvod — Производительность труда;
- ◆ Financ — Финансы;
- ◆ Tehnolog — Циркуляционные технологии;
- ◆ RB1, RB2, RB3 — базы правил.

выходы системы:

- ◆ Out1 — комплексная оценка результативности управления бережливым производством в аспекте одной отрасли;
- ◆ Var 1 — оценка результативности управления бережливым производством в аспекте энергоэффективности, материалоемкости и производительности труда;
- ◆ Var 2 — оценка результативности управления бережливым производством в аспекте финансов и циркуляционных технологий.

В качестве примера работы системы нечеткого вывода определим динамику оценки результативности

Таблица 1. Исходные данные по входным параметрам системы нечеткого вывода.

№ п/п	Материалоемкость (в %)	Электробаланс (миллиардов киловатт-часов)	Производительность (тыс. руб./чел.)
2000	59,3		100,727109
2001	57,5		140,345165
2002	55,9		186,409744
2003	58		228,8977916
2004	59,9		276,9604267
2005	57,4	9526,5	351,859369
2006	58,7	10478,1	463,3749236
2007	59,7	11470,3	624,5042192
2008	59,4	12050,4	827,1339848
2009	57	10638,7	759,2028862
2010	56,3	10658,7	723,8998862
2011	57,4	11810,9	939,109544
2012	55,2	12237,1	1012,798703
2013	56,1	12293,6	1053,846356
2014	58,3	12782,4	1081,4059
2015	57,8	12139,5	1098,1994
2016	56,2	12627,7	1161,07449
2017	57,8	12711,1	1199,5502
2018	57,4	12621,8	1325,4334
2019	54	12280,8	1423,2717
2020	55,4	11798	1490,2841

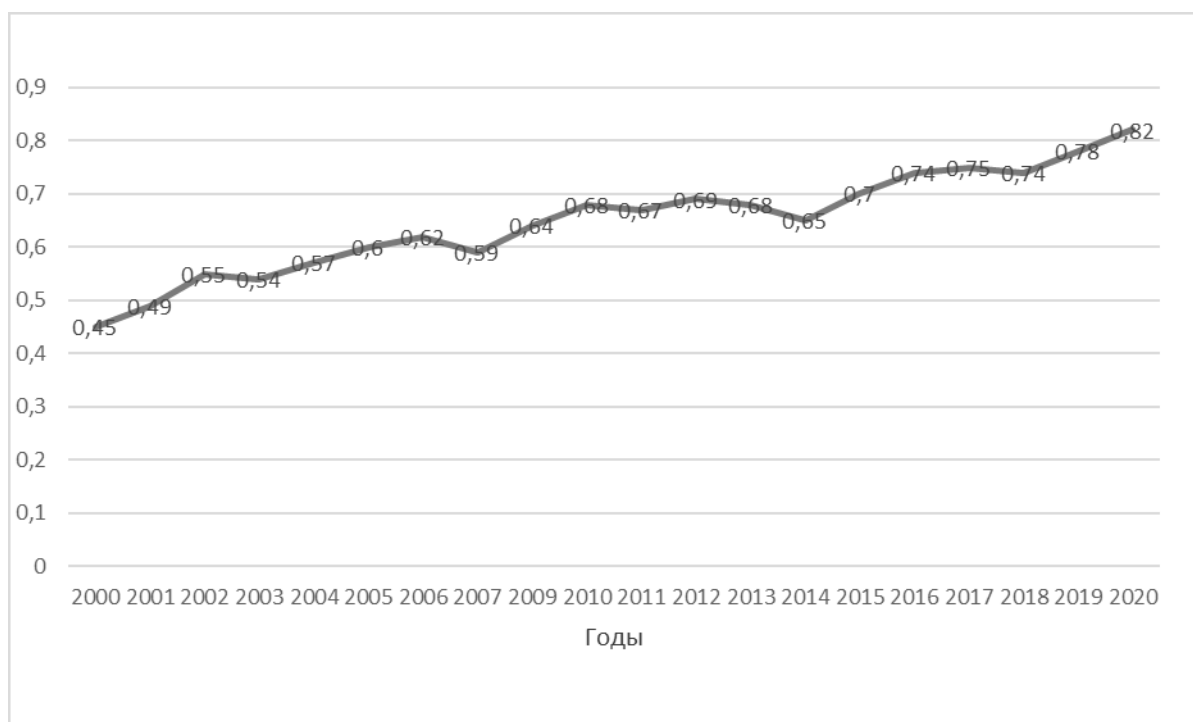

Рис. 2. Результативность управления бережливым производством в аспекте энергоэффективности, материалоемкости и производительности труда

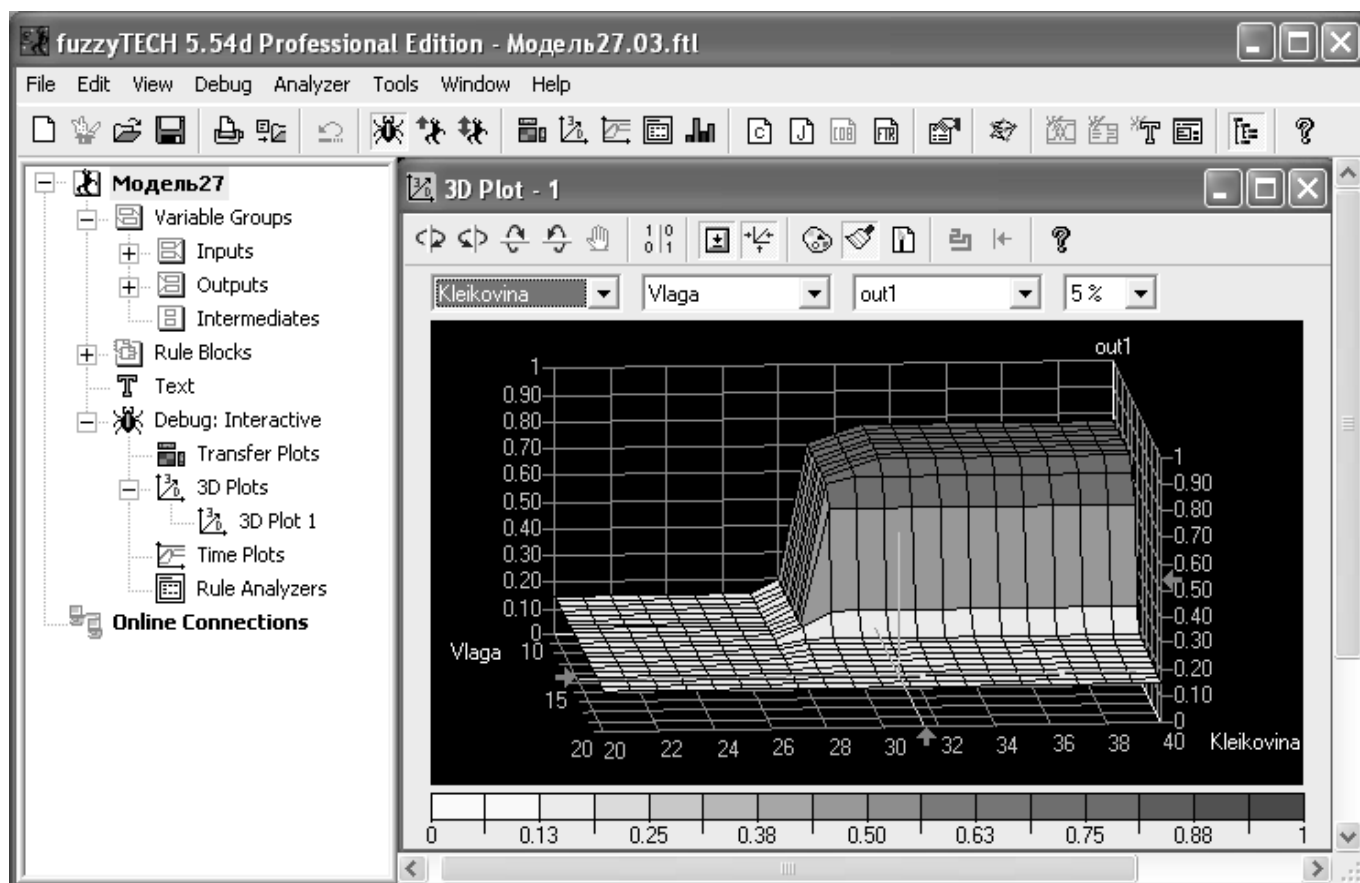

Рис. 3. Поверхности нечеткого вывода

управления бережливым производством в аспекте энергоэффективности, материалоемкости и производительности труда за период с 2000 года по 2020 год. Исходные данные по входным параметрам системы нечеткого вывода приведены в таблице 1.

Система нечеткого вывода оценки результативности управления бережливым производством в аспекте энергоэффективности, материалоемкости и производительности труда представлена на рисунке 2.

Представленный на рис. 2 результат анализа демонстрирует положительный эффект от применения инструментов Бережливого производства для задач ресурсосбережения, полученный в Республике Татарстан, даже в отсутствие системного подхода к формированию Бережливого региона.

Для общего анализа построенной нечеткой модели можно воспользоваться графическими средствами просмотра трехмерной поверхности нечеткого вывода, встроенными в систему FuzzyTech, которые представлены на рис. 3.

На полученной трехмерной поверхности нечеткого вывода присутствует явно выраженный оптимум выходных значений, что позволяет подобрать оптимальное сочетание входных управленческих параметров для повышения эффективности процессов ресурсосбережения в экономике региона.

Таким образом, доказаны применимость и адекватность предлагаемых инструментов нечетко-множественного анализа для задач формирования интегрального критерия результативности системы управления Бережливым регионом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтуниин А.Е. Модели и алгоритмы принятия решений в нечетких условиях: монография / А.Е. Алтуниин, М.В. Семухин. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. 265 с.
2. Кофман, А. Введение в теорию нечетких множеств / А. Кофман. М.: Радио и связь, 1982. 432 с.

3. Райфа, Г. Анализ решений. Введение в проблему выбора в условиях неопределенности: [пер. с англ.] / Г. Райфа; [под ред. С.В. Емельянова]. М.: Наука, 1977. 406 с.
4. Танака, Х. Модель нечеткой системы, основанной на логической структуре / Х. Танака, Г. Цукияма, К. Асаи // Нечеткие множества и теория возможностей. Последние достижения: [пер. с англ.] / под ред. Р.Р. Ягера. М.: Радио и связь, 1986. С. 186–199.

© Антонов Виталий Станиславович (vitaliy3005@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Казань

ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА: ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА И СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Бодриков Андрей Владимирович

Аспирант, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им.

Н.П. Огарева»

catalonec91@bk.ru

FORMATION OF THE ACTUAL INTEGRATED MANAGEMENT SYSTEM: INTEGRATION OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEM AND LEAN PRODUCTION MANAGEMENT SYSTEM

A. Bodrikov

Summary. The article considers the problem of forming an effective and relevant integrated management system of the organization based on the integration of standards of quality management system and lean production management system in contrast to the established in today's practice systems for the formation of an integrated system. The management system formed on the basis of the standard GOST R 56404–2015 "Lean Manufacturing. Requirements to management systems" is applicable for formation from scratch and improvement of production systems of the organizations, and also for training the personnel in the basics of lean production. Exactly the lean manufacturing management system bears the greatest benefit in order to improve financial performance and stable competitiveness, improvement of the product/service creation life cycle in comparison with other management systems. It also allows to solve another range of problems. Theoretical analysis is conducted, the scheme of integration of quality management system and lean production management system is considered and offered for application, ways of elimination of problems of management systems by means of implementation of lean production regulations, and also recommendations for creation on this basis of more actual and perfect management model formed on the basis of process approach.

Keywords: lean production management system, quality management system, integrated management system, organization, production, quality.

Аннотация. В статье рассмотрена проблематика формирования результативной и актуальной интегрированной системы менеджмента организации на основе интеграции стандартов системы менеджмента качества и системы менеджмента бережливого производства в противовес устоявшимся в сегодняшней практике системам для формирования интегрированной системы. Система менеджмента, формируемая на основе стандарта ГОСТ Р 56404–2015 «Бережливое производство. Требования к системам менеджмента» применима для формирования с нуля и улучшения производственных систем организаций, а также для обучения персонала основам бережливого производства. Именно система менеджмента бережливого производства несет в себе наибольшую пользу в целях улучшения финансовых показателей и устойчивой конкурентоспособности, совершенствования жизненного цикла создания продукции/услуг по сравнению с другими системами менеджмента. Также она позволяет и разрешить и иной спектр проблем. Проведен теоретический анализ, рассмотрены и предложены к применению схема интеграции системы менеджмента качества и системы менеджмента бережливого производства, пути устранения проблем систем менеджмента с помощью внедрения положений бережливого производства, а также рекомендации для создания на этой основе более актуальной и совершенной модели управления, формируемой на основе процессного подхода.

Ключевые слова: система менеджмента бережливого производства, система менеджмента качества, интегрированная система менеджмента, организация, производство, качество.

При постоянно ужесточающемся конкуренции результативная работа организации зависит от правильного использования современных систем менеджмента, которые, как правило, в настоящее время имеют тенденцию формироваться в виде интегрированных систем менеджмента (ИСМ), и предполагают постоянное улучшение и совершенствование.

Создание интегрированной системы менеджмента — это сложный, но актуальный для многих современных организаций процесс, который направлен на повышение эффективности организации и ее общего менеджмента. [1, с.3]

При исследовании теоретических и методических подходов к

- ◆ разработке и внедрению интегрированной системы менеджмента следует
- ◆ проанализировать определения, сформулированные учеными в различных научных трудах (таблица 1).

Исходя из анализа определений, мы видим, что не смотря на различия, большинство авторов сходятся в том, что интегрированная система менеджмента — это инструмент, который обеспечивает достижения целей предприятия, обеспечение качества, конкурентоспособности, развитие организации и, наконец, получение прибыли путем удовлетворения требований и ожиданий потребителей.

Положительный эффект от создания интегрированной системы менеджмента может быть достигнут только в случае грамотного управления этим проектом по интеграции. При интеграции требований стандартов в интегрированную систему менеджмента нужно избежать их механического соединения, потому что оно может привести к формальному внедрению системы.

На данный момент в интегрированную систему менеджмента чаще всего входят: СМК (система менеджмента качества), система менеджмента бережливого производства, система экологического менеджмента, система информационной безопасности, система менеджмента производственной безопасности и здоровья. [5, с.68]

Интегрированная система, выстроенная вокруг СМК, как правило, базируется на принципах и понятиях, сформулированных в стандарте ГОСТ Р ИСО 9001 «Системы менеджмента качества. Требования» [7]. Именно в стандартах ИСО серии 9000 впервые был использован цикл Деминга, который в настоящий момент является основой большинства стандартов.

Ключевой элемент интегрированной системы менеджмента — это документирование методик, процедур, инструкций, которые обеспечивают возможность определения правильности управления всеми процессами и работами организации. На данный момент в интеграции систем менеджмента существует небольшой ряд проблем, решение которых является основой для определения современных направлений развития интегрированной системы менеджмента. [6, с.2722]

Первая проблема заключается в том, что последовательность включения стандартов в интегрированную систему менеджмента зависит по большей части от популярности стандартов в мире или государстве, чем от стратегии, ценностей, приоритетов развития предприятия. Если вторым по популярности после стандарта ГОСТ Р ИСО 9001 является стандарт на систему экологического менеджмента, значит организация с наибольшей вероятностью, после формирования системы менеджмента качества будет интегрировать в нее именно систему экологического менеджмента. Но это не значит, что на самом деле охрана окружающей среды важна руководству предприятия. Если в организации интеграция происходит по такому принципу, то такое расширение системы менеджмента может оказаться вредным, т.е. включение в цели, политику и процессы направлений, которые не являются важными для компании, может стать причиной снижения восприятия ИСМ персоналом, а значит и эффективности такой системы. Организация должна заранее обозначить свои приоритеты и сформировать ИСМ только в зависимости от них.

Для любого руководителя организации в первую очередь важны положительные финансовые показатели деятельности. При анализе понятийной базы мы уже выяснили, что работа ИСМ должна быть направлена на достижения целей предприятия, обеспечение качества и конкурентоспособности, получение прибыли.

Ведь крайне редко можно встретить бизнес-компанию, для которой снижение отрицательного влияния на экологию действительно будет являться более важным и приоритетным, чем увеличение прибыли. К сожалению, на данный момент для формирования ИСМ нет ни одной системы, которая смогла бы регулировать деятельность организации в области финансов. Но есть система, которая может быть полезна в снижении потерь, издержек.

Обращаясь к рассматриваемой в данной статье теме, именно система менеджмента бережливого производства несет в себе наибольшую пользу в целях улучшения финансовых показателей и устойчивой конкурентоспособности, совершенствования жизненного

Таблица 1. Определения ИСМ с точки зрения разных авторов.

Автор	Определение
Владимирцев А. В., Марцынковский Д.А., Степанов Р.В., Шеханов Ю.Ф., Эсмуханова Ж.Ж.	Совокупность не менее двух систем менеджмента организации, ориентированных на различные заинтересованные стороны, и как следствие, отвечающих требованиям/рекомендациям стандартов на системы менеджмента, имеющих полностью или частично объединенные элементы, которые функционируют в организации, как единое целое [3].
Салимова Т. А., Яськин А.Н.	Комплексная целевая система менеджмента, отвечающая требованиям двух или более международных стандартов в области управления, которая ориентирована на реализацию бизнес-целей, обеспечение качества и конкурентоспособности, создание условий для устойчивого развития организации [1, с. 15].
Катанаяева М. А.	Часть системы общего менеджмента предприятия, отвечающая требованиям двух или более международных стандартов на системы менеджмента и функционирующая как единое целое, которая увязывает в единое целое взаимодействующие и взаимосвязанные процессы, составляющие суть деятельности предприятия, а также направляет работу его подразделений на достижение главной цели бизнеса — получение прибыли путем удовлетворения требований и ожиданий потребителей [4, с. 36].

цикла создания продукции/услуг по сравнению с другими системами менеджмента. Также она позволяет и разрешить и иной спектр проблем.

Выбор иных систем может сделать ИСМ не работающей в полной мере, значит вероятность того, что руководство будет серьезно относиться к системе, направленной на достижение финансовых показателей, очень мала.

Так, важным аспектом систем менеджмента, который редко включается в ИСМ, является формирование вовлеченности и мотивации персонала. Этот вопрос лишь в незначительной мере регламентируется многими стандартами. В то же время, в системе менеджмента бережливого производства вопросу взаимодействия с персоналом уделяется пристальное внимание. Если важнейшие факторы мотивации персонала будут прописаны в корпоративной культуре организации, будет создана возможность развития и повышения квалификации, обеспечены привлечение к работе, информированность работников, то в организации удастся создать культуру поведения, способствующую вовлечению работников в совершенствование деятельности организации.

Еще один аспект деятельности организации, который не регламентирован стандартами, это обеспечение лояльности и удовлетворенности поставщиков. Хотя в перечне принципов управления качеством в стандарте ГОСТ Р ИСО 9001 существует данный пункт, он практически не раскрывается. В системе менеджмента бережливого производства этот вопрос развивается более конкретизировано.

Таким образом, мы видим, что многие аспекты деятельности не отражены в стандартах, лежащих в основе

большинства существующих на предприятиях России интегрированных систем менеджмента. Это является проблемой традиционного определения интегрированной системы менеджмента, ведь она больше привязана к ставшими привычными стандартам, чем к культуре организации, бизнес-показателям, стратегии, ценностям и ожиданиям заинтересованных сторон. Возникает ощутимый риск появления двух отдельных систем менеджмента: не задокументированной, но реально работающей, которая применяется персоналом на всех уровнях, и формальной системы, которая будет построена по стандартам, но лишь для сертификации и демонстрации аудиторам. С точки зрения систем менеджмента главными группами, могут быть потребители и представители общества.

Успешность процесса внедрения интегрированной системы менеджмента зависит в первую очередь от готовности руководства к серьезным изменениям процессов, происходящих в организации. Также руководство должно поддерживать сотрудников и логически обосновывать все свои действия в области менеджмента предприятия.

Нужно помнить, что внедрение лучших управленческих практик, внедрение современных систем менеджмента и их дальнейшая интеграция в рамках интегрированной системы менеджмента позволяют организациям снижать имеющиеся издержки на качество, лучше удовлетворять запросы заинтересованных сторон.

В серии стандартов по бережливому производству требования к системам менеджмента предъявлены в стандарте ГОСТ Р 56404–2015 «Бережливое производство. Требования к системам менеджмента» [8].

Данный стандарт выдвигает ряд требований к сертификации бережливого производства, состоящих в разработке политики организаций, нацеленных на повышение эффективности деятельности с учетом лучших мировых практик применения бережливого производства.

ГОСТ Р 56404–2015 «Бережливое производство. Требования к системам менеджмента» подробно раскрывает термины и определения, приведенные в ГОСТ Р 56020–2014. В его разработке приняли участие 22 организации, из которых 15 имеют государственное освидетельствование: ЗАО «Центр «Приоритет», ООО «Арсенал Успеха», ООО «БалтСпецСплав», ОАО «Выксунский металлургический завод», НИУ «Высшая школа экономики», ООО «Управляющая компания «Группа ГАЗ», Иркутский авиационный завод — филиал ОАО «Научно-производственная корпорация «ИРКУТ», КНИТУ им. А.Н. Туполева — КАИ, ОАО «КАМАЗ», ООО «ЛинСофт» и др.

Положения стандарта применимы для формирования с нуля и улучшения производственных систем организаций, для создания соответствующих документов для этого, а также для обучения персонала основам бережливого производства. Именно в этом стандарте наиболее подробно описаны принципы бережливого производства.

В стандарте прописаны требования к ресурсам, необходимым для стабильного и успешного функционирования системы менеджмента бережливого производства и пути сохранения и развития данных ресурсов. Также затрагиваются вопросы процессного подхода и риск-менеджмента. Эти направления очень актуальны в современных условиях рынка и конкуренции. Процессный подход позволяет наиболее точно планировать и организовывать операционную деятельность на предприятии и создавать единый поток создания ценности для потребителя. Риск-менеджмент позволяет точнее определить пути развития организации и возможности сохранения ее нынешнего положения.

Оценка качества функционирования системы менеджмента бережливого производства предполагает наличие внутренних аудитов, сохранение документации проведенных аудитов, также предполагается проведение периодических мониторингов потоков создания ценности для определения области улучшений. Система менеджмента бережливого производства предполагает своевременную фиксацию несоответствий, глубокое изучение причин их возникновения и предложение корректирующих действий. Организация должна улучшать пригодность системы менеджмента

бережливого производства, ее результативность и адекватность. Таким образом, можно сделать вывод, что главная идея концепции заключается в том, чтобы вовлечь в процесс улучшения деятельности организации всех сотрудников и максимально ориентироваться на клиента. Самое важное в этом подходе — это потребительская ценность продукта, которая появляется в момент его изготовления и обработки. В данной концепции содержится 13 принципов, которые реализуются в организации с помощью методов и инструментов бережливого производства. Определены требования к организации внедряющей систему менеджмента бережливого производства и к самой системе. СМК же должна обеспечивать стабильность качества продукции или услуги, а также всегда повышать удовлетворенность потребителей.

Из рисунков 1 и 2, отражающих схемы применения соответственно СМК и системы менеджмента бережливого производства при производстве продукции/оказании услуг, можно заметить, что функционирование СМК так или иначе зависит от процессов потока создания ценности, учитываемых в системе менеджмента бережливого производства.

Также видно, что обеспечиваются все задачи благодаря инструментам и методам СМК. С помощью этих инструментов и методов на предприятии осуществляется деятельность по:

- ◆ встроенному качеству (т.е. вопросы качества не проверяются и не решаются отдельно, качественная продукция изначально заложена в производстве);
- ◆ снижению изменчивости и повышению возможностей процессов (т.е. достижение такого состояния процессов, чтобы ни один показатель не выходил за рамки (нормы) и был статистически управляемым);
- ◆ обеспечение низкого уровня несоответствий.

Применение системы менеджмента бережливого производства направлено на повышение эффективности процессов, которые составляют поток создания ценности, и их оптимизацию, при этом:

- ◆ снижает стоимость процессов (за счет правильно подобранного количества сырья и материалов и снижения уровня отходов от производства);
- ◆ сокращает время производственного цикла (то есть определяется процент полезного времени, обозначается причина, по которой процент полезности не равен 100 и происходит избавление от этой причины);
- ◆ выявляет и устраняет действия, не добавляющие ценность для потребителя (т.е. определяется реестр процессов которые реально добавляют

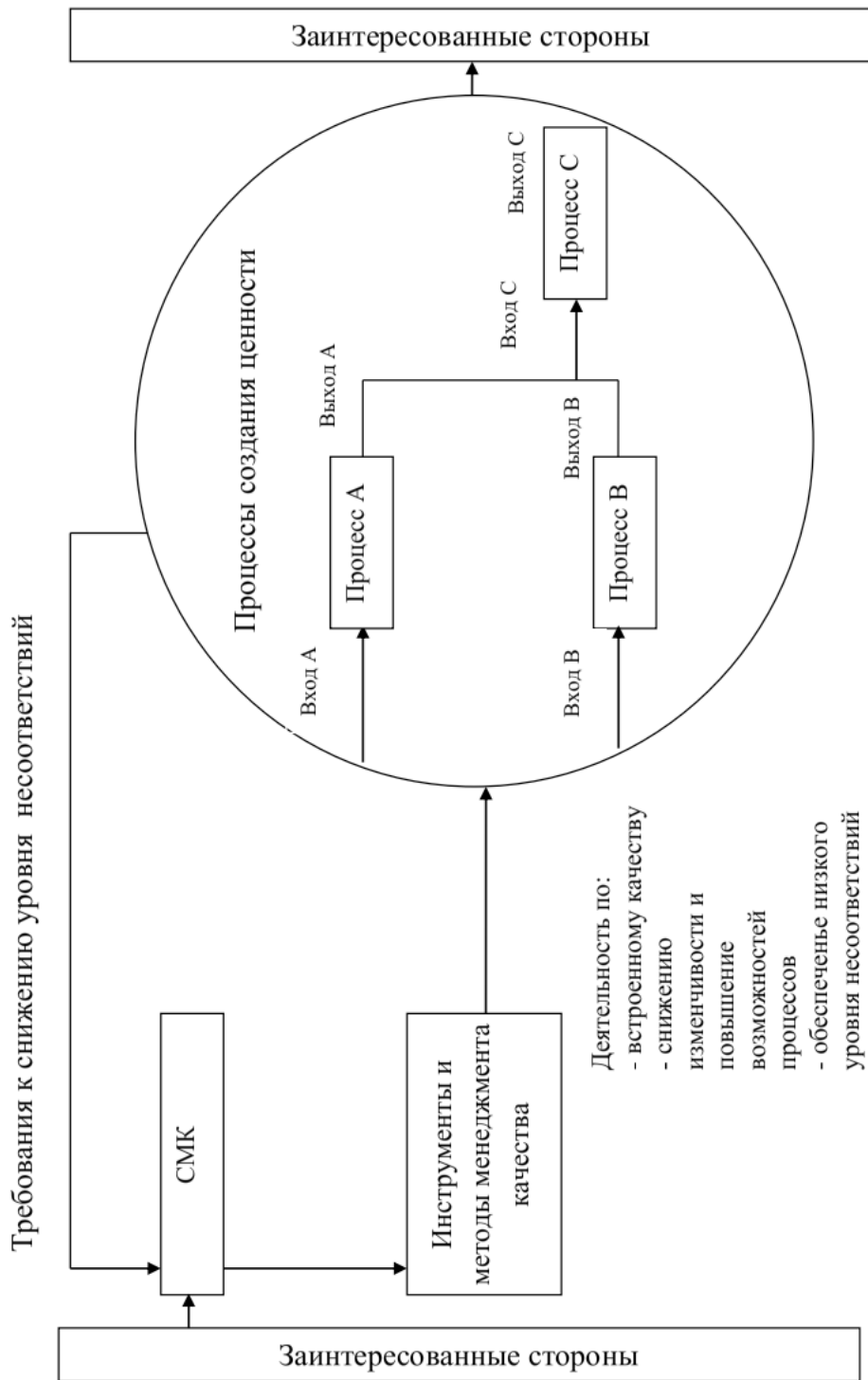

Рис. 1. Схема применения СМК при производстве продукции/оказании услуг [8]

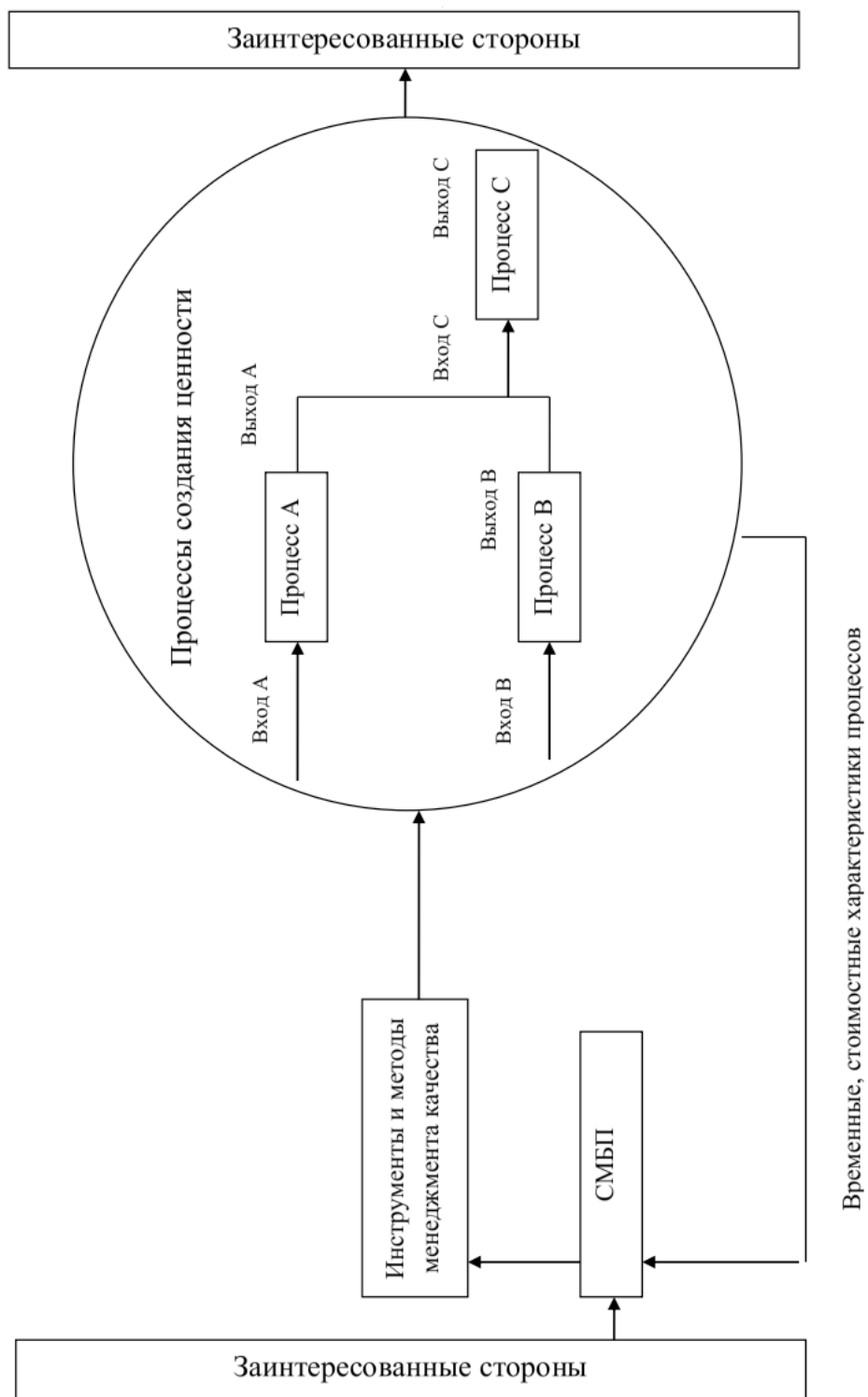

Рис. 2. Схема применения системы менеджмента бережливого производства при производстве продукции/оказании услуг [8]

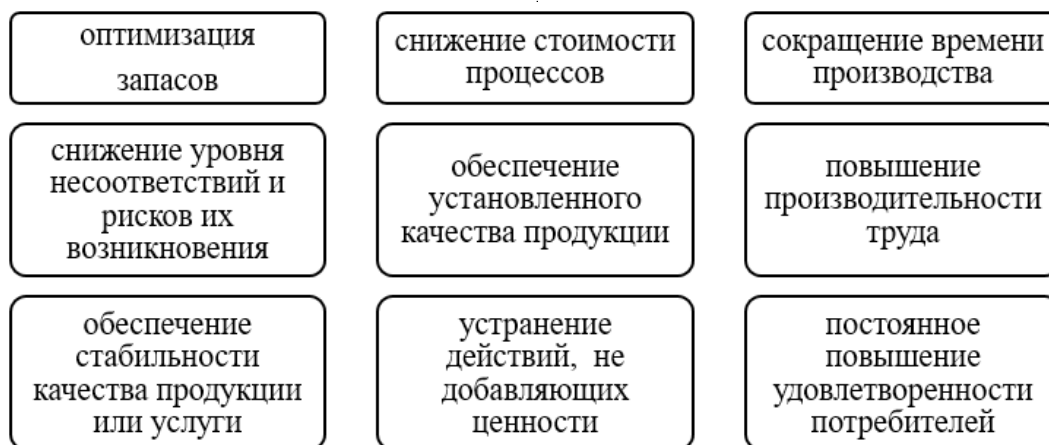

Рис. 3. Результаты, получаемые формированием ИСМ на основе СМК и СМБП

ценность продукту, и многие, которые не оказываются в этом списке, могут быть упрощены или отданы на аутсорсинг;

- ◆ повышает производительность труда (за счет стандартизации рабочего места, упрощения поиска нужных инструментов, документов и т.д., появляется одна система управления, части которой направлены на достижение целей качества и сохранения ресурсов).

При наличии интегрированной системы менеджмента на основе системы менеджмента качества и системы менеджмента бережливого производства будут учитываться интересы и решаться проблемы не только внешних, но и внутренних заинтересованных сторон. Перечень получаемых результатов представлен на рисунке 3.

Для решения данных проблем нужно правильно и рационально распределить ответственность и полномочия в ИСМ и осуществлять управление в соответствии с моделью, основанной на применении процессного подхода. Схема, учитывающая все приведенные выше положения, приведена на рисунке 4.

В соответствии с новой схемой, на этапе планирования производства продукции / услуг интеграция СМК и системы менеджмента бережливого производства осуществляется в форме межфункционального взаимодействия на всех этапах создания продукции/услуг. То есть системы взаимодействуют между собой на этапе планирования и это взаимодействие не заканчивается, а становится цикличным, как в цикле Деминга.

Наиболее подходящим решением организации взаимодействия может стать создание межфункциональных команд на разном уровне менеджмента, где будут

работать совместно руководители различных подразделений, специалисты по качеству и/или бережливому производству и другие службы. Формат таких межфункциональных команд представлен на рисунке 5.

Рассмотрим каждую команду в частности, определим их цели и задачи в рамках поддержания ИСМ и достижения показателей организации.

А. Совет стратегического развития ИСМ

1. Целью совета стратегического развития является обеспечение достижения стратегических целей и задач ИСМ на предприятии.

2. Совет стратегического развития ИСМ обеспечивает решение следующих задач:

- ◆ разработка стратегии ИСМ;
- ◆ создание системы реализации стратегии на Предприятии, включающей:
- ◆ контроль и поддержка хода реализации стратегии.

Б. Комитет непрерывного совершенствования

1. Целью комитета непрерывного совершенствования является обеспечение достижения стратегических целей и задач в функциональной области ИСМ.

2. Комитет непрерывного совершенствования обеспечивает решение следующих задач:

- ◆ организация разработки стратегии ИСМ на уровне подразделений;
- ◆ контроль и поддержка хода стратегии в подразделениях;
- ◆ развертывание и поддержка системы реализации стратегии в функциональных областях.

В. Команда непрерывного совершенствования

1. Целью команды непрерывного совершенствования является обеспечение достижения стратегических

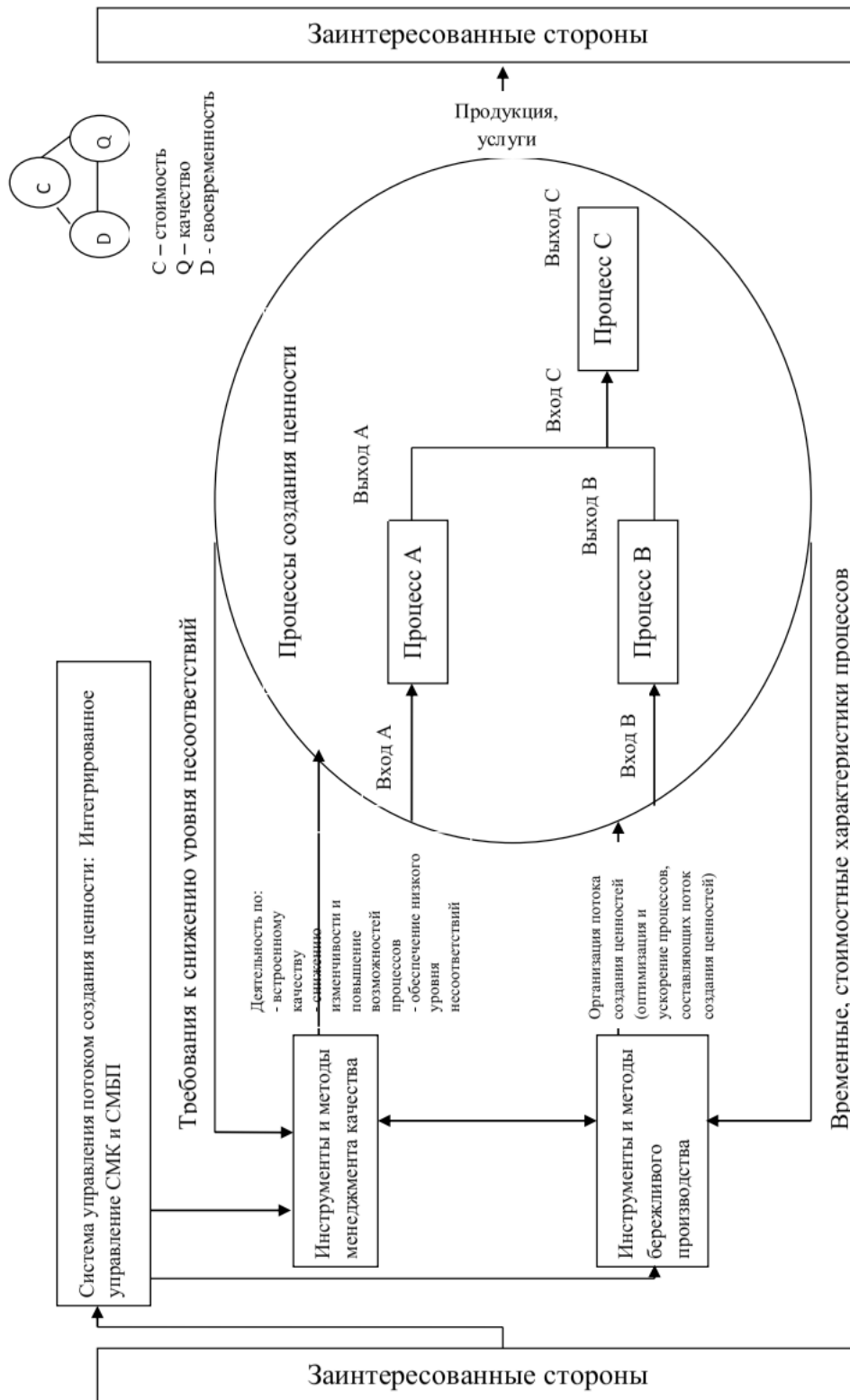

Рис. 4. Схема интеграции SMK и системы менеджмента бережливого производства для управления потоком создания ценности

Таблица 2. Пример интегрированной системы показателей организации.

Обозначение	Наименование группы показателя	Показатель ведущей компании мира	Показатель российского предприятия
S (Safety)	Показатели безопасности	Риск получения травмы. Число несчастных случаев. Травм — 0.	Число несчастных случаев — несколько случаев на 1000 чел. в год
Q (Quality)	Показатели качества	Риски появления дефектов: индексы воспроизводимости процессов	Число дефектов на миллион. Уровень дефектности продукции%.
D (Delivery)	Показатели поставок	Объем поставки на день, час. Точность поставки — часы, минуты.	Объем поставки — на неделю, месяц, квартал. Точность поставки — дни, недели.
C (Cost)	Показатели стоимости	Снижение себестоимости при долгосрочном сотрудничестве	Стоимость и себестоимость продукции
M (Motivation)	Показатели мотивации работников	Число работников, вовлеченных в команды по улучшению деятельности. Число предложений по улучшению, принятых от работников.	Число опозданий, прогулов, нарушений норм поведения, трудовой дисциплины, текучесть кадров
E (Ecology)	Показатели экологичности	Риск экологических нарушений	Число вредных выбросов

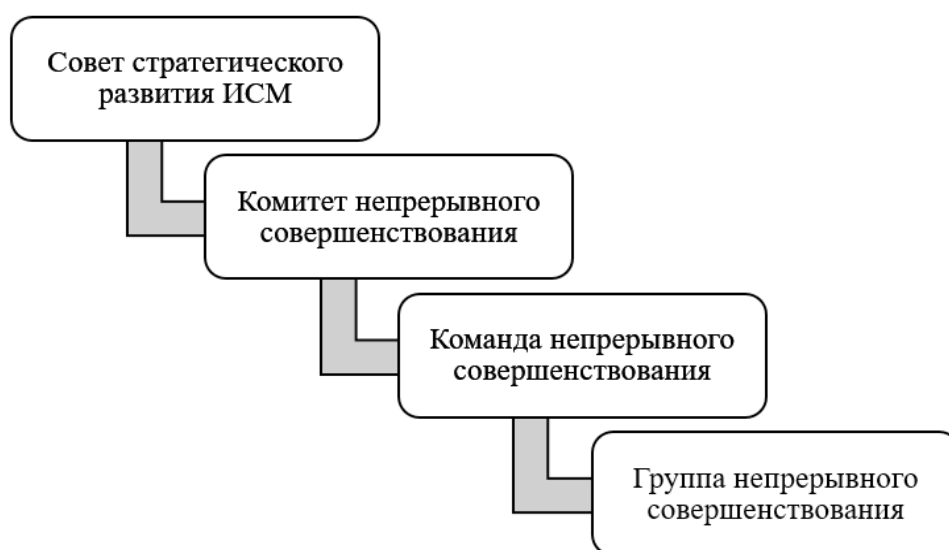

Рис. 5. Состав межфункциональных команд, действующих в ИСМ, построенной на основе СМК и системы менеджмента бережливого производства

целей и задач ИСМ на отдельных участках функциональных подразделений.

2. Команда ИС обеспечивает решение следующих задач:

- ◆ разработка стратегии ИСМ функционального подразделения;
- ◆ контроль и поддержка хода стратегии в функциональных подразделениях;
- ◆ развёртывание и поддержка системы реализации стратегии в функциональных подразделениях.

Г. Группа непрерывного совершенствования

1. Целью группы непрерывного совершенствования является решение задач, определённых стратегией и оперативными планами.

2. Группа непрерывного совершенствования обеспечивает решение следующих задач:

- ◆ реализация проектов развития ИСМ;
- ◆ рассмотрение предложений сотрудников в части улучшения показателей деятельности организации, внедрение, в случае признания предложений полезными.

Таким образом, цель будет установлена для каждой конкретной команды, задачи будут поделены по подразделениям, но будут зависимы от общей цели предприятия. Глобальной целью создания межфункциональных команд будет являться нахождение решений по оптимальным значениям интегрированной системы показателей, призванных обеспечить достижение целей по развитию бизнеса организации и удовлетворенности всех заинтересованных сторон.

Следовательно, в ИСМ будет сформирована система конкретных показателей, включающая требования и СМК, и системы менеджмента бережливого производства. Пример фрагмента такой системы представлен в таблице 2.

Из таблицы видно, что на российских предприятиях еще не рассматривают риск, а только лишь решают уже появившиеся проблемы и ведут их статистику. Причиной этого является тот факт, что ИСМ в нашей стране внедряются совсем недавно, а значит, наши организации пока просто учатся и для правильного понимания

ИСМ нужно время и специалисты. В России вопрос интеграции СМК и системы менеджмента бережливого производства достаточно актуален на данный момент, потому что качество выпускаемого продукта и экономия ресурсов с каждым годом становится важнее для предприятий.

Стандарт ГОСТ Р ИСО 9001–2015 основан на цикле PDCA и процессном подходе, а это означает, что в целом структуру процесса обеспечения качества можно построить на основании именно данного подхода. Цикл «планируй-делай-проверяй-действуй» нацелен на динамичность, то есть с каждым новым витком деятельности, необходимо улучшать ее, также, как это происходит и при внедрении системы Кайдзен. Также это подразумевает сокращение затрат на производство продукции, повышение эффективности всех бизнес-процессов организации. Так как было предложено разработать интегрированную систему менеджмента, соответствующую требованиям ГОСТ Р ИСО 9001–2015 «Системы менеджмента качества. Требования» и ГОСТ Р 56404–2015 «Бережливое производство. Требования к системам менеджмента», та структура процессов управления качеством и производством, которая используется на конкретном предприятии, не будет соответствовать всем требованиям схемы. Поэтому имеется необходимость изменений структуры процессов системы менеджмента с учетом требований вышеуказанных стандартов. Произойдут изменения практически в каждом из процессов.

Таким образом, используя приведенную в статье схему интеграции, предполагается создать более актуальную и совершенную модель управления, формируемую на процессном подходе и включающую учет как рисков, так и поиск возможностей организации по их выявлению, предупреждению и установлению контроля над результатами принимаемых мер. Если все процессы будут упорядочены, то можно значительно сократить время, во-первых, на реализацию самого проекта интеграции СМК и системы менеджмента бережливого производства, а во-вторых, на работу выполнение каждой рабочей операции, уменьшить нагрузку и увеличить производительность, поскольку будет разработан четкий план действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салимова Т.А. Формирование интегрированной системы менеджмента на предприятии: монография / Т.А. Салимова, А.Н. Яськин — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. — 188 с.
2. Гафорова Е.Б. Вопросы создания единой системы менеджмента предприятия на основе качества / Е.Б. Гафорова. — Текст непосредственный // Проблемы управления. — 2006. — № 3. — С. 43–47.
3. Владимирцев А.В. Подходы к оценке и сертификации интегрированных систем менеджмента / А.В. Владимирцев, Д.А. Марцынковский, Р.В. Степанов и др. — Текст электронный. — URL: https://cert-russia.ru/docs/ISM/rukovodstvo_ISM.pdf. (дата обращения: 12.11.2020)

4. Катанаева М.А. Аддитивная интегрированная система менеджмента предприятия / М.А. Катанаева. — Текст непосредственный // Российское предпринимательство. — 2009. — № 7–1. — С. 36–40
5. Голубенко О.А. Что такое интегрированная система менеджмента (ИСМ)? / О.А. Голубенко, Е.Н. Поглазова // Международный научный журнал «Символ науки». — 2017. — № 04. — С. 65–69
6. Абрамкина Т.Н. Проблемы внедрения «бережливого производства» на отечественных предприятиях / Т.Н. Абрамкина // Научно-методический журнал «Концепт». — 2013. — Т. 3. — С. 2721–2725
7. ГОСТ Р ИСО 9001–2015 Системы менеджмента качества. Требования. Введ. — 2015–09–28. — М.: Стандартиформ, 2015. — 32 с.
8. ГОСТ Р 56404–2015 «Бережливое производство. Требования к системам менеджмента». Введ. — 2015–06–02. — М.: Стандартиформ, 2015. — 42 с.

© Бодриков Андрей Владимирович (catalonec91@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТRENДЫ

DRIVERS FOR THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY: GLOBAL TRENDS

D. Egorova

Summary. The commercial market of medicines in Russia is considered, the key financial metrics of the leading manufacturers in the Russian pharmaceutical industry are analyzed. With the help of multiple linear regression in dynamics, the relationship between the profitability of selected companies and other financial indicators of their functioning was considered. A close and reliable relationship has been established between the company's capital structure and the profitability of its assets. The main global trends and Russian trends in the pharmaceutical market are identified, proposals for its development are submitted for discussion.

Keywords: pharmaceuticals, commercial drug market, innovations, profitability, market dynamics, growth drivers.

Егорова Дарья Алексеевна

*К.э.н., Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (Москва)
DAEgorova@fa.ru*

Аннотация. Рассмотрен коммерческий рынок лекарственных препаратов в России, проанализированы ключевые финансовые метрики производителей-лидеров продаж российской фармацевтической индустрии. С помощью множественной линейной регрессии в динамике рассмотрена взаимосвязь рентабельности выбранных компаний и прочих финансовых показателей их функционирования. Установлена тесная и достоверная связь между структурой капитала компании и рентабельностью ее активов. Определены основные глобальные тренды и российские тенденции фармацевтического рынка, вынесены на обсуждения предложения по его развитию.

Ключевые слова: фармацевтика, коммерческий рынок лекарственных препаратов, инновации, рентабельность, динамика рынка, драйверы роста.

На сегодняшний день фармацевтическую индустрию по праву можно назвать одной из наиболее наукоемких, прикладных и инновационных. По уровню технологических разработок фармацевтическая индустрия не уступает аэрокосмической промышленности. Растущая роль производства лекарственных препаратов в мировой экономике аргументирована глобальной борьбой с пандемией COVID-19, а также ее последствиями. Производство собственных инновационных препаратов по-прежнему доступно только ряду самых технологически развитых регионов и стран мира, что неизбежно становится камнем преткновения для участников мирового сообщества.

Безусловно, важно отметить не только экономическую, но и социальную значимость фармацевтики, а также большую роль государственного контроля и регулирования в сфере производства лекарственных препаратов.

Состояние и развитие фармацевтического рынка на международном и национальном уровне было исследовано во многих научных трудах, как отечественных, так и зарубежных исследователей. Теоретические и практические основы функционирования и развития фармацевтической промышленности рассматриваются

такими специалистами, как: Л.А. Белова [1], А. Ермолаева [2], В.А. Калганов [3], С.М. Круглова [4], С.В. Кулагина [5], М.А. Москвичева [6], И.А. Родионова [7]. Политика импортозамещения фармацевтической промышленности рассматривается в работах П.А. Костромина [8], Ю.О. Марченко [9], А.М. Семенова [10], А.В. Шаховой [11]. Современное состояние мирового фармацевтического рынка в условиях экономического кризиса и санкций, а также инновационное развитие было исследовано А.А. Бекаревым [12], Е.Ю. Санниковой [13], Д.М. Слепневым [14], Г.М. Федотовым [15], Ю.М. Филатовой [16] и др.

По состоянию на сентябрь 2022 года общая емкость рынка лекарственных препаратов составила более 1 млрд. руб. [17]. Рост оборота фармацевтического рынка в 2022 году по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года составил более 20%. Доля компаний, вошедших в десятку крупнейших производителей лекарственных препаратов, составила 31% от стоимостного объема продаж препаратов на всём рынке фармацевтики в 2022 году. Первое место рейтинга принадлежит немецкой корпорации Bayer, оборот компании за рассматриваемый период 2021–2022 гг. вырос на 4,2%. На второе место с первого опустилась отечественная фирма «Отисифарм» (доля заметно уменьши-

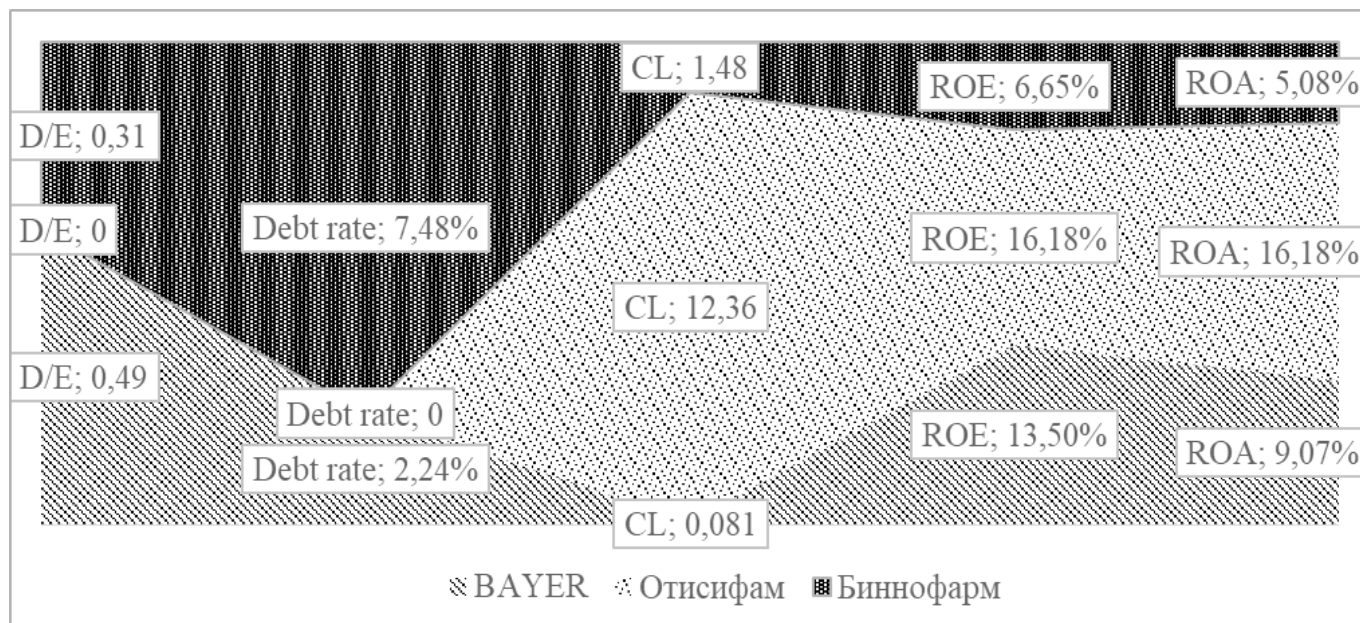

Рис. 1. Ключевые финансовые метрики* фармацевтических компаний-лидеров продаж в России по состоянию на конец 2021 г.

*где:

$$\frac{D}{E} = \frac{Debt}{Equity} = \frac{Долг}{Собственный капитал} \quad (1)$$

$$Debt\ rate = \frac{Interest\ Paid}{Debt} = \frac{Проценты\ уплаченные}{Сумма\ долга} \quad (2)$$

$$ROE = \frac{Net\ Profit}{Equity} = \frac{Чистая\ Прибыль}{Собственный\ капитал} \quad (3)$$

$$ROA = \frac{Net\ Profit}{Assets} = \frac{Чистая\ Прибыль}{Активы} \quad (4)$$

$$CL = Current\ Liquidity = \frac{Current\ Assets}{Current\ Liabilities} = \frac{Оборотные\ активы}{Текущие\ обязательства} \quad (5)$$

лась — на 0,9% до 3,8%), которая показала снижение объёма реализации на 14,3% относительно сентября прошлого года. Один из самых заметных приростов продаж продемонстрировала компания «Биннофарм Групп» — 33,9%.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ показателей эффективности функционирования крупнейших производителей лекарственных препаратов в России и определение драйверов их роста.

Для успешного достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: сбор и обобщение информации о ключевых показателях экономической деятельности компаний: «Отисифарм», Вауер, «Биннофарм Групп» (лидеров рынка лекарственных препаратов по состоянию на 2022 г.); комплексный финансовый анализ выбранных компаний; выявление взаимосвязи между рентабельностью выбранных

компаний и факторами, характеризующими условия их функционирования; исследование международных трендов и российских тенденций фармацевтической индустрии.

Для проведения комплексного анализа финансового состояния и ключевых метрик выбранных компаний была использована финансовая отчетность, составленная в соответствии с российскими и международными стандартами за период с 2014 по 2021 гг.

Результаты проведенного анализа позволили выделить специфические черты каждой из выбранных компаний. Так для немецкой корпорации Вауер на протяжении всего периода исследования характерна отрицательная операционная прибыль при среднем росте чистой прибыли и рентабельности капитала и активов; низкое значение текущей ликвидности при общем росте показателя за период; снижение ставки заемных средств при высокой доле заемного капитала.

Для российских компаний «Отисифарм» и «Биннофарм Групп» характерна низкая доля заемного капитала при растущей ставке обслуживания долга; высокие значения рентабельности активов, капитала и продаж; планомерный рост операционной прибыли. Сводная информация по рассчитанным показателям отражена на рисунке 1.

Для выявления причинно-следственных связей между показателями эффективности выбранных компаний и прочими показателями их функционирования был проведен анализ множественной линейной регрессии. В качестве зависимой переменной была выбрана рентабельность активов (y), рассчитанная по чистой прибыли, среди зависимых переменных протестированы ранее рассчитанные показатели: отношение долга к собственному капиталу (x_1), коэффициент автономии (x_2); текущая ликвидность (x_3), средняя ставка по долгу (x_4).

В двух из трех рассмотренных компаний (Bayer и «Биннофарм Групп») тестирование модели подтвердило достоверность установленных причинно-следственных связей между выбранными переменными (R-квадрат $>0,8$). При этом в компании Bayer наиболее тесная связь выявлена между показателем рентабельности активов (y) и отношением долга к собственному капиталу (x_1). В компании «Биннофарм Групп» ситуация прямо противоположная и залогом растущей рентабельности активов является коэффициент автономии (x_2).

Стоит отметить, что до 2021 года рост собственного капитала «Биннофарм Групп» был обеспечен реинвестированием прибыли, начиная с 2021 года, большая часть чистых активов группы представлена капиталом приобретенных компаний (группа «Синтез», «Алиум», АО «Биоком», ООО «Альфа-Лаб»).

Таким образом, можно выделить в качестве ключевого тренда российских производителей лекарственных препаратов стремление к экспансии и финансовой независимости от заемного капитала, что принципиально отличает диверсифицированный подход их зарубежных конкурентов.

Исследуем международные тренды и российские тенденции фармацевтической индустрии для формирования предложений по дальнейшему развитию рынка на локальном и глобальном уровне.

Справедливо отметить, что фармацевтический рынок является одним из наиболее емких потребительских рынков в мире, так по состоянию на 2019 год продажи фармацевтической продукции на мировом рынке оценивались на уровне US \$1,25 трлн. [18], что превысило ежегодный объем экспорта сырой нефти за этот же период

[19]. На протяжении последних двух десятилетий фармацевтический рынок демонстрирует рост, а также непрерывную гонку за инновационностью, что обуславливает реализацию дорогостоящих инвестиционных проектов и поступательный рост расходов компаний-производителей по всему миру, которые по оценкам экспертов к 2026 году могут составить US \$233 млрд.

Очевидно, что распределение компаний, занимающихся разработкой лекарственных средств, крайне неравномерно по странам и регионам мира. Первое место занимает США, далее следуют страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако, стоит отметить существенную зависимость США от зарубежных поставок фармацевтической продукции: так, ее экспорт в 2019 году составил US \$78,9 млрд., превысив импорт на US \$54,6 млрд. [20].

В связи с устойчивым трендом на разработку инновационных препаратов нужно привести классификацию лекарственных препаратов для дальнейшего исследования тенденций фармацевтического рынка в России. Ранжирование лекарственных препаратов в соответствии с их инновационностью выглядит следующим образом:

- ◆ Инновационные препараты (оригинальные препараты с активными фармсубстанциями под действующим патентом).
- ◆ «Слабо» инновационные препараты, действующее вещество которых не находится под патентом, но при этом сам препарат защищен патентом.
- ◆ Неинновационные лекарственные средства (препараты-дженерики).

На российском фармацевтическом рынке за три квартала 2022 года доля оригинальных препаратов выросла на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. При этом преобладание группы дженериковых лекарственных средств по-прежнему значительно — 68,6%. Для исследования тенденций российского фармацевтического рынка также важно отметить участие государства в формировании оборота лекарственных препаратов: общий объем государственных закупок лекарств иностранного производства (с минимальным объемом госзакупки 15 млн. руб) составил в 2019 году более 334 млрд. руб., всего же в 2019 г. импортные закупки лекарственных препаратов составили в сумме US \$19,6 млрд., или 70% всего отечественного фармынка [21]. Среди важных тенденции в области ценообразования, наблюдавшиеся в 2019–2020 годах на российском фармацевтическом рынке стоит отметить увеличение темпов роста в рублевом выражении, обусловленное повышением цен на лекарственные препараты, смещением спроса в пользу более дорогих лекарств и ростом доли государственного сегмента.

Из ключевых результатов государственной поддержки российской фармацевтической индустрии в период 2014–2020 гг. можно отметить следующие:

1. На российский рынок было выведено 130 препаратов, в том числе 9 инновационных.
2. Построено 8 научно-исследовательских центров по доклинической разработке лекарств.
3. Импорт лекарственных средств в 2019 году составил US \$10,2 млрд. Этот показатель делает Россию одним из крупнейших мировых импортеров лекарств (12-е место в мире).
4. К 2030 году планируемый объем российского экспорта лекарственных средств — US \$3,6 млрд.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные направления развития фармацевтической индустрии в России [22]:

- ◆ продолжить создание крупных венчурных фондов с государственным участием для поддержки доклинических исследований;

- ◆ разработка и принятие нормативных актов, которые предусматривают ускоренную регистрацию отечественных инновационных препаратов;
- ◆ стимулировать инвестиции в разработку инновационных препаратов, например, за счет льготного налогообложения;
- ◆ утвердить целевое значение объема инновационных препаратов российского производства в государственных закупках.

Учитывая установленную в ходе анализа тесную и достоверную связь между рентабельностью фармацевтических компаний и структурой их капитала, а также принимая во внимание тенденции, сформированные в последние годы на российском рынке лекарственных препаратов, можно сделать вывод о том, что ключевым драйвером развития для индустрии является обеспечение достаточного уровня инвестиций, позволяющих реализовывать капиталоемкие проекты по разработке инновационных препаратов и не нарушающих при этом финансовую устойчивость и ликвидность компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, Л.А. Приоритеты развития отечественного фармацевтического рынка в современных условиях / Л.А. Белова, В.Л. Шевченко // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 122. — С. 1–12.
2. Ермолаева, А. Фармацевтический рынок России: сдержанный оптимизм на фоне роста / А. Ермолаева // AlphaRM. — М., 2016. — 22 с.
3. Калганов, В.А. Анализ структурных параметров развития фармацевтического рынка Российской Федерации / В.А. Колганов // Молодой ученый. — 2017. — № 12. — С. 303–307.
4. Круглова, С.М. Основные тенденции и перспективы развития российского фармацевтического рынка / С.М. Круглова // Вопросы экономики и управления. — 2016. — № 1. — С. 19–22.
5. Кулагина, С.В. Место российской фармацевтической промышленности на мировом фармацевтическом рынке / С.В. Кулагина // Экономика и управление. — 2010. — № 12. — С. 97–100.
6. Москвичева, М.А. Развитие фармацевтического рынка: сквозь призму стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации до 2020 года / М.А. Москвичева // Вопросы экономики и управления. — 2016. — № 1. — С. 6–9.
7. Родионова, И.А. Фармацевтическая промышленность Российской Федерации / И.А. Родионова, Е.Г. Овчаров // Вестник РУДН. — 2001. — № 1. — С. 70–79.
8. Костромин, П.А. Импортзамещение лекарственных препаратов в России по объему, номенклатуре и качеству / П.А. Костромин // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 9. — С. 73–77.
9. Марченко, Ю.О. Роль импортзамещения в развитии российского фармацевтического рынка: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю.О. Марченко. — Москва, 2016. — 25 с.
10. Семенов, А.М. Политика импортзамещения в развитии фармацевтической промышленности России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.М. Семенов. — Москва, 2014. — 166 с.
11. Шахова, А.В. Фармацевтическая отрасль России на пути к импортзамещению / А.В. Шахова // Научно-практический журнал. — 2016. — № 1. — С. 134–143.
12. Бекарев, А.А. Что определяет современное состояние и конкурентоспособность российской фармацевтической отрасли / А.А. Бекарев, С.В. Бекарева // Мир экономики и управления. — 2015. — № 1. — С. 23–31.
13. Санникова, Е.Ю. Тенденции развития фармацевтического рынка Российской Федерации в условиях кризиса 2014–2016 гг. / Е.Ю. Санникова // Молодой ученый. — 2017. — № 12. — С. 359–363.
14. Слепнев, Д.М. Инновационные фармацевтические кластеры как драйверы развития отечественной фармацевтики: материалы междунар. науч.—практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2015 г. / под общ. ред. Д.М. Слепнев, А.С. Иванов, Е.А. Ивичев. — Санкт-Петербург: СПХФА, 2015. — С. 419–423.
15. Федотов, Г.М. Развитие рынка фармацевтических услуг в России в условиях экономического кризиса и санкций / Г.М. Федотов // Научно-практический журнал. — 2016. — № 4. — С. 66–69.

16. Филатова, Ю.М. Современное состояние мирового фармацевтического рынка / Ю.М. Филатов // Известия ТГУ. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1. — С. 167–175.
17. Данные розничного аудита фармацевтического рынка РФ DSM Group, система менеджмента качества соответствует требованиям ISO 9001:2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://dsm.ru/docs/analytics/%D0%A1%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C%202022%20%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf>
18. M. Mikulic. Global pharmaceutical industry — statistics & facts. Analytical report. Nov 5, 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/topics/1764/global-pharmaceutical-industry>.
19. D. Workman. Crude Oil Exports by Country [Электронный ресурс] // URL: <http://www.worldstopexports.com/worlds-top-oil-exportscountry/#:~:text=Oil%20rig%20Amounting%20to%205,uptick%20from%202018%20to%202019>.
20. Huang Y., U.S. Dependence on Pharmaceutical Products From China, Council on Foreign Relations, Blog post, 14 August 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cfr.org/blog/usdependence-pharmaceuticalproducts-china>.
21. Обор фармынка РФ за 2019 год. DSM-group [Электронный ресурс] // URL: <https://dsm.ru/upload/iblock/49f/49f7ed2a3388c9a0620137da15c1f69a.pdf>
22. Российская фармацевтическая отрасль в горизонте 2030 Аналитический обзор Биофармацевтический кластер «Северный» [Электронный ресурс] // URL: <http://pharmcluster.ru/images/2020-news/RosFarm.pdf>

© Егорова Дарья Алексеевна (DAEgorova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Знаменская Мария Андреевна

Старший преподаватель, Национальный
исследовательский университет «МЭИ»
goldenrose.91@mail.ru

TOOLS FOR PROJECT MANAGEMENT OF SCIENTIFIC INNOVATION ACTIVITIES OF NATIONAL RESEARCH UNIVERSITIES

M. Znamenskaya

Summary. This article is devoted to the development of project management tools for scientific innovation activities of national research universities. Within the framework of this goal, the following tasks were solved:

- the innovative activity of universities is evaluated and their rating of inventive activity is presented;
- the characteristic features of national research universities are reflected;
- a system of information support for the formation of project groups for participation in scientific innovation activities at national research universities has been developed;
- qualitative and quantitative indicators have been formed, which are taken into account when selecting members of the project team to apply for participation in the competition and the implementation of a scientific innovation project;
- the method of forming project groups is presented, established in accordance with the qualitative and quantitative criteria of competitions of scientific and technical programs and grants, aimed at creating a structure of scientific innovation activities in national research universities;
- the sequence of determining the effectiveness of project teams at national research universities has been determined.

The methodological basis of the research consisted of the following methods: dialectical, scientific cognition and private scientific (analysis, synthesis, comparison, logical and system-structural analysis, formalization, analysis of regulatory documents), modeling.

The object of the study is educational institutions — national research universities, and the subject is the tools of project management of scientific innovation activities of universities.

Keywords: national research universities, educational institutions, project groups, scientific innovation activity, effectiveness.

Аннотация. Данная статья посвящена разработке инструментов проектного управления научной инновационной деятельностью национальных исследовательских университетов. В рамках данной цели были решены следующие задачи:

- оценена инновационная активность университетов и представлен их рейтинг изобретательской активности;
- отражены характерные особенности национальных исследовательских университетов;
- разработана система информационного обеспечения формирования проектных групп для участия в научной инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах;
- сформированы качественные и количественные показатели, учитываемые при отборе членов проектной группы для подачи заявки на участие в конкурсе и выполнении научного инновационного проекта;
- представлен способ формирования проектных групп, установленный в соответствии с качественными и количественными критериями конкурсов научно-технических программ и грантов, направленный на создание структуры научной инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах;
- определена последовательность определения результативности проектных групп в национальных исследовательских университетах.

Методологическую базу исследования составили методы: диалектический, научного познания и частные научные (анализ, синтез, сравнение, логический и системно-структурный анализ, формализация, анализ нормативно-правовых документов), моделирование.

Объектом исследования выступают образовательные учреждения — национальные исследовательские университеты, а предметом — инструменты проектного управления научной инновационной деятельностью университетов.

Ключевые слова: национальные исследовательские университеты, образовательные учреждения, проектные группы, научная инновационная деятельность, результативность.

Введение

На современном этапе развития инновационной национальной экономики [2], основным фактором в реализации намеченных глобальных преобразований страны является осуществление планомерного перехода от экспортно-сырьевой модели развития к модели инновационного типа, основанной на знаниях. Согласно данным института статистических исследований и экономики знаний НИУ «ВШЭ», Российская Федерация в новом «Глобальном инновационном индексе» занимает 47 место среди 132 стран в 2022 г., для сравнения в 2021 г. это было 45 место. Все показатели ранжируются по уровню инновационного развития, заметим, что одними из ключевых показателей рейтинга являются такие компоненты как: «Человеческий капитал и наука», «Институты», а также «Развитие технологий и экономики знаний». Однако, согласно данному индексу, инновационный потенциал страны используется всего лишь на 61%, а удельный вес работников предприятий и учреждений, занятых исследованиями и разработками — 2,5%, что в 1,5–2 раза ниже, чем в развитых странах. Эти факторы свидетельствуют о необходимости активизации инновационной деятельности в Российской Федерации, которые будут способствовать достижению приоритетов научно-технологической и инновационной политики.

Цель исследования заключается в разработке инструментов проектного управления научной инновационной деятельностью национальных исследовательских университетов.

В рамках поставленной данной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- ◆ оценена инновационная активность университетов и представлен их рейтинг изобретательской активности;
- ◆ отражены характерные особенности национальных исследовательских университетов;
- ◆ разработана система информационного обеспечения формирования проектных групп для участия в научной инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах;
- ◆ сформированы качественные и количественные показатели, учитываемые при отборе членов проектной группы для подачи заявки на участие в конкурсе и выполнении научного инновационного проекта;
- ◆ представлен способ формирования проектных групп, установленный в соответствии с качественными и количественными критериями конкурсов научно-технических программ и грантов, направленный на создание структуры научной

инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах;

- ◆ определена последовательность определения результативности проектных групп в национальных исследовательских университетах.

Реализация поставленной цели осуществлялась на основе применения общенаучных методов исследования: диалектического, научного познания и частных научных (анализа, синтеза, сравнения, логического и системно-структурного анализа, формализации, анализа нормативно-правовых документов), моделирования.

Объектом исследования выступают образовательные учреждения — национальные исследовательские университеты, а предметом — инструменты проектного управления научной инновационной деятельностью университетов.

Основная часть

Показателем научной инновационной деятельности образовательных учреждений в Российской Федерации в настоящее время выступает рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» [8], который формирует рейтинг по трем показателям: Блок 1 «Востребованность», Блок 2 «Качество», Блок 3 «Исходные условия». По результатам рейтинга 2022 года, 60% университетов страны, занявших лидирующие позиции (с 1–15 место), имеют статус национального исследовательского университета (рис. 1).

Одной из составляющих данного рейтинга в Блоке 1 является «Процент проданных патентов», отраженный на рис. 2, с 2020–2022 гг. Данный показатель подтверждает активность университетов в продаже зарегистрированных патентов [5], однако, не у всех университетов он достигает отметки 100%.

В отличие от федеральных образовательных учреждений, где на первом плане выступает подготовка высококвалифицированных кадров с высшим образованием, в национальных исследовательских университетах — это проведение исследований по общему научному и инновационному направлению и подготовка кадров для высокотехнологичных секторов инновационной экономики. В национальных исследовательских университетах формируются отдельные структурные подразделения (центры инновационного развития, инжиниринговые центры и т.п.), главной целью которых является эффективное управление научной инновационной деятельностью. Характерные особенности национальных исследовательских университетов сформированы на рис. 3.

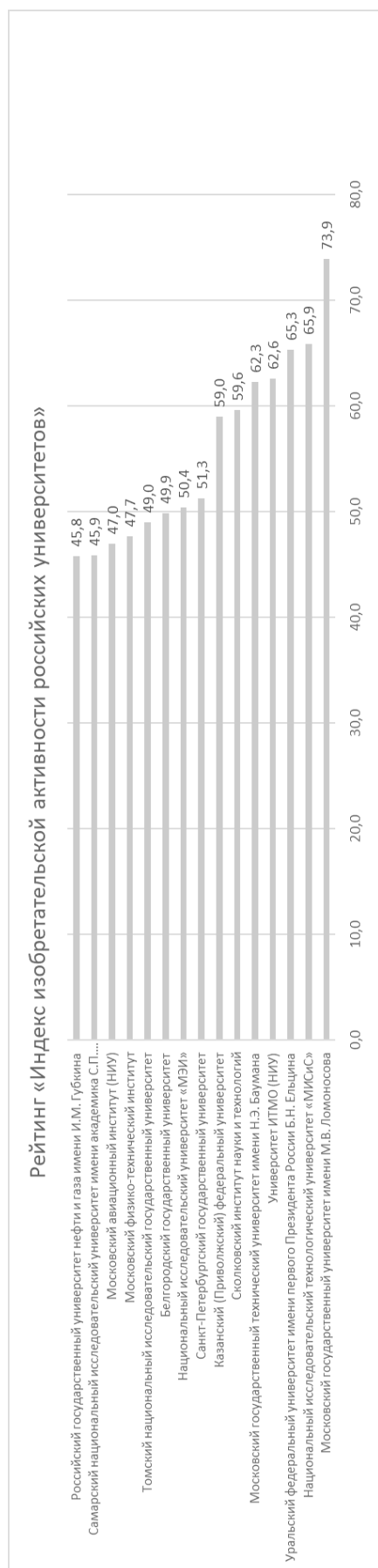

Рис. 1. Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов», с 1–15 место

Таким образом, научная инновационная [1] деятельность национальных исследовательских университетов представляет собой комплекс мероприятий, реализуемых структурными подразделениями с целью создания, внедрения и коммерциализации научно-технических, организационно-управленческих, информационных и социальных инноваций.

Для полной и достоверной информации всех уровней управления разработана система информационного обеспечения формирования проектных групп [6] для участия в научной инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах, отличающаяся от существующих систем организации инновационной деятельности использованием открытой цифровой платформы [7], включающей в себя информацию о субъектах научной инновационной деятельности, их компетенциях и компетентности, а также результатах их деятельности, позволяющей формировать проектные группы, как со стороны руководства, так и с учетом личных пожеланий субъектов потенциальных проектных групп и направленная на совершенствование коммуникационных процессов при выполнении научных инновационных проектов. Система информационного обеспечения формирования проектных групп сформирована на рис. 4.

На входе в данную систему поступает информация о всей научной инновационной деятельности в национальном исследовательском университете и о всех субъектах, которые ей занимаются в университете.

Информационное обеспечение научной инновационной деятельности, которое консолидируется в системе на основе данных по научным конференциям, семинарам и симпозиумам, СМИ и интернету, ярмаркам и выставкам, отчетам по НИИД, из научно-технической библиотеки, от предприятий и партнеров, а также из открытой цифровой платформы, помогает составить полную картину о самих субъектах научной инновационной деятельности и результатах их деятельности.

На выходе из системы можно увидеть информацию о самом субъекте научной инновационной деятельности с точки зрения его качественных и количественных характеристик, компетенциях и компетентностях, а также результатах его деятельности.

Сами же результаты научной инновационной деятельности поступают на рынок научной и инновационной деятельности в РИД: программ для ЭВМ, изобретений, полезных моделей, баз данных, промышленных образцов и т.п., на котором в дальнейшем можно передавать права на работы.

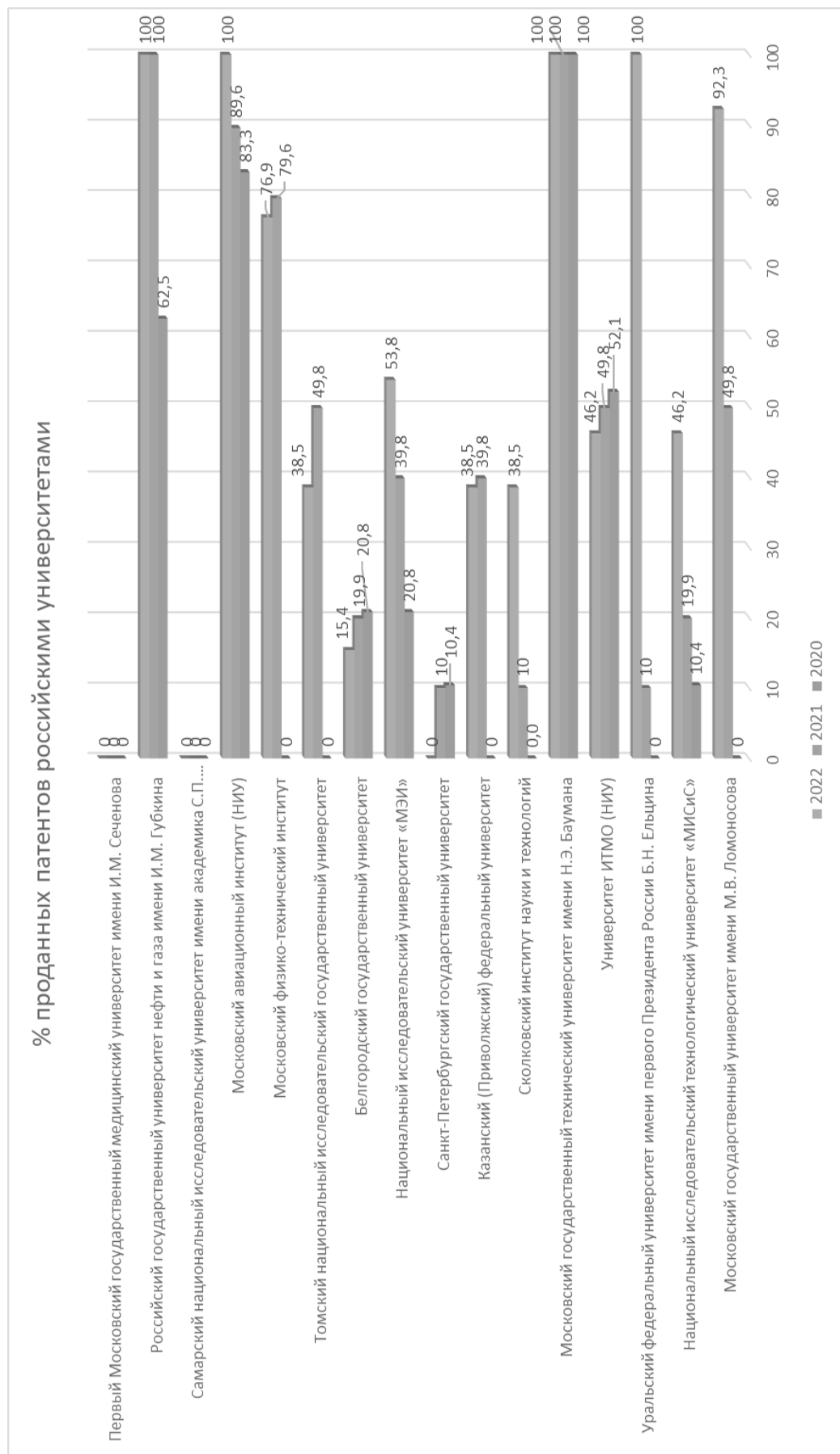

Рис. 2. Процент проданных патентов российскими университетами, рейтинг, 2020–2022 гг.

Рис. 3. Характерные особенности национальных исследовательских университетов [9,10]

Рис. 4. Система информационного обеспечения формирования проектных групп для участия в научной инновационной деятельности в национальных исследовательских университетах
Источник: разработано автором

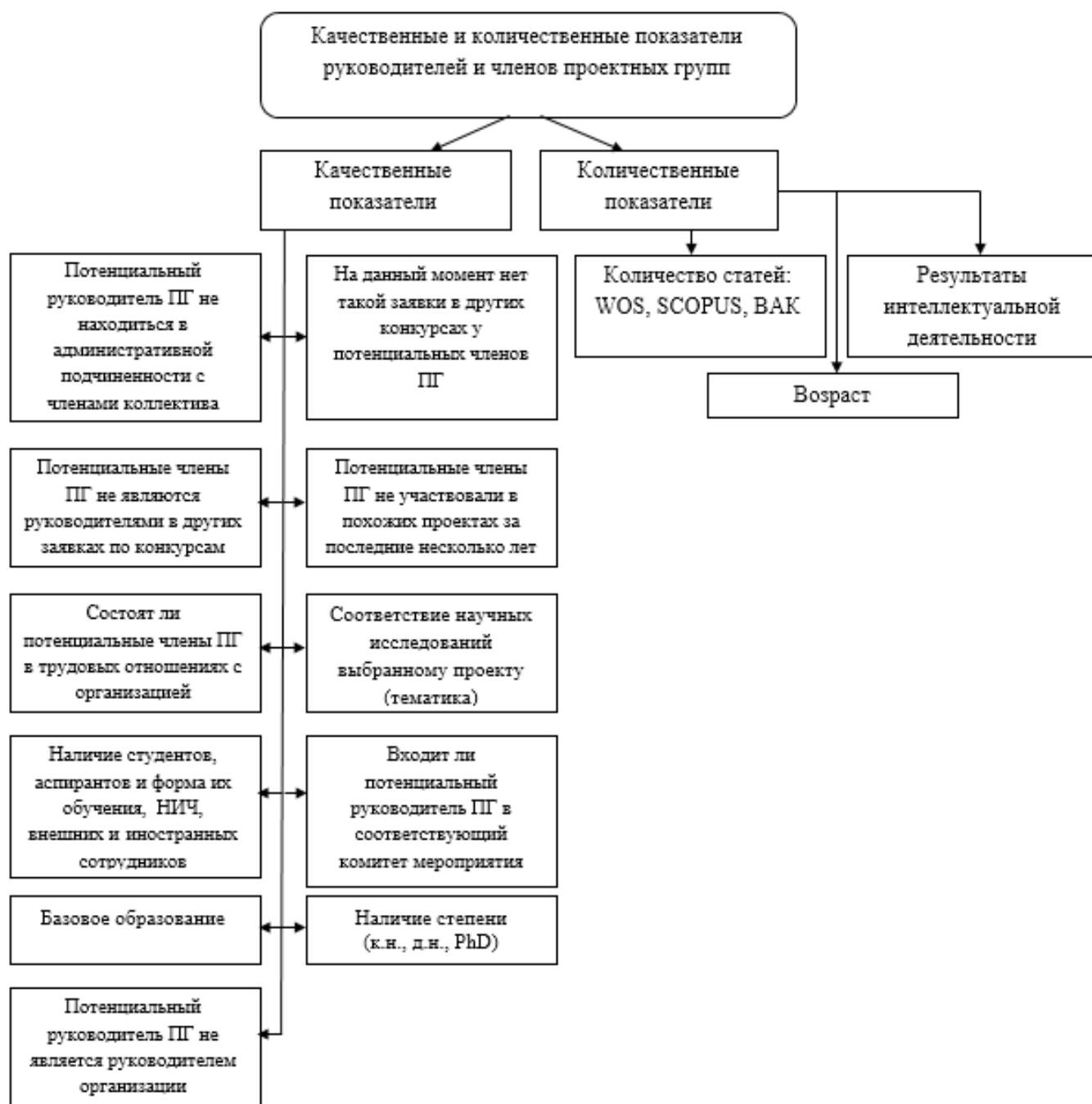

Рис. 5. Качественные и количественные показатели, учитываемые при отборе членов проектной группы для подачи заявки на участие в конкурсе и выполнении проекта
 Источник: разработано автором

Рассмотрим на рис. 5 требования, предъявляемые к руководителям и членам проектов в разрезе качественных и количественных характеристик с точки зрения заявочной активности по научно-техническим программам и грантам проектных групп.

Сформированные качественные и количественные характеристики помогут заблаговременно отбирать

и формировать возможные варианты проектных групп для участия в научно-технических программах и грантах и при условии их выигрыша, выполнять их. Способ формирования проектных групп, установленный в соответствии с качественными и количественными критериями конкурсов научно-технических программ и грантов, направленный на создание структуры научной инновационной деятельности в национальных

Рис. 6. Способ формирования инвариантности возможных руководителей и членов проектной группы, направленный на создание структуры научной инновационной деятельности
Источник: разработано автором

исследовательских университетах, отличающийся тем, что совокупность качественных и количественных критериев формирует инвариантность по отношению к различным конкурсам, что позволяет заблаговременно определять возможные варианты руководителей и членов проектной группы отражен на рис. 6.

Способ формирования проектных групп состоит из четырех последовательных этапов, главной целью которого является заблаговременного формирование инвариантности возможных руководителей и членов проектной группы для подачи заявки (ок) по научно-техническим программам и грантам и выполнение научного инновационного проекта в национальных исследовательских университетах:

Этап 1. Определение тематики потенциального научного инновационного проекта в национальном исследовательском университете с целью формирования проектной группы для создания его научного задела.

Этап 2. Установление необходимых качественных и количественных критериев субъектов научной инновационной деятельности в национальном исследова-

тельском университете для подачи заявки на конкурс по научно-техническим программам и грантам и выполнения научного инновационного проекта.

Этап 3. Отбор субъектов научной инновационной деятельности в национальном исследовательском университете, соответствующим всем установленным критериям конкурса по научно-техническим программам и грантам на основе установленных критериев и посредством применения открытой цифровой платформы.

Этап 4. Заблаговременное формирование инвариантности возможных руководителей и членов проектной группы для подачи заявки по научно-техническим программам и грантам и выполнение научного инновационного проекта в национальном исследовательском университете.

В общем виде последовательность определения результативности проектных групп сформирована на рис. 7.

После того, как рассчитаны все пять показателей, переведены в баллы [3, 4] и им присвоены веса значи-

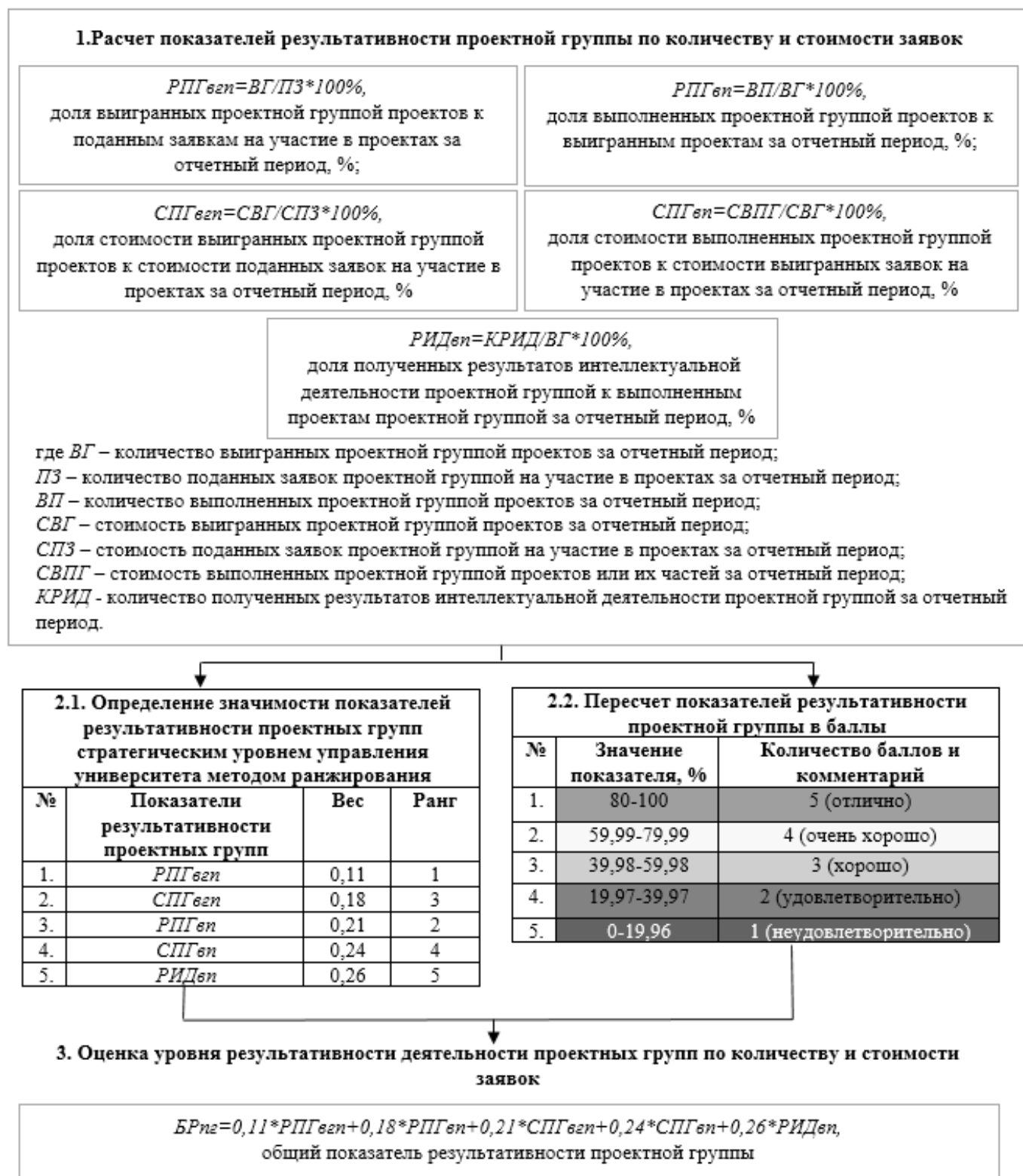

Рис. 7. Процедура оценки результативности проектных групп
 Источник: разработано автором

мости, производится расчет общего показателя результативности проектной группы (БРПГ) по формуле:

$$\begin{aligned} \text{БРПГ} = & 0,11 * \text{РПГвгп} + \\ & + 0,18 * \text{РПГвп} + 0,21 * \text{СПГвгп} + \\ & + 0,24 * \text{СПГвп} + 0,26 * \text{РИДвп} \end{aligned} \quad (2.1)$$

На основании полученных результатов, будет составляться балльный рейтинг проектных групп от самого высокого значения до самого низкого.

Заключение

В последствии на стратегическом уровне управления производится анализ результатов деятельности

сформированных проектных групп и разрабатываются мероприятия по совершенствованию их деятельности. Самые результативные проектные группы поощряются и мотивируются для дальнейшей работы, а нерезультативные группы переформируются. Эти мероприятия отражаются в стратегии научной инновационной деятельности университета посредством внесения изменений в его миссию, а также стратегические, тактические и оперативные цели. Эти корректировки окажут влияние как на деятельности проектных групп, так и на научную инновационную деятельность университета в целом. Кроме этого, обязательном порядке, продолжает осуществляться постоянный мониторинг за деятельностью проектных групп на каждом из этапов ее функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровов В.Н. Внедрение и роль управленческих инноваций на предприятии // В.В. Боровов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3. № 2. С. 105–108.
2. Горемыкин В.А. Инновационные приоритеты // В. А. Горемыкин // Вестник Национального Института Бизнеса. 2016. № 24. С. 38–45.
3. Киселева М.А. Проектное управление в деятельности учреждений высшего образования: монография / М.А. Киселева [и др.] // М.: Издательство МЭИ, 2022. — 149 с.
4. Киселева М.А. Разработка организационно-экономического механизма управления научно-исследовательской деятельностью национальных исследовательских университетов. // М.А. Киселева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 182–190.
5. Леонтьев Б.Б. Как превратить идеи в интеллектуальную собственность // Б.Б. Леонтьев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2021. № 2. С. 5–16.
6. Миндлин Ю.Б., Лебедев Н.А., Локтионова Г.Р. Управление проектами // Ю.Б. Миндлин, Н.А. Лебедев, Г.Р. Локтионова // Москва, 2021.
7. Шедько Ю.Н., Власенко М.Н., Миндлин Ю.Б. Цифровая трансформация в органах власти как значимый фактор изменений в обществе / Ю.Н. Шедько, М.Н. Власенко, Ю.Б. Миндлин // Самоуправление. 2022. № 3 (131). С. 834–837.
8. Портал Эксперт Аналитический центр [Электронный ресурс]. / Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» — 2022. — Режим доступа <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universite> (дата обращения: 20.12.2022)
9. Президент России [Электронный ресурс]. / Речь В.В. Путина на инаугурации президента 2018 г. — Режим доступа <http://www.kremlin.ru/>. (дата обращения: 22.12.2022)
10. Федеральный образовательный портал [Электронный ресурс]. / Росстат. — Режим доступа <http://www.gks.ru/>. (дата обращения: 15.12.2022)

© Знаменская Мария Андреевна (goldenrose.91@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В СТРАТЕГИЯХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

MODERN PATTERNS OF INTERNATIONALIZATION IN THE STRATEGIES OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN DEVELOPING COUNTRIES

E. Karelina

Summary. At the present stage, there is an active entry of transnational corporations (TNCs) of developing countries into international markets, and this process is characterized by its own specificity, which reflects the nature and models of economic development of these subjects of the world economy. In this article, we formulated key research questions regarding the patterns of internationalization of developing countries, which, in particular, was considered on the example of Chinese companies. The result of our research was the development of promising directions for the internationalization of companies in emerging markets.

Keywords: developing countries; internationalization, transnational corporation, international strategic alliance, small and medium enterprises (SMEs) .

Карелина Екатерина Александровна
Кандидат экономических наук, Государственный
университет управления
opferpriesterin@mail.ru

Аннотация. На современном этапе наблюдается активный выход транснациональных корпораций (ТНК) развивающихся стран на международные рынки, и для этого процесса характерна своя специфика, в которой отражается характер и модели экономического развития этих субъектов мирового хозяйства. В данной статье нами были сформулированы ключевые исследовательские вопросы, касающиеся паттернов интернационализации развивающихся стран, что, в частности, было рассмотрено на примере китайских компаний. Результатом нашего исследования стала разработка перспективных направлений интернационализации компаний стран с формирующимся рынком.

Ключевые слова: развивающиеся страны. Интернационализация, транснациональная корпорация, международный стратегический альянс, малые и средние предприятия (МСП) .

Императивы исследований ТНК из развивающихся стран

В последние десятилетия в мире наблюдается рост ТНК происхождением из развивающихся стран. Их стратегические цели и намерения в отношении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), имеют отличия по сравнению с ТНК из развитых стран, как отмечают авторитетные исследователи [13], однако еще меньше известно о том, как ТНК развивающихся стран противостоят экзогенным рискам турбулентной глобальной среды. Известный исследователь ТНК П. Бакли отмечает [2], что ТНК развивающихся стран более терпимы к рискам в принимающих экономиках (по сравнению с ТНК развитых стран), однако их агрессивное и быстрое расширение спровоцировало ряд новых рисков, детерминированных как принимающими странами, так и страной происхождения. Одна из групп исследователей отмечает [21], что возросла роль политических рисков, стихийных бедствий, экономических кризисов, пандемий, что, в целом, повысило неустойчивость гло-

бальной экономики. Это, несомненно, требует изменения подходов к анализу возможностей ТНК развивающихся стран по преодолению этих рисков в процессе их интернационализации.

В данном контексте появились новые интересные исследования, в которых, например, обсуждается специфика управления зарубежными подразделениями ТНК в условиях рисков [22], рассматриваются особенности присутствия на зарубежных рынках в форме отраслевых кластеров [8], специфика контекстов развивающихся рынков [18]. В классической экономической науке были заложены типичные особенности и механизмы интернационализации ТНК, однако в ряде последующих исследований было продемонстрировано воздействие разнообразных психологических и культурных факторов на принятие экономических решений в ТНК, поэтому можно сказать, что интернационализация ТНК преимущественно обусловлена междисциплинарной интеграцией, породившей новые области исследований (например, нейроэкономика) [4] .

ТНК, часто определяемые как компании, минимум 10% доли продаж которых приходится на зарубежные рынки, либо владеющие минимум тремя дочерними компаниями за рубежом, являются серьезными игроками в создании сетей международной торговли [16]. Значительная часть литературы, посвященной интернационализации, касается тех последствий, которые несет интернационализация для производительности, в частности, в рамках исследований по взаимосвязям между многонациональностью и производительностью [7]. Вместе с тем, следует различать механизмы интернационализации для развитых и развивающихся стран, поскольку традиционных аргументов, приводимых для ТНК, базирующихся в развитых странах, часто бывает недостаточно для того, чтобы объяснять то, как ТНК развивающихся стран выходят на глобальный рынок. В последние два десятилетия исследователи международного бизнеса пришли к выводу, что ТНК развивающихся стран ведут себя по-особому в процессе интернационализации, что, в частности, нашло отражение в рамках известной «теории трамплинов» [12].

Существующая экономическая литература, исследующая различные развивающиеся рынки, представляет разные (зачастую не совсем убедительные) зависимости между интернационализацией и производительностью, в том числе обусловленные воздействием правительства страны происхождения (например, правительство может предоставлять субсидии, обуславливая доступ к кредитам для предприятий, осуществляющих интернационализацию [5]). В любом случае, новейшие исследования показывают необходимость более глубокого изучения роли органов государственной власти страны происхождения в интернационализации компаний этой страны [20].

Особенности интернационализации ТНК Китая

В последние годы, особенно после пандемии, ТНК развивающихся стран возобновили свою деятельность в сфере ПИИ на зарубежных рынках. Так, например, китайская компания State Grid за 3,1 млрд. долл. приобрела чилийскую Cia General de Electricidad; цифровая компания Naspers (ЮАР) приобрела за 1,8 млрд. долл. американского поставщика платформ Stack Exchange; логистическая компания DP World (ОАЭ) поглотила за 1,2 млрд. долл. американского поставщика услуг по дальним перевозкам Syncreon NewCo.

Отметим, что несмотря на то, что на мировом рынке в настоящее время имеются значительные вызовы и неопределенность, компании Китая все в большей степени ориентируются на продвижение стратегий усиления

интернационализации. После начала реализации стратегии Go Global в Китае компании страны стали нацеливаться на интернационализацию как на основе стратегии трансграничных слияний и поглощений, так и посредством прямых инвестиций, исходящие потоки которых из Китая последовательно увеличивались. Китай постепенно становился глобальным инвестором и постепенно процессы глобализации китайских компаний активно обсуждались в экономической литературе [1].

Мотивы и причины интернационализации компаний Китая и их последствия для реализации стратегии догоняющего развития страны находятся в центре внимания исследователей, которые подчеркивали роль государственных компаний в процессах интернационализации, поэтому последние часто противоречат аналогичным процессам, наблюдавшимся в развитых странах [11]. При этом компании Китая не отставали от своих западных конкурентов, несмотря на то, что у них отсутствовали специфические преимущества, а интернационализация мало оказывала влияние на их экономическое положение, как это подчеркивала группа исследователей во главе с Дж. Пенгом [14]. Более того, следует отметить, что интернационализация китайских компаний является пока фрагментарной и находится все еще в зачаточном состоянии, несмотря на высокую степень вовлеченности Китая в международную торговлю и потоки трансграничных ПИИ.

В 2020 году Китай впервые стал лидировать в мире по объему ПИИ за рубежом, что подтверждает амбиции китайских компаний по дальнейшей интернационализации. По экспертным оценкам, среди опрошенных 112 компаний Китая, планирующих выйти на глобальный рынок, 95% компаний полагают, что в ближайшие три года рост их зарубежного присутствия превысит 5% [17]. При этом интернационализация китайских компаний в мировом рынке обусловлена тремя ключевыми факторами: во-первых, она является способом поддержания быстрого роста (92% опрошенных компаний); во-вторых, она происходит для повышения устойчивости цепочек поставок и оптимизации распределения ресурсов (55% компаний); в-третьих, она является инструментом стимулирования инвестиций (49% компаний). Ввиду того, что ресурсы исследований и разработок передовых технологий географически рассредоточены по всему миру, ведущие компании Китая создают инновационные центры во многих странах, а также стремятся приобрести опыт инноваций и инновационные ресурсы за рубежом.

Важным аспектом повышения открытости экономики Китая является реализация стратегии «двойной циркуляции», а также реализация инициативы «Один

пояс — один путь». Именно стратегия «двойной циркуляции» во многом стимулирует интернационализацию китайских компаний. Ключевыми сферами для зарубежных инвестиций Китая в настоящее время являются технологические платформы и передовые производства. По всей видимости, как это ни парадоксально в нынешнее время, в перспективе открытие экономики Китая продолжится, и эта страна останется на стороне экономической глобализации.

Если ранжировать степень интернационализации компаний Китая на основе доли получаемого зарубежного дохода, то около 30% компаний находятся лишь на начальном этапе интернационализации, когда их зарубежная выручка не превышает 10% от совокупной выручки. Однако, также есть 25–30% предприятий, для которых доля зарубежной выручки варьируется уже от 20 до 50%. Выбор мировых рынков китайскими компаниями обусловлен их отраслевыми характеристиками. Так, в частности, энергетические компании ориентируются на Бразилию и ЮАР, тогда как интернет-компании все больше расширяются в Юго-Восточной Азии, а торговые и сервисные компании — в Европе.

Вместе с тем, для интернационализации компаний Китая есть и свои ограничения, поскольку большинство компаний сталкиваются с: рисками соответствия требованиям местного законодательства за рубежом; коммуникативными барьерами и культурными различиями; отсутствием эффективного управления, которое обеспечивало бы реализацию местных проектов; отсутствие маневренности и гибкости в цепочках поставок, а также в закупках сырья; большими различиями в моделях осуществления региональных операций. По всей видимости, это связано с отсутствием единой стратегии интернационализации компаний, принятой на уровне правительства страны, отсутствие глобальной операционной экосистемы, что порождает сложность вывести за рубеж те возможности глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), которые были созданы непосредственно в Китае. Поэтому для Китая необходимы единые, синхронизированные стратегии интернационализации, на базе которых можно было бы реструктурировать предприятия и их операционные модели. Ранее компании Китая сначала осуществляли интернационализацию, а затем улучшали свою стратегию выхода на глобальный рынок, однако в нынешних условиях сначала необходима настройка системы управления, глобальной цепочки поставок, что обусловит более быструю, надежную и гибкую интернационализацию компаний.

Большую роль в процессах интернационализации китайских компаний играют проекты типа «Один

пояс, один путь», который изначально был нацелен на повышение конкурентоспособности экономики. Китай позволяет своим корпорациям осуществлять трансферт своих знаний в разных отраслях посредством инфраструктуры данного проекта. Между тем, по мере интернационализации китайских компаний возникал ряд организационных проблем, в частности, одной из таких проблем стало построение эффективной системы управления человеческими ресурсами (HRM) для субъектов, действующих как в местной, так и международной среде. HRM развивается по мере политики интернационализации компаний, поскольку, как отмечают исследователи, международная кадровая политика компании совпадает с ее стратегией в целом [9].

Перспективные направления интернационализации компаний развивающихся стран

Когда мы говорим о возможностях интернационализации компаний развивающихся стран в будущем, следует отметить ведущую роль в этих процессах малых и средних предприятий (МСП), которые традиционно вносят огромный вклад в экономическое развитие мирового хозяйства, однако большую роль в развитии международных экономических отношений играют транснациональные МСП (ТМСР), значение которых высоко в глобальных ПИИ. ЮНКТАД уже на протяжении более, чем двух десятилетий исследует процессы интернационализации МСП, оценивая важность для них международной экспансии [19, с. 48]. Впервые результаты таких исследований были опубликованы в 1998 году. Однако за прошедшие годы существенно возросла роль ГЦСС, а новая промышленная революция и растущая роль МСП из развивающихся стран существенно изменили ландшафт глобальной экономики. Таким образом, необходим новый взгляд на процессы транснационализации МСП и роль для них ПИИ.

В новом исследовательском проекте Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) допускается возможность интеграции разрозненных эмпирических данных о ПИИ МСП, охватывая разные отрасли и все развивающиеся страны, включая данные об инвестициях по направлению «Юг — Юг». Фундаментальной основой данного проекта является то, что во многих странах нормативно-правовая база настроена в основном для привлечения ПИИ в крупномасштабные проекты с участием крупных ТНК, тогда как разработчики политики по стимулированию ПИИ (в форме создания специальных экономических зон, агентств по поощрению инвестиций и пр.) часто не учитывали интересы МСП как потенциальных транснациональных инвесторов.

В настоящее время лишь самые динамичные и продуктивные МСП участвуют в коммерческой деятельности за рубежом, но лишь немногие из них осуществляют прямые зарубежные инвестиции, и даже эта незначительная инвестиционная активность МСП снижается, начиная с 2015 года. ЮНКТАД приводит данные, что число проектов ПИИ, реализуемых МСП, сократилось в 2015–2021 гг. с 880 до 195, тогда как за этот же период удельный вес МСП в совокупном объеме «гринфилд»-проектов в мире снизилась с 5,7 до 1,3% [19, С. 47]. Свое влияние здесь оказала пандемия, ударившая по малому бизнесу, однако и до пандемии имел место ряд барьеров для интернационализации МСП (рост цифрового разрыва между ТНК и МСП, неравный доступ к финансированию, усиление торговой напряженности после 2017 года). В 2021 году ПИИ МСП из развивающихся стран составили лишь 6% всех инвестиций МСП в «гринфилд»-проекты в мире. Однако в совокупном объеме зарубежных инвестиций доля развивающихся стран почти достигла 40% (в основном за счет Индии, Китая и Турции), поэтому основным фактором интернационализации МСП следует рассматривать экономические условия страны происхождения.

Вместе с тем, в своих ПИИ МСП в большей степени ориентируются на внутрирегиональные инвестиции, а точнее — на соседние страны. Также МСП развивающихся стран инвестируют в зарубежные страны, схожие по уровню развития со странами своего происхождения. ПИИ МСП в основном концентрируются в отраслях, где не требуются высокие постоянные издержки, например, сфера услуг (в основном, информационно-коммуникационных технологий, информационных услуг и услуг программного обеспечения) или отрасли промышленности с низкой материало- и энергоемкостью.

Другой важной формой интернационализации развивающихся стран может стать участие компаний этих стран в международных стратегических альянсах (МСА), в которые вступают разные ТНК, требуют от фирм все большей консолидации отношений с зарубежными партнерами, однако такое явление как «поглощающая способность» в рамках МСА, которая может способствовать приобретению знаний и их последующей интеграции, изучены недостаточно широко, что показывают результаты современных исследований [3].

Вслед за трендом глобализации, сопровождавшейся наращиванием экономических масштабов, предприятия последовательно расширяли свои рынки или переводили свои предприятия в страны с невысокой стоимостью факторов производства, в частности, рабо-

чей силы. Однако, зарубежные рынки обладают спецификой, особенно это касается информационных технологий и сферы услуг. Деятельность ТНК базируется на фундаментальной гипотезе о том, что им в процессе интернационализации доступна возможность корректировать распределение ресурсов и условия работы, однако ТНК не всегда обладают необходимыми знаниями для решения проблем международной конкуренции.

В этой связи многими исследователями было обращено внимание на стратегический альянс [6], поскольку ТНК необходимо решать проблемы, связанные с неоднородностью зарубежных рынков и поведением конкурентов на этих рынках. МСА можно рассматривать как форму международного сотрудничества между ТНК, решающую проблему взаимодополнения знаниями и компетенциями. Во многих источниках уже подтверждена эффективность МСА [10]. Однако актуальным вопросом остается обеспечение динамической эффективности альянса во времени, по мере изменения воздействия экзогенных факторов.

В любом случае, для понимания процессов интернационализации в развивающихся странах необходимо четче учитывать различные институциональные аспекты в стране происхождения. Несмотря на то, что в литературе по международному бизнесу эти аспекты уже обсуждались, следует принимать во внимание, что роль правительств в процессах интернационализации в развивающихся странах выше, чем в развитых странах. При этом важны как статический аспект (эффективность государственного регулирования), так и динамический (трансформируемость правительств и внутренние преобразования органов государственной власти). Одна из групп исследователей указывает на более глубокую «укорененность» и «встроенность» правительств в институциональную систему в развивающихся странах по сравнению с развитыми [15]. Характер государственного регулирования может воздействовать на то, будут ли недостатки или преимущества у интернационализации ТНК развивающихся стран, так как их ПИИ в большей степени обусловлены политическими соображениями стран их базирования. Это связано с влиянием правительств на участие развивающихся стран в двусторонних инвестиционных соглашениях с другими странами. Кроме того, необходимая государственная поддержка может способствовать повышению технологической конкурентоспособности ТНК развивающихся стран на зарубежных рынках. Важно учитывать, что так называемое «качество правительства» развивающейся страны происхождения ТНК может способствовать росту производительности ТНК вследствие их интернационализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blomkvist K., Drogendijk R. (2013). The impact of psychic distance on chinese outward foreign direct investments. *Management International Review*, Vol. 53, pp. 659–686.
2. Buckley P.J., Chen L., Clegg L.J., Voss H. (2018). Risk propensity in the foreign direct investment location decision of emerging multinationals. *Journal of International Business Studies*, Vol. 49, pp. 153–171.
3. Chen Z., Zheng L., Peng M., Shao L. (2022). How do MNEs shape their international strategic alliances to facilitate higher alliance performance? Absorptive capacity as an antecedent. *Frontiers in Psychology*, October 11. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.955117/full> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Cheng H., Agbanyo G.K., Zhu T. Pan H. (2022). Internationalization of Multinational Companies and Cognitive Differences Across Cultures: A Neuroeconomic Perspective. *Frontiers in Psychology*, March 03. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.807582/full> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Han X., Liu X., Xia T., Gao L. (2018). Home-country government support, interstate relations and the subsidiary performance of emerging market multinational enterprises. *Journal of Business Research*, Vol. 93, pp. 160–172.
6. Harrigan K.R., Diguardo M.C. (2017). Sustainability of patent-based competitive advantage in the U.S. communications services industry. *The Journal of Technology Transfer*, Vol. 42, pp. 1–28.
7. Kirca A.H., Roth K., Hult G.T.M., Cavusgil S.T. (2012). The role of context in the multinationality-performance relationship: A meta-analytic review. *Global Strategy Journal*, Vol. 2 (2), pp. 108–121.
8. Klarin A., Sharmelly R., Suseno Y. (2021). A Systems Perspective in Examining Industry Clusters: Case Studies of Clusters in Russia and India. *Journal of Risk and Financial Management*, Vol. 14, p. 367.
9. Lee H.— J., Yoshikawa K., Harzing A.W. (2021). Cultures and institutions: dispositional and contextual explanations for country-of-origin effects in MNC 'ethnocentric' staffing practices. *Organizational Studies*, Vol. 43, pp. 497–519.
10. Li C., Reuer J.J. (2022). The impact of corruption on market reactions to international strategic alliances. *Journal of International Business Studies*, Vol. 53, pp. 187–202.
11. Li J., Xia J., Lin Z. (2016). Cross-border acquisitions by state-owned firms: how do legitimacy concerns affect the completion and duration of their acquisitions? *Strategic Management Journal*, Vol. 38, pp. 1915–1934.
12. Luo Y., Tung R.L. (2007). International Expansion of Emerging Market Enterprises: A Springboard Perspective. *Journal of International Business Studies*, Vol. 38 (4), pp. 481–498.
13. Luo Y., Tung R.L. (2018). A general theory of springboard MNEs. *Journal of International Business Studies*, Vol. 49, pp. 129–152.
14. Peng, J.— M., Guan X.— H., Huan T.— C. (2021). Not always co-creating brand: effects of perceived justice on employee brand sabotage behaviours in the hotel industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, Vol. 33, pp. 973–993.
15. Rugman A.M., Nguyen Q.T., Wei Z. (2014). Chinese multinationals and public policy. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 9 (2), pp. 205–215.
16. Rugman A.M., Nguyen Q.T., Wei Z. (2016). Rethinking the literature on the performance of Chinese multinational enterprises. *Management and Organization Review*, Vol. 12 (2), pp. 269–302.
17. Rui Z. (2022). Research: Chinese enterprises continue 'going global'. October 04. URL: http://www.china.org.cn/business/2022-10/04/content_78450682.htm (дата обращения: 24.11.2022).
18. Sharmelly R., Klarin A. (2021). Customer Value Creation for the Emerging Market Middle Class: Perspectives from Case Studies in India. *Journal of Risk and Financial Management*, Vol. 14, p. 455.
19. UNCTAD (2022). *World Investment Report 2022: International Tax Reforms and Sustainable Development*. UN, UNCTAD, N.Y. & Geneva, 219 p.
20. Wu S. (2022). Revisiting the Internationalization-Performance Relationship: A Twenty-Year Meta-Analysis of Emerging Market Multinationals. *Management International Review*, Vol. 62, pp. 203–243.
21. Zhon, Y., Li Y., Ding J., Liao Y. (2021). Risk Management: Exploring Emerging Human Resource Issues during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Risk and Financial Management*, Vol. 14, p. 228.
22. Zhong Y., Zhu J.C., Zhang M.M. (2021). Expatriate Management of Emerging Market Multinational Enterprises: A Multiple Case Study Approach. *Journal of Risk and Financial Management*, Vol. 14, p. 252.

© Карелина Екатерина Александровна (opferpriesterin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАПРАВЛЕННОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Кубанцев Кирилл Андреевич

Аспирант, Институт международного права
и экономики имени А.С. Грибоедова
reyven21@hotmail.com

THE DIRECTION OF FINANCIAL STABILITY MANAGEMENT OF ENTERPRISES IN A CRISIS: CURRENT TRENDS

K. Kubantsev

Summary. Some issues of financial stability management of enterprises are revealed with an emphasis on the implementation of internal incentives for investment growth based on the principles of interaction of enterprises with the financial market.

Based on the results of the analysis, the conclusion is formulated that the general nature of the orientation of modern trends in managing the financial stability of enterprises in crisis conditions determines the possibility of increasing the role of the financial market, which can be strengthened by domestic sources of financing.

Keywords: financial stability management, external capital, own working capital, financial results, inflation, sanctions, securities, shareholders.

Аннотация. Раскрываются отдельные вопросы управления финансовой устойчивостью предприятий с акцентом на реализацию внутренних стимулов инвестиционного роста на принципах взаимодействия предприятий с финансовым рынком.

По итогам анализа сформулирован вывод, что общий характер направленности современных тенденций управления финансовой устойчивостью предприятий в условиях кризиса обуславливает возможность повышения роли финансового рынка, которая может быть усилена за счёт отечественных источников финансирования.

Ключевые слова: управление финансовой устойчивостью, внешний капитал, собственные оборотные средства, финансовые результаты, инфляция, санкции, ценные бумаги, акционеры.

Предприятия, которые желают укрепить потенциал своего выживания, должны формировать финансовую устойчивость и управлять ею, и это представляется одной из основных их задач.

«Финансовая устойчивость» хотя и вошла в научный оборот как комплексная категория экономического анализа [1], тем не менее не нашла ещё единого теоретического определения [2]. Анализ показывает, что финансовая устойчивость предприятий позволяет и сохранять их потенциал, и обеспечивать как качественный подъём, так и конкурентоспособность.

В этом аспекте исследование специфики финансовой деятельности выдвигает необходимость осмысления вопросов текущего и перспективного управления финансовой устойчивостью предприятий, что, во-первых, непосредственно связано с проблемой соотношения собственных и заёмных финансовых ресурсов и рационального их использования для обеспечения развития предприятий, и, соответственно, оптимизации структуры капитала [3].

Преобладание же заёмных средств в структуре капитала может подточить платёжеспособность и финансовую устойчивость хозяйствующих субъектов, что можно определить первопричиной контрпродуктивности структуры капитала. Но всякая деятельность, направленная на устранение потерь, или на повышение эффективности, потребует вычленения их источников, каждый из которых имеет свои причины возникновения.

Понятно, что заёмные средства требуется аккумулировать при острой необходимости, к примеру, при хронологическом несоответствии с учётом поступления ресурсов на отдельные виды затрат и их необходимостью на решение пошаговых задач. Порой нельзя не прибегать к кредитованию как к наиболее действенной возможности реализации капитальных вложений. И если мы говорим о такой проблеме как оптимизация структуры капитала, то для её решения в определённых случаях можно пренебречь сокращением доли заёмных средств. К примеру, при выборе предприятием обоснованной схемы реконструкции основных произ-

водственных фондов следует акцентировать внимание на объёме получаемой прибыли.

С другой стороны, при выборе наиболее обоснованного контура реконструкции основных производственных фондов необходимо акцентировать внимание на соотношении затрат и прибыли. Анализ основных показателей производственной деятельности предприятий должен показать, что кредит служит инструментом роста эффективности производства, наращивания объёмов выпускаемой продукции, и, соответственно, увеличения прибыли предприятия с одновременным увеличением объёмов реализации для удовлетворения общественных потребностей — это будет возможно при мониторинге и кредиторской и дебиторской задолженности, контроле за объёмом заёмных средств и использовании их при необходимости строго для реконструкции основных производственных фондов.

Риски, нарушающие финансовую устойчивость предприятий во многом определены в текущих условиях западными санкционными пакетами, ограничивающими эффективность финансового управления и пр. Соответственно, значительное влияние на ключевые решения, принимаемые экономическими агентами, стали оказывать немонетарные факторы инфляции [4]. Обесценивается остаток средств на счетах, возникает ориентация части предпринимательства на деятельность главным образом на внутреннем рынке, растут цены на товары и услуги и т.п.

Для борьбы с негативными последствиями инфляции и санкций правительством определены мероприятия, которые в основном сводятся к следующему: возобновляются инвестиционные процессы, повышаются нормативы обязательных резервов, формируются стратегии выпуска ценных бумаг.

Учитывая, что 2022 год внёс в реальность российского фондового рынка (рынка ценных бумаг) исключительные проблемы, которые, скорее всего, сохранятся и в перспективе, в текущих условиях с весны прошедшего года инвестиционные процессы ещё не сложились в результативную организационную концепцию, тем не менее, анализ прогнозов показывает ожидаемую доходность и наиболее перспективные активы для инвестирования на отечественном рынке акций.

С одной стороны, отечественные инвестиционные процессы определены центристскими принципами управления, государственным определением приоритетов по типам инвестиций. Многие публичные компании эмитенты по крайней мере до весны 2023 года приостановили публикацию даже обобщённой отчётности как контрследствие наложенных санкций [5] и рисков

установления новых сдерживающих условий, но инвесторы даже на волне волатильности тем не менее ожидают публикации консолидированной отчётности, учитывая, что отчётность будет возобновлена как минимум в декабре 2023 года [6] в новом формате, где не будут фиксироваться данные, способствующие наложению новых санкций. Пока что рынок испытывает проблемы в поиске аналитических прогнозов прибыли, а когда компания не соответствует этому прогнозу, то это может стать причиной волатильности стоимости акций. Конечно, это усложняет принятие решений инвесторами, но нужно понимать, что реализация рисков может стать причиной потери значительной части экспортной выручки отечественных предприятий.

С другой стороны, на отечественном фондовом рынке в среднесрочной перспективе будут сокращаться инвестиционные потоки трансграничного характера и это нивелирует его привлекательность. Следствием этой ситуации становится то, что инвестиционные альтернативы станут иметь значение лишь для отечественных розничных инвесторов, когда те или иные ценные бумаги конкурируют между собой в своей привлекательности с точки зрения приращения капитала, общая активность снижена, а спекулятивные тенденции возрастают, при том, что флагманы рынка прибавляют даже более 20%.

Но несмотря на геополитические риски, в нынешнем финансовом шторме на отечественном рынке не ослабевает спрос на инвестирование в иностранные бумаги, связанные с высокотехнологическими компаниями — с зелёной энергетикой, полупроводниками, кибербезопасностью. Они приносят весьма значительный доход, хотя на Московской бирже реализуются по демпинговым ценам. В целом же западные акционеры технически заморозили большую часть свободно обращающихся акций.

Понятно, что фондовый рынок остаётся одним из инструментов, где отечественные частные инвесторы как физические лица могли бы реально сохранять сбережения от инфляции, получая дивиденды, однако нюансы биржевой торговли не всегда это позволяют [7].

В качестве стимула для обеспечения финансовой устойчивости и инвестиционного роста были повышены нормативы обязательных резервов по размещённым депозитам предприятий, что с точки зрения финансовых идеологов должно было снизить и уровень инфляции [8]. Статистика показывает, что на начало мая месяца 2022 года корпоративные клиенты разместили обязательств на сумму 40,1 трлн. рублей.

Условия выпуска ценных бумаг определяются геополитической обстановкой, состоянием экономики

и фондового рынка, потребностью в финансировании государственных расходов, регуляторными ограничениями.

С этой точки зрения ожидается рост потребности в финансировании государственных расходов. Так, федеральным бюджетом на 2023–2025 гг. на 2023 год предусмотрен дефицит в 2,9 трлн. руб. или 2% ВВП. Отрицательный разрыв доходов и расходов будет поэтапно снижаться (в 2024 г. дефицит составит 1,4%, а в 2025 г. — 0,7%). Согласно бюджету, в частности, господдержка малого и среднего предпринимательства будет, скорее всего, сокращена — на 2023 г. предусмотрено сократить объём ассигнований на 2,8% по сравнению с предыдущим периодом, что составит 79,4 млрд. руб., а в 2024 г. финансирование не превысит 74,6 млрд. рублей. Бюджетом также определено на 2023–2024 гг. снижение господдержки малого и среднего предпринимательства и физлиц, применяющих специальные налоговые режимы в регионах — из госбюджета в 2023 г. планируется сократить на 7,7% или на 1,4 млрд. руб. Впоследствии, в 2024 г. господдержку малого и среднего предпринимательства в бюджетах регионов сократят ещё на 14,9%, или до 8,9 млрд. руб. (на 1,5 млрд. руб.) [9]. Понятно, что возникнет необходимость увеличения внутренних заимствований, возможно, более активной эмиссии.

Финансовая устойчивость выступает важнейшим аспектом деятельности предприятий, и для управления ею можно было бы потенциально использовать, говоря современным языком, облигационные дорожные карты.

Прежде всего, мы имеем в виду номинированные в валюте внутренние облигации. Во-первых, это «замещающие» облигации, которые замещают евробонды отечественных предприятий, но по которым инвесторы не получают платежи из-за санкций. Учитывая, что на рынке обращаются сотни вариофикаций корпоративных еврооблигаций российских предприятий, транши по которым отложены на сумму около 28,9 млрд. долл., и которые претерпели технический дефолт (только пятьсот розничных инвесторов Evraz), в текущем году объём «замещающих» ценных бумаг, по всей вероятности, возрастёт.

Во-вторых, это облигации отечественных эмитентов в иностранной валюте без замещения. К ним можно отнести государственные евробонды и новинку — восемнадцать выпусков корпоративных юаневых облигаций, размещённых на 52 млрд. юаней. Суверенные валютные евробонды с согласия их владельцев и одобрения Госдумы правительство России заменит на новые ОФЗ номинальной стоимостью около восьмисот миллиардов рублей.

Понятно, что их валютный тип не нивелирует кредитные риски, а в числе эмитентов числятся преимущественно крупные хозяйственные структуры, такие как «Сургутнефтегаз», «Вымпелком» и «Татнефть».

В-третьих, это облигации с переменной или «плавающей» ставкой купонов, так называемые ОФЗ-флоатеры. У купонов периодически пересчитываются процентные ставки. Так, 29.12.2022 г. 19-ю участниками совершено 75 сделок по ставке Ruonia равной 7,37% годовых.

Частные инвесторы считают наиболее надёжным биржевым инструментом облигации федерального займа. На фондовой бирже обращаются такие бумаги с переменными и постоянными купонными выплатами, с амортизацией и индексируемым капиталом. Хотя заявленная доходность к погашению составляет 6,7%, тем не менее эти облигации пользуются спросом, но проблема в том, что брокеры имеют свою комиссию, купоны облагаются налогом, и реальная (с учётом инфляции) доходность будет очень низкой.

Нельзя не проанализировать и отдельные, представляющие определённый интерес, сегменты рынка высокодоходных облигаций. И, прежде всего, это облигации крупных застройщиков (ГК «Инград», группы ЛСР группы ПИК, ГК «Самолёт»), также как и мелких и средних застройщиков, наращивающих свою активность и разместивших свои облигационные займы как опциональный источник финансирования новых жилых проектов, который откроет девелоперам прямой доступ к средствам дольщиков после пересмотра схемы оплаты строительства жилья с привлечением эскроу-счетов. Вопрос в том, увидят ли частные инвесторы, приобретающие недвижимость, альтернативу в этих ценных бумагах непосредственной покупке жилья.

Как сегмент рынка следует выделить облигации, размещаемые малыми и средними предприятиями.

Механизм управления финансовой устойчивостью малых и средних предприятий координирует инвестиционные процессы и включает такие экономические составляющие, как, к примеру, механизм взаимодействия с рынком облигаций, управления финансами, создаёт условия для освоения инвестиций и т.п.

Анализ показывает, что и в условиях кризиса взаимодействие предприятий с рынком облигаций возрастает: отечественные инвесторы с начала текущего года постепенно открывают длинные позиции. В частности, в текущих условиях как обычно будут пользоваться спросом облигации, на которых инвесторы смогут заработать, среди которых представлены выпуски облигаций Московской биржи МСП.

Важно выделить принципы, на которых строится управление финансовой устойчивостью в условиях кризиса.

К их числу следует отнести предварительную диагностику кризисных, остро неопределённых явлений в финансовой устойчивости предприятий. Для того, чтобы в период кризиса предприятия смогли бы адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию, катализатором которой, бесспорно, стали экономические санкции, важно проводить предварительную диагностику ещё только зарождающихся кризисных явлений внутри предприятия. Уход от возможных проблем путём выработки новых стратегических решений в той или иной ситуации позволит существенно расширить бизнес.

Финансовую устойчивость предприятия в условиях кризисной турбулентности можно укрепить, реализовав внутренние стимулы инвестиционного роста на принципах оптимизации возможностей предприятия.

В частности, если руководство принимает решение повысить экономические показатели, конкурентоспособность продукции, расширить бизнес, могут потребоваться экстренные меры. Это может быть пересмотр контрактов для перераспределения финансовой нагрузки с точки зрения её соответствия денежным средствам предприятия и использования новых возможностей. В данном случае руководство предприятия будет находиться между интересами кредиторов и инвесторов и руководство всегда будет перед выбором. Статистика показывает, что более половины предприятий не может обслуживать долги в кризис, поэтому они стремятся к пересмотру условий кредитования, и даже если это усилит их долговое наполнение, то даст возможность преодолеть снижение доли в капитале акционеров при распределении дохода.

Повысить финансовую устойчивость предприятия возможно и путём обмена долга на акции при согласии части кредиторов обратить долговые облигации в долевые ценные бумаги, т.е. обмена долга на акции. Снизить нагрузку возможно через реализацию активов с одновременным приобретением их у приобретателя в лизинг — лизинговый контракт оформить проще, чем банковскую ссуду, для лизинговой сделки не потребуются дополнительные гарантии; компании-арендаторы могут не оплачивать налог на имущество по арендованным активам (если учитывать активы на балансе лизингодателя), при том, что приобретение активов непременно повысит имущественный налог.

Отдельные предприятия имеют возможность реализовывать инвестиционные программы с меньшими издержками. В условиях кризиса появляется возмож-

ность оперативнее решать текущие кадровые вопросы. Так, на предприятиях, оказывающих услуги, возможна смена классического найма на аренду кадров из числа фрилансеров или самозанятых.

На рынке труда меняется фокус внимания к востребованности кадров, это выражается в росте спроса на рабочие специальности, найме сотрудников на выполнение срочных конкретных задач без перспективы повышения зарплаты. Кроме того, в 2022 году большинство предприятий не реализовывали внутрикорпоративные программы, сократили социальные расходы и бонусные выплаты — премии, расходы на образование, транспорт и т.п, что оптимизировало расходы на персонал и конечно же повысило общую финансовую устойчивость предприятий.

Более выигрышную позицию занимают предприятия, которые ещё до кризиса сформировали резервный фонд и не имели значительной долговой нагрузки. Руководители многих предприятий осознали необходимость формирования подобных фондов для обеспечения финансовой устойчивости в период кризисов, для работы в периоды вроде пандемии, когда у предприятий прибыль близка к минимуму.

Анализ показывает, что апробированная практика долгового финансирования снижает свою остроту. Привлечение ресурсов на фондовом рынке тоже затруднено — биржи как площадки для привлечения дополнительного финансирования испытали серьёзное падение. Так, на 3 января 2023 года индекс Nasdaq Composite упал на 35%, а S & P500 — на 20% от их максимального курса.

Со своей стороны, Министерство финансов Российской Федерации ожидает, что к 2030 году рост инвестиций на российском финансовом рынке достигнет 43 трлн. рублей (в 2021 г. — 23 трлн. руб.) [10]. Таким образом, с точки зрения финансовых аналитиков, рынки капитала заместят банковское кредитование (долевые инструменты, IPO, венчуры) .

Как мы видим, опыт преуспевающих предприятий убеждает в том, что их устойчивое развитие стало возможным благодаря гибкости и скорости реакций на волатильность конъюнктуры рынка, конкурентным преимуществам, динамичной инвестиционной и инновационной активности как результативных показателей стратегического развития.

Требуется создать необходимый уровень самофинансирования в сочетании с использованием привлечённых ресурсов, развивать хозяйственную деятельность в дальнейшем периоде.

Общий характер направленности современных тенденций управления финансовой устойчивостью предприятий в условиях кризиса обуславливает воз-

можность усиления роли финансового рынка, которая может быть усилена за счёт отечественных источников финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков С.А., Тихомиров С.В. Финансовая устойчивость как экономическая категория и её роль в хозяйственном механизме предприятия // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. 2013. — № 2 (34) . — С. 57–65.
2. Новак М.А. и др. Анализ научных подходов российских авторов к определению понятия «финансовая устойчивость» и выявление его взаимосвязи с ликвидностью и платёжеспособностью // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2020. — № 7 (49) . — С.125–130.
3. Селезнёва Н.Н., Ионова А.Ф. Финансовый анализ. Управление финансами: Уч. пос. 2-е изд. — М., 2003.
4. Макроэкономический опрос Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/
5. Постановление правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 года № 351 «Об особенностях раскрытия и предоставления в 2022 году информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг», и особенностях раскрытия инсайдерской информации в соответствии с требованиями Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 21 марта 2022 г. ст. 1837 (с изм. от 24 ноября 2022 г. № 2131).
6. Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2022 года № 2131; Информационное письмо Банка России от 15.11.2022 № ИН-018–34/132.
7. <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rossiiskii-rynok-aktsii-strategiia-2023?ysclid=lcdpl4ftvu825751297>
8. Указание Банка России от 27 июля 2022 года № 6208 -У «Об обязательных резервных требованиях» // www.garant.ru
9. <https://www.gosrf.ru/biznes-ne-v-prioritete-v-proekte-byudzheta-na-2023-god-sokrashheny-rashody-na-razvitie-promyshlennosti-i-podderzhku-predprinimatelej/?ysclid=lcdl5bzd3f472892895>
10. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // consultant.ru

© Кубанцев Кирилл Андреевич (reyven21@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ

INNOVATIVE ACTIVITY OF PERSONNEL AS A FACTOR OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

*M. Kuvshinov
T. Vinogradova*

Summary. Employee innovative behavior is one of the key factors in the implementation of innovative development of industrial enterprises. There are three levels for effective management and the totality of factors of employee innovative behavior that were identified, which allow to use a quantitative criterion for assessing the level and determining the type of employee innovative behavior. The incentive system that was proposed provides a targeted and tangible interest of all categories of employees in effective innovation activities.

Keywords: innovative activity, innovative development, stimulation of personnel, forecasting and management.

Кувшинов Михаил Сергеевич

*Доктор экономических наук, профессор,
Южно-Уральский государственный университет
(г. Челябинск)
msk1954@mail.ru*

Виноградова Татьяна Александровна

*Соискатель, старший преподаватель, Южно-
Уральский государственный университет
(г. Челябинск)
shishkinata@susu.ru*

Аннотация. Инновационная активность персонала является одним из ключевых факторов реализации курса промышленных предприятий на инновационное развитие. Для эффективного управления инновационной активностью выделены три уровня управления и совокупность факторов, позволяющих использовать количественный критерий для оценки уровня и определения типа инновационной активности персонала. Предложенная система стимулирования обеспечивает целевую и ощутимую для персонала заинтересованность всех категорий работников в эффективной инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная активность, инновационное развитие, стимулирование персонала, прогнозирование и управление.

Высокий уровень конкуренции в современных рыночных условиях порождает необходимость для предприятий искать пути и способы повышения своей конкурентоспособности на основе разработки и внедрения инноваций. Действующие на рынке санкционные меры ограничивают использование ранее свободных ресурсов и вызывают необходимость повышения эффективности деятельности предприятий, в том числе за счет повышения качества человеческого капитала, которое в значительной мере может характеризоваться уровнем инновационной активности персонала.

Для эффективного инновационного развития предприятий требуется механизм управления этим многофакторным и многоуровневым процессом, и, в том числе, процессом целевого формирования инновационной активности персонала, в котором участникам присущи значительно отличающиеся роли, оцениваемые по результатам расчета большой совокупности показателей. При этом требуется выделение роли различных участников в получении общего результата, оценка текущего уровня инновационной активности персонала для определения степени необходимости

дополнительных мероприятий по его совершенствованию, определение из всей совокупности наиболее критичных по уровню показателей и разработка проекта мероприятий по результативному достижению требуемого уровня, как отдельных показателей, так и их взаимосвязанной совокупности на основе интегральной оценки. Объем аналитической работы, как по оценке отдельных показателей совокупности, так и по оценке интегрального показателя, требует использования программной поддержки аналитического обеспечения процессов управления. Это особенно относится к средним и крупным предприятиям, на которых уже реализуются инновационные технологии, и стратегическое руководство которых заинтересовано в эффективном инновационном развитии в условиях смены рыночных условий. Разработка методического обеспечения механизма управления инновационной активностью персонала, закрепленная во внутреннем нормативном положении предприятий в виде элемента инновационной политики, позволит эффективно влиять на их инновационное развитие.

При всей значимости инновационной активности персонала в интересах инновационного развития

предприятия в современной теории и практике вопросы управления инновационной активностью персонала получили недостаточную теоретическую и методическую проработку, что обуславливает актуальность темы данного исследования.

Акцентирование внимание на человеческом ресурсе, как важном факторе инновационного развития предприятия представлено в работах В.Н. Белкина, Н.А. Белкиной и О.А. Антоновой [1], В.П. Горшенина [2], О.В. Зубковой [3], Н.В. Клочковой [4], В.В. Криворотова [5], И.А. Кульковой [6], Н.Н. Саксиной [7], И.А. Эсауловой [8], Т. Акрама [9] и др.

Сущность понятия «инновационная активность персонала» исследуется в работах, А.В. Ганькиной [10], Н.В. Клочковой [4], Н.Н. Саксиной [7], С.В. Сокериной [11], S.J. Shin [12] и др.

Вопросам измерения и оценки уровня инновационной активности персонала предприятия посвящены работы, Н.В. Клочковой [4], Н.Н. Саксиной [7], С.В. Сокериной [11]. В целом вопросы управления инновационной активностью персонала в интересах инновационного развития отражены в исследованиях М.Н. Безлепкина [13], Н.В. Клочковой [4], S.J. Shin. Отдельно в исследованиях В.Н. Белкина [1], В.В. Глуценко и И.И. Глуценко [14] рассматриваются вопросы стимулирования инновационной активности персонала.

Несмотря на значительный вклад имеющихся публикаций в развитие теории и практики управления инновациями, недостаточно проработаны вопросы, связанные с управлением инновационной активностью персонала в интересах инновационного развития предприятия. На текущий момент отсутствует системный подход к трактовке сущности инновационной активности персонала. Существующие подходы к измерению уровня инновационной активности персонала содержат обобщенные показатели инновационной деятельности предприятия в целом. При этом зачастую используются субъективные методы оценки. Все это приводит к сложностям при оценке влияния результатов деятельности персонала на инновационное развитие предприятия и не позволяет в должном объеме говорить об эффективности данных подходов. Вместе с тем, отсутствует и единая система управления инновационной активностью персонала предприятия, формализованная каким-либо приемом.

По результатам предварительного анализа требуется разработка методического обеспечения управления инновационной активностью персонала, включающая методики ее оценки и стимулирования.

Цель исследования заключается в развитии методического обеспечения управления инновационной активностью персонала в интересах инновационного развития предприятия. Для достижения цели потребовалось: уточнить сущность понятия «инновационная активность персонала» и определяющие его факторы, систематизировать подходы к определению его ключевой роли в инновационном развитии предприятия; предложить и обосновать методический подход к управлению инновационной активностью персонала, учитывающий структуру групп, роли и интересы участников; разработать модель и реализующую ее методику оценки уровня инновационной активности персонала, обеспечивающие его расчет, идентификацию по достигнутому уровню и прогнозирование требуемой корректировки, адаптируемые к условиям деятельности предприятия; разработать методику стимулирования инновационной активности персонала, соответствующую целям развития предприятия и апробировать на практике реализацию механизма управления инновационной активностью персонала в интересах инновационного развития предприятия.

При исследовании авторы ориентировались на промышленные предприятия, реализующие программы, направленные на инновационное развитие.

Основным вопросом исследования было оценка влияния уровня инновационной активности персонала на эффективность организационно-экономических отношений, возникающих в процессе управления инновационным развитием предприятия.

Теоретической и методологической основой исследования послужили системный, проектный, компетентностный, логический, эмпирический подходы. Научные результаты исследования получены с использованием методов сравнительного, системного, статистического и функционального анализа, группировки и классификации, синтеза и анализа данных, экономико-математического и программного моделирования, экспертных оценок, контент-анализа, парного сравнения, анализа динамики данных, интервальных рядов распределения и метода П. Фишберна. Для решения задач расчетов величин составляющих параметров методического обеспечения использован программный продукт MS Excel.

Анализ оценки вклада инновационной активности персонала в результаты инновационной деятельности предприятий показал ее роль как одной из важнейших составляющих инновационного развития и позволил выявить неотъемлемые компоненты: 1) совокупность личностных качеств персонала, которые необходимы в рамках инновационной деятельности; 2) способность предлагать идеи, а также получать и передавать

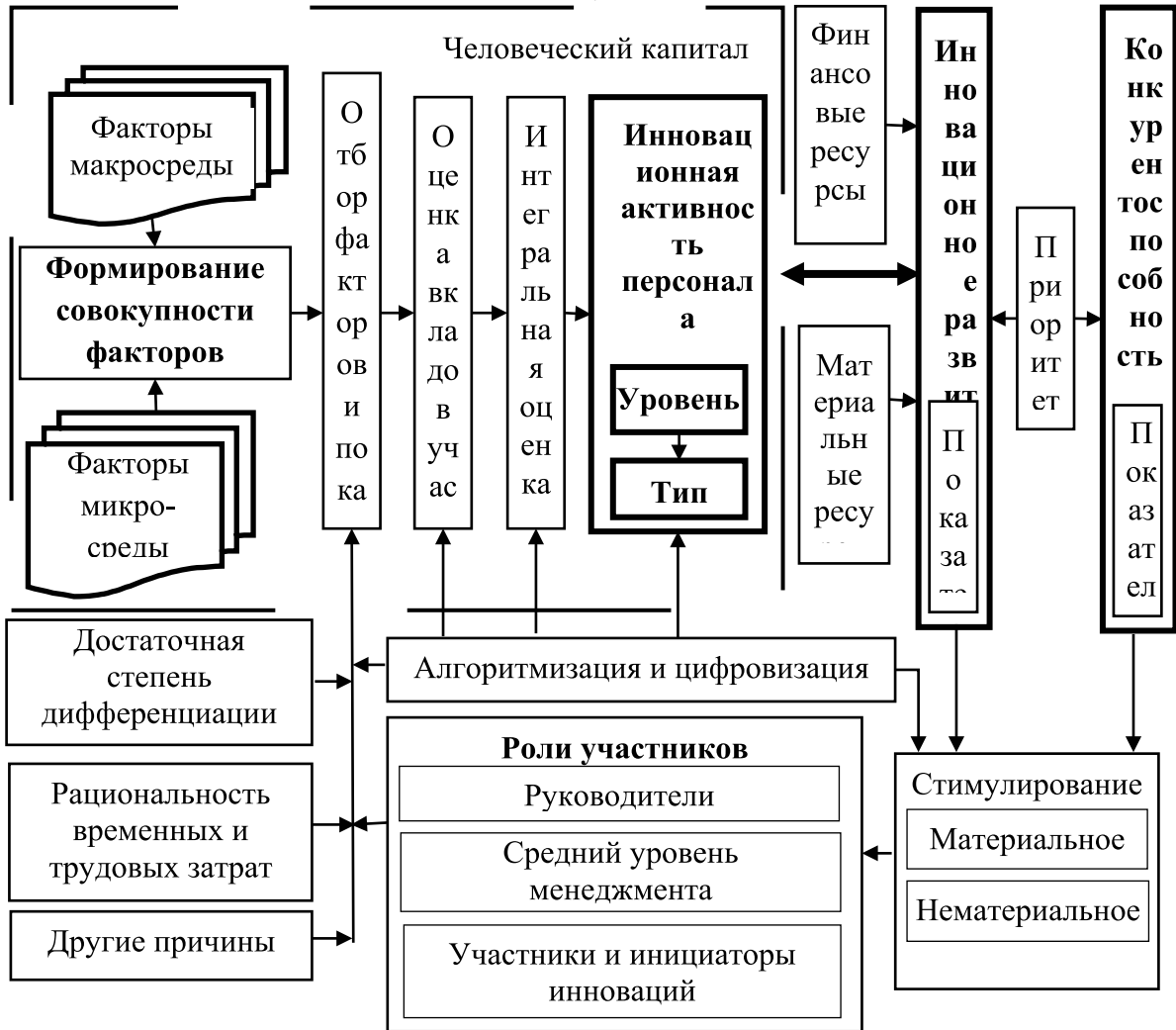

Рис. 1. Влияние инновационной активности персонала на процессы развития предприятия инновационного развития предприятия [авт.]

знания; 3) инновационная деятельность персонала, осуществляемая через процесс внедрения инноваций; 4) наличие и реализация инновационного потенциала персонала. Под инновационной активностью персонала понимается целенаправленная, динамическая характеристика деятельности персонала всех категорий и уровней управления по разработке и внедрению инноваций, в рамках которой реализуются имеющиеся компетенции, а также проявляются заинтересованность, инициативность, предприимчивость и ответственность сотрудников в результатах такой деятельности для достижения общих целей инновационного развития предприятия.

В рамках проведенного исследования было установлено, что уровень инновационной активности персонала в конечном итоге через конкурентоспособность и инновационную деятельность персонала влия-

ет на инновационное развитие предприятия в целом и на его рыночные позиции (рис. 1).

По результатам рассмотрения отечественного и зарубежного опыта выявления факторов, влияющих на уровень инновационной активности персонала [15], составлена классификация данных факторов с позиции отношения к сотруднику. Для этого в составе учитываемых внутренних факторов выделены группы А) личностных и индивидуальных характеристик и Б) деловых и профессиональных характеристик. В составе учитываемых внешних факторов выделены группы В) ближнее окружение и Г) дальнее окружение. В группе А выделяются индивидуальные мотивы; умение работать в команде; личностные характеристики в виде ответственности, целеустремленности и т.п.; ценности и принципы; инновационный потенциал; уровень эмоционального и профессионального выгорания.

В группе Б выделены уровень квалификации; знания, умения и навыки; опыт работы по внедрению и разработке инноваций. В группе В выделены морально-психологический климат и отношения в коллективе; стиль управления непосредственного руководителя; условия труда в подразделении; групповые мотивы. В группе Г выделены система оплаты труда и стимулирование инновационной деятельности; тип организационной культуры; стратегия, цели и задачи предприятия; инновационный климат организации; тип организационной структуры; ресурсное обеспечение инновационной деятельности.

Предлагаемые определение и факторы отличаются от существующих выделением во внешней среде по связи со средой групп ближнего и дальнего окружения, а во внутренней среде по связи с личностью сотрудника, его личностно-индивидуальных и профессионально-деловых характеристик, с развернутой детализацией по всем связям.

Началу процесса управления инновационной активностью персонала должен предшествовать анализ влияния всех выделенных факторов и учет их в итоговой оценке. Это позволит повысить эффективность управления и обеспечить максимально благоприятные условия для инновационного развития предприятия.

Многофакторность и многоуровневость процесса управления инновационной активностью персонала формирует необходимость создания единого механизма его реализации, основанного на приоритете инновационного развития предприятия и направленного на достижение его стратегических целей. Под *механизмом управления инновационной активностью персонала* понимается определенная совокупность правил и процедур, предназначенных для принятия управленческих решений в области управления, оценки, контроля и стимулирования инновационной активности персонала. Рекомендовано, после формирования, закрепить данный механизм в виде внутреннего нормативного управляющего документа — Положения о политике управления инновационной активностью персонала как элемента более общей Инновационной политики предприятия, являющейся частью общей стратегии инновационной деятельности предприятия.

Цель политики состоит в формировании достаточного для достижения целей инновационного развития предприятия уровня инновационной активности персонала посредством различных организационных, оценочных, стимулирующих и др. процедур.

Для возможности моделирования процессов управления инновационной активностью персонала были

определены 4 элемента структуры модели: 1) система показателей, 2) процедура оценки, 3) интерпретация результатов и 4) принятие управленческих решений.

Первичный анализ показателей, используемых для оценки отдельных сторон инновационной активности персонала, позволил выделить 85 наиболее часто применяемых в практике управления [1–14]. При проверке соответствия их требованиям объективности, достоверности, однозначности, валидности, низкой трудоемкости расчета и управленческой применимости часть из них была исключена по критерию полного, частичного и отсутствия соответствия. Все показатели были разбиты на 4 группы в соответствии с отнесением их к одной из 4 укрупненных групп факторов А, Б, В и Г. Для каждой группы на основе методов парного сравнения и присвоения весов на основе метода П. Фишберна [16] была составлена ранжированная последовательность показателей. Процедуру парного сравнения и определения важности показателей выполняли сотрудники предприятий, на которых проходила апробация авторских предложений, а сотрудники имели необходимую квалификацию.

Разработанная классификация показателей для оценки уровня инновационной активности персонала предприятия, позволяющая ввести количественный критерий оценки, реализована в следующей структуре.

Группа 1: Показатели проявления инновационной активности персонала на индивидуальном (личностном) уровне:

Подгруппа 1.1: 1) Уровень креативности работников, балл; 2) Уровень развития профессиональных компетенций, балл; 3) Интенсивность использования IT-технологий в рамках выполнения трудовых функций,%; 4) Уровень исполнительской дисциплины,%; 5) Мотивационный профиль сотрудника, балл.

Подгруппа 1.2: 6) Количество предложенных сотрудниками инновационных идей, шт./ чел.; 7) Количество заявок на патенты и изобретения в среднем на 1 сотрудника, шт./ чел.; 8) Доля сотрудников, участвующих в обучении коллег и передаче знаний,%; 9) Количество проектных команд, работающих над разработкой и внедрением инноваций, шт.; 10) Количество часов на обучение, чел.— час.

Подгруппа 1.3: 11) Количество реализованных инноваций, шт./чел.; 12) Количество проектов, не реализованных в срок по вине сотрудников, шт.; 13) Прирост производительности труда сотрудников,%; 14) Доля сотрудников, которые участвуют в инновационных проектах,%; 15) Средний срок разработки инновационного предложения проектной командой, мес.

Подгруппа 1.4: 16) Потери рабочего времени вследствие временной нетрудоспособности персонала в среднем на 1 сотрудника, чел.— час.; 17) Уровень профессионального «выгорания» сотрудников,%; 18) Уровень мотивации персонала к инновационной деятельности,%; 19) Доля сотрудников, потенциально способных к участию в инновационных проектах предприятия,%; 20) Уровень абсентеизма,%.

Группа 2: Показатели проявления инновационной активности персонала на уровне предприятия (внешние):

Подгруппа 2.1: 21) Доля сотрудников, имеющих навыки и опыт проектной деятельности,%; 22) Доля сотрудников, вовлеченных в инновационную деятельность,%; 23) Коэффициент текучести кадров среди сотрудников, занятых в инновационных процессах предприятия,%; 24) Уровень трудовой дисциплины,%; 25) Коэффициент эффективности оплаты труда в рамках инновационной деятельности.

Подгруппа 2.2: 26) Доля проектных работ, по которым потребовалось привлечение внешних экспертов из-за отсутствия на предприятии сотрудника нужной квалификации,%; 27) Коэффициент финансовых затрат на привлечение внешних экспертов в рамках проектно-инновационной деятельности; 28) Доля затрат на обучение персонала в рамках инновационной деятельности в общем объеме затрат на персонал,%; 29) Доля сотрудников, заинтересованных в профессиональном росте и развитии,%; 30) Доля участников проектных команд из числа сотрудников предприятия,%.

Подгруппа 2.3: 31) Среднее значение прибыли по инновационным проектам предприятия, тыс. руб.; 32) Средний срок окупаемости инновационных проектов предприятия, лет; 33) Среднее значение рентабельности по инновационным проектам предприятия,%; 34) Доля инновационных проектов, реализуемых в планируемые сроки,%; 35) Доля статей затрат в бюджете на инновационную деятельность, лимиты по которым были превышены,%.

Подгруппа 2.4: 36) Степень износа основных фондов,%; 37) Коэффициент соответствия условий труда требованиям и нормативам,%; 38) Уровень финансовой устойчивости предприятия, балл; 39) Коэффициент Бивера, у.е.; 40) Доля проектов, финансируемых без поддержек,%.

Для соблюдения баланса необходимой дифференциации и трудоемкости расчетов с учетом неравномерности распределения показателей по группам в каждую из 8 подгрупп включено по 5 наиболее весомых

показателей. Последнее может быть адаптировано в интересах конкретного предприятия.

Для процедуры оценки предложен интегральный показатель уровня инновационной активности персонала (УИАП), который рассчитывается по следующей формуле:

$$УИАП = \sum_{h=1}^r (v_h \cdot s_h), \quad (1)$$

где v_h — вес значимости отдельного h -го показателя инновационной активности персонала; s_h — балл отдельного h -го показателя инновационной активности персонала; $h = \overline{1, r}$, r — общее количество показателей оценки уровня инновационной активности персонала (в рассматриваемом варианте $r = 40$) [15].

Вес значимости каждого показателя определен на основании данных, которые уже были получены в рамках процедуры выбора итоговых показателей для оценки уровня инновационной активности персонала предприятия с использованием метода парного сравнения и расчета весовых коэффициентов по методу П. Фишберна [16]. Расчет балла по каждому показателю необходим с целью приведения всех показателей с разными единицами измерения к единой системе оценок. Для этого по каждому показателю произведена разбивка диапазона колебаний его величины на 5 диапазонов с присвоением балла от 1 до 5 при попадании в соответствующий диапазон от наименее значимого до наиболее значимого. В итоге диапазон изменений УИАП может колебаться от 8 баллов при низком уровне инновационной активности персонала до 40 баллов при высоком уровне.

Для интерпретации результатов расчета УИАП предложена матрица взаимосвязи определенного диапазона значений и тип инновационной активности. Значение интегрального показателя УИАП разделено на три диапазона уровней: низкий от 8 до 20, которому соответствует инновационно-пассивный тип инновационной активности персонала, средний от 20 до 30 и высокий от 30 до 40 — соответственно инновационно-неустойчивый и инновационно-активный. При всех уровнях необходим постоянный мониторинг УИАП и целевое воздействие на критические составляющие факторы. При низком и среднем уровнях необходима система стимулирования инновационной активности. При низком или близком к среднему уровням необходимо совершенствовать всю систему организации инновационной деятельности предприятия.

Для управления уровнем инновационной активности персонала была разработана методика стимулирования инновационной активности персонала, соответствующая

Рис. 2. Система стимулирования инновационной активности персонала

ющая целям инновационного развития предприятия. Обеспечение соответствия достигается выделением: восьми ключевых принципов стимулирования инновационно активных сотрудников; созданием информационной системы легализации инновационной политики; введением системы KPI с выделением трех уровней сотрудников, напрямую отвечающих за инновационное развитие предприятия и их эффективной контрактацией; введением переменной части фонда оплаты труда для премирования, зависящей от уровня прироста реальной заработной платы на предприятии и результатов достижения экономического эффекта от инновационной деятельности в базисном и отчетном периодах. Применение предложенной системы стимулирования реализует соответствие интересов инновационного развития предприятия и дифференцированных интересов всех категорий его сотрудников.

Под системой стимулирования инновационной активности персонала понимается комплекс управленческих мероприятий по целенаправленному воздействию на сотрудников с целью повышения их включенности в инновационные процессы предприятия и роста их инновационной активности за счет формулировки и реализации принципов и технологий с оценкой последствий их применения в соответствии с задачами предприятия по достижению целей инновационного развития. На рис. 2 представлены составляющие такой системы.

В качестве технологии материального стимулирования сотрудников была предложена системы ключевых показателей инновационной деятельности IKPI (KPI инновационной деятельности) для трех групп сотрудников: высшее руководство; средний уровень менеджмента; инициаторы и участники изменений.

При формировании совокупности взаимосвязанных IKPI возникает вопрос об их весовом участии в итоговом результате. Если для предприятия известны интересы собственников или топ-менеджмента по ранжированию весов, то они распределяются по таким экспертным данным. Если же таких данных нет, то в практике определения весовых коэффициентов находят широкое применение коэффициенты П. Фишберна для известного порядка приоритетности показателей, в том числе и при безразличности очередной сравниваемой пары показателей. Для умеренного падения рангов используется формула расчета на основе арифметической прогрессии, а при существенном падении рангов используется формула расчета на основе геометрической прогрессии.

Распределение весов по IKPI служит индикатором для оценки значимости того или иного показателя,

а определение значений коэффициентов по IKPI позволяет оценить степень выполнения того или иного показателя и непосредственно повлиять на рассчитываемое значение премии.

Для обоснованности процесса определения границ диапазонов значений по коэффициентам для IKPI использовалась теория интервальных рядов распределения.

Предложена процедура распределения премиальной части годового фонда оплаты труда для инновационно-активных сотрудников по категориям при использовании системы IKPI за счет введения в расчет коэффициента участия в зависимости от доли и вклада каждой категории в результаты инновационного развития предприятия:

$$ПФ_{уид} = \frac{\Phi OT_I^{ИАП} \cdot \Phi OT_{\%}}{1,302 \cdot 1,2 \cdot N \cdot T} \quad (1)$$

где $\Phi OT_I^{ИАП}$ — переменная часть фонда оплаты труда, направленная на премирование сотрудников, участвующих в инновационной деятельности предприятия за отчетный период; $\Phi OT_{\%}$ — процент распределения переменной части ФОТ по соответствующей группе участников; N — количество сотрудников, участвующих в инновационной деятельности по соответствующей группе участников; T — количество выплат премий в год для конкретной группы участников (2, 4 или 12 шт. соответственно).

Для целей расчета части фонда оплаты труда на премирование инновационно-активных сотрудников в текущем периоде авторами предлагается воспользоваться следующей формулой:

$$\Phi OT_I^{ИАП} = \Phi OT_0^{ИАП} \cdot K_i \cdot K_0^{ЭЭИД} \cdot K_I^{ЭЭИД} \quad (2)$$

где $\Phi OT_I^{ИАП}$ и $\Phi OT_0^{ИАП}$ — переменная часть фонда оплаты труда, направленная на премирования сотрудников, участвующих в инновационной деятельности предприятия за отчетный и базовый период соответственно; K_i — коэффициент, отражающий прирост уровня реальной заработной платы на предприятии;

$K_0^{ЭЭИД}$ и $K_I^{ЭЭИД}$ — коэффициент, учитывающий результаты достижения экономического эффекта от инновационной деятельности в базовом и отчетном периоде соответственно.

Переменная премиальная часть фонда оплаты труда за базовый период ($\Phi OT_0^{ИАП}$) является величиной известной. При этом, если формирование данного фонда предполагается осуществить впервые, то це-

лесообразно воспользоваться известными методами его образования: а) исходя из количества участников инновационной деятельности и их роли в инновационных проектах [17]; б) исходя их трудоемкости и отработанного времени участников инновационной деятельности [18]; и т.д.

Необходимость включения в формулу коэффициента, отражающего прирост уровня реальной заработной платы на предприятии (K_z) обусловлено инфляционными процессами в экономике в целом. Статьей 134 Трудового Кодекса РФ закрепляется необходимость повышения реальной заработной платы сотрудников за счет проведения ее индексации на уровень роста потребительских цен.

Таким образом, выделение во внешней среде факторов по связи со средой групп ближнего и дальнего

окружения, а во внутренней среде по связи с личностью сотрудника, его личностно-индивидуальных и профессионально-деловых характеристик, с развернутой детализацией по всем связям при понимании многоуровневости управления, позволяет сформировать методический подход к управлению инновационной активностью персонала. Последняя становится действенным фактором управления инновационным развитием предприятия. Ввод в научный оборот понятия уровня инновационной активности персонала как количественного критерия позволяет обоснованно выполнять прогноз вариантов развития предприятия и определять наиболее значимые на текущий момент факторы результативного управления. Предложенная система стимулирования позволяет целевым образом и ощутимо для персонала заинтересовывать все категории работников в эффективной инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Белкин, В.Н. Актуальные проблемы управления инновационной активностью персонала промышленных предприятий / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, О.А. Антонова // Дискуссия. — 2019. — № 5 (96). — С. 46–59.
- Горшенин, В.П. Факторы инновационности персонала предприятия в условиях быстроменяющейся конкурентной среды / В.П. Горшенин, Ю.И. Кильдибаева // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Экономика и менеджмент». — 2014. — Том 8. — № 4. — С. 95–101.
- Зубкова, О.В. / Инновационные методы управления персоналом предприятия / О.В. Зубкова, Е.В. Кучина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2019. — Т. 13. — № 3. — С. 154–163.
- Клочкова, Н.В. Повышение инновационной активности персонала в интересах развития предприятия / Н.В. Клочкова, Н.Н. Саксина // Вестник ОрелГИЭТ. — 2013. № 4 (26). — С. 7–13.
- Криворотов, В.В. Оценка и регулирование конкурентоспособности предприятия с учетом мотивации персонала / В.В. Криворотов, А.В. Пахтусов, С.Е. Ерыпалов // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. — 2015. — № 7. — С. 42–49.
- Кулькова И.А., Николаев Н.А. Методические положения по оценке и развитию факторов формирования вовлеченности персонала в деятельность предприятия / И.А. Кулькова, Н.А. Николаев // Известия УГУ. — 2016. — Вып. 4 (44). — С. 88–93. DOI 10.21440/2307–2091–2016–4–88–93.
- Саксина, Н.Н. Активность персонала как фактор инновационной деятельности предприятия / Н.Н. Саксина, С.А. Бабенко // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 5. — С. 219–223.
- Эсаулова, И.А. Инновационный потенциал персонала как источник динамических возможностей организации / И.А. Эсаулова // Вестник НГУЭУ. — 2015. — № 2. — С. 262–271.
- Akrama, T. The impact of organizational justice on employee innovative work behavior: Mediating role of knowledge sharing / T. Akrama, S. Leia, M.J. Haidera, S.T. Hussaina // Journal of Innovation & Knowledge. — 2020. — Vol. 5. Issue 2. — pp. 117–129.
- Ганькина, А.В. Понятие инновационной активности персонала и ее характерные признаки / А.В. Ганькина // Достижения науки и образования. — Иваново. — 2018. — С. 55–57. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-innovatsionnoy-aktivnosti-personala-i-ee-harakternye-priznaki/viewer>.
- Сокерина, С.В. Формирование активной инновационной деятельности персонала предприятия / С.В. Сокерина // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Экономика и управление. — 2016. — № 2 — С. 96–100. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2016/02/2016–02–17.pdf>.
- Shin, S.J. When perceived innovation job requirement increases employee innovative behavior: a sensemaking perspective / J. Shin, F. Yuan, J. Zhou // Journal of organization behavior. — 2017. — Volume 38. — Issue 1. pp. 68–86. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/job.2111>
- Безлепкин, М.Н. Влияние организационной культуры на инновационную активность персонала: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08 / Безлепкин Максим Николаевич; [Место защиты: С. — Петерб. гос. инженер. — эконом. ун-т]. — Санкт–Петербург, 2008. — 192 с.
- Глущенко, В.В. Стратегическое управление инновационным поведением персонала организации / В.В. Глущенко, И.И. Глущенко, Е.А. Карпова, В.С. Сычев // Бюллетень науки и практики. — 2018. — Т. 4. № 6. — С. 212–232.
- Виноградова, Т.А. Анализ и прогнозирование уровня инновационной активности персонала промышленного предприятия / Т.А. Виноградова, М.С. Кувшинов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. — № 2 (164). — С. 55–62.
- Фишберн, П. Теория полезности для принятия решений / П. Фишберн. Экономико-математическая библиотека. — М.: Наука, 1978. — 352 с.

17. Андрейкина, Е. Премирование проектных команд: старая новая сказка / Е. Андрейкина // Справочник по управлению персоналом. — 2015. — № 8. — 6 с. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://www.compandben.org/upload/iblock/0c2/0c2e03674b6f474ee5f927455b9ae188.pdf>.
18. Сайфутдинова, Д.А. Совершенствование формирования переменной части заработной платы на основе управления по целям / Д.А. Сайфутдинова, И.А. Соловьева // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Выпуск 1, январь — февраль 2014. 10 с. [Электронный ресурс] . — Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/52EVN114.pdf>.

© Кувшинов Михаил Сергеевич (msk1954@mail.ru), Виноградова Татьяна Александровна (shishkinata@susu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Челябинск

РАЦИОНАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ — ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

RATIONAL LAND USE IS THE MOST IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE

N. Kuz'mich

Summary. Ensuring rational land use in agriculture is one of the main goals of sustainable development, which is still not being achieved in Russia. The existing mechanism of agriculture requires improvement in the direction of ensuring the balanced development of ecological and economic systems. One of the instruments of state regulation of activities to ensure the rational use of land is the development and implementation of targeted programs. The article considers the experience of rational land use in agriculture in China, which is relevant and may be of interest to a wide range of readers and specialists in this field. The main research methods that were used to write this work are methods of observation and a systematic approach.

Keywords: agrarian sphere, land legislation, land relations, land resources, land use, Heilongjiang province, rational land use, agricultural organization, agricultural land.

Кузьмич Наталья Павловна

Кандидат экономических наук, доцент,
Дальневосточный государственный аграрный
университет
kuzmiz@list.ru

Аннотация. Обеспечение рационального землепользования в сельском хозяйстве — одна из основных целей устойчивого развития, добиться достижения которой в России все еще не удается. Сложившийся механизм ведения сельского хозяйства требует совершенствования в направлении обеспечения сбалансированного развития эколого–экономических систем. Государственное регулирование рационального землепользования реализуется с помощью актуализации норм и законов и реализации целевых программ. В статье рассмотрен опыт рационального землепользования в сельском хозяйстве Китая, который актуален и может быть интересен широкому кругу читателей и специалистов в данной области. Основными методами исследования, которые были использованы для написания данной работы, являются методы наблюдения, системного подхода.

Ключевые слова: аграрная сфера, земельное законодательство, земельные отношения, земельные ресурсы, землепользование, провинция Хэйлунцзян, рациональное землепользование, сельскохозяйственная организация, сельскохозяйственные угодья.

Земля является наиболее важной материальной основой для выживания и развития человека, включая обрабатываемые земли, леса луга, реки, озера, земли под городскими, сельскими, жилыми и общественными объектами, промышленные земли и т.д. Рациональное землепользование и охрана земельных ресурсов всегда имели первостепенное значение.

В настоящее время значительно обострились проблемы, связанные с ухудшением качественного состояния и деградацией сельскохозяйственных земель, поскольку землепользователи сосредоточены исключительно на максимизации прибыли и росте объемов производства продукции. Безусловно, земельные ресурсы они воспринимают как неисчерпаемый источник формирования урожая, а необходимость воспроизводства плодородия почв даже не рассматривается. Однако неблагоприятные процессы, такие как прогрессирующее истощение и деградация почв, не позволят обеспечить устойчивое развитие аграрной сферы в долгосрочной перспективе. Ключом к достижению рационального землепользования является эффективное совмещение в аграрной экономике экономических

и экологических процессов. Целесообразность рационального землепользования в сельском хозяйстве подтверждена результатами научных исследований ученых [1; 6].

Рациональное использование земель представляет собой многогранную деятельность и требует комплексного и обоснованного государственного подхода к разработке и практическому воплощению различных мероприятий. Ослабление роли государства в данном направлении приводит к уменьшению площади используемых сельскохозяйственных земель, к деградации огромных территорий, ко многим негативным процессам, которых нельзя избежать на уровне собственников сельскохозяйственных земель.

Государство осуществляет регулирование деятельности в области рационального землепользования, которое реализуется по следующим направлениям:

- ◆ разработка и реализация федеральных целевых программ рационального землепользования и охраны земельных ресурсов;
- ◆ организация эффективного мониторинга земель;

- ◆ разработка стандартов, правил и регламентов в области обеспечения плодородия сельскохозяйственных угодий;
- ◆ финансирование мероприятий по обеспечению плодородия сельскохозяйственных угодий и т.д.

На уровне собственников сельскохозяйственных земель одним из направлений рационального землепользования является освоение севооборотов. Установлено, что деятельность по освоению севооборотов не требует больших капитальных вложений, а их внедрение дает достаточно большой экономический эффект. Эти меры доступны каждому хозяйству. Вместе с тем, в настоящее время нет четкого контроля за использованием земельных ресурсов, землеустроительные службы оказывают слабое воздействие на состояние и рациональное использование земельных ресурсов. Рациональному землепользованию могло бы поспособствовать финансирование государством освоения сельскохозяйственными предприятиями высокотехнологичных способов производства и управления.

В настоящее время достаточно актуальной является задача сохранения площадей сельскохозяйственных угодий. В связи с этим представляется целесообразным поиск и использование свободных земель, пригодных в аграрном отношении. Для увеличения плодородия необходима мелиорация земель, сбалансированное применение химических удобрений, посадка лесозащитных насаждений и т.д.

Отношение к использованию земель, особенно сельскохозяйственных угодий, в других странах, в частности в КНР, существенно отличается от того, что принято в России. В связи с этим, передовой зарубежный опыт представляет большой теоретический и прикладной интерес для российской науки и органов государственного и муниципального управления.

В Китае существует только два собственника земли: один — государство, а другой — крестьянский коллектив.

Земля, принадлежащая государству включает в себя:

1. Землю в городских районах;
2. Земли, которые были конфискованы, заложены и приобретены как государственные земли и земли, экспроприированные государством в соответствии с законом в сельских и городских окраинах;
3. Леса, пастбища, пустыни и другие земли, не принадлежащие сельскому коллективу в соответствии с законом;

4. В случае миграции, стихийных бедствий, превращения членов сельской коллективной экономической организации в городских жителей, земля, которую они перестают использовать и первоначально им принадлежавшая, становится государственной собственностью.

К землям, находящимся в коллективной собственности крестьян, относятся земли в сельских поселениях и городских окраинах, предназначенные для сельскохозяйственного использования.

Политика Китая в использовании земель — это рациональное использование и защита сельскохозяйственных угодий. Государство защищает земледелие и строго контролирует возделывание земли, а также применяет систему компенсации за использование пахотных земель. Организации, ведущие строительную деятельность на селе, занимающие сельскохозяйственные угодья, несут ответственность за освоение и качество занятых сельскохозяйственных угодий. Приоритетом в строительстве пользуются неплодородные земли, которые не годятся для сельскохозяйственной деятельности. В свою очередь, несельскохозяйственное строительство должно быть направлено на улучшение и рациональное использование земли. В КНР запрещается занимать пахотные земли под строительство печей, домов, карьеров, добычу естественного строительного материала (песка) и т.д. [2].

Государство призывает сельские коллективные хозяйственные организации и отдельных лиц разрабатывать неиспользуемые земли с учетом их охраны и улучшения экологической обстановки, предотвращения эрозии почв и опустынивания земель. Если земля пригодна для развития в сельскохозяйственных угодьях, она должна использоваться преимущественно в этих целях. Неиспользованная земля должна быть оценена и, в соответствии с законом, подвергаться рекультивации, обозначенной общим планом землепользования. Запрещается уничтожать леса, лугопастбищные угодья и возделываемые земли, запрещается строить на полях. Если земля изымается из сельскохозяйственного использования, то это должно быть одобрено народным правительством провинции или муниципалитета непосредственно под управлением центрального правительства и доведено до сведения Государственного совета.

Термин «сельская земля», используемый в Законе КНР «О земельном подряде в деревне», принятом в 2002 году, относится к коллективно принадлежащим крестьянам пахотным землям, лесу, пастбищам и другим землям. Государство реализует систему управления земельными ресурсами в сельской местности. При

заключении договора об использовании сельскохозяйственных земель, применяется метод заключения договоров с домохозяйствами в сельских коллективных хозяйственных организациях. Государство защищает долгосрочную стабильность договорных отношений сельскохозяйственного землепользования в соответствии с законом. После заключения договора об использовании сельскохозяйственных угодий, характер собственности на землю остается неизменным. Контрактная земля не может быть куплена или продана [3].

В первую очередь имеют право заключать договоры по использованию сельскохозяйственных земель члены сельских коллективных хозяйственных организаций. Ни одна организация или физическое лицо не может лишать или незаконно ограничивать права членов сельских коллективных хозяйственных организаций на контрактную землю.

Сельскохозяйственное земледелие в КНР придерживается принципов открытости, справедливости и беспристрастности в интересах государства, коллектива и человека. Оно должно соблюдать законы и рационально использовать земельные ресурсы. Контрактированная земля не может использоваться для несельскохозяйственного строительства без официального разрешения и юридического оформления.

Государство поощряет фермеров и сельские коллективные экономические организации, которые вкладывают инвестиции в землю, в удобрение почвы и улучшение возможностей сельскохозяйственного производства. Государство защищает законные права и интересы коллективных землевладельцев и защищает права управления договором на землю подрядчика. Ни одна организация или лицо не могут нарушать его.

Таким образом, государство стремится сберечь пахотные земли в стране и стимулировать рациональное использование сельскохозяйственной земли.

Рыночный механизм играет все более важную роль в распределении земельных ресурсов. Государственная политика и меры по защите сельскохозяйственных земель постоянно укрепляются, совершенствуется регулирование и контроль.

В процессе нехватки городских земель, а также быстрого развития урбанизации в Китае, правительства некоторых городов усилили интенсивность освоения и использования земель. В связи с этим, земельные ресурсы в городах были чрезмерно использованы, а потенциал самообновления городских наземных экосистем практически разрушен. Хотя площадь городских земель в Китае растёт относительно быстрыми темпа-

ми, их площадь на душу населения по-прежнему ниже, чем в среднем в мире.

Сельскохозяйственные земли провинции Хэйлуцзян внутри страны считаются самыми лучшими. Количество обрабатываемой земли на каждого жителя провинции в 2 раза больше, чем в среднем по Китаю. Городской округ Хэйхэ — городское административное образование провинции Хэйлуцзян, расположен в северо-восточной части провинции Хэйлуцзян. На северо-востоке городской округ Хэйхэ граничит с Россией, ее субъектом Амурской областью. Общая численность населения составляет 1 650 000 человек. Площадь сельскохозяйственных угодий в провинции Хэйлуцзян (КНР) составляет около 20% от площадей, используемых для этих целей в стране, в целом [4].

Центральное правительство и правительство провинции Хэйлуцзян содействуют активному развитию сельского хозяйства. С целью увеличения дохода крестьян, активно развивается животноводческое хозяйство, открываются предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Благодаря целенаправленной политике, реализуемой властями провинции, в деревнях, селах, уездах создается необходимая социальная инфраструктура. Стратегия землепользования городского округа Хэйхэ основывается на научной концепции развития, на необходимости рационально использовать и активизировать сбережение сельскохозяйственных земель [5].

Итак, исходя из отечественного и зарубежного опыта планирования мероприятий по рациональному землепользованию, нужно отметить следующее:

- ◆ сохранение фонда сельскохозяйственных земель — обязательная часть земельной политики государства;
- ◆ необходимо планировать использование сельскохозяйственных земель в комплексе с землями другого назначения и имеющейся инфраструктурой;
- ◆ планирование следует осуществлять, четко соблюдая действующее законодательство и т.д.

Однако, при этом, существуют определенные основания для принятия решения землепользователями, которые могут являться причиной для нерационального землепользования. Среди них выделяют финансово-экономические барьеры, препятствующие формированию рационального землепользования. Для рационального землепользования необходимы значительные текущие затраты и капиталовложения, окупаемость которых можно проследить лишь в долгосрочной перспективе. При этом, в краткосрочной перспективе это может привести к некоторым экономиче-

ским потерям — снижению доходности производства за счет роста затрат на природоохранные мероприятия. Однако если данные мероприятия не проводить, то в долгосрочной перспективе деградация земель приведет к снижению естественного плодородия и повышению предельных издержек. В данном случае для обеспечения рационального землепользования важно оптимальное применение со стороны государства санкционных методов (в случае нерационального и нецелевого использования земельных ресурсов) и компенсационных методов (компенсации части расходов участников земельных отношений на восстановление почвенного плодородия и т.д.).

По оценкам многих исследователей, кроме всего прочего, формируются административно-политические барьеры из-за противоречивости и оторванности от реальной ситуации политики государства в области землепользования. Для их преодоления, следует ко-

ординировать государственный учет, нормирование и контроль показателей плодородия земель.

Кроме того, нерациональность землепользования в значительной степени объясняется организационно-технологическими причинами. Здесь важно обеспечить имеющиеся площади сельскохозяйственных угодий различными видами ресурсов, привлекать в сельскохозяйственный оборот неиспользуемые или заброшенные ранее земли. Внедрение инновационных систем землепользования сдерживается отсутствием и недостатками осведомленности и образования [1].

Таким образом, жизнь настоятельно требует уважительного отношения к нашей земле. Пора серьезно задуматься над тем, как повысить плодородие почв. Любые кризисные явления носят временный характер, а проблема осуществления рационального землепользования актуальна всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовицкий, А.А. Концептуальные и методологические подходы к формированию рационального землепользования в сельском хозяйстве / А.А. Дубовицкий, Э.А. Климентова // Экономика сельского хозяйства России. — 2021. — № 8. — С. 40–46. DOI: 10.32651/218–40
2. Дэн Ронг. О защите и устойчивом использовании сельских земельных ресурсов / Дэн Ронг, Хуан Маньхун // 现代农业, 2009. — № 10. — С. 29–32. (на кит.яз.)
3. Кузьмич, Н.П. Использование и охрана земельных ресурсов в Китае в свете развития урбанизации / Н.П. Кузьмич // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 2 (136). — С.76–81. DOI: 10.26726/1812–7096–2022–2–76–81
4. Кузьмич, Н.П. Особенности земельной системы Китая / Н.П. Кузьмич, Цзан Сипэн // Современные гуманитарные исследования. — 2020. — № 3 (94). — С. 20–21.
5. Сун Це. Современное сельское хозяйство провинции Хэйлуцзян (КНР) как национальная модель развития / Сун Це // Власть и управление на Востоке России. — 2019. — № 2 (87). — С. 36–41. DOI: 10.22394/1818–4049–2019–87–2–36–41
6. Тарасов, А.С. Регулирование рационального использования сельскохозяйственных угодий / А.С. Тарасов // Экономика и экология территориальных образований. — 2018. — Т. 2, № 1. — С. 88–99. DOI: 10.23947/2413–1474–2018–2–1–88–99

© Кузьмич Наталья Павловна (kuzmiz@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛАСТЕРЫ В АПК РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CLUSTERS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Yu. Mindlin

Summary. In recent years, a new form of cooperation of economic entities has been implemented in Russia's industrial policy — the cluster approach, which makes it possible to increase the efficiency of the companies participating in the cluster. The cluster approach is quite relevant in the Russian agro-industrial complex, which is due to the need to support agricultural producers as part of the implementation of import substitution programs, the development of innovations and increasing the competitiveness of Russian products on the world market in modern economic conditions.

The article presents the points of view on the interpretation of the concept of «agro-industrial cluster», the features of the application of the cluster approach in the agro-industrial complex of Russia, as well as existing problems in this area. Based on the results of the study, the directions of development of Russian agro-industrial clusters and ways to solve the identified problems in modern conditions are proposed. This will be facilitated by the development of regulatory regulation in the field of specifying the concept and structure of agro-industrial clusters, their specific features, as well as the development of special measures of state support and their consolidation at the legislative level. At the same time, existing clusters in the agro-industrial complex should use all sources of support from the state and the public within the established Support Centers, Cluster Associations, the Russian Cluster Observatory, as well as the measures of state support proposed to date.

Keywords: agro-industrial complex, agro-industrial complex, agro-industrial cluster, cluster, cluster approach, state support, import substitution.

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

Аннотация. В последние годы в промышленной политике России реализуется новая форма кооперации экономических субъектов — кластерный подход, который позволяет повысить эффективность деятельности участвующих в кластере компаний. Достаточно актуальным кластерный подход является в российском агропромышленном комплексе, что обусловлено необходимостью поддержки сельхозпроизводителей в рамках реализации программ импортозамещения, развития инноваций и повышения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке в современных экономических условиях.

В статье представлены точки зрения на трактовку понятия «агропромышленный кластер», особенности применения кластерного подхода в агропромышленном комплексе России, а также существующие в данной сфере проблемы. По результатам исследования предложены направления развития российских агропромышленных кластеров и пути решения выявленных проблем в современных условиях. Этому будет способствовать развитие нормативно-правового регулирования в области конкретизации понятия и структуры агропромышленных кластеров, их специфических признаков, а также разработка специальных мер государственной поддержки и закрепление их на законодательном уровне. Вместе с тем существующие кластеры в АПК должны использовать все источники поддержки со стороны государства и общественности в рамках созданных Центров поддержки, Ассоциаций кластеров, Российской кластерной обсерватории, а также предложенных на сегодняшний день мер государственной поддержки.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, АПК, агропромышленный кластер, кластер, кластерный подход, господдержка, импортозамещение.

Реализация кластерного подхода в развитии отраслей промышленности России в последнее время показывает эффективные результаты, что повышает его актуальность и значимость. К преимуществам кластерного подхода относят рост эффективности деятельности участников кластера с синергетическим эффектом, который достигается в результате усиления кооперационных связей между компаниями разных отраслей. Так, в структуру кластера, как правило, входят производственные предприятия (одно предприятие-лидер, а также несколько взаимозависимых предприятий, в том числе малый бизнес), образовательные

и/или научно-исследовательские институты; поддерживающие компании инфраструктуры кластера. Также преимуществом кластерного подхода является рост эффективности целевого применения средств бюджета при расстановке приоритетов и тщательном отборе адресатов с максимальным потенциалом. Кроме того, важнейшим преимуществом кластерного подхода также является возможность построения эффективного стратегического диалога между государственными органами и предпринимательским сообществом. Это способствует повышению качества и скорости принимаемых государственных и бизнес-решений в результате

дополнительно осуществляемой экспертизы и контролю со стороны участников кластера, так как в нем могут и должны быть конкурирующие предприятия [7, 13, 15].

Особое значение отрасли АПК в реализации кластерного подхода заключается в активизации в России политики импортозамещения в современных условиях, обусловленных политической нестабильностью и воздействием беспрецедентного количества антироссийских санкций, которые носят, прежде всего, экономический характер и ограничения на ввоз импортных товаров [8, 14].

Отрасль сельского хозяйства имеет межотраслевой характер, в связи с чем оказывает влияние на достижение конкурентоспособности всей экономики. Продукция сельскохозяйственного производства позволяет удовлетворять все потребности граждан в продуктах питания, тем самым оказывая влияние на здоровье всей нации и социальную стабильность [11, с. 85]. Следовательно, можно говорить о большой социальной и экономической значимости АПК в экономике страны, что свидетельствует о важности реализации кластерных инициатив в данной отрасли.

На нормативно-правовом уровне отсутствует определение понятия «агропромышленный кластер», поэтому многими авторами предпринимаются попытки к его трактовке.

Т.И. Волкова предлагает под агропромышленным кластером понимать систему экономических субъектов, имеющих территориальную концентрацию и реализующих общую деятельность по разработке и производству инновационной продукции, а также производству, переработке и продаже аграрной продукции с использованием уникальных конкурентных преимуществ и новейших технологий [5, с. 28].

П.С. Юнусова предлагает понимать по агропромышленным кластером систему экономических субъектов, территориально сконцентрированных и взаимосвязанных на основе технологий, целью сотрудничества которых является достижение экономической выгоды и рост уровня конкурентоспособности страны и/или региона с помощью инновационных технологий [13, с. 37].

Представленные определения базируются на определении промышленного кластера, указанного в Федеральном законе № 488-ФЗ [1]: «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного или несколь-

ких субъектов РФ». Однако определения агропромышленного кластера учитывают специфику сельскохозяйственного производства, а также указывают на инновационную составляющую в деятельности агропромышленных кластеров, а также цель их создания — повышение конкурентоспособности региона или страны, что считаем достаточно важным дополнением.

Несмотря на то, что курс на реализацию кластерной политики в нашей стране был положен еще в 2012 году с принятием Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [2], нормативно-правовой базы по созданию и развитию агропромышленных кластеров, обладающих своей спецификой, до сих пор не разработано. В различных федеральных законах предусматриваются мероприятия в области финансирования государством мероприятий по развитию кластеров. Однако об агропромышленных кластерах и особенных мерах поддержки данной отрасли информация отсутствует.

В отраслевых нормативно-правовых актах АПК не уделяется достаточного внимания проблемам создания и развития агропромышленных кластеров, как на национальном, так и на региональном уровне. В тех документах, где это прописано, мероприятия касаются только отдельных регионов. Также в Методических рекомендациях [3] совершенно не учитываются особенности агропромышленных кластеров.

Поэтому первоочередными мерами по развитию агропромышленных кластеров должно стать формирование адекватной современным экономическим условиям нормативно-правовой базы в следующих аспектах:

- ◆ законодательное закрепление понятия «агропромышленный кластер» с отражением его специфических особенностей;
- ◆ закрепление агропромышленных кластеров как особой группы в таких документах, как Федеральный закон «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» и Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации;
- ◆ закрепление порядка создания (состав участников, формы кооперационных связей и т.д.) агропромышленных кластеров;
- ◆ разработка и закрепление особых мер государственной поддержки агропромышленных кластеров.

В настоящее время в агропромышленном секторе России существуют проблемы в области реализации программ импортозамещения. В частности, остро выделяется проблема семеноводства (устаревшее оборудо-

Рис. 1. Движущие силы развития агропромышленных кластеров в России, активизация которых приведет к повышению эффективности их работы
Источник: составлено автором по данным [10, с. 157]

дование, дефицит семян), проблема зависимости от зарубежного генетического материала животноводстве и проблема обеспечения сельхозтехникой и комплектующими узлами для уже имеющейся импортной техники [6, 12]. Решению данных проблем может способствовать кластерный подход в аграрном секторе.

Как отмечает Т.В. Фадеева, для успешного выполнения задач кластеров в России необходима активизация движущих сил, которые также могут быть применены к агропромышленным кластерам (рис. 1).

Вместе с тем существующие кластеры в АПК должны использовать все источники поддержки со стороны государства и общественности. Со стороны государства осуществляются следующие формы поддержки кластеров АПК: государственные инвестиции целевого характера в развитие инфраструктуры кластеров (транспортной, институциональной и инновационной), мероприятия по поддержке НИОКР, межбюджетные субсидии на конкретные цели для реализации задач кластера, государственная поддержка подготовки ка-

дров, содействие развитию сотрудничества между предприятиями и вузами [3].

В частности, это могут быть субсидии для компенсации части расходов на НИОКР, для компенсации расходов на уплату кредитных процентов, возвратное финансирование проектов. На региональном уровне реализуется такая мера господдержки, как софинансирование значимых для кластера мероприятий (в т.ч. маркетинговые мероприятия или сертификация) [10, с. 159].

Также агропромышленным кластерам необходимо максимально использовать возможности Центров кластерного развития, которые открыты на региональном уровне на основе финансирования Министерства экономического развития РФ. Центры оказывают поддержку в виде консультаций, услуг организации деятельности, проработки финансовых и маркетинговых вопросов участников кластеров. Российская кластерная обсерватория, образованная в 2012 году на базе НИУ «Высшая школа экономики», оказывает помощь

кластерам в виде консультаций и специализированного обучения кадровых ресурсов для кластеров [9].

Кроме того, необходимо обратить внимание на общественную поддержку кластерных инициатив. Для поддержки организации кластеров и их дальнейшей деятельности, в том числе агропромышленных кластеров, в России была создана Ассоциация кластеров, технопарков и особых экономических зон России, которая является ведущей общественно-деловой организацией, способствующей объединению предприятий технологической и промышленной инфраструктуры. В настоящее время Ассоциация представляет около 4000 предприятий, входящих в кластеры и другие объединения, с общей численностью работников более 370 тыс. человек.

Для реализации своих функций Ассоциация сотрудничает с Министерством промышленности и торговли РФ, Министерством экономического развития РФ, с Государственной Думой ФС РФ, со Счётной палатой РФ и другими органами власти. Целью данного сотрудничества является формирование оптимальных условий в области развития предпринимательства, а также промышленного производства в России. Ассоциация занимается выдвиганием предложений в области совершенствования и развития механизмов поддержки кластерных инициатив и промышленности со стороны государства, способствуют активизации мер по расширению экономической свободы в области управления кластерами, участвуют в создании специальных образовательных программ для развития кластерных инициатив, а также способствуют внедрению новых стандартов [4].

В условиях пандемии коронавируса и антироссийских санкций главным вектором работы Ассоциации стали проекты импортозамещения. В данной сфере Ассоциация способствует сохранению цепочек добавленной стоимости и устоявшихся кооперационных связей, а также расширению ассортимента и увеличению объёмов выпуска продукции в случае необходимости удовлетворения потребностей спроса, ранее обеспечиваемых импортными товарами недружественных стран. Поэтому именно кластеры в АПК выходят на первый план в деятельности Ассоциации.

Таким образом, агропромышленные кластеры играют большую роль в развитии экономики России, в том числе в рамках программ импортозамещения и повышения конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке. Поэтому так важно осуществлять меры по решению проблем, возникающих при формировании и развитии агропромышленных кластеров в России. Этому будет способствовать развитие нормативно-правового регулирования в области конкретизации понятия и структуры агропромышленных кластеров, их специфических признаков, а также разработка специальных мер государственной поддержки и закрепление их на законодательном уровне. Вместе с тем существующие кластеры в АПК должны использовать все источники поддержки со стороны государства и общественности в рамках созданных Центров поддержки, Ассоциаций кластеров, Российской кластерной обсерватории, а также предложенных на сегодняшний день мер государственной поддержки. Все это будет способствовать развитию отрасли сельского хозяйства и повышению конкурентоспособности нашей страны на мировом продовольственном рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/0 (дата обращения: 28.01.2023).
2. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 28.01.2023).
3. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 N 20615-ак/д19) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 28.01.2023).
4. Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России // <https://akitrf.ru/clusters/accreditation/> (дата обращения: 28.01.2023).
5. Волкова, Т.И. Понятие агропромышленного кластера // Агропродовольственная политика России. — 2017. — № 11 (71). — С. 23–29.
6. Горшкова, Н.В., Шкарупа Е.А., Елтонцев А.В. Импортозамещение в АПК: механизм реализации и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2021. — Т. 23. — № 3. — С. 63–73.
7. Куценко, Е. Артемов С., Абашкин В., Исланкина Е. Агропромышленные кластеры: зарубежный опыт и российские практики // Российская кластерная обсерватория ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/216098004> (дата обращения: 28.01.2023).
8. Попова, И.Н., Сергеева Т.Л. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. — 2022. — № 2 (43). — С. 73–84.
9. Российская кластерная обсерватория // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — URL: <https://cluster.hse.ru/> (дата обращения: 28.01.2023).
10. Фадеева, Т.В. Рекомендации по реализации кластерной политики в современной России // Омский научный вестник. — 2021. — № 2. — С. 154–160.

11. Цугленок О.М. Значение кластеров для развития сельского хозяйства // Эпоха науки. — 2021. — № 27. — С. 84–87.
12. Чернова, В.Ю., Зобов А.М., Дегтерева Е.А., Старостин В.С. Реализация политики импортозамещения в АПК России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. — № 8. — С. 192–204.
13. Юнусова, П.С. Теоретические основы формирования региональных агрокластеров // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2021. — № 2. — С. 31–38.
14. Sihlobo, W. Agriculture after Covid-19 // Bangkokpost. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/1904870/agriculture-after-covid-19> (accessed 28 January 2023).
15. Suire, R., Vicente J. Clusters for Life or Life Cycles of Clusters: In Search of the Critical Factors of Cluster Resilience // Entrepreneurship and Regional Development, Forthcoming. 2011.. — P. 31–35.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ. ИНТЕГРИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS THE BASIS OF WORLD WATER POLICY. INTEGRATED WATER RESOURCES MANAGEMENT

M. Oskina

Summary. The article analyzes the main decisions of the state policy in the field of water resources. The necessity of transition from a technogenic type of development to a sustainable one in order to prevent an ecological crisis is indicated. The implementation of the principles of sustainable development with the help of tools and mechanisms of integrated water resources management is proposed, as well as priority measures for the formation of this model are highlighted.

Keywords: water resources, sustainable development, economic activity, environmental innovations, environment, integrated water resources management.

Оськина Мария Александровна

Аспирант, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
sky_mari@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ основных решений государственной политики в области водных ресурсов. Обозначена необходимость перехода от техногенного типа развития к устойчивому с целью предотвращение экологического кризиса. Предложена реализация принципов устойчивого развития с помощью инструментов и механизмов интегрированного управления водными ресурсами, а также выделены первоочередные мероприятия по формированию данной модели.

Ключевые слова: водные ресурсы, устойчивое развитие, экономическая деятельность, экологические инновации, окружающая среда, интегрированного управления водными ресурсами.

Проблемы мировой политики в области водных ресурсов достаточно подробно освещены в трудах Ю.С. Куденеевой, И.Е. Нестеровой, И.П. Деревяго, Э.С.О. Теймурова и др. И, казалось бы, что актуальность почти утрачена. Тем не менее, проблема снижения вредного влияния от хозяйственной деятельности на окружающую среду и негативных экологических последствий, связанных с нарушением природных условий в связи с негативным влиянием промышленной деятельности, чрезвычайными ситуациями техногенного характера на сегодняшний день особенно важна.

Эффективным решением данной проблемы, которое при этом обеспечит развитие предприятия и рост показателей эффективности его экономической деятельности, являются экологические инновации. Это обусловлено необходимостью обеспечения их устойчивого развития, повышением конкурентоспособности и социальной ответственности по охране окружающей среды.

В современном мире экология и экономика все чаще пересекаются. Напряженность отношений меж-

ду природой и обществом стремительно обостряется, приближая осознание обществом реальности угрозы глобальной экологической катастрофы. Преобладающий на мировом рынке техногенный тип экономического развития можно охарактеризовать как наносящий разрушающее влияние на окружающую среду, основанный на использовании искусственных средств производства, созданных без учета экологических приоритетов.

С целью предотвращения экологического кризиса растет необходимость перехода от техногенного типа развития к устойчивому, что предполагает использование новых технологий, призванных удовлетворять потребности человечества без нанесения вреда окружающей среде и в то же время связанных с использованием инновационной деятельности, реализацией наукоемкой продукции и использованием человеческого потенциала.

Целью же экологически нацеленной инновационной деятельности компаний считается внедрение экологически незапятнанных безотходных и малоотходных технологий, установление очистных сооружений,

создание экологически незапятнанной продукции [4]. Такие инновации способны обеспечить устойчивое развитие, решить вопрос ограниченности ресурсов и их высокую стоимость, обеспечить долгое существование природных богатств, повысить заинтересованность общества в сохранении окружающей среды.

Водные ресурсы являются ключевым элементом устойчивого функционирования природных экосистем, необходимым условием жизнедеятельности человека, определяющим фактором размещения производительных сил и эффективного социально-экономического развития стран и регионов.

Быстрая урбанизация, загрязнение окружающей среды и изменение климата чреваты устойчивым функционированием природных водных экосистем, а также систем водообеспечения населения и экономики. Ситуация усложняется в связи с повышением спроса на воду для удовлетворения потребностей растущего населения мира (которое составляет более 7 млрд. человек), для производства продуктов питания, энергетики, промышленного и бытового использования.

По данным ООН, от дефицита воды страдает более 40% населения мира, и эта цифра постоянно растет. По оценкам экспертов, доступа к чистой воде лишены 783 млн. жителей планеты, более 1,7 млрд. человек, проживающих на территории речных бассейнов, нуждаются в дополнительных источниках качественных водных ресурсов. Кроме жизненно необходимых функций, доступ к чистой питьевой воде является важным фактором гарантии безопасности и соблюдения основных прав и свобод человека [4].

Учитывая выше указанное, а также полифункциональность привлечения водных ресурсов в социо-эколого-экономических системах, постоянный рост спроса на воду, чрезмерную эксплуатацию поверхностных и подземных водных источников, непредсказуемые изменения климата, в научной среде актуализируется вопрос водотрансформации существующей и создания новой системы управления водными ресурсами, которая учитывала бы широкий спектр противоречивых интересов различных субъектов и быстро и эффективно реагировала бы на соответствующие вызовы и угрозы как глобального, так и локального характера.

Кроме того, в контексте усиления тенденций глобализации и регионализации, имеющих место в практике мирохозяйственных связей, важным моментом трансформации системы управления в сфере водопользования является осуществление институциональных изменений на всех стадиях воспроизводственного процесса в различных отраслях национальной экономики, спо-

собных оптимизировать взаимосвязь между водно-ресурсной базой и методом ее социально-экономического освоения.

Исходя из этого, необходимо находить новые и совершенствовать существующие методы хозяйствования, которые обеспечивали бы достижения естественного равновесия на основах улучшения системы природоохранного законодательства, стандартов и нормативных экологических требований [12].

Несмотря на существенные научные результаты, отечественная наука еще не уделила достаточного внимания вопросам формирования единой современной и целостной системы адаптивного интегрированного управления водными ресурсами в контексте проведения реформы децентрализации. Без внимания остаются вопросы автономности бассейновых управлений относительно приоритетов ведения водохозяйственного и водоохранного бизнеса, привлечения инвестиционных ресурсов для реализации перспективных инновационных проектов коммерциализации и капитализации сферы водопользования.

Поэтому достаточно актуальным является вопрос обоснования теоретико-методологических устоев и практических механизмов формирования модели интегрированного управления водными ресурсами России в контексте обеспечения устойчивого водопользования.

Сосредоточение внимания на решении, прежде всего, производственных задач различных отраслей хозяйства в течение советского периода развития централизованной экономики определяли соответствующий приоритет использования водных ресурсов в качестве источников питьевого обеспечения и необходимого компонента развития промышленности. Концепции природопользования в этот период носили выраженный отраслевой характер. В результате этого современная система использования водных ресурсов построена согласно покомпонентному, территориально-отраслевому принципу, что привело к возникновению ряда негативных последствий, в частности: сочетание во времени и пространстве последствий антропогенной деятельности, вызывающее конфликты типа «пользователь — пользователь» и «пользователь — окружающая среда»; отсутствие административной согласованности между разными органами власти, ответственными за осуществление водохозяйственной деятельности по охране и управлению окружающей средой в целом; отсутствие функциональной связи между субъектами водохозяйственной деятельности и местными территориальными общинами; ограниченность мер сохранения биоразнообразия терри-

ториальных водно-хозяйственных экосистем; низкой инвестиционной привлекательности многих видов водохозяйственной деятельности [13].

В системе управления водными ресурсами покомпонентный подход сложился исторически и закреплён в соответствующих организационных структурах. Каждому виду водопользования (промышленное, жилищно-коммунальное, сельскохозяйственное и т.п.) отвечает специфическая форма хозяйственной деятельности со своей системой управления. Приведённые формы хозяйственной деятельности были выделены в специализированные подотрасли экономики (гидроэнергетика, обслуживание систем орошения и осушения, очистка сточных вод и т.п.). У каждой отрасли собственные исторические предпосылки развития, свои специальные особенности. Такой подход к использованию и потреблению водных ресурсов достаточно экономически эффективен, в отличие от сферы охраны водных экосистем.

Существенный вред рациональному водопользованию и охране водной среды наносится территориально-отраслевым принципом управления хозяйством и водными ресурсами. В связи с продолжительным доминированием командно-административной системы управления хозяйственной деятельностью соответствующие министерства и ведомства выступают фактическими владельцами водных ресурсов. В результате общество часто лишено возможности противостоять давлению узковедомственных интересов по их использованию [7].

Ошибки в размещении объектов промышленности, недооценке последствий хозяйственной деятельности, узковедомственный, потребительский подход привели к резкому ухудшению экологической ситуации водных объектов многих регионов страны.

Свидетельством неэффективности современной системы управления водными ресурсами, а также одним из факторов их чрезмерного загрязнения является высокий уровень физического срабатывания объектов природоохранной инфраструктуры, нуждающейся в наращивании объёмов капитальных инвестиций в модернизацию канализационных и водопроводных сетей.

Отраслевой подход наложил отпечаток и на организационные особенности сложившейся системы управления водными ресурсами. Между территориальными и отраслевыми структурами управления нет четкого разделения функций. Ведущие контрольные функции сохранились за ведомствами, где есть подготовленные кадры и материально-техническое обеспечение. Находясь на одной территории, градостроители, промыш-

ленники, представители лесо- и агропромышленного комплексов и т.д. стремятся решать свои задачи независимо друг от друга, без учета интересов территории в целом и часто нарушая ключевые принципы рационального водопользования.

Территориальный подход к организации системы управления водопользованием реализуется через функционирование соответствующих городских, областных и районных управлений. Опыт работы этих управлений показывает, что они не всегда могут противостоять увеличению загрязнений и не имеют надежных рычагов для эффективного управления водопользованием. Основная причина их низкой эффективности — отсутствие комплексного подхода к управлению водными ресурсами. Кроме того, в системе территориального управления водопользованием часто господствует организационный хаос, ведь кроме областного управления экологии и природных ресурсов может существовать еще ряд ведомственных экологических организаций, деятельность которых противоречит друг другу.

Исторически сложившийся территориально-отраслевой подход часто оказывается неэффективным при решении задач по комплексному территориальному управлению водными ресурсами. Как правило, реализация такого подхода на практике ограничивается выполнением определенных контрольно-ревизионных функций [14].

В условиях рыночной экономики роль государства по отношению к водным ресурсам существенно видоизменяется, а основное внимание сосредотачивается на реализации функций интеграции баланса интересов всех участников водоресурсных отношений, включая власть, бизнес и общество в направлении достижения эффективного экологического, социального и экономического развития. Поскольку государство заинтересовано в эффективном использовании и увеличении его природно-ресурсного потенциала как одного из мощных источников пополнения бюджета за счет поступлений от платы за пользование природными ресурсами, то создаются условия для мотивации деятельности по оптимизации затрат на изучение, охрану и защиту окружающей среды.

В этом отношении интересы бизнеса, как одного из водопользователей, также лежат в плоскости улучшения состояния водных ресурсов, поскольку связывают этот процесс с повышением доходов от их использования и получением дополнительной прибыли.

Общество же заинтересовано в сохранении природной среды с позиций, прежде всего, формирования

условий для повышения уровня социальной и экологической безопасности.

Опыт зарубежных стран свидетельствует, что эффективной альтернативой управлению водопользованием по покомпонентному, территориально-отраслевому принципу может стать система интегрированного управления водными ресурсами [5].

Систему интегрированного управления положительно воспринимают государственные и муниципальные водные институты, особенно в отношении трансграничного сотрудничества в ситуации, когда водопользование в высшей степени угрожает качеству воды, нарастающему физическому и экологическому истощению водных ресурсов [6].

Толчком к принятию концепции интегрированного управления именно водными ресурсами в большинстве европейских стран как формат унифицированного подхода стал План действий и Цели развития тысячелетия, принятые на Всемирном саммите по вопросам устойчивого развития в Йоханнесбурге в 2002 г., где была задекларирована необходимость применения экосистемного подхода к управлению водными ресурсами.

Интегрированное управление водными ресурсами — это система управления, построенная на учете и мониторинге всех видов водопользования, расположенных в пределах региональных экосистем соответствующих речных бассейнов и которая учитывает интересы разных отраслей и иерархических уровней водопользования, привлекает все заинтересованные стороны в процесс принятия решений и способствует эффективному и устойчивому их использованию.

Реализация указанных принципов дает ряд преимуществ для всех участников водохозяйственной и водоохранной деятельности. В частности, будет способствовать расширению налоговой базы взыскания платежей; идентификации источников загрязнения водных объектов; формированию прозрачных механизмов арендных сделок на водные объекты местного значения для органов местной власти.

Для бассейновых управлений водными ресурсами улучшается возможность координации мер с органами власти и водопользователями, доступность кредитов для модернизации водохозяйственной инфраструктуры.

Для водохозяйственных предприятий это будет способствовать снижению транзакционных расходов организации водохозяйственного бизнеса; синхронизации усилий по мониторингу состояния природных водных объектов; упрощению процедуры получения разре-

шения на специальное водопользование; получению дополнительных преференций в получении кредитных ресурсов и уплате местных налогов.

Сочетание усилий местных органов власти, бассейновых управлений и водохозяйственных предприятий даст возможность достичь значительных результатов повышения эффективности привлечение водных ресурсов в хозяйственный оборот.

Создание эффективного плана управления речным бассейном, который по существу представляет собой регламент для отдельных поверхностных и подземных водных объектов, является одним из важнейших направлений улучшения состояния и уровня обеспеченности водными ресурсами населения и основных отраслей экономики страны. Таким путем для каждого водного объекта определяются главные водно-экологические проблемы и оценивается экологический и химический статус или потенциал. Объективная оценка статуса поверхностных и подземных водных объектов должна стать аргументированной основой для разработки и финансирования дополнительных конкретных мер (например, строительства локальных коммунальных и промышленных очистных сооружений, развития инфраструктуры мелиоративных систем и т.п.), направленных на достижение или сохранение их устойчивого экологического состояния.

Реализуются эти принципы с помощью инструментов и механизмов интегрированного управления природными ресурсами. Инструменты интегрированного управления делятся на три группы [7].

- ◆ группа А — инструменты воздействия на внешнюю среду — прогнозируемая макроэкономическая ситуация, а также стабильная политическая ситуация, гарантирующая соблюдение прав собственности на активы всех заинтересованных сторон (физических лиц, а также общественных и частных организаций и компаний, работающих в этом секторе);
- ◆ группа В — инструменты институциональных изменений — интегрированное управление водными ресурсами, охватывающее спектр политических, социальных, экономических и административных инструментов, определяющих развитие системы природопользования на различных иерархических уровнях;
- ◆ группа С — инструменты управления, компоненты и методы, помогающие лицам, принимающим решение, сделать рациональный и осознанный выбор между альтернативными действиями.

Инструменты управления включают в себя широкий спектр количественных и качественных методов

исследования гидрологии, гидравлики, экологии, инженерии, юриспруденции, социологии и экономики. Они охватывают разные сферы регулирования водопользования. Поэтому большей частью для эффективного управления следует совмещать их использование. С применением принципов, механизмов и инструментов интегрированного управления можно предложить современную модель интегрированного управления водными ресурсами России.

Эта модель предполагает формирование бассейновых водохозяйственных управлений, которые могут осуществлять в пределах водосборных бассейнов функции планирования, координации и контроля [8].

Ее основу составляет двухуровневая система управления водными ресурсами — законодательная и исполнительная. Первую функцию должен реализовать бассейновый совет, который представляет собой законодательный орган по всем водным проблемам бассейна и должен включать ответственных представителей водохозяйственных организаций, водопользователей, местной администрации и населения. Исполнительная функция реализуется путем создания независимых от местных властей бассейновых водохозяйственных объединений, сфера деятельности которых должно определяться законодательством.

Бассейновые советы создаются с целью обеспечения рационального использования и охраны водных объектов. За ними закрепляется разработка направления водной политики, рекомендаций в сфере использования и охраны водных объектов пределах бассейна, утверждение стратегических и оперативных планов, а также ставки платежей за разные виды водопользования и способствование разработке и выполнению бассейновых планов по достижению стратегической цели — улучшению качества воды и экологического состояния в бассейне, внедрению принципов комплексного управления водными ресурсами [9].

Бассейновым водохозяйственным объединением осуществляется реализация общегосударственной стратегии управления водами; методическое управление и координацию деятельности; разработку законодательно-правовой базы. Объединение финансово обеспечивается из следующих источников: средств от сборов за специальное водопользование и сбросы загрязняющих веществ в водные объекты речного бассейна; привлекаемых инвестиций к реализации инвестиционных проектов, а также целевых вкладов водопользователей; расходов государственного бюджета путем финансирования мероприятий общегосударственной целевой программы комплексного развития речных бассейнов и в составе других обще-

государственных программ; расходов из местного бюджета; международных инвестиций, кредитов, грантов и компенсаций за причиненный вред трансграничным водотокам.

Создание бассейновых советов и водохозяйственных объединений предоставляет ряд удобств и преимуществ для органов государственной власти, водопользователей и общества, а именно: повышает вероятность своевременного выявления проблем и принятия адекватных решений по их устранению; создает институциональную основу для разрешения конфликтов в водном секторе; обеспечивает осуществление общественного контроля; улучшает доступ к информации о состоянии водных объектов и качестве принятых решений по их охране и воспроизводства и т.д. [10].

Первоочередными мероприятиями по формированию модели интегрированного управления водными ресурсами должны быть:

- ◆ либерализация форм собственности водных объектов и водохозяйственные сооружения путем дальнейшей институционализации частного и коммунального сектора;
- ◆ повышение инвестиционной привлекательности водохозяйственных объектов путем льготного налогообложения и кредитование проектов модернизации гидротехнических сооружений;
- ◆ диверсификация организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в сфере водопользования через внедрение различных видов партнерских отношений;
- ◆ формирование единой регуляторной политики в сфере водохозяйственного и водоохранного предпринимательства через унификации процедур регистрации, санации и предоставления консалтинговых услуг;
- ◆ снятие барьеров для привлечения внешних инвестиций в национальный водохозяйственный комплекс через внедрение специального режима таможенного регулирования ввоза высокотехнического водоочистного оборудования.

В целом система интегрированного управления водными ресурсами является определенным вызовом традиционному подходу, исторически сформировавшемуся во многих странах. Имеющаяся система управления водными ресурсами, построенная по компонентному, территориально-отраслевому принципам, вызывает чрезвычайно высокие и недопустимые на современном этапе развития человечества экономические, социальные и экологические издержки [11].

Если ситуацию оставить неизменной, то дефицит и ухудшение качества водных ресурсов станут реша-

ющими факторами, ограничивающими будущее экономическое развитие, увеличение производства продуктов питания и элементарных услуг в сфере охраны

здоровья и гигиены. Ситуация, при которой система управления остается без изменений, ведет к экологической, финансовой и социальной неустойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куденева Ю.С. Политические аспекты международного сотрудничества в сфере использования чистой воды: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М. 2013. 28 с.; Нестерова, И.Е. Межгосударственное взаимодействие по проблеме трансграничных рек в контексте глобального управления: на примере Африки: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб. 2013. — 195 с.;
2. Деревяго, И.П. Экономические инструменты управления водными ресурсами и объектами и водохозяйственными системами в Республике Беларусь // Тематические материалы проекта «Водная инициатива ЕС плюс для Восточного партнерства» / И.П. Деревяго, С.А. Дубенок. — Минск: БГТУ, 2019. — 304 с.; Теймуров, Э.С.О.
3. Международно-правовое регулирование рационального использования пресной воды: Автореф. дисс. ... канд. юрид. — М. 2016. 26 с.
4. Мерзлякова, Е.А., Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2019. С.104–111.
5. Глобальные вопросы повестки дня. Вода [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/water/index.html>.
6. Мустафаев, Ж.С. Интегрированное управление водными ресурсами бассейнов трансграничных рек с учетом геоэкологического ограничения // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 4. С.48–51.
7. Гудкова, Н.К. Учет влияния геологических процессов бассейнов рек в интегрированном управлении водными ресурсами // Фундаментальные исследования. 2021. № 9. С.21–25.
8. Мустафаев, Ж.С. Методологическое обеспечение интегрированного управления водными ресурсами бассейна трансграничных рек // Гидрометеорология и экология. 2018. № 2. С.99–117.
9. Абдурахманова, И.К. Определение эффективности внедрения научной организации управления в водохозяйственную систему // Вестник Прикаспия. 2018. № 3. С.54–58.
10. Неров, И.О. Участие водопользователей в решении проблем комплексного использования и охраны водных объектов // Научные проблемы оздоровления российских рек и пути их решения. 2019. С.45–55.
11. Амашукели С.А. Бассейновый подход как основа интегрированного управления водными ресурсами // Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции. 2021. № 4. С.131–143.
12. The United Nations World Water Development Report 4: Managing Water under Uncertainty and Risk (Vol. 1), Knowledge Base (Vol. 2) and Facing the Challenges (Vol. 3). Published in 2012 by the United Nations Educational. 407 p.
13. Социально-правовые механизмы природо-пользования (Анализ концепций и подходов): Аналит. обзор / Ю.Г. Марков, В.Н. Турченко, Е.А. Чиркин, С.А. Юрков; РАН Сиб. отделение. ГПНТБ; Ин-т философии и права. Новосибирск, 1995. — 150 с.
14. Тарасенко, В.С. Интегрированное управление водными ресурсами — путь к улучшению водохозяйственной обстановки в Республике Крым // Экология и промышленность России. 2020. № 9. С.64–71.

© Оськина Мария Александровна (sky_mari@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ БИЗНЕС-КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

ON THE TYPOLOGY OF BUSINESS CONSULTING SERVICES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

**A. Panarin
E. Glukhova**

Summary. The article discusses additional features in the typology of management consulting in the context of the transition to the digital economy and on this basis presents an addition to the typology according to the degree of influence of digital technologies on the types of business consulting. A look at the levels of integration of IT solutions into various types of management consulting is also presented.

Keywords: typology of business consulting services, management consulting, digital transformation, digital economy.

Панарин Андрей Александрович

Доктор экономических наук, профессор РАО,
Институт международной экономики, лидерства
и менеджмента, Россия, Москва
panarinaa@list.ru

Глухова Елена Васильевна

Преподаватель, аспирант, Московский
Университет им А.С. Грибоедова
egluhova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дополнительные признаки в типологии управленческого консультирования в условиях перехода к цифровой экономике и на этом основании представлено дополнение к типологии по степени влияния цифровых технологий на типы бизнес-консалтинга. Также представлен взгляд на уровни интеграции ИТ-решений в различные виды управленческого консультирования.

Ключевые слова: типология бизнес-консалтинговых услуг, управленческий консалтинг, цифровая трансформация, цифровая экономика.

Введение

В условиях перехода к новому технологическому укладу [1] и четвертой промышленной революции [2], трендов на автоматизацию и цифровизацию перед бизнесом стоит задача повышения эффективности в условиях вызовов цифровой экономики, что не может не отразиться и на перестройке деятельности по управленческому консультированию. Быстро изменяющаяся внешняя среда требует иных способов управления компаниями и организациями с использования современных цифровых технологий, в связи с чем цифровая трансформация вошла в число национальных задач развития РФ. [3, 4]. В последние несколько лет процессы цифровизации ускорились как в экономике, так и в организациях из-за пандемии коронавируса, когда внешняя среда становится все более неопределенной, нелинейной, сложной, динамичной и неоднозначной [5].

Бизнес-консалтинговые компании реагирует на эти изменения и вызовы, адаптируясь как к внешней среде в целом, так и к требованиям своих заказчиков. По мнению авторов, в связи с этим возникла необходимость внести дополнения в типологию управленческого консалтинга с учетом степени влияния и применения бизнес-консалтинговыми организациями ИТ — инструментов и цифровых технологий, также принимая

во внимание возможные уровни интеграции ИТ-решений и экспертизы консультантов.

Основная часть. Дополнения к типологии бизнес-консалтинговых услуг в условиях цифровой трансформации

Существуют различные определения консалтинговых услуг, предлагаемые различными авторами, в частности Берченко В.С. [6] предложено следующее определение: «Консалтинг — это деятельность, осуществляемая профессиональными консультантами, направленная на предоставление разовой или длящейся (перманентной) квалифицированной помощи менеджменту клиента в выявлении, диагностике и разрешении бизнес проблем». Ассоциацией Европейской федерацией ассоциаций управленческого консультирования (European Federation of Management Consultancies Associations — FEACO) предлагается более широкий взгляд на бизнес-консалтинг: «Управленческий консалтинг охватывает широкий спектр услуг и может быть определен как независимое консультирование и поддержка по вопросам управления. В мире, который постоянно усложняется, но и ускоряется, потребность и потребность в нейтральных экспертных советах извне более важны, чем когда-либо. Таким образом, консультант по управлению является поставщи-

Таблица 1. Типологии бизнес-консалтинговой деятельности. (разработано авторами по [8])

Признаки управленческого консультирования	Типы управленческого консультирования
По результатам на выходе	· Продуктовое УК (консультирование проекта) . · Обеспечивающее УК (консультирование процесса)
По радикальности изменений	· «Революционное» УК (принципиально новые технологии, методы управления) · «Косметическое» УК (улучшения, дополнения) . · «Обыденное» УК (элементы «революционного» и «косметического» УК)
По целям	· Целевое УК . · Многоцелевое УК
По видам решаемых задач	· Целевое УК . · Многоцелевое УК
По механизму реализации	· Объектное УК (на одном объекте) . · Полиобъектное УК (множество объектов) . · Уникальное УК · Стандартное УК
По результативности	· Завершенное УК. · Этапное УК
По месту применения	· Внутрифирменное УК. · Внешнее УК
По длительности воздействия на объект	· Краткосрочное УК. · Среднесрочное УК. · Долгосрочное УК
По прикладным функциям	· Научно-исследовательское УК. · Практическое УК
По степени воздействия	· Шоковое УК. · Ползучее УК
По количеству объектов	· Индивидуальное (интимное) УК. · Коллективное УК
По уровням и сферам управления	· Фирменное УК. · Отраслевое УК. · Муниципальное УК. · Государственное УК
По методам обучения	· Активное УК · Рутинное УК · Взаимообучающее УК
По видам управленческой деятельности	· Научно-техническое УК. · Социально-экономическое УК. · Правовое УК
По методу самооценки руководителем	· Рефлексивное УК. · Критическое УК
По масштабам организации	· Микроконсультирование (бригада, участок, цех, завод) . · Макроконсультирование (ПО, концерн, консорциум, ассоциация, территория, регион, республика)
По степени влияния цифровых технологий и применимости ИТ-инструментов в бизнес-консалтинге	· Сильное: в большей степени нужны операторы баз данных, используются ИТ-инструменты (чат-боты, цифровые, голосовые помощники, др), базы данных, а участие эксперта-консультанта минимальное · Среднее: участие и эксперта-консультанта, и цифровых технологий требуется, используются базы знаний, но дополнительно автоматизированы практические кейсы, опыт бизнес-экспертов — как в базы знаний отдельных консалтинговых компаний, так и в базы знаний · Слабое: цифровые технологии используются точечно, а участие эксперта-консультанта, наоборот, активное, консультант использует личный опыт и наработанную экспертизу в большей степени, чем ИТ- и цифровые инструменты или цифровых помощников

ком помощи, сторонником, представителем, но также и тем, кто использует возможности, решает проблемы и принимает решения» [7]. Токмакова Н.О., Андриянова М.В. уточняют определение следующим образом: «Предметом управленческого консультирования являются не управление и экономика как таковые, а методы внедрения экономических и управленческих знаний в практическую деятельность хозяйствующих субъектов. Главный специфический предмет консультирования — процесс производства и продажи продукта, называемого «консультационная услуга» [8].

В связи с различными определениями бизнес-консалтинговых услуг возникла и различная типология управленческого консалтинга, которая представлена рядом авторов [8, 9, 10, 11] в зависимости от различных признаков управленческого консультирования таких как: результаты на выходе, радикальность проводимых изменений, виды решаемых задач, механизмы реализации, результативность и др. Типология бизнес-консалтинговых услуг необходима для «более точной идентификации каждого нового вида управленческого консультирования» [8]. Различные характеристики, которые даются различным видам консультирования, позволяют сравнивать возможности различных типов бизнес-консультирования и оценить эффективность по отношению к другим типам для тех или иных решаемых задач с помощью консалтинга.

В современных условиях с учетом развития цифровой экономики, по мнению авторов, можно дополнить типологию управленческого консультирования принимая во внимание актуальный дополнительный признак, а именно — степень влияния цифровых технологий и применимости ИТ-инструментов в бизнес-консалтинге. Дополненная таблица типологии управленческого консультирования с предлагаемым новым признаком представлена ниже:

Условно можно разделить степень влияния цифровых технологий и применения ИТ-инструментов в бизнес-консалтинге на три вида:

- ◆ Сильное влияние цифровых инструментов на бизнес-консалтинговые услуги — когда в большей части в консалтинговых услугах задействованы цифровые и ИТ-решения, используются ИТ-инструменты (чат-боты, цифровые, голосовые помощники, другие), базы данных (справочно-консультационные системы «Консультант+», «Гарант», базы данных отдельных министерств и ведомств РФ, чат-бот «Таксик» от ФНС РФ, промоботы (например, робот-консультант в МФЦ, робот Вера — голосовой подбор кандидатов на собеседования, голосовой помощник Сбера, увеличивающееся использова-

ние ИИ, другие цифровые и ИТ-решения); здесь участие эксперта-консультанта — минимальное, т.к. при таком типе консалтинговых услуг в большей степени нужны операторы баз данных для ввода информации, а не высоко-квалифицированные эксперты — консультанты

- ◆ Среднее влияние — когда условно можно сказать, что одновременно требуется и участие эксперта-консультанта, но здесь же одновременно используются и базы знаний, наработки, практические решения, кейсы и опыт, которые автоматизированы в базы знаний как отдельных консалтинговых компаний, так и в базы знаний консультационных программ (например, Система «Финансовый директор». База прикладных решений — это ИТ-инструмент от «Акцион Пресс» [12], где встречаются не только нормативно-справочные документы, но и встроены готовые решения по условно стандартным кейсам, мнения экспертов, а также другие ИТ — продукты, например, справочно-консультационные системы Консультант+, Гарант, базы данных отдельных министерств и ведомств РФ и другие. Эксперт-консультант выступает, скорее, как интерпретатор и адаптер своих или наработанных известных практик или опыта в преломлении к конкретной задаче заказчика, клиента и/или же создателя или генератора принципиально новых решений для нетривиальных задач.
- ◆ Слабое влияние и единичное использование цифровых и ИТ-решений предполагает активное участие эксперта-консультанта. Это не отрицает использование библиотек, справочников и цифровых помощников, но главная роль в выполнении поставленных консалтинговых задач лежит на эксперте, а не на ИТ — решении.

Принимая во внимание, что цифровые технологии и ИТ-инструменты развиваются достаточно активно, а «Управленческий консалтинг — это бизнес, который постоянно изобретает себя заново...» [13] поскольку встраивается и адаптируется под задачи своих заказчиков, клиентов, ряд экспертов задумывается о будущем консалтинговых услуг и с точки зрения всеобщей их цифровизации, переходу к более интенсивному использованию искусственного интеллекта в бизнес-консалтинге. Так исследование «Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует ИИ», проведенное РАЭК и НИУ ВШЭ при поддержке Microsoft показало, что наиболее часто используемым типом решений на базе искусственного интеллекта (ИИ) в России являются виртуальные помощники, прогнозный анализ и машинное обучение. Искусственный интеллект используется в области исследований и разработки, при работе и обслуживании клиентов.

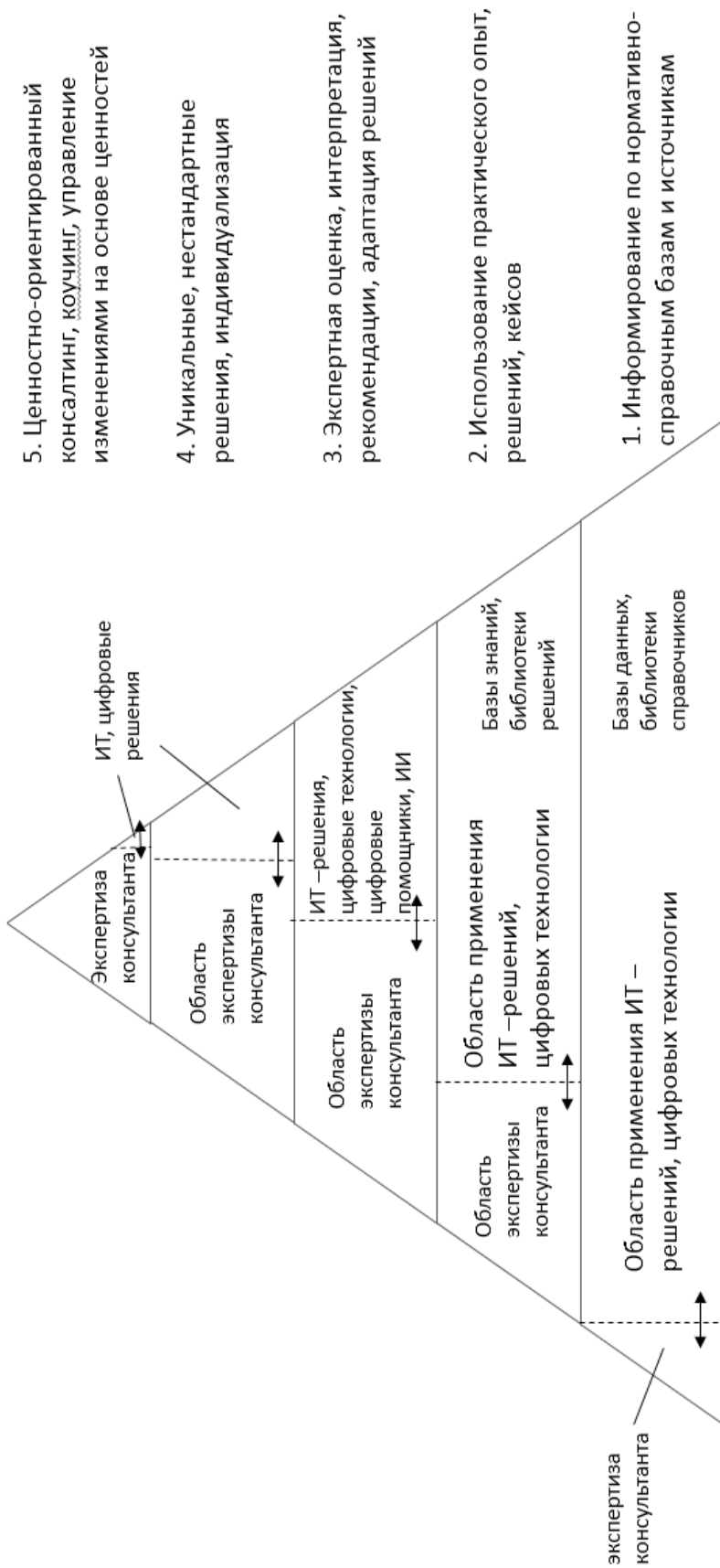

Рис. 1. Уровни интеграции ИТ-решений в бизнес-консалтинг (разработано авторами)

Наименьшее количество специалистов использует искусственный интеллект в юридических процессах, финансах и бухгалтерии [14]. Наблюдаем растущий тренд применения цифровых и ИТ — инструментов и решений, но степень применения — различна.

Исходя из трендов и тенденций, возникают отдельные обсуждения о возможности применения искусственного интеллекта для решения задач в ом числе и в управленческом консалтинге. Приверженцы широкого и интенсивного применения ИТ-технологий, искусственного интеллекта, считают, что нарастающая цифровизация и цифровая трансформация в ближайшем будущем может привести к исчезновению консалтинга в традиционном виде, в каком мы его сегодня знаем. Другое мнение высказывают эксперты FEACO, которые считают, что управленческий консалтинг «требует глубокого понимания и полностью индивидуальных ответов, полученных в результате взаимодействия с человеком — то, что невозможно получить в цифровом виде» [13], и в основном «проблемы будут связаны с интеграцией технологий, поиском талантов, давлением затрат», но наработанный опыт, понимание проблем клиентов и заказчиков помогут найти способы их решения, поскольку консалтинг будет адаптироваться [13].

По мнению авторов, развитие цифровых технологий и ИТ-решений будут влиять на бизнес-консалтинг, и могут возникать новые формы и виды управленческого консалтинга за счет интеграции ИТ-решений и цифровых технологий в традиционные (проводимые экспертами-консультантами) консалтинговые проекты и процессы. Однако, по мнению авторов, степень проникновения цифровых технологий в различные виды управленческого консалтинга будет разной. На рисунке 1 авторами представлена схема, дающее представление об уровнях возможной интеграции ИТ-решений и экспертизы консультантов, когда с различной интенсивностью могут объединяться области использования человеческих ресурсов, экспертизы консультантов, и области применения ИТ-решений и цифровых технологий.

Как показано на рисунке 1, отдельные типы управленческого консалтинга могут обходиться совсем без участия человека-консультанта, эксперта или с несущественным участием человека (например, на уровне 1 — внедрение и поддержка ИТ-решений по справочно-нормативным документам, библиотекам, базам данных). А отдельные виды консалтинга, наоборот, не смогут совсем уйти от участия человека-консультанта, эксперта, как представлено на уровне 5. Изменение степени взаимного проникновения, интеграции областей ИТ-решений и человеческой экспертизы, а также их встраиваемость в отдельные виды управленческого

консалтинга будет зависеть от ряда факторов и признаков, например от поставленных заказчиками, клиентами перед консультантами задач, понимания необходимости получения того или иного результата на выходе, степени цифровизации непосредственно заказчика, клиента и консалтинговой организации и других.

По мнению авторов, такая иерархия показывает, что отдельные области управленческого консалтинга, где необходимы обращения в большей степени к справочным базам или библиотекам готовых решений, могут удешевить стоимость консультационных услуг для заказчиков, клиентов с одной стороны, за счет применения полностью цифровых решений без участия человека-эксперта, и снизить трудозатраты экспертов бизнес-консалтинговых организаций, с другой стороны. Но на более высоких уровнях, ориентированных на смысловой и/или ценностно-ориентированный консалтинг, останется нужным участие человека-эксперта-консультанта, и на этом ценностно — ориентированном уровне полностью заменить человеческие ресурсы искусственный интеллект в ближайшем будущем не сможет. Интеграция человеческих ресурсов и искусственного интеллекта возможна для решения высокоуровневых задач, где возможны коллаборационные решения с участием искусственного интеллекта и человека-эксперта, когда, например, для поиска, анализа и обработки больших массивов информации больших данных и т.д. может применяться искусственный интеллект, а для интерпретации, адаптации, создания нетривиальных и новаторских решений нужен человеческий ресурс экспертов высокого уровня, от которого совсем отказаться не получится. В частности, по мнению авторов, отказаться совсем не получится от экспертов высокого уровня и при ценностно-ориентированном консалтинге, коучинге, где менеджеру, топ-менеджеру или собственнику, акционеру — человеку для решения ряда задач в помощь нужен человек, с его не только hard-, но и soft-skills, не только рациональный аспект, но и эмоциональный интеллект.

Заключение и выводы

Представленные авторами дополнения к типологии бизнес-консалтинговых услуг в зависимости от степени влияния и применения цифровых технологий и отдельных ИТ-решений в управленческом консалтинге, а также уровни интегрированности ИТ-решений в отдельные виды управленческого консалтинга потребуют дальнейшего изучения. Авторы придерживаются точки зрения, что в условиях перехода к цифровой экономике и цифровой трансформации консалтинговые компании будут не только адаптироваться под требования своих заказчиков и клиентов, создавая и развивая

новые виды консультационных услуг (как, например, в 1990-х возник как самостоятельный вид бизнес-консалтинга — ИТ-консалтинг, отвечая на вызовы внедрения новых тогда ИТ-решений [15]), но также будут ис-

пользовать различные ИТ-инструменты и цифровые технологии для повышения эффективности непосредственно своей деятельности бизнес-консалтинговых организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев Сергей. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века. ЭКОНОМИКА 14.09.2017. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka>, (дата обращения 05.11.2021)
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб — «Эксмо», 2016
3. Национальная программа РФ «Цифровая экономика 2024» <https://digital.ac.gov.ru/>, дата обращения 03.06.2022
4. Текст программы РФ <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>, дата обращения 03.06.2022
5. Шваб Клаус, Тьерри Маллере COVID-19: Великая перезагрузка. Форум издательство Выпуск 1.0 © Всемирный экономический форум, 2020.
6. Берченко В.С. Сущность консалтинга и ключевые подходы к формированию его определения. // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2016. № 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-konsaltinga-i-klyuchevye-podhody-k-formirovaniyu-ego-opredeleniya> (дата обращения: 03.06.2022).
7. The Management Consulting Industry. <https://feaco.org/industry> (дата обращения: 03.06.2022).
8. Токмакова Н.О., Андриянова М.В. МЕНЕДЖМЕНТ-КОНСАЛТИНГ. — М.: Изд. центр ЕАОИ, — 271 с. 2009
9. Лапыгин Ю.Н. Основы управленческого консультирования/ 3-е изд., перераб. и доп. — М.: КноРус, 2004. — 304 с.
10. Блинов В.Н. «Управленческое консультирование» (Материалы для спецкурса). Учебное пособие. — Томск: 2008. — 143с.
11. Пригожин А.И. Методы развития организаций. — М.: МЦФЭР, 2003. — 864 с. — (Приложение к журналу «Консультант», 9—2003).
12. Система «Финансовый директор». База прикладных решений. <https://www.1fd.ru/about/> (дата обращения: 03.06.2022).
13. FEACO Chair Eric Falque on the future of Europe's consulting industry <https://www.consultancy.eu/news/2921/feaco-chair-eric-falque-on-the-future-of-europes-consulting-industry> (дата обращения: 03.06.2022).
14. Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует искусственный интеллект. <https://runet-id.com/event/airesearch19/> (дата обращения: 03.06.2022).
15. Kubr M. Management Consulting: A Guide to the Profession. Bookwell Publications; Fourth edition. 2002

© Панарин Андрей Александрович (panarinaa@list.ru), Глухова Елена Васильевна (egluhova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

IMPROVING THE REGULATING TOOLS FOR THE MECHANISM OF LAND OWNERSHIP AND LAND USE IN THE DIGITAL ECONOMY

**L. Pototskaya
N. Ukolova**

Summary. As a result of the study, an analysis of the land redistribution fund in the Russian Federation on agricultural land for the period of 2015–2020 was made, some dynamics were revealed in the distribution of agricultural land, but the changes do not exceed 1%. The need for legal regulation of land relations is confirmed by the Land Code of the Russian Federation, relevant federal laws and by-laws. Conceptual provisions for regulating the mechanism of land ownership and land use in the digital economy have been developed, optimizing the relations of subjects of land relations. The use of the agricultural land market as a tool for redistributing land from less efficient owners to more efficient ones has been established, however, legal uncertainty, an unstable economic situation, imperfection of the digital innovation infrastructure hinder the progressive development of land relations. The circumstances influencing the development of the organizational and economic mechanism of land tenure in the digital economy were highlighted, and the tools and directions of state support for the formation of the above mechanism were identified. It is important to improve the quality of information flows that ensure the functioning of the land use mechanism, assess and regulate the costs associated with the formation of a high-tech material and technical base for the purposes of agricultural land use, regulate the interaction of subjects of land relations in a single digital space of the agricultural sector, use technologies and monitor the results of applying innovations by the sector land relations. The use of established tools for regulating the mechanism of land use in the digital economy will ensure its adaptation in the digital space, the application of international experience and the development of proposals for optimizing approaches to the introduction of digital technologies in land use.

Keywords: organizational and economic mechanism of land use, land relations, digital economy, agricultural land.

Потоцкая Людмила Николаевна

Доцент, кандидат экономических наук,
Саратовский государственный университет
генетики, биологии и инженерии им. Н.И. Вавилова,
Саратов
lpototskaya@bk.ru

Уколова Надежда Викторовна

Профессор, доктор экономических наук,
Саратовский государственный университет
генетики, биологии и инженерии им. Н.И. Вавилова,
Саратов
nv.ukolova@yandex.ru

Аннотация. В результате исследования проведен анализ фонда перераспределения земель в Российской Федерации на землях сельскохозяйственного назначения (2015–2020 гг.), выявлена некоторая динамика в распределении земель сельскохозяйственного назначения по угодьям, но изменения не превышают 1%. Подтверждена необходимость правового регулирования земельных отношений Земельным кодексом РФ, соответствующими федеральными законами и подзаконными актами. Разработаны концептуальные положения регулирования механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики, оптимизирующие отношения субъектов земельных отношений. Установлено использование рынка сельскохозяйственных земель как инструмента перераспределения земель от менее эффективных собственников к более эффективным, однако, правовая неопределенность, нестабильная экономическая ситуация, несовершенство цифровой инновационной инфраструктуры сдерживают поступательное развитие земельных отношений. Выделены обстоятельства, влияющие на развитие организационно-экономического механизма землевладения в цифровой экономике и определены инструменты и направления государственной поддержки формирования вышеназванного механизма. Важным является улучшение качества информационных потоков, обеспечивающих функционирование механизма землепользования, оценка и регулирование затрат, связанных с формированием высокотехнологичной материально-технической базы для целей сельскохозяйственного землепользования, регулирование взаимодействия субъектов земельных отношений в едином цифровом пространстве аграрного сектора, использование технологий и мониторинг результатов применения инноваций сектором земельных отношений. Использование установленных инструментов регулирования механизма землепользования в условиях цифровой экономики обеспечит его адаптацию в цифровом пространстве, применение международного опыта и разработку предложений по оптимизации подходов к внедрению цифровых технологий в землепользовании.

Ключевые слова: организационно-экономический механизм землепользования, земельные отношения, цифровая экономика, земли сельскохозяйственного назначения.

Введение

Разработка основных направлений совершенствования организационно-экономического механизма земельных отношений, способных нивелировать влияние внешних и внутренних угроз развития, является особенно актуальной в условиях цифровизации и применении инновационных инструментов в землепользовании. Актуальным является создание универсального организационно-экономического механизма землевладения и землепользования способного обеспечить положительное функциональное взаимодействие участников земельного рынка и свободное использование потенциальными субъектами рынка инструментов цифровой экономики землепользования.

Методы исследования

В процессе проведения исследования использованы следующие методы: абстрактно-логический — при рассмотрении теоретических аспектов формирования элементов землепользования; монографический — для углубленного изучения и обобщения опыта применения существующих методов оценки эффективности землепользования, предполагающих применение инструментов цифровой экономики. Для изучения сложной совокупности экономических явлений применялся метод анализа, воссоединения отдельных элементов с целью общей оценки эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения — метод синтеза, выявления различий фактических данных, исследования динамики явлений и процессов — метод сопоставления.

Результаты исследования

Несовершенство организационно-экономического механизма землевладения и землепользования обусловленное влиянием экзогенных и эндогенных факторов, возможно преодолеть через освоение позитивного опыта функционирования и применение цифровой научно-технической информации. Положительный результат возникает в случае развития земельных отношений приносящих экономический эффект подтвержденный опытом практического применения. Сектор земельных отношений нуждается в существовании и эффективном функционировании инновационных инструментов воздействия.

Действующим цифровым инструментом регулирования земельного рынка можно назвать информационную систему «Центр», созданную с целью объединения профессиональных участников рынка земли и недвижимости в единое информационное пространство

с возможностью осуществлять сервисную обработку информации и управление рекламой [1].

На механизм ценообразования категории земель сельскохозяйственного назначения возможно влияние следующих обстоятельств:

- ♦ вступившие в силу с 01.06.2011 года поправки к закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с изменениями на 02.07.2021 г.), разрешающие изъятие у собственника земельного участка сельскохозяйственного назначения в судебном порядке по причине не использования его в течение трех и более лет для ведения сельскохозяйственного производства и осуществления иной деятельности связанной с сельскохозяйственным производством.
- ♦ открытым остается нерешенный до настоящего времени вопрос об использовании земель сельскохозяйственного назначения для строительства жилья для владельцев крестьянских (фермерских) хозяйств. Законодательное решение этого вопроса вызовет оживление на рынке земель сельскохозяйственного назначения и обеспечит повышение ликвидности отдельных земельных участков.

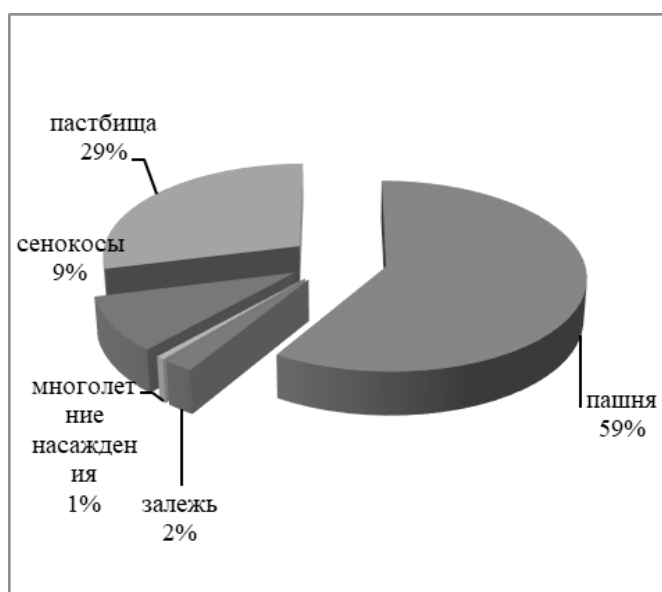
Правовое регулирование земельных отношений, возникающих в связи с переводом земель или земельных участков в одной из категории в другую, осуществляется в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [2], законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. В целях перераспределения земельные участки, не предоставленные заинтересованным лицам для сельскохозяйственного производства, но предназначенные для нужд сельского хозяйства, включаются согласно Земельному кодексу в фонд перераспределения земель для создания и расширения крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств, ведения садоводства, животноводства, огородничества, сенокосения, выпаса скота [3,4,5].

Структура земель сельскохозяйственного назначения в РФ в 2020 г. приведена на рисунке 1а), распределение земель по угодьям за 2018–2020 гг. на рисунке 1б). Сведения о фонде перераспределения земель в Российской Федерации на землях сельскохозяйственного назначения за 2015–2020 гг. приведены в таблице 1.

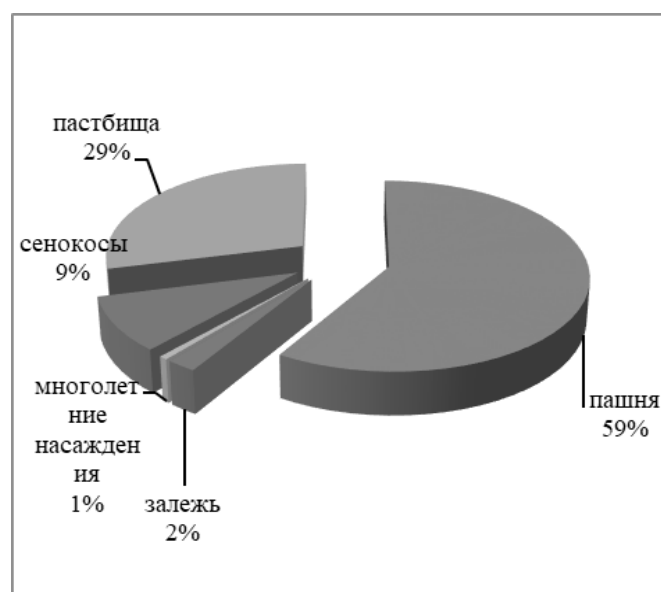
Согласно данным таблицы в исследуемом периоде земли фонда перераспределения сократились на 1,8%

Таблица 1. Сведения о фонде перераспределения земель в Российской Федерации на землях сельскохозяйственного назначения (2015–2020 гг.) (тыс. га)

Состав земель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. в% к 2015 г.
Земли фонда перераспределения из них	43713,0	43608,6	43361,7	43136,2	42945,6	42945,6	98,2
сельскохозяйственные угодья	11859,2	11743,9	11546,2	11371,2	11234,7	11234,7	94,7
в том числе пашня	3510,7	3457,4	3394,0	3315,7	3310,4	3310,4	94,3

а) Структура земель сельскохозяйственного назначения по угодьям в 2020 г., %

б) Распределение земель сельскохозяйственного назначения по угодьям в 2018–2020 гг., тыс. га

Рис. 1. Земли сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2018–2020 г.

из них земли под сельскохозяйственными угодьями на 5,3%, пашни на 5,7%. Земли категории сельскохозяйственного назначения являются основным средством производства для аграрной отрасли, имеют особый правовой режим, направленный на сохранение их плодородия и предотвращение развития негативных процессов. Структура земель сельскохозяйственного назначения по видам угодий в исследуемом периоде (2018–2020 гг.) изменяется незначительно.

Наибольший удельный вес имеет пашня (59%), наименьший — многолетние насаждения (1%). Площадь пашни и площадь занимаемая сенокосами сократи-

лась соответственно на 23,2 тыс. га (0,02%), 29,3 тыс. га (0,05%), площадь занимаемая залежью, под многолетними насаждениями, под сенокосами увеличилась в 2020 г. соответственно на 36,4 тыс. га или (0,84%), 6,4 тыс. га (0,52%), 4,9 тыс. га (0,03%).

Проводимые исследования позволили обобщить опыт функционирования и инструменты регулирования организационно-экономического механизма землевладения и землепользования в условиях цифровизации аграрной экономики (рисунок 2). Их необходимо рассмотреть как комплекс взаимосвязанных подсистем: административно-правовые решения, создание

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
Административно-правовые решения в области обеспечения регулирования механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики
– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2018 г. № 1632-Р О утверждении прилагаемой программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2030 г.
Обеспечение предпосылок формирования эффективного организационно-экономического механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики
– Определение направления формирования и улучшение качества информационных потоков, обеспечивающих функционирование механизма землепользования; Оценка и регулирование затрат, связанных с формированием высокотехнологичной материально-технической базы для целей сельскохозяйственного землепользования; Регулирование взаимодействия субъектов земельных отношений в едином цифровом пространстве аграрного сектора; Использование технологий и мониторинг результатов применения инноваций сектором земельных отношений;
Создание условий для адаптации механизма землевладения и землепользования в условиях аграрной экономики, использование международного опыта и разработка предложений по оптимизации подходов к внедрению цифровых технологий в землепользовании
– Разработка инвестиционных проектов по эффективному землепользованию и комплексному развитию аграрного производства с привлечением инструментов цифровой экономики; Участие в межотраслевых программах внедрения инновационных разработок в секторе земельных отношений;
Совершенствование использования механизма землевладения и землепользования, разработка вариантов выявления и удовлетворение потребностей субъектов земельных отношений через применение инструментов цифровой экономики
– Совершенствование бюджетной, налоговой политики с целью решения проблемы недостаточного финансирования; Улучшение социальной инфраструктуры; Привлечение НИИ к разработке направлений совершенствования механизма функционирования землевладения и землепользования в условиях цифровой аграрной экономики;

Рис. 2. Инструменты регулирования механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики

условий для формирования оптимального организационно-экономического механизма землевладения и землепользования в условиях аграрного производства с применением положительного опыта, существующих и разрабатываемых направлений внедрения инновационной продукции земельного рынка.

Каждая из представленных подсистем содержит соответствующие инструменты цифровой экономики, позволяющие эффективно решить задачу совершенствования организационно-экономического механизма землевладения и землепользования в аграрной экономике. Проблемой его эффективного функционирования является ограниченная возможность субъектов механизма передачи информации, накопленного технологического опыта земледелия, научно-технических знаний на условиях удовлетворяющих требования участников механизма.

Дискуссия

Теоретико-методологической основой исследования организационно-экономического механизма зе-

мельных отношений и его влияния на экономику АПК послужили труды классиков экономической мысли. Изменение финансово-экономических результатов в процессе функционирования организационно-экономического механизма земельных отношений в агропромышленном комплексе рассмотрено в научных работах Ф. Кросби [6], М. Трейси [7] и др. М. Портером [8] обосновано, что составными элементами рыночного механизма являются структура рынка, поведение фирм и результативность их деятельности. Вопросы организационно-экономических механизмов совершенствования земельных отношений в агропромышленном комплексе также являются объектами исследований ряда отечественных и зарубежных экономистов. Рыночные отношения при развитии межотраслевых связей изучены А.В. Чаяновым [9], значительное влияние отдельных факторов на формирование устойчивого экономического роста раскрыто в работах Ф. Шерера [10] и др., что явилось методологической основой исследуемой проблемы.

Особого внимания заслуживают научные труды Г.В. Беспехотного [11], А.И. Костяева [12], В.А. Клюка-

ча [13], в которых разработаны отдельные аспекты рыночных отношений, такие как создание и развитие продовольственного рынка явившегося результатом эффективного землепользования, механизм ценообразования и распределения ресурсов, проблемы институциональной и структурной трансформации агропромышленного комплекса и земельных отношений.

Выводы

Можно выделить следующие процессы, сопутствующие формированию механизма землевладения и землепользования в условиях цифровой экономики:

- ◆ возрастание участия информационных ресурсов в унификации функционирования рынка земель сельскохозяйственного назначения;
- ◆ внедрение инноваций на земельном рынке опосредующих оптимизацию землепользования и землевладения;
- ◆ формирование интенсивного рыночного взаимодействия хозяйствующих субъектов на основе информационно-телекоммуникационных технологий;

В качестве инструментов и направлений государственной поддержки формирования механизма землевладения и землепользования можно определить:

- ◆ разработку и внедрение стратегической программы формирования инновационной инфраструктуры земельных отношений, дополненной элементами, сопровождающими все этапы их формирования;

- ◆ разработку и определение целевых индикаторов оценки функционирования механизма землевладения и землепользования;
- ◆ законодательное закрепление отношений между участниками рынка земель сельскохозяйственного назначения, расширение нормативно-правового поля, допустимое регулирование взаимоотношений участников земельного рынка Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством сельского хозяйства Российской Федерации и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации;
- ◆ разработку и внедрение новых государственных программ, предполагающих финансирование в формате государственно-частного партнерства создание интеллектуальных разработок в секторе эффективного землепользования;
- ◆ увеличение инвестиционной привлекательности отечественного земельного рынка посредством создания благоприятного инвестиционного климата.

Применение перечисленных мер позволит оптимизировать инновационную инфраструктуру рынка земель сельскохозяйственного назначения, обеспечит поступательное развитие системы земельных отношений, создаст условия, стимулирующие взаимодействие науки и земельного предпринимательства, будет способствовать росту инновационной активности и технологической безопасности Российской Федерации [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. О проекте NMLS — URL: <http://www.s-mls.ru> (дата обращения 18.10.2021).
2. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (последняя редакция) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50874/ (дата обращения 30.10.2021).
3. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2017 году — URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvenny-natsionalny-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения 29.10.2021).
4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2018 году — URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (дата обращения 29.10.2021).
5. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2019 году — URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202019%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf> (дата обращения 29.10.2021).
6. Кросби, Ф. Принципы качества: [пер с англ.] / Филипп Кросби. — URL: https://studwood.ru/749301/management/kontseptsiya_kachestva_krosbi (дата обращения 12.10.2021).
7. Трейси, М. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран. Введение в теорию, практику и политику: [пер. с англ.] / Майкл Трейси. — СПб.: Экономическая школа, 1995. — 431 с.
8. Портер, М. Международная конкуренция: [пер. с англ.] / Майкл Портер. — М.: Международные отношения, 1993. — 896 с.
9. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. — М.: Экономика, 1989. — 375 с.
10. Шерер, Ф. Структура отраслевых рынков: [пер. с англ.] / Фредерик Майк Шерер, Дэвид Росс. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 698 с.

11. Беспехотный, Г.В. Организационные структуры модернизации сельского хозяйства / Г.В. Беспехотный // АПК: экономика, управление. — 2010. — № 12. — С. 11–15.
12. Костяев, А.И. Внешние условия и внутренние факторы сельскохозяйственного производства / А.И. Костяев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2003. — № 3. — С. 8.
13. Ключац, В.А. Развитие потребительского рынка в мегаполисе (начало) / В.А. Ключац, Н.М. Седова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2007. — № 8. — С. 6–8.
14. Уколова Н.В., Шиханова Ю.А., Потоцкая Л.Н. Совершенствование организационно-экономических методов активизации процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 6. С. 33–37.

© Потоцкая Людмила Николаевна (lprototskaya@bk.ru), Уколова Надежда Викторовна (nv.ukolova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский ГАУ имени Н.И. Вавилова

СУВЕРЕННЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

SOVEREIGN FOOD POTENTIAL AS THE BASIS OF THE COUNTRY'S FOOD SECURITY

**I. Sukhanova
M. Sannikova**

Summary. The Food Security Doctrine of the Russian Federation, being a strategic planning document, establishes the concept of ensuring the country's food security, asserting food independence as the foundation. In turn, food independence is determined by the level of self-sufficiency with the main types of agricultural products, raw materials and food. The article discusses the disadvantages of such a concept, primarily related to the lack of consideration of the problem of critical import dependence of production, which has recently worsened with the difficulty or destruction of traditional foreign economic relations. In this connection, the purpose of this study is to revise the concept of ensuring food security in Russia, which, according to the authors, should be based on reducing the import dependence of agricultural production, raw materials and food. In the course of the work, the authors proposed a structural and logical representation and identified the internal links of the food security paradigm, which allowed us to substantiate the importance of food potential as the foundation of food security. Being a set of productive forces and economic relations aimed at providing agricultural products, raw materials and foodstuffs to the domestic needs of the country, as well as external demand, the food potential in order to ensure food independence must be protected from external intentional or unintended influences. In this regard, the authors substantiate that food security should be based on the development of food potential, which has the property of sovereignty. In the development of this provision, the definition of the sovereign food potential of Russia is proposed, which is a system that ensures the country's food security on the basis of a combination of productive forces and economic relations that are under national control and/or belong to the economic and legal field of the country.

Keywords: food security, food independence, sovereign food potential, agricultural production, food production, import dependence.

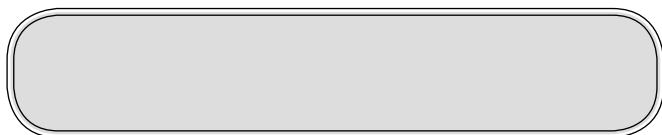
Суханова Ирина Федоровна

*Доктор экономических наук, профессор,
Саратовский государственный университет
генетики, биотехнологии и инженерии имени
Н.И. Вавилова, г. Саратов, Россия
suhanovaif@sgau.ru*

Санникова Марина Олеговна

*Кандидат экономических наук, доцент,
Саратовский государственный университет
генетики, биотехнологии и инженерии имени
Н.И. Вавилова», г. Саратов, Россия
sannikovamarin@yandex.ru*

Аннотация. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, являясь документом стратегического планирования, устанавливает концепцию обеспечения продовольственной безопасности страны, утверждая в качестве фундамента продовольственную независимость. В свою очередь продовольственная независимость определяется по уровню самообеспечения основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. В статье рассматриваются недостатки такой концепции, в первую очередь, связанные с отсутствием учета проблемы критической импортозависимости производства продукции, которая обострилась в последнее время с затруднением или разрушением традиционных внешнеэкономических связей. В связи с чем целью настоящего исследования является пересмотр концепции обеспечения продовольственной безопасности России, которая по мнению авторов должна основываться на снижении импортозависимости производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. В ходе работы авторами предложено структурно-логическое представление и определены внутренние связи парадигмы обеспечения продовольственной безопасности, что позволило обосновать значение продовольственного потенциала как фундамента обеспечения продовольственной безопасности. Являясь совокупностью производительных сил и экономических отношений, направленных на обеспечение сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продуктами питания внутренних потребностей страны, а также внешнего спроса, продовольственный потенциал в целях обеспечения продовольственной независимости должен быть защищен от внешних преднамеренных или непреднамеренных воздействий. В связи с этим авторами обосновано, что продовольственная безопасность должна основываться на развитии продовольственного потенциала, обладающего свойством суверенности. В развитие этого положения предложено определение суверенного продовольственного потенциала России, который представляет собой систему, обеспечивающую продовольственную безопасность страны на основе совокупности производительных сил и экономических отношений, находящихся под национальным контролем и / или принадлежащих экономическому и правовому полю страны.

Введение

Необходимо признать, что за годы, прошедшие со времени начала либеральных реформ в экономике Российской Федерации, многие отрасли, не сумев преодолеть шок новых условий работы, а часто, благодаря недобросовестным действиям менеджмента по выведению активов и преднамеренному банкротству предприятий, в значительной мере утратили свой потенциал и компетенции. Ослабление позиций российских производителей расчистило пространство для иностранных конкурентов, а потеряв рынки и конкурентоспособность, у них не осталось возможности и резервов для преодоления кризиса и последующего опережающего развития. Импортозависимость, ощущаемая не только на уровне потребительских товаров, но и на уровне обеспечения средствами производства, приобрела всеобъемлющий характер. Эта «болевая точка» стала естественной целью в ходе попыток недружественных государств экономически повлиять на политические решения руководства страны с помощью ограничений на поставки ресурсов и доступ к технологиям. Для нивелирования угроз экономической и в целом стратегической безопасности страны, в последние годы велась работа по импортозамещению, в том числе в продовольственном секторе. Однако к началу новой активной фазы санкционной войны в 2022 году по многим направлениям отставания преодолеть не удалось. В частности, достигнутые в последние годы высокие значения самообеспечения сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания обеспечиваются за счет использования средств производства, имеющих иностранное происхождение. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации [5] установлено, что продовольственная безопасность выражается в самообеспечении страны сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, но при этом в документе не учитывается степень независимости производства от иностранных технологий. При высоком уровне зависимости отрасль становится весьма чувствительной к санкционному давлению, что создает угрозы продовольственной безопасности при формальном выполнении требований Доктрины. Таким образом, подход к определению продовольственной безопасности требует актуализации.

Учитывая назревшую необходимость в обновлении подходов к обеспечению продовольственной безопасности, целью настоящего исследования является

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная независимость, суверенный продовольственный потенциал, производство сельскохозяйственной продукции, производство пищевой продукции, импортозависимость.

пересмотр концепции обеспечения продовольственной безопасности России на основе снижения импортозависимости производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Новизна концепции обусловлена включением в число решаемых задач уточнение категории «продовольственный потенциал» и обоснование взаимосвязи продовольственного потенциала и продовольственной безопасности; доказательство гипотезы о существенной импортозависимости элементов продовольственного потенциала России; обоснование необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны на основе развития суверенного продовольственного потенциала.

Методы. В ходе исследования для подтверждения гипотезы о существенной импортозависимости российского сельского хозяйства и пищевой промышленности применялись аналитические методы и изучались данные Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Росстата о наличии у товаропроизводителей и движении сельскохозяйственных машин и оборудования отечественного и импортного происхождения, о производстве сельскохозяйственных машин в Российской Федерации; данные Федеральной таможенной службы России о количестве импортируемой сельскохозяйственной техники в разрезе стран-импортеров; экспертные данные о доле высеваемых в России семян зарубежной селекции, о доле импортного генетического материала в животноводстве. Уточнить определение и содержание категории «продовольственный потенциал», сформировать структурно-логическую схему взаимосвязи продовольственного потенциала и продовольственной безопасности страны, сформулировать определение суверенного продовольственного потенциала позволило применение абстрактно-логических и эвристических методов в рамках системного подхода к изучению закономерностей развития экономических систем.

Результаты

Продовольственная безопасность является одним из элементов стратегической безопасности страны. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации между этим понятием и понятием продовольственной независимости поставлен знак равенства, таким образом определена идеология обеспечения продовольственной безопасности. В свою очередь продовольственная независимость оценивается

Таблица 1. Динамика значений продовольственной независимости России, %

Продукция	Пороговые значения продовольственной независимости [5]	Уровень самообеспечения (продовольственная независимость)		
		в 2010 г. [3]	в 2021 г. [4]	в 2022 (прогноз) [1]
Зерно	95,0	99,4	149,9	159,0
Сахар	90,0	57,6	100,0	100,0
Растительное масло	90,0	76,6	176,6	более 200
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85,0	71,4	100,3	более 100
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90,0	79,7	84,2	нет данных
Рыба и рыбопродукты (в живом весе — весе сырья)	85,0	нет данных	153,2	153,0
Картофель	95,0	96,3	88,4	нет данных
Овощи и бахчевые	90,0	нет данных	86,9	нет данных
Фрукты и ягоды	60,0	нет данных	43,6	нет данных
Соль пищевая	85,0	нет данных	69,4	нет данных
Семена	75,0	нет данных	63,4 [2]	нет данных

Источник: составлено авторами на основании [1, 2, 3, 4, 5].

по уровню самообеспечения страны основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, для которых назначены пороговые значения (таблица 1). В результате проведения рыночных реформ конца XX века сельскому хозяйству и пищевой промышленности России, как впрочем, и многим другим отраслям народного хозяйства, был нанесен значительный ущерб, который привел фактически к потере продовольственной независимости. К принятию первой редакции Доктрины продовольственной безопасности в 2010 году, когда получило законодательное закрепление стремление страны к продовольственной независимости, Россия самостоятельно обеспечивала только 57,6% потребности в сахаре, 76,6% — в растительном масле, 71,4% — в мясе и мясопродуктах, 79,7% — в молоке и молокопродуктах (таблица 1). Надо отметить, что благодаря политике импортозамещения [9, 10], мерам поддержки аграрной отрасли и работе аграриев за тринадцать лет были достигнуты значительные успехи в этом направлении: производство зерна, рыбы и рыбопродуктов превысило потребности почти в полтора раза, растительного масла — в два раза, мяса и мясопродуктов — приближается к полному самообеспечению.

Сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, которые являются предметом обеспечения продовольственной безопасности, — результат использования разных видов ресурсов, соединенных

в процессе производства с помощью организации и технологий, функционирования инфраструктуры АПК и прочих факторов. Перечисленные элементы, которые служат источником получения продовольствия и обеспечивают продовольственную независимость и безопасность страны, можно объединить понятием «продовольственный потенциал».

Определение продовольственного потенциала, его содержание как экономической категории, а также характерные особенности требуют уточнения в целях настоящего исследования. По нашему мнению, продовольственный потенциал страны представляет собой совокупность производительных сил и экономических отношений, направленных на обеспечение сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продуктами питания внутренних потребностей страны, а также внешний спрос. Такая трактовка категории продовольственного потенциала предполагает следующие его особенности:

- ♦ продовольственный потенциал базируется на производительных силах, объединенных общей функцией создания сельскохозяйственной продукции и продовольствия, что, учитывая многообразие конечного продукта, технологий и организации производства, не означает их однородность. Напротив, в зависимости от отрасли сельского хозяйства, переработки сельскохозяйственного сырья, производства пищевых продуктов соотношение рабочей силы и средств

производства, а также структура этих двух категорий может довольно существенно варьироваться;

- ◆ продовольственный потенциал в процессе своего функционирования в качестве средств производства часто использует готовый продукт, созданный им самим (семена сельскохозяйственных культур, корма, сырье для пищевой промышленности и переработки, многое другое). Локализация нескольких циклов в одной системе потенциально позволяет сконцентрировать планирование, управление и мониторинг в едином центре, обеспечив отдельные элементы воспроизводственного процесса и результативность работы;
- ◆ приоритетным результатом работы продовольственного потенциала является обеспечение сельскохозяйственным сырьем и продуктами питания внутренних потребностей страны. При этом потребности должны удовлетворяться по количеству отдельных продуктов питания и видов сырья, сбалансированной структуре питания населения и качеству продукции. Также важными условиями являются экономическая, физическая и территориальная доступность продуктов питания;
- ◆ важным, но вторичным по приоритетности результатом работы продовольственного потенциала, является обеспечение зарубежного спроса на сельскохозяйственное сырье и продовольствие с возможно более высокой добавленной стоимостью;
- ◆ продовольственный потенциал, призванный обеспечить потребности в сельскохозяйственном сырье и продуктах питания, исходя из содержания указанной цели должен содержать не только собственно производство, но и систему распределения, включающую инфраструктуру и средства хранения, транспортировки, сбытовой деятельности, информатизации и информации.

Продовольственный потенциал, выполняя функцию обеспечения производственного и непроизводственного потребления сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, непосредственно участвует в достижении продовольственной независимости и безопасности России. Как следует из изложенного подхода к определению продовольственного потенциала, а также из структурно-логического представления парадигмы продовольственной безопасности, критически важные элементы системы, обеспечивающей продовольственную независимость, должны находиться под достаточным уровнем контроля заинтересованной стороны. Другими словами: результат функциониро-

вания системы, открытой для произвольного воздействия, будет зависеть от этого воздействия, и, следовательно, не может быть признан независимым. Такой системой, как понятно из вышеизложенного, является продовольственный потенциал, а заинтересованной стороной выступает общество, реализующее свои интересы через функции государства.

На современном этапе продовольственный потенциал России испытывает сильнейшее влияние зарубежных техники, технологий, материальных и других видов ресурсов [6, 11, 12]. Даже точечный анализ состояния отдельных элементов технологического процесса производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия свидетельствует о существенной импортозависимости, что в современных условиях недружественной России внешнеполитической риторики, соответствующей экономической напряженности и затрудненности привычных поставок, угрожает процессу воспроизводства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Так, импортозависимость в целом по семенам в 2021 году составляла около 30% (таблица 1), однако 96,6% высеваемых семян сахарной свеклы, 80% семян овощей, 73% семян подсолнечника, 65% семян картофеля были иностранной селекции [7]. Довольно существенно зависит отечественное животноводство от импортного племенного материала. По оценкам экспертов 40% потребности в семени быков обеспечивается импортными поставками, и в последние годы импорт только возростал [8]. Сильна зависимость российского птицеводства от инкубационного яйца и суточных цыплят, свиноводства — от спермопродукции, ввозимых из-за рубежа. Производство самоходной техники для сельского хозяйства российской промышленностью ниже потребностей производства.

Необходимо отметить, что по многим перечисленным позициям российские производители уступают зарубежным конкурентам в качестве продукции, а по отдельным направлениям в принципе не обладают необходимыми компетенциями.

Понятно, что продовольственная независимость России, которая определяется по уровню показателя самообеспечения продовольствием не в полной мере отражает фактические возможности страны самостоятельно, в условиях реализации угроз разрыва экономических связей с зарубежными партнерами, производит необходимое количество продовольствия высокого качества. В связи, с чем назрела необходимость изменения теоретических подходов к понятию продовольственной безопасности страны и соответствующих инструментов ее обеспечения. По нашему мнению, фундаментом продовольственной безопасности наряду с продовольственной независимостью должен быть

признан продовольственный потенциал, обладающий определенными характеристиками, позволяющими снижать внешние угрозы.

К таким характеристикам можно отнести:

- ◆ уровень национальной локализация воспроизводства производительных сил, участвующих в производстве и распределении сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;
- ◆ уровень национального контроля за процессом воспроизводства производительных сил. Данная характеристика дополняет предыдущую, так как территориальная локализация производства благ не всегда обеспечивает национальный контроль;
- ◆ время замещения нелокализованных и неконтролируемых элементов процесса воспроизводства. Полная локализация или контроль не всегда возможны и экономически оправданы, поэтому по отдельным направлениям целесообразно допущение о некоторой доле импортозависимости. Но это допущение требует разработки мер снижения угроз с определением примерного периода преодоления напряженного состояния.

Преодоление пороговых значений указанных показателей может означать переход продовольственного потенциала страны к новому качественному статусу, который предлагается определять как суверенный продовольственный потенциал России. Суверенный продовольственный потенциал таким образом представляет собой систему, обеспечивающую продовольственную безопасность страны на основе совокупности производительных сил и экономических отношений, находящихся под национальным контролем и / или принадлежащих экономическому и правовому полю страны.

Обсуждение

В условиях санкций на импорт элементов технологий и зависимости от них отечественного АПК подход к определению продовольственной безопасности страны только на основе достижения пороговых значений самообеспечения основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия содержит в себе опасность искажения реальных возможностей экономики страны обеспечивать внутренние нужды в продовольственной продукции. Уровень самообеспечения продуктами питания не дает представления об уровне зависимости их производства от иностранных ресурсов, а, следовательно, о возможности продолжать деятельность при дефиците необходимых компонентов в случае введения ограничений на их продажу или транспортировку. В целях обеспечения

продовольственной безопасности продовольственный потенциал, концентрирующий в себе все условия производства и распределения продовольствия, по нашему мнению, должен обладать признаками суверенности — защищенности от внешних угроз и возмущений.

Предложенная концепция обеспечения продовольственной безопасности России на основе развития суверенного продовольственного потенциала требует продолжения исследований в следующих направлениях:

- ◆ разработка подходов к идентификации состояния суверенности продовольственного потенциала и определение ключевых индикаторов суверенности;
- ◆ обоснование пороговых значений показателей суверенности продовольственного потенциала, методики их интерпретации;
- ◆ разработка механизма обеспечения суверенности продовольственного потенциала России;
- ◆ разработка методологии и методик стратегического планирования развития суверенного продовольственного потенциала России как элемента стратегического планирования социально-экономического развития страны.

Заключение

В результате проведенных исследований нами были установлены критические несоответствия концепции обеспечения продовольственной безопасности России требованиям времени. В частности, в качестве критериев продовольственной независимости, а, значит, и продовольственной безопасности в настоящее время используется уровень самообеспечения отдельными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, при этом никак не учитывается зависимость производства от зарубежных ресурсов и технологий. В связи с чем в работе предложена уточненная концепция обеспечения продовольственной безопасности на основе развития суверенного продовольственного потенциала.

Признание на государственном уровне приоритетности развития суверенного продовольственного потенциала как основы обеспечения продовольственной безопасности является первым шагом на пути создания единого механизма снижения зависимости производства сельскохозяйственной и пищевой продукции от импортных семян, племенного материала в животноводстве, ветеринарных препаратов, кормовых добавок, машин и оборудования, и, что не менее важно, — снижения зависимости отечественных производителей материалов, техники и оборудования для АПК от зарубежных компонентов и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитрий Патрушев доложил на «правительственном часе» в Совете Федерации о реализации Доктрины продбезопасности // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/dmitriy-patrushev-dolozhil-na-pravitelstvennom-chase-v-sovete-federatsii-o-realizatsii-doktriny-prod/> (дата обращения 29.11.2022).
2. Минсельхоз рассчитывает на рост производства семян // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/39000-minselkhoz-rasschityvaet-na-rost-proizvodstva-semyan/> (дата обращения 29.11.2022).
3. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2014 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы // Институт анализа инвестиционной политики. URL: <https://xn--80arlem.xn--p1ai/repository/national-reports/7/document.pdf> (дата обращения 29.11.2022).
4. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2021 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/60d/60d8f2347d3eb724ab9b57c61a9ac269.pdf> (дата обращения 29.11.2022).
5. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения 29.11.2022).
6. Потапов А.П. Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства в контексте продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5 (176). С. 120–129.
7. Санникова М.О. К вопросу изменения концепции продовольственной независимости страны // Социальные и экономические системы. 2022. № 6–6 (35). С. 101–114.
8. Семя качества. Смогут ли отечественные производители заместить поставки племматериала из-за рубежа // Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/37818-semya-kachestva-smogut-li-otechestvennye-proizvoditeli-zamestit-postavki-plemmateriala-iz-za-rubezha/> (дата обращения 29.11.2022).
9. Суханова И.Ф., Лявина М.Ю. Импортозамещение как основа достижения продовольственной безопасности страны // Аграрный научный журнал. 2015. № 3. С. 93–99.
10. Суханова И.Ф., Лявина М.Ю. Обеспечение продовольственной безопасности в рамках реализации политики импортозамещения // Научное обозрение: теория и практика. 2015. № 4. С. 68–78.
11. Суханова И.Ф., Санникова М.О., Лявина М.Ю., Шаронова Е.В. Управление экспортным продовольственным потенциалом как импульс развития агропредприятий // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. № 7 (87). С. 1975–1985.
12. Суханова И.Ф., Санникова М.О., Шаронова Е.В. Факторы риска процесса управления экспортным продовольственным потенциалом // АПК: экономика, управление. 2022. № 9. С. 22–27.

ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

RESEARCH AND DEVELOPMENT OF DIGITAL INNOVATIONS IN TODAY'S AUTOMOTIVE INDUSTRY

G. Filatov

Summary. The article deals with issues related to the peculiarities of the influence of research and development of digital innovations on the state and prospects for the development of the automotive industry. Special attention is paid to the essence of digital innovations in the automotive industry, the most striking examples are given. The dynamics of investments and investments in digital developments is also considered. In addition, the drivers for the digitalization of automotive companies have been formalized.

Keywords: digitalization, innovations, auto industry, market, consumers, demand.

Филатов Григорий Игоревич

Аспирант, Государственный академический
университет гуманитарных наук
gfilat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями влияния исследований и разработок цифровых инноваций на состояние и перспективы развития автомобильной промышленности. Отдельное внимание уделено сущности цифровых инноваций в автопроме, приведены наиболее яркие примеры. Также рассмотрена динамика инвестиций и вложений в цифровые разработки. Кроме того, формализованы драйверы цифровизации автомобильных компаний.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, автопром, рынок, потребители, спрос.

Современная автомобильная промышленность очень быстро эволюционирует от технологических разработок к цифровому прогрессу. Потребители все более требовательно относятся к приобретению передового и лучшего опыта, поэтому цифровая трансформация в автомобильной промышленности становится все более необходимой.

Технологические тенденции, новые требования клиентов, Интернет вещей (IoT) и новые достижения в области искусственного интеллекта поддерживают цифровые преобразования автомобильных корпораций. Производители автомобилей интегрируют цифровые технологии во все аспекты своей деятельности, от разработки продукта до закупок, производства и управления цепочками поставок, а также продаж и маркетинга [1]. В данном контексте не подлежит сомнению тот факт, что в автомобильной промышленности цифровая трансформация — это растущие инвестиции. Ярким подтверждением этого является компания Tesla, основанная в 2003 году, она стала самым дорогим производителем автомобилей, начиная с июня 2020 года. Ее инвестиции в исследования и разработки, акцент на электромобилях и беспилотных аппаратах позволили занять ведущие позиции в отрасли. Сравнительная характеристика вложений в цифровые инновации представлена на рис. 1.

Однако цифровая революция и повсеместное распространение технологий Индустрии 4.0 отнюдь не означает, что все или даже большинство производителей автомобилей находятся на передовой цифровых технологий. Компании отрасли понимают, что, как и любой другой цифровой сектор, они должны быть преобразованы, чтобы их продукт соответствовал требованиям потребителей. Однако на заводах крупнейших производителей комплектующих, например, до сих пор имеют место бумажные процессы; различные цеха — штамповочный, кузовной, отделки/шасси, общей сборки — действуют скорее как отдельные подразделения, чем как целостное решение; руководители не фокусируются на сборе всех данных в одном месте, чтобы облегчить оптимизацию [2].

Ожидания клиентов оказывают огромное давление на автопроизводителей, заставляя их менять способы разработки стратегий и управления своими компаниями, потому изучение перспектив и особенностей использования цифровых технологий в автомобилестроении является на сегодняшний день важной научно-практической задачей, необходимость решения которой и предопределяет выбор темы данной статьи.

Основные контуры цифровой трансформации в автомобильной промышленности рассматриваются так-

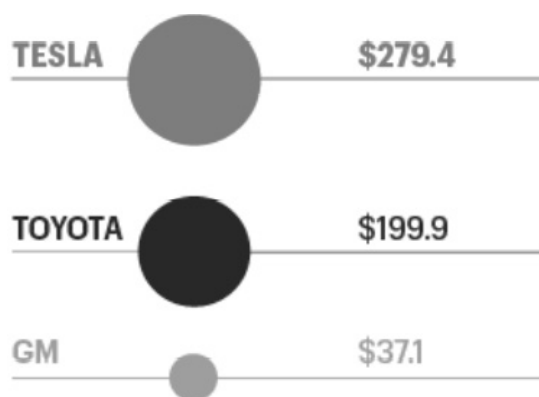

Рис. 1. Инвестиции в исследования и разработки ведущих компаний мирового автопрома, млн. [1]

ми авторами как Варшавский А.Е., Дубинина В.В., Лобан Н.В., Park, H.S.; Choi, H.W.; Jin, X.; Su, J.; Shi, Yangyan; Sreedharan, V. Raja; Koh, S.C. Lenny.

Влияние цифровых технологий на потребительский опыт и предпочтения клиентов автомобильных компаний, особенности их обслуживания изучают Мнацканова В.Г., Сарсембаев М.А., Рачков С.А., Mokudai, Takefumi; Mohanavel, V.; Gold, Bela.

Однако, несмотря на имеющиеся труды и наработки, ряд вопросов остается недостаточно исследованным и проработанным. Так, в частности, отдельного внимания заслуживают тенденции роста цифровизации автомобильного производства. В более детальном анализе нуждаются проблемы и преимущества оцифровки отдельных производств и бизнес-процессов автомобильной промышленности.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в проведении анализа основных направлений цифровизации в автомобильной промышленности и обозначении ее важности для дальнейшего развития отрасли.

Как и предприятия из многих других отраслей экономики, автомобильные компании стремятся оцифровать свой бизнес (например, с точки зрения данных, подключения и кибербезопасности), чтобы получить многочисленные преимущества, такие как производительность и наблюдаемость. Автомобильная промышленность находится на пересечении многих процессов и разработок, в результате чего и сам автомобиль, и потребительский опыт общения с ним быстро переходят от физического состояния к цифровому. В ходе исследования ведущих компаний автомобильной отрасли эксперты пришли к выводу, что те из них, которые имеют целостную стратегию интеграции цифровых и физических элементов могут успешно трансформировать

свои бизнес-модели и даже задать новое направление для всей отрасли [3].

В настоящее время можно привести много примеров цифровой трансформации автомобильной промышленности, начиная от инноваций продуктов и заканчивая операционными корректировками и изменениями, ориентированными на клиентов. Наиболее яркими из них являются следующие [4, 5]:

1. Mercedes-Benz объединился со стартапом Circular для измерения выбросов вредных для климата загрязнителей и количества вторичных материалов, используемых в цепочке поставок производителей аккумуляторных элементов.
2. Cisco и Oxbotica — мировой стартап программного обеспечения для автономных транспортных средств, создали совместную компанию, чтобы продемонстрировать открытую платформу роуминга, которая позволяет автономным автопаркам безопасно обмениваться большими объемами данных в пути.
3. Завод BMW в Регенсбурге внедрил в производственную цепочку платформу IoT. Это позволяет сократить время развертывания нового оборудования на 80% и уменьшить количество проблем с контролем качества на 5%.

По некоторым данным, производители автомобилей планируют увеличить свои инвестиции в цифровые технологии и передовые инновации на 24% в ближайшие несколько лет, поскольку они сталкиваются с беспрецедентными конкурентными проблемами, новыми требованиями к продукции, такими как электрификация, цифровой опыт, удаленное управление и др. Согласно отчету Frost and Sullivan, расходы на проведение исследований, которые позволят расширить использование в автопроме достижений Индустрии 4.0 увеличатся с 38 млрд. дол. в 2018 году до 168 млрд. дол. к 2025 году [4].

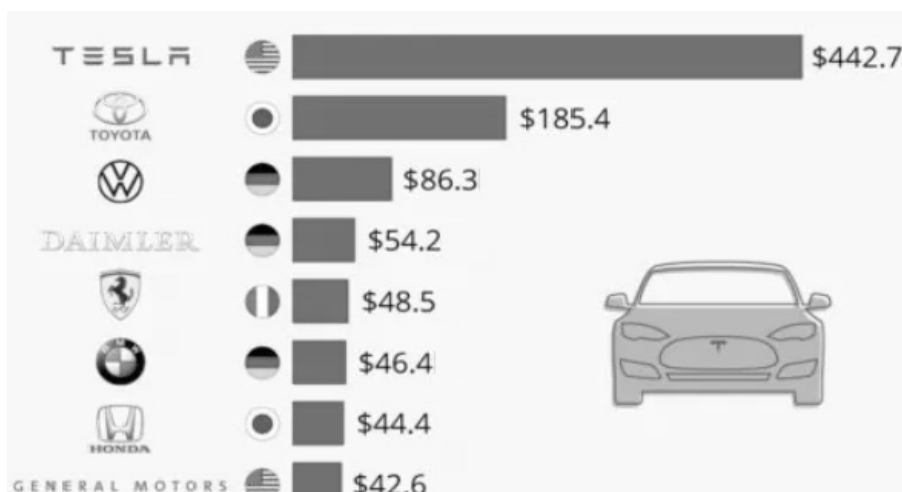

Рис. 2. Рейтинг самых дорогих автомобильных компаний мира, млрд. [6]

Цифровая трансформация является неизбежным требованием для автомобильной промышленности, поскольку она позволяет удовлетворить требования клиентов и улучшить их опыт, укрепить позиции на рынке, опередить конкурентов.

Это особенно важно для устоявшихся производственных гигантов, таких как Daimler, VW, Fiat и т.д., учитывая, что новички, такие как Tesla, оцениваются рынком, инвесторами и потребителями значительно выше, несмотря на ограниченное коммерческое влияние. В результате Tesla является самым дорогим производителем автомобилей с рыночной стоимостью 882 миллиарда долларов по состоянию на март 2022 года.

На рис. 2 показана сравнительная характеристика рыночной стоимости Tesla и ведущих шести автопроизводителей по состоянию на сентябрь 2021 года.

Можно обозначить основные движущие силы, которые стимулируют исследования и разработки цифровых инноваций в современной автомобильной промышленности.

1. Усиление давления на затраты и качество. Существующие структуры затрат в цепочке поставок ограничивают потенциальную экономию средств. Поэтому производители автомобилей переходят к операциям «точно в срок» (JIT), которые могут сдерживать расходы и улучшить работу цепочки поставок. Цифровизация цепочки поставок способна не только повысить операционную эффективность, но и увеличить прослеживаемость и прозрачность операций.
2. Разработка продукции, соответствующей экологическим нормам. Регулирующие органы по всему миру оказывают все большее давлени-

е на транспорт, стремясь сделать его безопасным и устойчивым, в частности, для борьбы с загрязнением, заторами, изменением климата, а также для обеспечения безопасности пассажиров и пешеходов. Многие из этих проблем решаются путем разработки подключенных и интеллектуальных решений. Например, сегодня можно наблюдать стремительный рост использования цифровых технологий, таких как: датчики восприятия, цифровая обработка данных датчиков, машинное обучение, технологии мониторинга и прогнозирования состояния систем автомобиля для обеспечения оптимальной работы.

3. Устойчивое развитие и создание прозрачной экосистемы. Постоянно растущая глобальная потребность отраслей промышленности быть более устойчивыми и ответственными также стимулирует цифровизацию цепочек поставок. Хорошим примером этого является цепочка поставок кобальта для автомобильных аккумуляторов, где производители начали использовать цифровые инструменты, чтобы убедиться, что они не являются частью неустойчивой и неэтичной практики добычи. Такие технологии, как блокчейн и смарт-контракты, будут и далее использоваться для достижения этой цели — отслеживания и прозрачности.
4. Развитие цифрового маркетинга и продаж, которые позволяют на любом этапе приобретения автомобиля или пользования им, заказать новые опции и технологические решения («подключаемые опции БМВ»)
5. Развитие экономики совместного пользования, которая предполагает возникновение и использование новых форматов собственности.

6. Широкое распространение цифровой валюты, популярность удаленных финансовых решений и возможностей перевода денежных средств из любой точки земного шара, которые интегрированы в систему сбыта автомобильной отрасли.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что глобальная неопределенность, ценовые войны, экологи-

ческие угрозы приводят к новым операционным и технологическим проблемам, а также к потенциальным возможностям для автомобильного сектора. Эти факторы побуждают автомобильные компании активизировать исследования и разработки цифровых инноваций, которые позволяют укрепить конкурентные позиции на рынке, повысить прибыльность и удовлетворить растущие запросы клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Circular economy practices and industry 4.0 technologies: A strategic move of automobile industry // *Business strategy and the environment*. 2022. Volume 31: Number 3; pp 796–809.
2. *Industry 4.0 and digitization: regions and metropolises facing divergent social and industrial change* / edited by Ulrich Hilpert. London: Routledge, 2022. 302 p.
3. Рачков С.А. Трансформация глобальной цепочки добавленной стоимости в автомобильной промышленности // *Вестник евразийской науки*. 2022. Т. 14. № 2. С. 39.
4. Manimuthu, A. Design and development of automobile assembly model using federated artificial intelligence with smart contract // *International journal of production research*. 2022. Volume 60: Issue 1; pp 111–135.
5. *The digital supply chain* / edited by Bart L. MacCarthy. Amsterdam: Elsevier, 2022. 276 p.
6. Llopis-Albert, Carlos Impact of digital transformation on the automotive industry // *Technological forecasting and social change*. 2022. Volume 162; pp 78–84.

© Филатов Григорий Игоревич (gfilat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕГИТИМНОСТЬ: О КОНЦЕПТЕ И КОНЦЕПЦИЯХ

LEGITIMACY: THE CONCEPT AND CONCEPTIONS

**S. Alikova
O. Mikhaylina**

Summary. The article is devoted to the study of legitimacy and its conceptions at the legal and philosophical-sociological level. The authors focus on the prevailing distinction between legal and moral legitimacy. The level of interaction between legal moralism and legal positivism is considered. On the basis of these two points of view, several radical and transitional approaches coexist. It should be noted that in the sphere of practical implementation, the balance/imbalance of the components of the concept of legitimacy leads to the fact that the government can be legal and illegitimate, legitimate, but illegal, as well as legal and legitimate.

Keywords: legitimacy, concept, conception, legal moralism, legal positivism.

Аликова Светлана Викторовна

К. филол. н., доцент, Краснодарский университет
МВД России
koraeva1979@yandex.ru

Михайлина Ольга Анатольевна

К. филол. н., доцент, Краснодарский университет
МВД России
mihoa-70@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию легитимности и ее концепций на правовом и философско-социологическом уровнях. Авторы акцентируют внимание на преобладающем разграничении юридической и моральной легитимности. Рассматривается степень взаимодействия правового морализма и правового позитивизма. На базе этих двух точек зрения сосуществуют несколько подходов радикального и переходного характера. Следует отметить, что в сфере практической реализации баланс/дисбаланс составляющих понятия легитимности приводит к тому, что власть может быть легальной и нелегитимной, легитимной, но нелегальной, а также и легальной, и легитимной.

Ключевые слова: легитимность, концепт, концепция, правовой морализм, правовой позитивизм.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что легитимность как политическая и социально-философская категория являлась и является предметом множества исследований (К.Ф. Завершинский, М. Доган, А. Эпплбаум, Д. Битэм, Ж. Кермонн, Ж. Шабо, К. Шмелцл и др.) Цель работы — рассмотрение и анализ концепций легитимности в диахроническом и синхроническом аспектах.

В статье нами применяются такие методы исследования, как сравнение, обобщение и когнитивный анализ теоретического материала.

Легитимность как концепт — это своего рода метаопределение, которое стремится охватить как можно больше различных концепций легитимности, находит свое отражение также на лингвистическом уровне в юридическом дискурсе [4]. Большая часть литературы по легитимности посвящена конкретным концепциям, связанным с тем или иным вариантом демократии, справедливости, и лишь сравнительно недавно концепт легитимности стал объектом более пристального внимания. В большинстве работ о легитимности за последние несколько десятилетий проводится различие между двумя основными категориями. Так, различают между нормативной и социологической легитимностью, нормативной и эмпирической легитимностью, юридической

и фактической легитимностью. Некоторые исследователи разграничивают правовую, моральную и социальную легитимность. Однокоренное прилагательное *легитимный* часто просто используется в повседневной речи как синоним таких терминов, как допустимый или приемлемый, законный или оправданный.

Термин «легитимность» этимологически происходит от латинского *legitimus* (законный), производного от *lex* (закон), поэтому неудивительно, что изначально он соотносится с правовым аспектом понимания. Юридическая легитимность обычно определяется как свойство действия, правила, субъекта или системы, которое означает юридическое обязательство подчиняться или поддерживать это действие, правило, субъекта или систему. Юридическая легитимность подобна моральной легитимности в том, что обе оценивают объекты в соответствии с определенными нормативными рамками и иногда совместно выступают как формы нормативной легитимности. При этом юридическая легитимность часто исключает вопросы моральной оправданности. Тем не менее признается, что юридическая легитимность особенно важна из-за силы ее самооправдания в функционирующей правовой системе; как только что-то становится юридически легитимным, это обеспечивает исключительную причину для соблюдения даже при столкновении с противоположными моральными со-

ображениями. Таким образом, вопросы юридической силы оказывают непосредственное влияние на более широкое понимание морали и порядка.

Анализ содержания решений Конституционного Суда РФ, размещенных на официальном сайте, показывает, что в большинстве из них термин «легитимность» используется в значении «доверие общества», либо прямо раскрывается через данное выражение [1, с. 21].

Другое распространенное понимание легитимности — это моральная легитимность. Она формулируется в рамках понимания того, кто имеет право управлять — то есть как осуществление власти одним субъектом над другим может быть морально оправдано. Следовательно, моральная легитимность предполагает должностное отношение в данных властных отношениях. Таким образом, моральная легитимность может быть определена как свойство действия, правила, субъекта или системы, которое означает моральное обязательство подчиняться или поддерживать это действие, правило, субъекта или систему. Его противоположность — моральная незаконность. Если что-то морально незаконно, то нет морального обязательства подчиняться; может быть даже моральное обязательство сопротивляться. Таким образом, моральная легитимность тесно связана с вопросами политической власти.

Существует бесконечное множество потенциальных конфигураций моральной легитимности. На протяжении веков были выдвинуты различные концепции морально легитимного правления. Аристотель выделил шесть режимов правления, первые три из которых считались оправданными (королевская власть, аристократия и конституционное правительство), в то время как вторые три (тирания, олигархия и демократия) считаются извращениями первых трех. Египетские фараоны, французские короли-солнце и современные диктаторы — все они заявляли о праве на правление, исходящем от бога. С 17 века дебаты в либерально-демократических государствах сосредоточены на напряженности между индивидуальной свободой и государственной властью, так или иначе опосредованной согласием в форме общественного договора. В современных работах о моральной легитимности доминируют понятия демократической легитимности, а поджанры связаны с индивидуальным согласием, общественным договором. Эта тенденция настолько широко распространена, что часто термин «легитимность» используется как сокращение от демократической легитимности. Преобладание таких работ привело к тому, что они затмили изучение других форм моральной легитимности.

Третье распространенное понимание легитимности — это социальная легитимность. Социальная леги-

тимность может быть определена как свойство, проецируемое на действие, правило, субъекта или систему убеждением субъекта в том, что это действие, правило, субъект или система являются морально или юридически легитимными. В отличие от юридической или моральной легитимности, социальная легитимность не устанавливает нормативных обязательств в отношении каких-либо отношений власти; это отбрасывает всякое ощущение объективного должностного отношения. Она рассматривает легитимность как социальный факт, а не как нормативную цель. Тем не менее, это определение не полностью игнорирует роль моральной и юридической легитимности. Социальная легитимность — это пустое понятие без учета моральных или правовых рамок, принятых в данном социуме. С учетом этих точек зрения, Ю. Брунни и С.Д. Топи разрабатывают интерактивный подход к легитимности, в котором соблюдаются восемь критериев законности: общность, обнаружение, отсутствие обратной силы, ясность, отсутствие противоречий и требования невозможного, последовательность и соответствие между правилами и официальными действиями [6].

На наш взгляд, социальная легитимность не может являться объективным критерием при рассмотрении концепта легитимности, поскольку в силу исторических предпосылок и индивидуальных траекторий эволюции различных общественных укладов существуют разные реалии сосуществования дуальной структуры политической уклад — общество.

Правовой морализм утверждает, что закон как нормативная система настолько тесно связан с моральными идеями, что концепция права обязательно должна включать ссылку на мораль. Напротив, правовой позитивизм постулирует, что право, как реальное социальное явление, отделено от морали, так что понятие может и должно определяться исключительно в отношении эмпирических фактов без ссылки на мораль (тезис о разделении) [10]. На базе этих двух точек зрения сосуществуют несколько подходов радикального и переходного характера.

Так, сильный правовой морализм — это правовая теория, основанная на концепции права, которая предполагает необходимую связь между законом и моралью и интерпретирует эту связь строгим образом, в том смысле, что закон понимается как прямое следствие или даже как часть морали. Сама мораль понимается в идеальном смысле как набор стандартов человеческого поведения, которые считаются общеприемлемыми с рациональной точки зрения, независимо от того, признаются они в действительности или нет. Такую концепцию отстаивают Д. Бейлвелд и Р. Браунсворд в ряде совместных публикаций, в частности, в их книге «Закон как моральное суждение» (1994). Этот принцип

устанавливает необходимость «действовать в соответствии с общими правами ваших получателей, а также с вашими собственными», где общие права понимаются как универсальные права на свободу и благополучие, на которые каждый человек имеет обоснованные притязания [5, с. 119]

Слабый правовой морализм утверждает, что закон — это система норм, которые претендуют на моральную корректность, зафиксированы в конституции или основаны на ней, в целом эффективной, и сами по себе не являются несправедливыми, и включают принципы, которые необходимы для руководства процессом применения закона таким образом, чтобы это соответствовало требованиям «правильности» [3, с. 127].

Слабый правовой позитивизм представляет точку зрения, состоящую в том, что закон основан на социальных фактах, его критерии юридической силы являются конвенциональными и при этом он отделен от морали [7, с. 67]

Сильный правовой позитивизм утверждает, что право, как система управления общественной жизнью,

должно определяться эмпирическими социальными фактами и, следовательно, может и должно функционировать без какой-либо ссылки на моральные нормы. Таким образом, он решительно трактует независимость концепции права от моральных соображений. Ведущим представителем этой позиции, известной как «исключительный позитивизм», является Д. Раз, который развил эту позицию во многих работах, включая «Авторитет закона» [8] и «Этика в общественном достоянии» [9].

Принимая во внимание вышеуказанные концепции, в качестве вывода следует отметить, что в сфере практической реализации баланс/дисбаланс составляющих понятия легитимности приводит к тому, что, как справедливо отмечается В.П. Барановым: «в одних политических системах власть может быть легальной и нелегитимной, как, например, при правлении метрополий в колониях, в других — легитимной, но нелегальной, как скажем после свершения революционного переворота, поддержанного большинством населения, в-третьих — и легальной, и легитимной, как, к примеру, после победы определённых сил на свободных и справедливых выборах» [2, с. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадретдинов, И.Р. Легитимность: еще раз о понятии и типологии. <https://cyberleninka.ru/article/n/legitimnost-esche-raz-o-ponyatii-i-tipologii>
2. Вайнберг, А.В. Легитимация и делигитимация выборной государственной власти в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 20.
3. Alexy, Robert. 2002. The Argument from Injustice. A Reply to Legal Positivism. Oxford: Clarendon.
4. Alikova, S.V. Lexical features of English legal discourse / S.V. Alikova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2022. — No 10–2 (73) . — P. 157–159. — DOI 10.24412/2500–1000–2022–10–2–157–159.
5. Beyleveld, Deryck, and Roger Brownsword. 1994. Law as a Moral Judgment. 2nd ed. Sheffield: Sheffield Academic. (1st ed. 1986.)
6. Brunnée, Jutta and Toope, Stephen J. 2010. Legitimacy and Legality in International Law.
7. Coleman, Jules. 2001. The Practice of Principle. In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. Oxford: Oxford University Press.
8. Raz, Joseph. 1979. The Authority of Law. Essays on Law and Morality. Oxford: Clarendon.
9. Raz, Joseph. 1994. Ethics in the Public Domain. Essays in the Morality of Law and Politics. Oxford: Clarendon.
10. Thomas, C.A. The Concept of Legitimacy and International Law. LSE Law, Society and Economy Working Papers 12/2013 London School of Economics and Political Science.

© Аликова Светлана Викторовна (kopaeva1979@yandex.ru), Михайлина Ольга Анатольевна (mixoa-70@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICES

A. Andreev

Summary. This article discusses the problematic aspects of the functioning of the institution of bankruptcy of individuals in the Russian Federation. The author analyzed various problematic situations and current regulatory approaches in relation to the bankruptcy of individuals, identified a number of existing problematic aspects of the legislation. It is noted that in order to increase the efficiency of the functioning of the institution of bankruptcy of individuals in the Russian Federation, it is necessary to introduce certain changes to the current legislation.

Keywords: individual, bankruptcy, responsibility, problem, legislative change.

В современных реалиях ввиду действия негативных макроэкономических факторов остро стоит вопрос возврата кредитов, ипотек и быстрозаймов, просроченной оплаты услуг ЖКХ, налогов и прочих долгов физических лиц. Взяв кредит или ипотеку, многие граждане не предполагают, что могут возникнуть проблемы с их оплатой ввиду изменения жизненной ситуации. Например, гражданин может потерять высокооплачиваемую работу или попасть в сложную жизненную ситуацию (получить инвалидность, столкнуться со смертью близких или другими непредвиденными расходами). Данные факторы не способствуют сохранению доходов и могут выступать причиной для возникновения ситуации неплатежеспособности, выходом из которой является проведение процедуры банкротства.

С октября 2015 года действует Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] (далее — Закон о банкротстве), который регламентирует процесс признания банкротом физического лица. Но в социально-правовой повестке реализации института банкротства физических лиц до сих пор имеются различные проблемные аспекты, например, необходимость снижения количества требуемых документов для осуществления процедуры банкротства или уменьше-

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Андреев Андрей Александрович

Адвокат, председатель совета Московской коллегии адвокатов «Андреев, Бодров, Гузенко и Партнёры», общественный деятель, вице-президент Федерации Панкратиона России
Аспирант, Российский новый университет
(г. Москва)
andreev@abg.legal

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемные аспекты функционирования института банкротства физических лиц в Российской Федерации. Автором проведен анализ различных проблемных ситуаций и действующих нормативных подходов в отношении банкротства физических лиц, выявлен ряд существующих проблемных аспектов законодательства. Отмечено, что в целях повышения эффективности функционирования института банкротства физических лиц в Российской Федерации необходимо внесение отдельных изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: физическое лицо, банкротство, ответственность, проблема, законодательное изменение.

ние суммы долга при реализации процедуры банкротства через арбитражный суд.

Кроме этого, Закон о банкротстве не в состоянии эффективно защитить права и интересы кредиторов от недобросовестного поведения должника. Во многом это объясняется тем, что в нашей стране значительная часть населения задействована в неформальном секторе экономики и тем самым вопрос их реальных доходов остается крайне проблемным. В соответствии с методологией подсчета Росстата в «теневом» секторе российской экономики заняты более 20% граждан, согласно же независимых оценок с учетом скрытой занятости в организациях данный показатель составляет до 40% [4]. Поэтому финансовый управляющий не может получить достоверных сведений о доходах должника, что затрудняет процесс возмещения долгов кредиторам.

Отметим еще один проблемный аспект правоприменения законодательства о банкротстве физических лиц. Несмотря на то, что п. 12 ст. 213.9 Закона о банкротстве установлена обязанность арбитражного суда утвердить нового финансового управляющего в случае освобождения или отстранения последнего, на практике встречается большое количество дел о банкротстве физических лиц, которые были прекращены из-за

отсутствия кандидатуры финансового управляющего. На наш взгляд, необходимо ограничить указанное право и внести в п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве определенный перечень обстоятельств, при наличии которых финансовый управляющий сможет воспользоваться данным правом.

В п. 1 ст. 213.13 Закона о банкротстве среди требований, которым должен соответствовать гражданин для утверждения плана реструктуризации долгов, законодателем указано наличие источника дохода на дату представления плана. При этом законодателем не уточняется, может ли быть такой источник дохода постоянным или временным, а также не конкретизируется размер дохода.

В связи с этим логичным представляется закрепить в п. 1 ст. 213.13 Закона о банкротстве положение о необходимости наличия у гражданина постоянного источника дохода выше размера прожиточного минимума, уровень которого (за вычетом средств к существованию его самого и лиц, которых он в силу закона обязан содержать) позволит погасить задолженность в течение срока, установленного пунктом 2 ст. 213.14 Закона о банкротстве для реализации плана, т.е. в течение 3-х лет.

Также в п. 1 ст. 213.13 Закона о банкротстве установлены требования к гражданину, в отношении задолженности которого может быть представлен план реструктуризации его долгов. Одним из таких требований является истечение (до даты принятия заявления о признании гражданина банкротом) срока, в течение которого гражданин считается подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, которым признается хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает по ч. 1 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] 1 тыс. руб., а по части второй — не более 2,5 тыс. руб.

В связи с этим возникает вопрос о наличии связи между данным административным правонарушением и возможностью исполнения должником своих обязанностей по восстановлению своей платежеспособности и удовлетворению требований кредиторов. На наш взгляд, данное обстоятельство не является в полной мере справедливым и объективно лишает целую категорию граждан возможности воспользоваться данной реабилитационной процедурой, даже в том случае, когда они имеют достаточный для погашения своей задолженности доход. В связи с этим считаем необходимым пересмотреть и изменить содержание абз. 3 п. 1 ст. 213.13 Закона о банкротстве в соответствии с принципом справедливости и социально-реабилитационной целью механизма потребительского банкротства.

Актуален также вопрос о взыскании единственного жилья и пределах действия исполнительского иммунитета должника. Несмотря на стремление высших судов унифицировать судебную практику в части разрешения жилищного вопроса в делах о банкротстве граждан, отсутствие законодательного регулирования оставляет открытой правовую неопределенность, при которой по-прежнему возможны исключительные условия неприменения исполнительского иммунитета. При этом стоит признать, что ситуация, когда должник обладает единственным «роскошным» жильем, которое подлежит исключению из конкурсной массы согласно п. 1, п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве, создает дисбаланс между соблюдением прав и законных интересов кредиторов и должника, устанавливая приоритет интересов последнего. Считаем, что данный пробел в праве требует своего детального рассмотрения и разрешения.

В целях справедливого урегулирования данной ситуации представляется возможным, разумным и необходимым установление в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] четких критериев «роскошности» жилых помещений. Среди таких могут быть, например, расположение жилого помещения в элитном жилом комплексе, избыточная площадь помещения, наличие нетипичных для обычного жилья удобств, например, бассейна и других. А для определения жилья, достаточного для нормального уровня жизни, в свою очередь, можно руководствоваться нормами предоставления и учетной нормой площади жилого помещения.

Законом определена возможность прекращения внесудебной процедуры банкротства гражданина — в связи с улучшением его имущественного положения либо в связи с введением судебной процедуры банкротства. Прекращение внесудебной процедуры банкротства гражданина по первому основанию законодатель связывает с существенным изменением имущественного положения должника, позволяющее полностью или в значительной части исполнить свои обязательства перед кредиторами. Законодателем перечислены возможные основания: поступление в собственность гражданина имущества в результате оспаривания сделки, принятия наследства или получения в дар.

Но такая формулировка законодателя представляется довольно общей, поскольку поступление имущества в собственность гражданина в дар или по наследству вряд ли можно признать безусловным основанием для признания существенного улучшения его имущественного положения. Так, например, в результате принятия наследства гражданином в его

собственность может перейти квартира, которая может стать единственным пригодным для постоянного проживания гражданина-должника и проживающих совместно с ним членов его семьи жилым помещением, на которое, как мы выяснили, не может быть обращено взыскание. В связи с этим представляется необходимым доработать эту норму на законодательном уровне.

Также законодатель в рассматриваемом институте не смог создать серьезные для гражданина негативные последствия банкротства. На наш взгляд, в Законе о банкротстве не хватает более серьезных ограничительных последствий, которые бы позволили существенным образом стимулировать граждан контролировать и соотносить свои финансовые возможности и возникающие потребности.

Крайне проблемным остается и вопрос ответственности за противоправные действия должника. Полагаем, что в целях повышения эффективности применения мер ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротства, а также их предупреждение, необходимо предпринять следующие меры:

- ◆ детально разработать определения преднамеренного и фиктивного банкротств, нормативно закрепив их в действующем законодательстве;
- ◆ уточнить и раскрыть критерии, на основе которых физическое лицо привлекается к уголовной ответственности за преднамеренное или фиктивное банкротство;
- ◆ более четко разграничить признаки, влекущие за собой уголовную и административную ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (часть I) . — Ст. 1.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Бацкатова А. Экономика попала в ловушку неформальной занятости // Независимая газета [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2022-11-30/1_8603_economics.html (дата обращения: 22.11.2022) .

© Андреев Андрей Александрович (andreev@abg.legal).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ИНОСТРАННЫМ ПУБЛИЧНЫМ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ

ABUSE OF OFFICIAL POWERS BY A FOREIGN PUBLIC OFFICIAL

B. Anetuly

Summary. The article presents an analysis of the features of the responsibility of foreign public officials, the list of persons who can be classified as foreign public officials is considered. The article also reveals the features of the crime "Abuse of official authority", which was a completely foreign public official. The study examines articles of the Criminal Code of the Russian Federation on the problem of research, as well as International legal acts and other legislative documents.

Keywords: criminal Code, foreign public officials, corruption, violations, abuse of authority, abuse of position, state, power.

Анетулы Бексултан

Омская академия МВД России, Омск, Россия
anetuly.bexultan@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей ответственности иностранных публичных должностных лиц, рассмотрен перечень лиц, которые могут быть отнесены к категории иностранных публичных должностных лиц. Автором выявлены особенности преступления «Превышение должностных полномочий», которое было совершено иностранным публичным должностным лицом. В исследовании рассмотрены статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации по проблеме исследования, а также Международные правовые акты и иные законодательные документы.

Ключевые слова: уголовный кодекс, иностранные публичные должностные лица, коррупция, нарушения, превышение полномочий, злоупотребление положением, государство, власть.

Введение

Эффективная работа государственного аппарата является ключевым условием для нормального функционирования правового и гражданского общества. В настоящее время указанные условия реализованы в недостаточной мере. Это связано с происходящими в Российской Федерации проблемами в государственном аппарате власти. Одной из таких проблем является превышение должностных полномочий.

В то же время невозможно представить государство, в котором нет четкой системы всех уровней власти. Таким образом, любое должностное лицо обязано выполнять свои обязанности и соблюдать законодательство наравне со всем гражданами государства.

Известно, что должностные лица имеют те права и обязанности, которыми их наделяет государство и общество. Именно это и является так называемым плацдармом для совершения должностных преступлений. Имея в своем арсенале особые возможности, некоторые должностные лица пользуются ими в рамках лишь своей выгоды и интересов.

В связи с вышесказанным стоит отметить, что Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) включает в себя основы, определяющие наказание для должностных лиц, решившихся пойти на преступление, используя свои должностные возможности. Таким об-

разом, глава 30 УК РФ включает в себя перечень статей, связанных с преступлениями против государственной власти [1].

В настоящем исследовании интерес представляет статья 286 УК РФ, которая включает в себя преступление «Превышение должностных полномочий».

Превышение должностных полномочий определяется как совершение или неисполнение действия в нарушение законов государственным должностным лицом при выполнении своих функций.

Основываясь на этом определении, мы соблюдаем следующие критерии для выявления превышения должностных полномочий:

1. Преступник должен быть государственным должностным лицом.
2. Преступник должен действовать в официальном качестве или осуществлять полномочия своей организации.
3. Целью правонарушителя должно быть получение какого-либо неправомерного преимущества, будь то для себя или связанной стороны.

Превышение должностных полномочий также использовалось для обозначения политической коррупции в более широком смысле. В этой форме злоупотребление полномочиями указывает на использование политической власти государственными должностными

ми лицами для личной выгоды или для укрепления своей власти.

Как правило, существует два подтипа этой концепции превышения должностных полномочий. Первый предполагает накопление и извлечение частной выгоды с помощью инструментов власти. Действия, о которых идет речь, со стороны правительственных чиновников часто были бы законными, если бы не их намерение максимизировать личную выгоду чиновника. Этот подтип злоупотребления властью часто включает использование государственных доходов или экономики в целом для собственной выгоды должностного лица.

Второй подтип этой концепции «Превышение должностных полномочий» включает действия, направленные на сохранение и расширение политической власти путем использования ресурсов, добытых законодательно закрепленными полномочиями государственного чиновника. Действия, относящиеся к этому подтипу злоупотребления властью, могут включать политику фаворитизма и покровительства, а также политически мотивированное распределение финансовых и материальных стимулов, льгот и т.д.

Также в исследовании стоит отметить преступления смежные, которые связаны с получением и дачей взяток, а также злоупотреблением должностных полномочий, поскольку эти преступления часто составляют совокупность общественно опасных деяний, осуществляемых должностным лицом.

Стоит отметить, что превышение должностных полномочий как опасное деяние против безопасности и интересов как государственной, так и муниципальной власти, является наиболее опасным видом преступления. Это связано с тем, что публичная власть выполняет следующие функции:

1. Социальное регулирование;
2. Социальный контроль [2, с.7].

Выполняя совокупность своих функций, должностные лица должны обеспечивать нормальное и стабильное существование общества.

В том случае, когда должностное лицо регулярно превышает свои полномочия, в обществе начинается процесс разрушения установленных порядков.

Такая тенденция в итоге приводит к дискредитации власти, тем самым подрывая ее авторитет. Граждане не доверяют должностным лицам, отторгают любые изменения, скептически относятся к содержанию государственных программ и предложений.

Кроме того, в настоящем исследовании стоит рассмотреть превышение должностных полномочий иностранным публичным должностным лицом. Для начала необходимо дать определение иностранному публичному должностному лицу (далее — ИПДЛ).

Под ИПДЛ стоит понимать назначаемое либо избираемое лицо какой-либо ступени власти (судебная, административная и т.д.) иностранного государства. Также под ИПДЛ стоит понимать лицо, которое осуществляет публичные функции для иностранного государства [3].

Представленные должности не являются окончательным списком. Варианты ИПДЛ могут зависеть от государственного устройства.

FATF — это группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег. Данная группа определяет условия, по которым лицо принадлежит к группе ИПДЛ.

Также существует такая категория как публичное должностное лицо международной организации (далее — ПДЛМО). К этой категории относятся лица, которым доверяют выполнение важных функций международных организаций.

Рассматривая проблему, связанную с превышением должностных полномочий ИПДЛ стоит отметить, что дополнительный вектор в развитии законодательства в этой сфере был получен после ратификации Конвенции ООН и Совета Европы [4]. В результате было введено примечание сначала в ст. 285 УК РФ. Согласно этим изменениям, ИПДЛ, а также ПДЛМО, которые совершили преступления согласно статьям гл. 30 УК РФ, несут уголовную ответственность в тех случаях, которые предусмотрены международными договорами РФ.

Однако, несмотря на внесение указанных изменений в ст. 290 УК РФ, эти нормы не были в должной мере широко отмечены в научной юридической литературе. Кроме того, практически неизвестны случаи применения указанных норм и в судебной практике.

Представленная выше номенклатура была использована только для комментирования при воспроизведении текста законодательного акта. Кроме того, Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [5], но и тут нет точных разъяснений по рассматриваемому вопросу.

Исследование вопросов об отдельных видах преступлений, который были совершены должностным

лицом, при этом используя свои должностные возможности и положение, весьма сложно. Это связано с тем, что не всегда можно определить в полной мере квалификацию преступления, которое было совершено, например, сотрудником правоохранительных органов. Так сотрудник правоохранительных органов мог совершить убийство, причинение смерти по неосторожности, хищение, насилие в момент выполнения своих служебных обязанностей.

Эти случаи показывают, что должностное лицо явно превышает свои полномочия. Таким образом, должностное лицо, используя свое положение, совершает действия, на которые никто не имеет права вне зависимости от обстоятельств.

Ключевое условие в вопросе квалификации преступлений согласно ст. 286 УК РФ заключается в наличии связи между действиями лица и его служебных обязанностей. Иначе, любое бы совершенное должностным лицом преступление могло бы рассматриваться как превышение должностных полномочий.

ИПДЛ представлены не только в УК РФ. Согласно ст. 7.3 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» указано, что для ИПДЛ существуют обязанности, которые реализуются организациями в ходе операций с денежными средствами или другим имуществом, а также при приеме на обслуживании ИПДЛ [6]. Рассматривая данный аспект, было выявлено, что с практической точки зрения, использование указанной нормы преследует некоторые сложности, в частности при определении круга ИПДЛ.

Несмотря на то, что рассматриваемый пункт письма Центрального банка России уже утратил силу, стоит указать, что были предприняты попытки дать несколько определений понятия «Публичное должностное лицо».

Согласно своему определению, ИПДЛ, а также ПДЛМО при совершении ими должностных нарушений не могут причинить вред для государственной либо муниципальной власти РФ.

Содержание данного вопроса в гл. 30 УК РФ, а кроме того, и привлечении ИПДЛ и ПДЛМО к ответственности согласно российскому законодательству, как и для российских должностных лиц, не может быть оправдано теми соображениями, которые исходят из характеристики объекта преступления.

Однако, преступления, связанные с превышением должностных полномочий ИПДЛ и ПДЛМО, влияют на иную сферу общественных отношений. Таким об-

разом, превышение должностных полномочий ИПДЛ и ПДЛМО наносит вред международному сотрудничеству между государствами.

Указанные выше аспекты говорят о том, что ответственность ИПДЛ становится ближе к содержанию раздела 12 УК РФ — «Преступления против мира и безопасности человечества». Таким образом, становится очевидным, что разработка специальных мер ответственности рассматриваемых ИПДЛ является актуальной проблемой в законодательстве на сегодняшний день. Таким образом, следует указать на некоторые виды международных преступлений, а также построить самостоятельную главу в УК РФ. В качестве примера можно указать главу, в названии которой будет фигурировать «преступления против интересов международного сотрудничества между государствами».

Полагаем, что данный подход к привлечению ответственности за преступление «Превышение должностных полномочий», а также смежных с ним преступлений, которые совершаются ИПДЛ, позволит установить конкретные и точные положения об ответственности, исключив неоправданную ссылку на нормы международного права согласно примечанию 5 к ст. 285 УК РФ.

Ответственность ИПДЛ, согласно УК РФ, осуществляется при наличии международного договора. Данное правило можно считать неисполнимым. Это связано с тем, что любое государство, включая РФ, которое будет гарантировать уголовно-правовой суверенитет, не станет заключать международный договор с государством, зная, что этот договор станет основанием для уголовного преследования должностного лица данного государства, исходя из законов иностранного государства. В настоящее время подобных договоров нет. Также нет и оснований для предвидения их появления в будущем. Таким образом, примечание 5 ст. 285 УК РФ искореняет возможность для привлечения ИПДЛ к ответственности согласно законодательству РФ.

При условии, что будет сформулирована новая глава, эту проблему возможно будет нивелировать. Так уголовное законодательство будет содержать специальные нормы, направленные на установление ответственности для ИПДЛ и ПДЛМО. Реализация ответственности ИПДЛ и ПДЛМО будет возможна на основании общих правил о действии уголовного законодательства в отношении указанных лиц, что определено в разделе 12 УК РФ.

Таким образом, указанные изменения могут привести к совершенствованию уголовно-правовых мер по борьбе с преступлениями, совершаемыми ИПДЛ. В борьбе с преступлениями, связанными с превышением должностных полномочий, в частности, реализация

при этом коррупционных схем, представленные меры могут существенно оптимизировать деятельность правоохранительных органов и международных организаций. Все это может привести к снижению негативных социальных явлений.

Таким образом, в данном исследовании были проанализированы ключевые аспекты ответственности

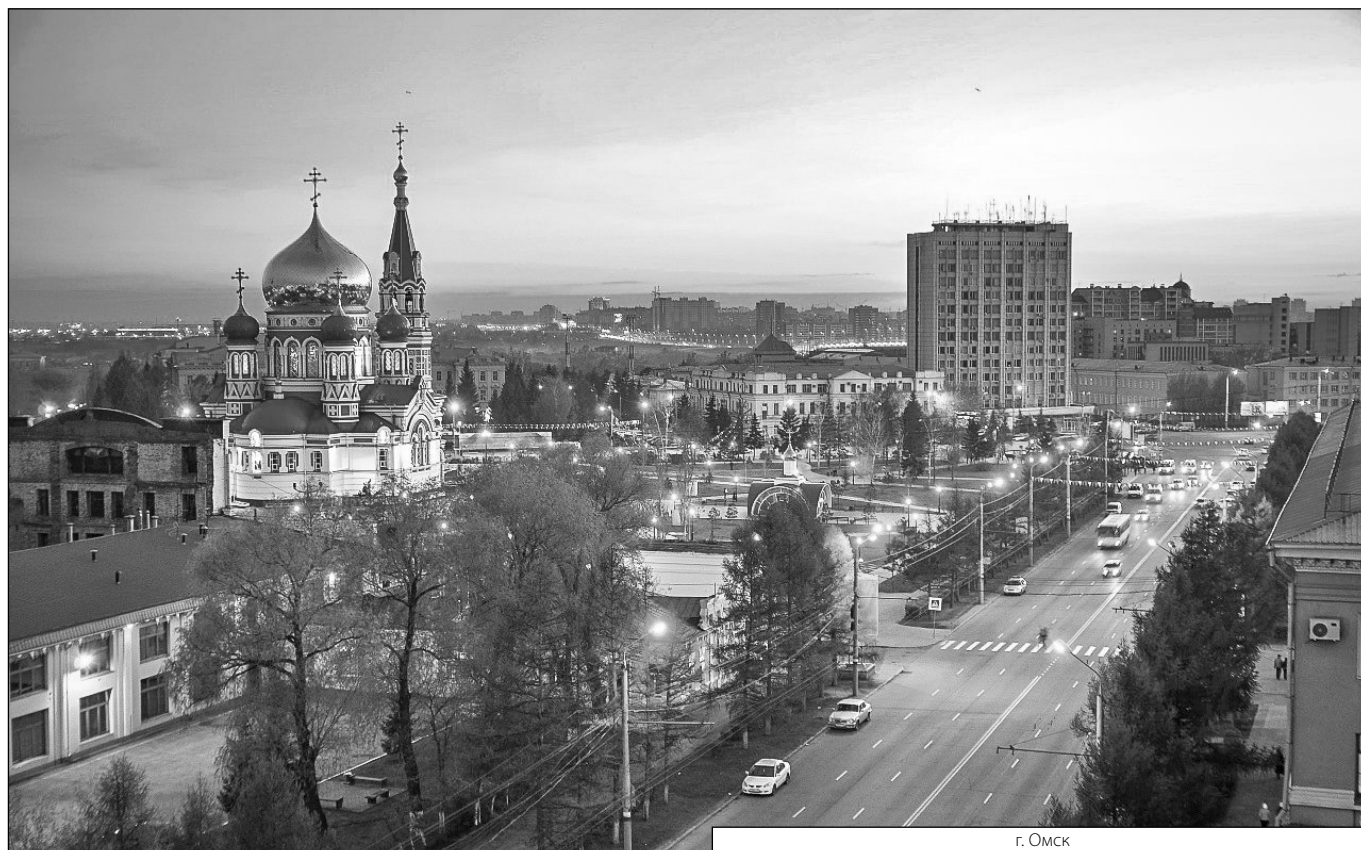
ИПДЛ за совершение преступлений, связанных с превышением должностных полномочий. Было определено, что превышение должностных полномочий предполагает, что при исполнении своих обязанностей государственные должностные лица предпринимают или не предпринимают действия, нарушающие закон, с целью извлечения незаконной выгоды для себя или для другого физического или юридического лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914053>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
4. Информационное письмо Росфинмониторинга от 12.12.2017 № 53 «О Методических рекомендациях по выявлению иностранных публичных должностных лиц, должностных лиц публичных международных организаций, а также российских публичных должностных лиц при идентификации клиентов, принятию их на обслуживание и управлению рисками при работе с указанными лицами» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284216/
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/
6. Белов А.С. Превышение должностных полномочий: дисс. на соиск. степ. магистра по напр. под. «Юриспруденция / А.С. Белов. — Томск: НИ ТГУ, 2019. — 90 с.

© Анетулы Бексултан (anetuly.bexultan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Омск

РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

SEARCH ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

**A. Belousov
Z. Vassalatiy**

Summary. The article is devoted to the peculiarities search activity of the investigator in the investigation of crimes in the field of computer information. An attempt has been made to determine the criminalistic essence and highlight the informational significance of the search process investigator, as well as to develop an algorithm for tactical operations in the investigation of crimes in the field of computer information.

Keywords: search; criminal; crime; computer information; tactical operation.

Белоусов Алексей Владимирович

Кандидат юридических наук, Тюменский
государственный университет
belousovalecs@mail.ru

Вассалатий Жанна Васильевна

Кандидат юридических наук, Тюменский
государственный университет
z.v.vassalatiy@utmn.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям розыскной деятельности следователя при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Предпринята попытка определить криминалистическую сущность и выделить информационную значимость процесса розыска следователем, а также разработать алгоритм тактической операции при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: розыск; преступник; преступление; компьютерная информация; тактическая операция.

В настоящее время для повышения эффективной борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации разрабатывается достаточно большое количество криминалистических рекомендаций. Тем не менее статистические данные указывают на рост совершения данной категории преступлений и низкий уровень раскрываемости. Указанная динамика прослеживается из приведенных показаний в Таблице 1 [11]:

Таким образом проведенный теоретический и практический анализ расследования рассматриваемого вида преступлений позволил акцентировать внимание на одном из научных направлений как розыскная деятельность следователя.

Розыскная деятельность следователя представлена учеными в криминалистике под разным углом зрения [См., например: 1–10, 12]. Тем не менее проведенный теоретический анализ позволил выделить три основных признака, к таковым относятся, объекты розыска, средства розыска и процесс розыска.

1. Объектами розыска являются:

- ◆ местонахождение установленных лиц, предмета и объекта преступного события;
- ◆ места создания, воздействия и распространения компьютерной информации;

- ◆ места использования информации охраняемой законом.
2. Средствами розыска будут являться следственные действия, оперативно-розыскные и организационно-тактические мероприятия.
 3. Процесс розыска, который заключается в формировании одной или нескольких тактических операций.

Таким образом позволяя сформировать понятие, что розыскная деятельность следователя по преступлениям в сфере компьютерной информации — это комплекс процессуальной и непроцессуальной деятельности, направленной на обнаружение местонахождения установленных лиц и иных известных объектов преступного события.

Формирование указанной дефиниции позволяет на практическом уровне в рамках этапа предварительного следствия сформировать программу (алгоритм) действий следователя.

По рассматриваемой категории преступлений задачами расследования будут являться: обнаружение местонахождения и задержание подозреваемого (обвиняемого), обнаружение местонахождения потерпевшего, обнаружение места создания, воздействия,

Таблица 1. Динамика преступлений и низкий уровень раскрываемости.

Отчетный период	количество зарегистрированных преступлений	количество раскрытых преступлений	количество выявленных лиц, совершивших преступления	количество уголовных дел, направленных в суд	% раскрываемости преступлений
2019	2883	729	319	468	16,3
2020	4498	830	389	480	10,7
2021	6869	1545	462	1155	16,8
2022	8741	1739	463	1448	16,5

использования и распространения вредоносной компьютерной информации и ее изъятие.

Таким образом алгоритм действий следователя авторами представлен в виде тактической операции обнаружения местонахождения установленных лиц и иных известных объектов преступного события, включающей в себя:

1. Создание следственно-оперативной группы:

В рамках созданной следственно-оперативной группы по рассматриваемой категории дел составляется согласованный план следственных и оперативно-розыскных мероприятий. В рамках данного плана: согласуются задания по розыску искомых объектов в рамках отдельного поручения; согласуются силы и средства при проведении оперативно-розыскных мероприятий; уточняются задания лицам, привлекаемым к содействию на конфиденциальной основе.

2. Направление запросов:

- ◆ в информационно-справочные учеты правоохранительных органов (получить сведения из криминалистических и оперативно-розыскных учетов);
- ◆ в военкомат (сведения о возможном местонахождении разыскиваемого, который является лицом призывного возраста);
- ◆ в бюро ЗАГС (о возможной перемене фамилии или смерти разыскиваемого лица);
- ◆ в медицинское учреждение (сведения о нахождении лица на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере);
- ◆ провайдеру предоставления услуги доступа к сети интернет и иным связям (сведения идентификации мобильного устройства по «IMEI», какими SIM-картами использовалось мобильное устройство и на чьи паспортные данные они были зарегистрированы, сведения о компьютер-

но-телекоммуникационном техническом средстве и местоположении по MAC и IP — адресам, документы (например, должностные инструкции, документы финансовой отчетности, локальные акты регулирующие правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей));

- ◆ в национальное центральное бюро Интерпол (сведения: о сетевых адресах, именах доменов и серверов организаций и пользователей; о содержании протоколов, трейсингов, логических файлов; об электронной информации, заблокированной в порядке оперативного взаимодействия правоохранительных органов при пресечении трансграничных правонарушений; о провайдерах и дистрибьюторах сетевых и телекоммуникационных услуг; о физических и юридических лицах, имеющих отношение к преступлениям в сфере высоких технологий; о специализированном программном обеспечении, методиках и тактике борьбы с компьютерными и телекоммуникационными преступлениями, периодических и специальных изданиях, обзорах статистики, материалах о деятельности специализированных служб различных государств в данной области) [12].

3. *Проведение ревизии.* Цель данного мероприятия заключается в установлении создания и использования вредоносных программ (например, для снижения или неуплаты налогов).

4. *Допрос.* Допрашиваемыми лицами являются, потерпевший (физическое, представитель юридического лица), свидетель (родственники, друзья, коллеги по работе подозреваемого (обвиняемого), IT-специалисты юридического лица), сотрудники органа дознания, специалист (эксперт). Цель получить наиболее подробные сведения о местонахождении разыскиваемого объекта.

5. Проверка показаний на месте.

Данное следственное действие позволяет решить задачу установления местонахождения разыскиваемых объектов (потерпевших, свидетелей, места временного или постоянного сокрытия разыскиваемых объектов).

6. *Обыск и выемка.* Цель данного следственного действия состоит в обнаружении разыскиваемых объектов преступного события (таких как: рукописные записи в виде цифр, букв, знаков (обозначающих пароли или машинный код); компонент или полноценное компьютерно-телекоммуникационное техническое средство; электронный ключ; должностные инструкции; локальные нормативные акты, регулирующие правила эксплуатации средств хранения обработки или передачи компьютерной информации и информационно-те-

лекоммуникационных сетей организации; сведения или документы финансовой отчетности организации).

7. *Предъявление для опознания.* Цель данного следственного действия заключается в идентификации предъявляемого объекта и установлении причинно-следственной связи с расследуемым преступным событием. Обязательным условием к предъявлению для опознания выступает предварительный допрос с выяснением обстоятельств, при которых допрашиваемый видел опознаваемого (опознаваемое).

Представленный процесс розыска объектов в виде тактической операции по рассматриваемой категории преступлений является не исчерпывающим, ее структура в зависимости от индивидуальных обстоятельств может меняться или дополняться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева М.В. Тактика розыска скрывшегося обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 270 с.
2. Гаврилин Ю.В., Аносов А.В., Баранов В.В., Васильченко Д.А. и др. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 Ч. Изд-во: Академия управления МВД России. М. 2019. Ч 1. 208 с.
3. Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007. 188 с.
4. Даровских Ю.В. Процессуальные и организационные основы производства по уголовному делу, приостановленному в связи с розыском обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. М. 1994. 181 с.
5. Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя: учеб. — практ. пособие. М.: Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1973. 56 с.
6. Мазунин Я.М. О понятии раскрытия преступления. Совершенствование следственной и экспертной практики: материалы междунар. науч.— практ. конф., Омск, 2 июня 2010 г. Омск: Омская акад. МВД России, 2010. С. 79–83.
7. Мусаева У.А. Розыскная деятельность следователя по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2002. 201 с.
8. Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
9. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / (А.Ф. Абдулвалиев, А.В. Белоусов, Ж.В. Вассалатий и др.; под науч. ред. проф. Е.В. Смахина, проф. Р.Д. Шарапова, доц. В.И. Морозова); Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: Изд. Тюменского государственного университета, 2021. 376 с.
10. Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020.
11. Состояние преступности в России. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: [https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/item/19412450](https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450) (дата обращения: 20.02.2023).
12. Щербатов В.Ф. Деятельность следователя по розыску скрывшегося обвиняемого: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградской акад. МВД России, 2008. 72 с.
13. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: Приказ МВД РФ N 786, Минюста РФ N 310, ФСБ РФ N 470, ФСО РФ N 454, ФСКН РФ N 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 от 22.09.2009 / Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 N 8437.

© Белоусов Алексей Владимирович (belousovalecs@mail.ru), Вассалатий Жанна Васильевна (z.v.vassalatij@utmn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2023.02.09

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

LEGAL STATUS OF A MINOR SUSPECTED OF COMMITTING OFFENSES: LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

M. Gezgiev

Summary. The paper reveals the peculiarities of protecting the rights and freedom interests of this category of suspects in pre-trial proceedings.

At the beginning of the study, the author talks about the potential causes of juvenile offenses, their consequences, as well as determining the special legal status of juvenile suspects.

The purpose of the work is to identify the specifics of the legal status of minors suspected of committing such illegal actions as misdemeanors and crimes.

The object is the commission of offenses, and the subject is the legal status of minors suspected of committing offenses.

In the course of the work, the author so studies the especial qualities of the legal regulation of it's issue, as well as the peculiarities of legal practice.

Keywords: juvenile delinquency, crime, legal status of a minor, law enforcement practice, rights of a minor.

Гезгиев Магомед Аюпович

Старший преподаватель, Ингушский
государственный университет
maggez@mail.ru

Аннотация. В работе раскрывается специфика защиты прав и законных интересов данной категории подозреваемых в досудебном производстве.

В начале исследования автор рассказывает о потенциальных причинах несовершеннолетними правонарушений, их последствиях, а также определении особого правового статуса несовершеннолетних подозреваемых.

В качестве цели работы определено выявление специфики правового статуса несовершеннолетних, подозреваемых в совершении таких противоправных действий как проступки и преступления.

Объектом мы выделили совершение правонарушений несовершеннолетних, а в качестве предмета назвали правовой статус несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений.

В ходе работы автором также исследуется специфика правового регулирования данного вопроса, а также особенности юридической практики.

Ключевые слова: правонарушение несовершеннолетних, преступление, правовой статус несовершеннолетнего, правоприменительная практика, права несовершеннолетнего.

Введение

Актуальность. Несмотря на то, что статистика совершения правонарушений несовершеннолетними с каждым годом уменьшается (в 2016 г.— 53 736, а в 2020 уже 39 421 преступление) [5], доля несовершеннолетних в общем количестве преступлений составляет 44,7% от общего количества. Именно поэтому актуален вопрос как об организации профилактической и коррекционной работы с несовершеннолетними, которые могут совершить или уже совершили преступления [12], так и в контексте

сопровождения тех несовершеннолетних, которые подозреваются в совершении правонарушений. Безусловно, специалистами различных отраслей (педагогами, психологами, юристами) определен особый статус несовершеннолетних подозреваемых и именно в контексте этого факта нами определена тематика исследования.

Целью работы нами определено исследование особенностей правового статуса несовершеннолетних, подозреваемых в совершении таких противоправных действий как проступки и преступления.

Объектом в исследовании выступает совершение несовершеннолетними правонарушений, а *предметом* является правовой статус несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений.

Постановка данной цели определила ряд *задач*, которые необходимо решить в ходе исследования:

1. Конкретизация основных видов и содержания правонарушений несовершеннолетних;
2. Выявление специфики правового статуса несовершеннолетних, которые подозреваются в совершении правонарушений;
3. Определение системы правового регулирования данного вопроса и анализ правоприменительной практики.

В качестве основного метода нашей работы выступили теоретико-методологический анализ публикаций современных авторов по теме, а также анализ юридической практики в сфере обеспечения правового статуса несовершеннолетних, защиты их прав, свобод и интересов, которые определены законом, на стадии досудебного разбирательства.

Кроме того, мы применяли системно-структурный метод, при котором правонарушения несовершеннолетних рассматривались как четко определенная последовательность действий, обусловленных специфическими факторами и поэтому содержание правонарушений также анализировали в контексте причин и возрастного состава.

Правонарушения несовершеннолетних. Содержание и виды

Проблемой исследования и предотвращения правонарушений несовершеннолетних российские исследователи занимались еще на начала XIX века. Среди основных юристов, для которых была актуальна данная тематика, возможно назвать Л.М. Василевского, Е.Н. Тарновского, Л.И. Беляевой и др., изучающих преступность несовершеннолетних в XIX–XX вв. Среди более поздних необходимо отметить работы А.В. Аносова, А.И. Бельского, Т.С. Фетисовой, Л.И. Щербаковой и пр. Данные исследования посвящены особенностям юридического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей и выявлению причин того, почему подростки и молодежь, однажды совершившие правонарушения, повторяют их во взрослом возрасте.

Как отмечает Р.В. Колесников, преступность несовершеннолетних характеризуется повышенной степенью общественной опасности, т.к. обычно является организованной, сопровождается высокой степенью риска и имеет рецидивы в более взрослом возрасте (более 80%

взрослых преступников имели опыт совершения правонарушений в несовершеннолетнем возрасте). В целях раскрытия тематики исследования нам необходимо определить понятие несовершеннолетнего, которое позволит выделить данную группу правонарушителей как особую правовую категорию. Статья 87 УК РФ в качестве несовершеннолетнего представляет лицо, которому от 14 до 18 лет [11]. В контексте этого, обращаясь к возрастной психологии, мы можем констатировать что данный возраст-подростковый, характеризуется такими особенностями как повышенная тревожность, стремление к самоопределению, получению авторитета у сверстников, а также противоречия взрослым [10]. Именно это является одним из факторов совершения правонарушений несовершеннолетними, когда в контексте определенных ситуаций (рис, опасность, возможность негативных последствий) несовершеннолетние стараются получить признание у окружающих и повысить свой авторитет.

Анализируя количественные показатели правонарушений, нельзя не отметить необходимость качественного исследования видов проступков и правонарушений, которые совершают несовершеннолетние. По исследованиям Ю.М., Антоняна, М.В. Гончарова и Р.В. Колесникова, большая часть правонарушений несовершеннолетних носит корыстный характер и преступления против собственности (кражи, грабежи) составляют 60,8% среди общего числа, следующие по величине группы- это изнасилования и хулиганство (19%) и преступления, связанные с хранением, использованием и распространением наркотиков, а также такие как оставление в опасности (10%). При этом, о чем говорилось ранее, 28,6% несовершеннолетних совершили преступления в группе и 37,4% в преступном сообществе или организованной группе [5].

В контексте специфики подросткового возраста, а также значимости проблемы подростковой преступности. что подтверждается приведенными выше данными, российским законодательством определена специфика работы с несовершеннолетними, подозреваемыми в совершении правонарушений, на всех стадиях досудебного и судебного производства. При этом также определяется комплекс специалистов, кроме юристов, которые осуществляют сопровождение данного несовершеннолетнего. К примеру, ст. 191 УПК РФ определяет необходимость присутствия психолога или педагога в случае, когда до проведения следственных мероприятий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, несовершеннолетний не достиг 16 лет. Учитывая данный факт, такие авторы как С.В. Кудрявцев, А.В. Дмитриев определяют важность присутствия данных специалистов и в работе с несовершеннолетними подозреваемыми. а также актуализируют вопрос исследования их особого правового статуса.

Особенности правового и социального статуса несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений

Несовершеннолетние, которые возможно совершили правонарушения, в силу возрастных особенностей имеют особый психологический статус, который обуславливает особенности организации досудебного производства и организации юридического сопровождения данных несовершеннолетних.

По мнению таких авторов как Н.В. Пискунова [9], Л.Н. Дегтярева [4], российское законодательство в целом не выделяет несовершеннолетнего в качестве отдельного субъекта правоотношений, в том числе, и при совершении преступлений. Поэтому особенности социального и юридического положения данной категории содержатся в ряде статей УПК РФ, которые регламентируют особый порядок судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Данные статьи также касаются тематики обеспечения максимальной юридической защиты данных подозреваемых. Содержание данных статей, как отмечают А.А. Шаевич и А.В. Герих, в большей степени обусловлено психолого-педагогическими и социальными особенностями подросткового возраста, а также процессуальной неопределенностью статуса и процедуры участия, сопровождающих педагога или психолога [10].

Проанализировав работы Т.Н. Михайловой [8], У. Ахмедова [1], В.А. Гончаровой [3], мы определили то, что особый правовой статус несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений, находит свое отражение в следующих тезисах:

1. Дифференциация походов следователей, дознавателей, а также лиц, участвующих в досудебном производстве, в процессе выяснения всех мотивов, обстоятельств и последствий совершения правонарушений. Данное положение конкретизируется в ст. 422 УПК РФ, которая выделяет уголовное дело с подозреваемым несовершеннолетним в отдельное производство. Статья 154 УПК РФ предоставляет дознавателю такую возможность при условии соблюдения объективности и качества расследования;
2. Максимальное обеспечение прав и законных интересов подозреваемого несовершеннолетнего. Это обусловлено тем, что даже при мотивированном совершении правонарушения, несовершеннолетний не может в полностью понять и определить степень возможности использования всех юридических возможностей реализации необходимых прав. Современная модель защиты прав подозреваемых несовершеннолет-

них предполагает участие следующих сторон: защитник (профессиональный юрист, адвокат), законный представитель, который осуществляет непрофессиональную защиту прав и интересов несовершеннолетних в производстве), психолог, не только сопровождающий несовершеннолетнего при допросе, дознании, но и рекомендуемый юристам оптимальные методы, формулировки и педагог, реализующий педагогическую поддержку и помощь несовершеннолетнему. Российское законодательство делает обязательным присутствие всех вышеуказанных сторон даже при желании несовершеннолетнего самостоятельно защищать свои интересы;

3. Восстановительный характер уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Несмотря на то, что производство в отношении несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений проходит в общем порядке с применением специальных правил, процесс производства в отношении них прежде всего носит не наказательный и карательный характер, а воспитательный, профилактический и коррекционный. Это, в том числе, и обуславливает присутствие в процессе психолога и педагога, которые объясняют, беседуют с несовершеннолетним, его законными представителями, содействуют воспитательному эффекту.
4. Соотношение мер наказания и принуждения в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого в совершении правонарушения с личностью и обстоятельствами самого подозреваемого. Нормативно-правовая база РФ обеспечивает дополнительные гарантии в отношении подозреваемых несовершеннолетних. В качестве таких гарантий можно назвать следующие положения:
 - ◆ органы предварительного расследования обязаны немедленно извещать законных представителей несовершеннолетних о всех юридических процедурах, которые будут проводиться;
 - ◆ обеспечение в ходе допроса присутствия всех вышеуказанных ранее сторон (защитник, законный представитель, педагог или психолог);
 - ◆ исключение возможности оставить факт задержания несовершеннолетнего, а также возбуждения производства в его отношении в тайне даже в интересах предварительного расследования.
5. Адаптация и социализация несовершеннолетнего, который подозревается в совершении правонарушения. Опираясь на ФЗ-120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», процесс ресоциализации отражает меры психолого-педагогического, правового, социально-экономического характера, направленный на восстановление

нормальной жизнедеятельности несовершеннолетнего, который подвергся мерам уголовно-правового наказания [7]. Таким образом, государство содействует в становлении нормального образа жизни несовершеннолетних правонарушителей, восстановлении их социальных связей, предоставлении возможности получения образования и работы в дальнейшем. Еще одной важнейшей целью ресоциализации является вторичная профилактика- недопущение рецидивов совершенных правонарушений несовершеннолетними. Данная возможность косвенно обеспечивается путем мер наказания, которые способствуют максимально быстрому возвращению несовершеннолетнего в общество (условная мера наказания, освобождение от наказания и применение мер принудительного воспитания, а также назначение наказания, не связанного с лишением свободы) .

Правовое регулирование обеспечения особого статуса несовершеннолетних подозреваемых

В контексте отечественных исследований в области права, в том числе отражающих участие несовершеннолетних подозреваемых, Т.Н. Михайлова определяет основные нормативно- правовые акты, в которых отражена специфика правового статуса подозреваемых несовершеннолетних [8]: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 N 120-ФЗ (в последней редакции от 21.11.2022 N 445-ФЗ) и Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 01.02.2011 № 1.

Данные документы регламентируют особые правила, связанные с досудебным и судебным производством в отношении несовершеннолетних, подозреваемых в совершении правонарушений и первичным является Конституция РФ, в ст. 48 которой закреплено гарантированное право каждого гражданина на квалифицированную юридическую помощь. В остальных нормативно- правовых актах регулируются специальные правила досудебного и судебного производства в отношении несовершеннолетних, о чем было сказано выше.

Как мы уже отмечали ранее, современное законодательство заключение под стражу в отношении несовершеннолетних рассматривает в качестве самой строгой меры наказания. Спецификой отечественной системы уголовно- процессуального права является такая мера

как передача несовершеннолетних обвиняемых под присмотр (ст. 105 УПК РФ), которая в большей мере носит воспитательный, нежели карательный характер.

Как отмечает У.Н. Ахмедов, анализ отечественной юридической практики по данной тематике, выявляет множество нарушений, связанных с обеспечением законных прав и интересов несовершеннолетних [1]. К примеру, очень часто участие педагога, психолога, а иногда и защитника бывает формальным, не соблюдается принцип «двойного представительства» и даже процедура разъяснения прав и возможностей на стадии досудебного разбирательства является неполной либо незавершенной.

Заключение

В ходе нашей работы была проведена исследовательская деятельность, которая позволила достичь цели, определенной вначале- исследованы особенности правового статуса несовершеннолетних, подозреваемых в совершении таких противоправных действий как проступки и преступления, которая заключается в необходимости соблюдения прав и законных интересов, обязательном психолого- педагогическом сопровождении, а также обеспечении максимальной возможности ресоциализации и продолжении нормальной жизни.

Задачи, которые были поставлены, также решены:

- ◆ Конкретизированы основные виды и содержание правонарушений несовершеннолетних, определили, что они носят корыстно- насильственный характер и могут быть обусловлены как личностными, так и социальными факторами;
- ◆ Выявлена специфика правового статуса несовершеннолетних, которые подозреваются в совершении правонарушений, которая заключается в реализации специальных прав и условий при соблюдении общего порядка производства;
- ◆ Определена система правового регулирования данного вопроса в контексте описания нормативно- правовой базы по данной тематике, а анализ правоприменительной практики позволил выявить основные проблемы.

В качестве перспектив нашего исследования возможно определить совершенствование межведомственного взаимодействия с учреждениями образования, социальной защиты, здравоохранения в целях обеспечения реализации особого юридического статуса несовершеннолетних подозреваемых, а также разработку специальных документов, отдельно регламентирующих работу с несовершеннолетними на всех этапах производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов Ульви Низами Особенности защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в досудебном производстве // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 3. С. 115–123.
2. Бабабекова Д.А. Концепция содержания и системы ювенальной юстиции // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 4. С. 51–61.
3. Гончарова В.А. Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних при разлучении с родителями, заключенными под стражу // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4 (50). С. 25–30.
4. Дегтярева Л.Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. М-во образования и науки РФ, ЦФ РГУП. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 78 с.
5. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. № 1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-prestupnosti-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 21.01.2023) .
6. Кудрявцев С.В., Дмитриев А.В. Правонарушения несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravonarusheniya-nesovershennoletnih-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 20.01.2023) .
7. Маслова Л.И. Концепция развития ювенальной юстиции в России и процессуальный статус несовершеннолетних, подвергающихся уголовному преследованию // Вестник ОмГУ. 2000. № 3. С. 110–113.
8. Михайлова Т.Н. Принцип особого положения несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России // Вестник Восточно — Сибирского института МВД России. 2021. № 2. С. 115–128.
9. Пискунова Н.В. Особенности правового статуса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Вестник магистратуры. 2016. № 1–4 (52). С. 84–85.
10. Шаевич А.А., Герих А.В. Значение и организационные проблемы участия психолога в расследовании и профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 118–125.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0cc4f741fbd9a23925035e7ba49750e99741734e/ режим доступа www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.01.2023) .

© Гезгиев Магомед Аюпович (maggez@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТСРОЧКУ ОТ ПРИЗЫВА НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ГРАЖДАН, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ДУХОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO DEFERMENT FROM CONSCRIPTION FOR MILITARY SERVICE OF CITIZENS STUDYING IN RELIGIOUS EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

A. Druzhinin

Summary. The relevance of the article is determined by the importance of administrative and legal relations that arise between subjects in the field of conscription of citizens for military service. At the same time, the legislator emphasizes the right to deferment from military service for several categories of students, and regulates the specifics of the implementation of this right. At the same time, the consolidation of the right to deferment from the call of students of spiritual educational organizations occurred relatively recently, and therefore the provisions of the relevant regulatory legal acts and law enforcement practice require additional analysis. The purpose of the article is to identify the regulatory impact of the norms of the legislation of the Russian Federation in terms of the realization by students of their rights. As part of the study, an analysis of legislation and law enforcement practice was carried out through the application of general scientific methodology, as well as formal legal and comparative legal methods. The results of the study show that in order to implement the legally enshrined right to deferment from military service of students in religious educational organizations, the recommendations developed by the author on the harmonization of legislation in the field of military service and education in the Russian Federation can be taken into account.

Keywords: educational law; regulatory impact assessment; theological educational religious organizations; deferment from military service.

Дружинин Андрей Владимирович

Преподаватель, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва
andr.pstbi@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обуславливается важностью административно-правовых отношений, возникающих между субъектами в сфере призыва граждан на военную службу. При этом, законодателем особо выделяется право на отсрочку от призыва на военную службу (далее — право на отсрочку) нескольких категорий обучающихся, регламентируются особенности реализации данного права. В то же время, закрепление права на отсрочку от призыва обучающихся духовных образовательных организаций произошло сравнительно недавно, в связи с чем положения соответствующих нормативных правовых актов и правоприменительная практика требует дополнительного анализа. Целью статьи является выявление регулирующего воздействия норм законодательства российской федерации с точки зрения реализации обучающимися своих прав. В рамках исследования проводился анализ законодательства и правоприменительной практики посредством применения общенаучной методологии, а также формально-правового и сравнительно-правового методов. Результаты исследования показывают, что для реализации закрепленного в законодательстве права на отсрочку обучающихся в духовных образовательных организациях могут быть учтены выработанные автором рекомендации по гармонизации законодательства в сфере воинской службы и образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: образовательное право; оценка регулирующего воздействия; духовные образовательные религиозные организации; отсрочка от призыва на военную службу.

Введение

Законодателем особо выделяется право на отсрочку нескольких категорий обучающихся, регламентируются особенности реализации данного права. Данное право обеспечивает реализацию важной нормы, закрепленной в статье 43 Конституции РФ о праве на образование. При этом, обучающиеся духовных образовательных религиозных организаций (далее — ДОРО) являются особыми субъектами возникающих административно-правовых отношений в силу комплексной правовой природы ДОРО.

Так, источником регламентации деятельности ДОРО в РФ являются два отраслевых федеральных закона. Первый — № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [28] — является большим достижением законотворческой деятельности, закрепляющий основные права и обязанности религиозных организаций, впервые с 1917 г. получивших реальные права на свободу деятельности согласно их уставам в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. Второй — № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [31] — оговаривает специфику образовательной деятельности ДОРО, с учетом положений статьи 19 № 125-ФЗ.

В соответствии со статьёй 19 № 125-ФЗ [28] ДОРО реализуют образовательные программы, направленные на подготовку слушателей и религиозного персонала религиозных организаций (далее — ПСРПРО) — это исключительное право и обязанность данных организаций. Кроме того, с согласия централизованной религиозной организации ДОРО имеют право реализовывать иные образовательные программы, предусмотренные законодательством РФ. При этом законодатель с 2013 года значительно расширил перечень программ, которые могут реализовываться ДОРО [33, 34]. В то же время, закрепление права на отсрочку за обучающимися ДОРО произошло сравнительно недавно (2013 г.), в связи с чем положения соответствующих нормативных правовых актов и правоприменительная практика требует дополнительного анализа.

Проблема

Для соблюдения прав на образование обучающихся ДОРО в 2013 году в соответствии со статьёй 19 № 125-ФЗ [28] и в связи принятием нового федерального закона об образовании в пункт 2 статьи 24 № 53-ФЗ [29] был введен подпункт «д», закрепляющий наряду с прочими право на отсрочку для обучающихся ДОРО:

Однако правоприменительная практика за прошедшее время обнаружила ряд проблем реализации данного права, а судебная практика показывает, что данное определение не столь очевидно. Так, например, Кассационное определение СК по административным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июля 2020 г. по делу N 8а-17004/2020 [88а-18447/2020] гласит:

«Предусмотренная подпунктом «д» пункта 2 статьи 24 Федерального закона от 28 марта 1998 года N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» отсрочка, предоставляется призывникам, не воспользовавшимся ранее отсрочкой по другим основаниям. Вместе с тем гражданин А.А. правом отсрочки на период обучения по очной форме обучения уже воспользовался. Следовательно, оснований для предоставления повторной отсрочки от военной службы в связи с получением среднего профессионального образования или высшего образования по образовательным программам по очной форме обучения у административного истца не имеется» [23].

Таким образом, правоприменительная практика и решение судов имеют несколько точек зрения на то, имеет ли обучающийся по программам, указанным в пп. «д», право на отсрочку в случае, если он использовал данное право по другим основаниям пункта 2 ст. 24. Однако, рассмотрение проблем с правоприменением

п. 2, ст. 24 сталкивает нас также и с иной проблемой — формулировкой самого пп. «д».

В связи с этим, целью статьи является определение регулирующего воздействия норм законодательства Российской Федерации с точки зрения реализации обучающимися своих прав в контексте заявленной проблематики. Для этого предполагается ответить на следующие вопросы:

1. На каком основании некоторыми судами делается вывод о том, что предусмотренная подпунктом «д» п 2 ст. 24 N 53-ФЗ отсрочка не предоставляется обучающемуся в ДОРО при использовании ранее отсрочки по другим основаниям?
2. Насколько актуальна и адекватна текущая формулировка пп. «д», п. 2, ст. 24 № 53-ФЗ [29] актуальному законодательству об образовании в РФ?

Безусловно, данные вопросы не относятся к случаям, когда обучающийся в ДОРО осваивает имеющие государственную аккредитацию программы высшего или среднего профессионального образования (далее соответственно — аккредитованные программы, ВО, СПО), так как в таком случае отношение к воинской обязанности обучающегося регламентируются пп. «а» п. 2, статьи 24 вне зависимости от организационно-правовой формы образовательной организации. Речь идёт только о случаях освоения программ ПСРПРО.

Научная новизна исследования таким образом состоит в предложении способов толкования составной нормы права, затрагивающей как право гражданина на получение образования, так и обязанность прохождения военной службы по призыву, а также в рекомендациях по преодолению коллизий в законодательстве.

Материалы и методы

В рамках исследования использована совокупность общенаучных и специально-юридических методов исследования, среди которых:

- ♦ методы анализа и синтеза позволили обобщить различные подходы к предложенной тематике;
- ♦ формально-правовой — способствовал проведению анализа и толкования норм действующего законодательства;
- ♦ сравнительно-правовой — позволил определить практику решения проблемы в зарубежных системах права.

Кроме того, проводился анализ правоприменения и судебной практики в отношении споров о праве на отсрочку по пп. «д», п. 2, ст. 24, а также соотнесение выводов с имеющимися в исследовательской литературе решениями.

Литературный обзор

Анализ актуальной научной литературы свидетельствует о том, что до сих пор административно-правовые исследования были направлены на иные подпункты статьи 24. В литературе, вышедшей после 2013 г., рассматриваются как частные вопросы, связанные с особенностями предоставления отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением образования (в связи с продолжением образования [15], в т.ч. права студентов негосударственных образовательных организаций, филиалов [12], студентов магистратуры [16] и аспирантов [7], в связи с получением СПО [17], а также при различных уровнях профессионального образования в период последиplomных каникул [19]), так и общие вопросы предоставления отсрочек, в рамках которых рассматриваются в т.ч. права обучающихся (Конституционное регулирование [11], Уголовно-правовое воздействие [13], Актуальные проблемы и пути совершенствования призыва [20]). Тем не менее, ни в одном из рассмотренных исследований не рассматриваются особенности правоприменения в отношении обучающихся ДОРО.

Наиболее проблемные исследования, принадлежащие Н.В. Антипьевой, В.М. Бартош, А.В. Ефремову, С.З. Женетль, О.Н. Кичалюку, С.В. Шишкалову, сосредоточены на недостаточном внимании образовательных организаций к информированию студентов о праве на отсрочку и критериях соответствия установленным основаниям её получения [6], кратности применения права на отсрочку [1], необходимости внесения изменений в формулировку пп. «а», п. 2, ст. 24 № 53-ФЗ [8, 9]. Однако, отсутствие прямого рассмотрения проблем применения пп. «д» в литературе не даёт возможности вступить с авторами в прямую дискуссию.

Составители комментариев к № 53-ФЗ также не усматривают проблем в соотнесении с образовательным законодательством [10]. Всё это подтверждает актуальность более детального исследования вопроса о правоприменительной практике предоставления отсрочек обучающимся в ДОРО.

Результаты и обсуждение

Как правило, в спорных случаях интерпретации норм права исследователи предлагают обратиться к методам юридической техники. Однако, на первый заявленный нами вопрос можно посмотреть с двух точек зрения.

1. Статья 24 использует слово «отсрочка» — в *единственном* числе, предполагая, что она может быть только *одна*. Случаи, когда можно повторно воспользоваться правом на отсрочку,

прописаны в статье 24. Подпункт «д» не предусматривает случаев, когда можно повторно воспользоваться правом на отсрочку.

2. Законодатель формулирует все исключения через оборот «Предусмотренная настоящим подпунктом», то есть привязывает принцип «одна отсрочка — один раз» и исключения из него к подпунктам. Если подобных уточнений не делается в иных подпунктах п. 2, то и для подпункта «д» такого уточнения не требуется. В ином случае, например, обучающиеся по программам ординатуры не имели бы права на отсрочку, если ранее использовали отсрочку по подпункту «а», которую большинство использует, обучаясь по программам специалитета. Тем не менее, этот тезис также не вполне применим к подпункту «д», т.к. искомый оборот «Предусмотренная настоящим подпунктом отсрочка...» в нём отсутствует.

Таким образом, использование методов юридической техники самой по себе в интерпретации положений п. 2, статьи 24 не даёт чёткого ответа на вопрос о праве обучающихся в ДОРО на отсрочку от военной службы при использовании ими права на отсрочку на основании подпунктов а, б, в, г1, г2 пункта 2, что обуславливает и различия в судебной практике [22, 23, 25].

На наш взгляд, решение подобной проблемы необходимо искать в анализе права на отсрочку с точки зрения соотношения конституционных прав и обязанностей гражданина. Так исследователями указывается на комплексный характер правовых оснований споров по правоприменению положений ст. 24 № 53-ФЗ, в рамках которой «Отсрочка <...> является, с одной стороны, установленной законом гарантией конституционного права на образование, а с другой — составным элементом установленной законом порядка реализации конституционной обязанности несения военной службы» [см.: 35].

Подтверждение перспективности данного решения находим в обобщении судебной практики конституционного суда. Так, суд подтвердил доводы заявителя о противоречии конституции РФ (а именно её части 3 статьи 17, частим 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 43, части 3 статьи 55 и частим 1 и 2 статьи 59 [24]) отказ в отсрочке гражданам, поступившим на аккредитованные программы СПО по очной форме обучения, получившим до этого среднее общее образование по достижении ими 18 лет в пределах сроков получения образования согласно федеральному государственному образовательному стандарту, и вынужденно воспользовавшимися для этого отсрочкой по основаниям, предусмотренным абзацем вторым п. 2, ст. 24 действовавшей на 2018 год редакции федерального закона № 53-ФЗ. В мотива-

ционной части постановления конституционный суд обращает внимание на отсутствие у законодателя мотивированных критериев разделения граждан, воспользовавшихся правом на отсрочку по основаниям абзаца 2, пп. «а», п. 2, ст. 24 вынужденно в связи с более поздним поступлением на программы общего образования и не воспользовавшихся ею в силу возраста, из чего следует признать абзац 2., пп. «а», п. 2, ст. 24 № 53-ФЗ ставящим эти две категории граждан в неравные условия при получении СПО, а значит противоречащим конституции РФ (указанное противоречие было ликвидировано Федеральным законом от 18 марта 2019 г. N 39-ФЗ).

На наш взгляд конституционным судом изложены ключевые принципы применения статьи № 53-ФЗ в отношении случаев, неурегулированных прямо законодательством: отсутствие права на отсрочку гражданина, последовательно пользующегося правом на отсрочку по двум или более несвязанным напрямую между собой подпунктам пункта 2 ст. 24 должно быть обосновано исходя из критериев разделения групп граждан, имеющих разные права, либо такое право должно быть признано за гражданином. И, хотя в случае пп. «д» речь не идёт о конституционном праве гражданина, тем не менее отсутствие сформулированных законодателем критериев разделения обучающихся ДОРО воспользовавшихся правом на отсрочку по иным основаниям от впервые реализующих данное право, позволяет пересмотреть формулировку данного подпункта для его однозначного понимания.

Решение второго из заявленных во введении вопросов является более сложным с т.з. формально-правового подхода. На наш взгляд особое внимание следует уделить не только юридической технике интерпретации пункта 2 статьи 24, но и формулировке собственно пп. «д» данного пункта. На наш текущая формулировка пп. «д», п. 2, ст. 24, № 53-ФЗ противоречит законодательству об образовании в РФ в части наименования образовательных программ.

Так, № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» чётко разделяет виды программ и виды образования, которые можно получить по их освоении. В статье 10 устанавливает следующие виды образования:

«общее образование; профессиональное образование; дополнительное образование; профессиональное обучение» [31];

В той же статье устанавливаются уровни профессионального образования:

«1) СПО; 2) ВО — бакалавриат 3) ВО — специалитет 4) ВО — магистратура; 5) ВО — подготовка кадров высшей квалификации» [31].

В свою очередь программы ПСРПРО, реализуемые ДОРО выходят за рамки перечня видов и уровней, указанных в ст. 10 и 12. Так, о программах ПСРПРО говорится только в статье 87 № 273-ФЗ. Пункт 9 гласит, что ДОРО

«реализуют образовательные программы, направленные на подготовку слушателей и религиозного персонала религиозных организаций» [31].

Эти программы следуют также из п. 3, от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

«3. Духовные образовательные организации реализуют образовательные программы, направленные на подготовку слушателей и религиозного персонала религиозных организаций...» [28].

Таким образом, «получить профессиональное образование» (СПО или ВО) можно по основным образовательным программам, перечень которых определен в законодательстве. Образовательные программы ПСРПРО не относятся к основным и не реализуют ни один из видов и уровней образования, перечисленных в статье 10 № 273-ФЗ. Формулировка пп.«д», п. 2, статьи 24 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» описывает случай невозможный с т.з. законодательства об образовании, т.к. получить среднее профессиональное либо высшее образование, обучаясь по программам, направленным на подготовку слушателей и религиозного персонала религиозных организаций на данный момент невозможно. Несмотря на противоречивость текущей формулировки, очевидно, что подпунктом «д» по смыслу подразумевается право на отсрочку обучающихся по программам, ПСРПРО, которые сами религиозные организации согласно статьи 87 № 273-ФЗ имеют право относить к программам, «эквивалентным» программам ВО и СПО светской системы для внутренних нужд.

Следует также отметить, что в зарубежных правовых системах, подразумевающих военную обязанность, как правило закреплено право на отсрочку по причине получения образования [8], однако, выделение лиц, получающих религиозное образование в отдельную категорию, имеющих право на отсрочку, происходит довольно редко [36]. С одной стороны, это связано с особенностями законодательства об образовании, в котором профессиональное религиозное образование не отделено от профессионального, с другой — вопросы о праве на отсрочку для студентов религиозных образовательных организаций регулируются через иной вид отсрочек и оснований для замены военной службы иными видами, опирающийся на убеждения

призывника [36]. Поэтому, в силу специфики развития образовательного права в РФ прямая аналогия с зарубежными системами права является затруднительной.

Заключение

На данном этапе формулировка № 53-ФЗ в соотнесении с положениями № 273-ФЗ не позволяет применять его без дополнительных оговорок. Если о количестве отсрочек, предусмотренных законодателем в статье 24 при получении профессионального, а за ним религиозного образования по программам ПСРПРО можно дискутировать, не сомневаясь в самом праве на отсрочку в каком-либо из случаев, то вопрос о соотнесении пп. «д» п. 2, ст. 24 с законодательством об образовании затрудняет однозначно решить вопрос о том, обучающиеся по каким программам точно имеют право на отсрочку.

Для избегания коллизий в правоприменительной практике законодателю следует внести уточнения в подпункт «д», приведя его в формальное соответствие с положениями, установленными № 273-ФЗ Об образовании в РФ, а именно скорректировать наименование получаемого образования по программам подготовки слушателей и религиозного персонала, указав, что имеются ввиду те программы, которые признаются религиозными организациями эквивалентными программам ВО и СПО.

Можно сделать вывод о необходимости уточнения пп. «д». Очевидно, следует внести дополнения в № 53-ФЗ, приводящие к смыслу пункта, не позволяющему двойных толкований, как это сделано с пп. «б», что позволило бы реализовать свое право на отсрочку для студентов, обучающихся в ДОРО. Во-вторых, необходимо говорить об изменении формулировки пп. «д» в соответствии с актуальным законодательством об образовании.

Решение данных коллизий позволит избежать опасности неприменимости положений пп. «д» как несоответствующих актуальному законодательству об образовании, а также упростит работу военных комиссариатов, снизит судебные издержки и количество споров, позволит обучающимся ДОРО реализовать свои права. Тем не менее эти отмеченные коллизии не запрещают ДОРО свидетельствовать о праве лиц, обучающихся в данных организациях, на отсрочку по смыслу подпункта «д», для чего ДОРО могут выдавать соответствующие справки, решение по которым остаётся за призывной комиссией.

Благодарности

Автор выражает признательность доктору юридических наук, доценту А.Е. Кирпичеву за дискуссию и оказанную помощь при написании настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Н.В. Проблемы правового регулирования предоставления отсрочек от призыва на военную службу / Н.В. Антипина // Журнал российского права. — 2005. — № 1 (97). — С. 15–25.
2. Афанасьев, С. Обзор правовых позиций в постановлениях конституционного суда России № 17-п — 22-п • 2018 / С. Афанасьев, А. Урошева // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 4 (125). — С. 141–152.
3. Бартош В.М. Отсрочка от призыва на военную службу: тенденции законодательства и судебная практика / В.М. Бартош, Д.В. Новиков // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 5. — С. 58–66.
4. Ефремов А.В. Некоторые вопросы, связанные с предоставлением права на отсрочку от призыва обучающимся гражданам / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2012. — № 2 (176). — С. 104–105.
5. Ефремов А.В. О праве аспирантов на отсрочку от призыва на военную службу / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2011. — № 12 (174). — С. 104–105.
6. Женеть, С.З. Проблема правоприменителей в отсрочке призыва на военную службу: необходимы изменения в закон / С.З. Женеть // Социально-политические науки. — 2018. — № 2. — С. 243–246.
7. Кичалюк, О.Н. Проблемы реализации права учащихся и студентов на отсрочку от призыва на военную службу в Российской Федерации / О.Н. Кичалюк, С.В. Шишкалов // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2015. — № 23. — С. 72–75.
8. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» / сост. А.В. Ефремов (издание второе, переработанное и дополненное), 2021.
9. Кузянов, А.В. Конституционное регулирование комплектования вооруженных сил РФ по призыву в контексте военной реформы: проблемы и перспективы правового регулирования / А.В. Кузянов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2014. — № 1 (26). — С. 17–24
10. Мирошниченко М.В. О праве студента негосударственного вуза, обучающегося в филиале, на отсрочку от призыва на военную службу / М.В. Мирошниченко, В.А. Устинова // Право и образование. — 2001. — № 4. — С. 151–155.
11. Петрунин, Д.А. Уголовно-правовое воздействие на уклонение от призыва на военную службу и прохождения альтернативной гражданской службы / Д.А. Петрунин // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 4 (31). — С. 67–73.

12. Пискунова, О.В. Условия возникновения и особенности реализации права на отсрочку при призыве на военную службу / О.В. Пискунова // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2011. — № 5. — С. 22–25.
13. Сайтов Д.В. Отсрочка от призыва на военную службу в связи с продолжением образования / Д.В. Сайтов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 1998. — № 4. — С. 54–56.
14. Соколов Я.О. Право студентов магистратуры на отсрочку от призыва на военную службу / Я.О. Соколов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2018. — № 12 (257) . — С. 75–78.
15. Соколов Я.О. Предоставление гражданам отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением среднего профессионального образования / Я.О. Соколов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2019. — № 2 (259) . — С. 73–76.
16. Стромов, В.Ю. Определенность в правовом регулировании образовательных отношений в Российской Федерации: о некоторых аспектах проблемы / В.Ю. Стромов // Государственно-правовые исследования. — 2021. — № 4. — С. 102–110.
17. Фаттахова К.А. К вопросу о действии отсрочки от призыва на военную службу в период последиplomных каникул / К.А. Фаттахова // Военное право. — 2020. — № 1 (59) . — С. 106–116.
18. Хрусталева, О.В. Актуальные проблемы и пути совершенствования призыва / О.В. Хрусталева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 3–2 (10) . — С. 43–44.
19. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Тыва от 04 марта 2021 г. по делу N 33–12/2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/319750704/> (дата обращения: 20.11.2022) .
20. Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 13 ноября 2018 г. по делу N 33а-2026/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/305570910/> (дата обращения: 20.11.2022) .
21. Кассационное определение СК по административным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июля 2020 г. по делу N 8а-17004/2020 [88а-18447/2020] [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/314735940/> (дата обращения: 20.11.2022)
22. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/10103000/> (дата обращения: 20.11.2022) .
23. Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08 июля 2021 г. по делу N 8Г-11238/2021 [88–11067/2021] [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/322019764/> (дата обращения: 20.11.2022) .
24. Постановление конституционного суда РФ от 22 мая 2018 года № 19-П по делу о проверке конституционности абзацев второго, третьего, десятого и двенадцатого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [Электронный ресурс] // Режим Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201805240014; дата опубликования: 24.05.2018)
25. Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. N 1490 «О лицензировании образовательной деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/74680208/> (дата обращения: 20.11.2022) .
26. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/171640/> (дата обращения: 20.11.2022) .
27. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/178405/> (дата обращения: 05.01.2022) .
28. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/12185475/> (дата обращения: 18.02.2021) .
29. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/70291362/> (дата обращения: 20.11.2022) .
30. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. N 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/70405818/> (дата обращения: 20.11.2022) .
31. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. N 85-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и статью 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/72235238/> (дата обращения: 05.01.2022) .
32. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. N 641-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/406053023/> (дата обращения: 05.01.2022) .
33. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 1999 г. N 13–11 По делу о проверке конституционности положения абзаца первого подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом советского районного суда г. Омска.
34. Доклад Генерального секретаря ООН, подготовленный во исполнение резолюции 1995/83 Комиссии, Вопрос об отказе от несения военной службы по соображениям совести, E/CN.4/1997/99, 16 января 1997 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/commission/Rmilitaryservicerefusalreport1997.html/> (дата обращения: 05.01.2022) .

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ, КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕТОДИКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

SOME FEATURES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE METHODOLOGY OF JUDICIAL PROCEEDINGS

F. Ilin

Summary. The distinctive feature of military court proceedings in criminal cases of corruption related crimes committed in the Armed Forces of the Russian Federation is the necessity to use departmental normative legal acts of the Ministry of Defense of the Russian Federation. A successful resolution of a case is supported by the use of criminalistic characteristic of a corruption crime committed in the Armed Forces of the Russian Federation by a military judge, and consideration of the specific features of its elements, determined by the requirements of military-criminal legislation of the Russian Federation, which contains a set of special rules, addressed only to military servicemen. For example, such an element is the facts-consequences, which cause the impossibility to perform military tasks, damaging the defense capability of the state. Such an element as the place where the crime was committed — a military object, characterized by its non-public nature, «regime», relatively constant contingent, and lack of free access — has essential features. The subject of the crime is frequently a military official — a superior in rank and/or rank with a status governed by military law; the subject may be empowered by instructions from a commander, by whom the subject may be temporarily assigned to perform the duties of an equal or higher military post.

Keywords: military court, corruption crimes in the Armed Forces of the Russian Federation, elements of the criminalistic characteristic, facts-consequences, military object, military official.

Ильин Федор Ильич

*Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
i.ilin@mail.ru*

Аннотация. Особенностью рассмотрения в военном суде уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, совершенных в Вооруженных Силах РФ, является необходимость использования ведомственных нормативных правовых актов Министерства обороны РФ. Успешному разрешению дела способствует использование военным судьей криминалистической характеристики коррупционного преступления, совершенного в Вооруженных Силах РФ, учет специфических особенностей ее элементов, обусловленных требованиями военно-уголовного законодательства РФ, содержащего комплекс специальных, адресованных только военнослужащим норм. Таким элементом, например, являются факты-последствия, обуславливающие невозможность выполнения военных задач, наносящие ущерб обороноспособности государства. Существенными особенностями обладает такой элемент, как место совершения преступления — военный объект, характеризующийся закрытостью, «режимностью», относительно постоянным контингентом, отсутствием свободного доступа. Субъект преступления зачастую является воинским должностным лицом — начальником по служебному положению или (и) воинскому званию, обладающим статусом, регулируемым военным законодательством; субъект может быть наделен полномочиями в соответствии с указаниями командира, которым может быть возложено на него временное исполнение обязанностей по равной или высшей воинской должности.

Ключевые слова: Военный суд, преступления коррупционной направленности в Вооруженных Силах РФ, элементы криминалистической характеристики, факты-последствия, военный объект, воинское должностное лицо.

Судебное разбирательство является завершающей стадией двуединого процесса деятельности по расследованию коррупционного преступления, направленной на его раскрытие, так как раскрыть коррупционное преступление, то есть, установить виновность или невиновность лица в его совершении,

можно лишь по результатам разбирательства, осуществляемого в суде. Наличие у военного судьи необходимых познаний в области криминалистики, умение проанализировать криминалистическую характеристику преступления, криминалистически значимые черты и признаки, которые проявляются в особенностях спо-

соба, механизма и обстановки его совершения, способствует достижению цели судебного разбирательства по уголовному делу — установление виновности либо невиновности подсудимого в совершении уголовно наказуемого деяния, вынесение законного и обоснованного приговора.

Для эффективной организации судебного разбирательства по коррупционному преступлению, совершенному в Вооруженных Силах РФ, судья военного суда должен представлять себе криминалистическую характеристику деяния, ее наиболее значимые элементы, модель преступления, механизм его совершения, что необходимо для рассмотрения многоаспектных коррупционных преступлений, совершаемых в Вооруженных Силах РФ.

Определением, отражающим содержание такого понятия, как криминалистическая характеристика, является, с нашей точки зрения, следующее определение: криминалистическая характеристика — это система описания криминалистически значимых признаков вида или группы преступлений, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки совершения, личности виновного и иных обстоятельств конкретного преступного посягательства, существенных для его успешного раскрытия и расследования [21, с.38].

Структура общей криминалистической характеристики преступлений включает данные о материальных следах, месте, времени, механизме совершения преступления, предмете преступного посягательства, обстоятельствах, способствовавших совершению и способе совершения преступления, обстановке, наиболее распространенных мотивах и целях совершения преступления, личностных свойствах субъекта, фактах -последствиях и т.д.

Полагаем, что знание криминалистической характеристики коррупционного преступления позволяет военному судье находить необходимые решения задач при реализации функций отправления правосудия на различных стадиях судебного разбирательства. Криминалистическая характеристика имеет огромную организационно-методическую функцию [23, с.245], так как способствует выбору стратегии судебного следствия и организационно-тактических методов проведения судом процессуальных действий.

Криминалистическая характеристика события преступления является неотъемлемой составляющей методики расследования преступления. При этом необходимо отметить, что использование, например, следственными органами на стадии предварительного

расследования частных криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений зарекомендовало себя, как наиболее эффективный криминалистический алгоритм. Данный алгоритм представляет собой систему криминалистических вариативных предписаний, обусловленных ситуационным характером процесса расследования, который обеспечивает свободу криминалистического мышления, выбор наиболее оптимальных действий и принятие стратегических процессуальных решений.

В связи с данным обстоятельством, с точки зрения автора, представляется целесообразной разработка криминалистической судебной следственной методики по коррупционным преступлениям, совершаемым в Вооруженных Силах РФ. Очевидно, что разработка данной методики должна осуществляться с учетом специфических особенностей и задач судебного следствия, обусловленных принципами правосудия, осуществляемого судами общей юрисдикции, процессуальными особенностями статуса суда. Автор считает целесообразным при разработке указанной методики использование структурно-аналитической формулы события преступления.

Использование на стадии судебного следствия структурно-аналитической формулы, позволит суду, с учетом имеющегося у него процессуального инструментария, более эффективно реализовать предусмотренное УПК РФ право суда предпринимать самостоятельные действия, связанные с собиранием дополнительных доказательств и направленные на проверку доводов сторон, оценку обстоятельств уголовного дела, способствуя тем самым всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела.

В подготовительной части судебного разбирательства указанные знания способствуют разрешению судьей вопросов о возможности рассмотрения дела с учетом имеющихся доказательств, на стадии судебного следствия — исследованию доказательств виновности или невиновности подсудимого. С нашей точки зрения, знание судьей криминалистической характеристики конкретного преступления необходимы также и при постановлении приговора, в том числе при изменении судом квалификации деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый. Полагаем, что знание криминалистической характеристики коррупционного преступления, совершаемого в Вооруженных Силах РФ, не только способствует всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела, но и позволяет военному судье осуществить рассмотрение и разрешение дела в «разумный» срок, что является одной из составляющих права на судебную защиту [5].

Таким образом, мы полагаем, что, не только процесс доказывания органами предварительного расследования, являющихся «традиционным» субъектом данной процессуальной деятельности, но и деятельность судьи, как субъекта оценки доказательств в ходе судебного следствия, должны быть основаны на исследовании и оценке элементов криминалистической характеристики преступления. Требуется не только применить нормы права, но и предоставить подробный письменный юридический анализ (правовые мотивы) решения по каждому из вопросов, которые требуется разрешить при постановлении приговора [24, с.504], и в ходе судебного следствия.

Следует отметить, что коррупция в Вооруженных Силах РФ это многоаспектное явление, которое затрагивает интересы общества и государства в целом, оказывает негативное влияние на безопасность государства и боеготовность Вооруженных Сил РФ. Преступления коррупционной направленности, например мошенничество, предметом которого нередко выступает военное имущество, существенно влияет на обеспеченность высокоэффективным оружием, боеприпасами, предметами военной техники.

Элементом криминалистической характеристики преступления коррупционной направленности, совершаемого в Вооруженных Силах РФ, являются факты-последствия, которые могут обуславливать невозможность выполнения военных задач, нарушение нормальной жизнедеятельности воинских частей [25, с.257]. Считаем, что указанный элемент криминалистической характеристики обладает существенными особенностями по сравнению с ординарными случаями коррупционных преступлений.

С нашей точки зрения, даже в случае дачи и получения взятки за успешную сдачу спортивных нормативов в военных учебных заведениях, по результатам которой военнослужащему присваивается разряд по военно-прикладному виду спорта, факты-последствия, как элемент криминалистической характеристики преступления, имеют свою специфику, так как наносят ущерб не только авторитету учебного заведения, но и подрывают обороноспособность и безопасность государства.

Коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти [16, с.8]. Коррупционное преступление — это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий (бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды,

имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц [27, с.250–257]. Необходимость решительной борьбы с коррупцией подтверждается и ведомственными актами Минобороны РФ [7].

Предлагается выделить группы преступлений коррупционной направленности, совершаемых военнослужащими, и относящиеся к таковым при любых условиях (ст. 289, ст. 290, ст. 291, ст. 291.1, 291.2 УК РФ), при совершении их с корыстным мотивом (ст.ст. 285, 285.1, 286 УК РФ), при использовании служебного положения (чч. 3, 4 ст. 159, чч. 3, 4 ст. 160, п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ).

По характеру и направленности используемых служебных полномочий выделяются коррупционные преступления, совершаемые с использованием служебных полномочий, связанных с прохождением военной службы, в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости, в отношении имущества, имущественных прав или документов (например, коррупционное мошенничество), а также связанных с закупкой товаров, выполнением работ и оказанием услуг для государственных нужд [17, с.50].

С нашей точки зрения, необходимо отметить наличие такой разновидности коррупционного поведения, как использование служебного положения при совершении действий корыстного характера, не связанных с завладением чужим имуществом (использование командирами труда подчиненных военнослужащих в личных целях, например, производство строительно-монтажных работ, благоустройство личных квартир и дач) [22, с.150].

С учетом наличия существенных специфических характеристик коррупционных преступлений, совершаемых в Вооруженных Силах РФ, имеющих отношение, например, к субъекту коррупционного преступления, его физической деятельности, предмету и месту совершения преступления, обстановке, фактам-последствиям, считаем целесообразным выделять соответствующую частную криминалистическую характеристику отдельных элементов рассматриваемых деяний.

Данные выводы и предложения основываются также на опыте личного участия автора статьи в качестве секретаря судебного заседания в рассмотрении ряда уголовных дел данной категории с 2019 по 2022 год в апелляционной инстанции 1-го Западного окружного военного суда.

Так, в 1-м Западном окружном военном суде имело место рассмотрение дела о получении взяток в соста-

ве организованных групп лицами за совершение ими действий по направлению достойных военнослужащих в служебные командировки в горячие точки, путём включения их в списки военнослужащих, подлежащих направлению в служебную командировку [8]. В другом деле преподаватель кафедры военной академии, занимающая должность руководителя учебно-методического сектора, оформлял за вознаграждение документы, необходимые для подтверждения военнослужащему разряда по военно-прикладному виду спорта и получения надбавки к окладу по воинской должности [12]. Имело место дача взятки преподавателю слушателем военного учебного заведения за внесение в ведомости проверка по физической подготовке сведений о выполнении военнослужащим упражнений на оценку «отлично», на основании чего устанавливается надбавка к выплате [10]. Имел место случай мошеннических действий, направленных на совершение хищений военного имущества в корыстных целях военнослужащими, отвечающими за обеспечение воинских частей соответствующим обмундированием.

Во всех указанных случаях от судьи военного суда требовалось произвести надлежащим образом судебное следствие, разрешить ходатайства участников о проверке доказательств, исследованных судом первой инстанции, либо о представлении суду новых доказательств, дать оценку представленным новым доказательствам. По ходатайству сторон судом запрашивались осужденные, давалась в ходе судебного следствия оценка обоснованности ходатайства о назначении повторной финансово-экономической экспертизы.

В обзорах судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам за 2020–2022 годы 1-м Западным окружным военным судом были выявлены ошибки, допущенные гарнизонными судами при рассмотрении дел, которые выражались в неправильном обосновании вины лица в приговоре показаниями свидетеля их оценки судом [13], обоснование решения суда доказательствами, которые не были исследованы в судебном заседании (например, протокол очной ставки) [14].

Материалы Обзоров 1-го Западного окружного военного суда судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам, подтверждают вывод о существенной роли криминалистического обеспечения при осуществлении судьей разбирательства по делу, которое предполагает знание особенностей криминалистической характеристики преступления, совершенного в Вооруженных Силах РФ, и от которого зависит планирование судебного следствия, выбор тактики, оценка экспертиз.

Таким образом, элементы криминалистической характеристики коррупционного преступления, совершаемого в Вооруженных Силах РФ, имеют существенные особенности и признаки, обусловленные требованиями военно-уголовного законодательства РФ, регламентирующего военную организацию государства, и содержащего комплекс специальных, адресованных только военнослужащим норм, в том числе связанных с противодействием коррупции, например, Приказ Министра обороны РФ от 30.12.2017 № 830, утверждающий порядок уведомления о фактах склонения военнослужащего Вооруженных Сил РФ к совершению коррупционных правонарушений [6].

Особенностью рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности в военном суде является необходимость использования судьей значительного количества ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок прохождения военной службы, структуру военной организации государства, особенности военного имущества, являющегося предметом коррупционных преступлений.

Материальные средства, которыми снабжаются войска Министерства обороны РФ, других войск и воинских формирований имеют целевое назначение и составляют понятие военного имущества в широком смысле слова. В зависимости от предназначения все военное имущество подразделяется на следующие виды: химическое, вещевое, продовольственное, санитарно-техническое имущество, вооружение, боеприпасы, боевая техника и другие виды имущества [25, с.257].

Особенности рассмотрения уголовных дел о совершении военнослужащими преступлений коррупционной направленности отражает дело, возбужденное в отношении военнослужащих, которые, являясь должностными лицами, постоянно выполняющими организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в Вооруженных Силах РФ были признаны виновными в мошенничестве с использованием своего служебного положения, организованной группой, в особо крупном размере [11]. Согласно факту дела офицер авиационно-технической службы управления материально-технического обеспечения, являясь должностным лицом, отвечающим за обеспечение воинских частей летно-техническим обмундированием, действуя с единым прямым умыслом, направленным на совершение в течение длительного периода хищений указанного имущества и его последующей реализации за денежное вознаграждение сторонним лицам, создал устойчивую организованную группу. Преступная группа действовала в составе исполняющего обязанности начальника вещевого склада, начальника вещевого склада тыла, осуществляющих получение

материальных ценностей в воинских частях, которые были обязаны передавать вверенное имущество для последующей реализации, осуществлять его постановку на учет. Дело представляло особую сложность для организации отправления правосудия, проведения судебного следствия ввиду таких обстоятельств, как особо крупный размер похищенного преступной группой имущества (за два года на сумму 75 млн. рублей), большой объем специфической военной и учетной документации, подтверждающей выдачу различного летно-технического обмундирования, недостоверность отражения в учете хозяйственных операций. Специфический элемент криминалистической характеристики коррупционного хищения, его предмет — военное имущество существенно отличается от имущества «гражданского назначения», так как специально изготавливаются для ведения и обеспечения боевых действий и другого предназначения не имеет. Для осуществления всестороннего, полного и объективного разрешения уголовного дела судье военного суда требуется знание ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок прохождения военной службы, структуру военной организации государства. Необходимо использование нормативных требований, регламентирующих особенности учета и использования материальных средств, их военно-технических характеристик, перевода в соответствующие категории учета и последующего списания военного имущества, постановки материальных ценностей на учет воинских частей и вещевых служб, особенности функционирования службы управления материально-технического обеспечения.

С нашей точки зрения, такой элемент криминалистической характеристики, как субъект преступлений коррупционной направленности, совершаемых в Вооруженных Силах РФ, обладает существенными особенностями. В частности, субъектом взяточничества (получатель взятки) в Вооруженных Силах РФ является не просто должностное лицо, а «воинское должностное лицо».

Данная категория должностных лиц, находясь в родовидовых отношениях с общим понятием должностного лица, обладает существенными специфическими («воинскими») особенностями [19, с.39]. Игнорирование данного обстоятельства ведет либо к необоснованному расширению, либо к сужению круга лиц, ответственных за воинские должностные преступления.

Мы придерживаемся позиции, высказанной в доктрине военного права, что «воинские должностные лица» — военнослужащие (в том числе, граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов), постоянно, временно или по специ-

альному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Указанные лица могут являться начальниками по служебному положению или (и) воинскому званию [20].

Существенными особенностями обладает такой элемент криминалистической характеристики коррупционного преступления, совершаемого в Вооруженных Силах РФ, как место совершения преступления, которым часто являются войсковые части, военные учебные заведения, военкоматы, управления Минобороны РФ по жилищному и правовому обеспечению. При этом, под местом совершения следует понимать не только место приема-передачи предмета взятки, но и всех действий, которые образуют способ совершения взяточничества каждым из субъектов.

В рассматриваемом случае необходимо обратиться к понятию «военный объект», под которым признаются боевые позиции войск, воинские части, стационарные пункты управления, военные научно-исследовательские организации, полигоны, узлы связи, базы, склады, комплексы или отдельные здания и другие сооружения военного назначения. Согласно Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта «Военный объект» означает объект, который в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносит эффективный вклад в военные действия, и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которого при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество [15]. В Указе Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 под «военными объектами» понимаются боевые позиции войск, воинские части, стационарные пункты управления, военные научно-исследовательские организации, полигоны, узлы связи, базы, склады, комплексы или отдельные здания и другие сооружения военного назначения [4].

Под военными объектами в разное время понимались:

1. боевые позиции войск, пункты управления, полигоны, узлы связи, базы, склады и другие сооружения военного назначения [1].
2. боевые позиции войск, воинские части, стационарные пункты управления, военные научно-исследовательские организации, полигоны, узлы связи, базы, склады, комплексы или отдельные здания и другие сооружения военного назначения [2].

Военные объекты характеризуются такими особенностями, как закрытость, «режимность» что позволяет коррупционерам пользоваться отсутствием достаточного контроля, в том числе, со стороны представителей общественности — антикоррупционных комитетов и общественных организаций, не обладающих правом свободного доступа на территорию конкретного военного объекта.

Особенности вышеуказанных элементов криминалистической характеристики коррупционного преступления (субъект и место совершения преступления) можно проследить на примере рассмотрения апелляционной жалобы военнослужащего, который был осужден за совершение пяти преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а именно за получение должностным лицом пяти взяток в виде денег в значительном размере за совершение в пользу взяткодателей действий, входящих в служебные полномочия должностного лица, в составе организованной группы (совершение в пользу взяткодателей действий, входящих в служебные полномочия по направлению военнослужащих в служебную командировку в одну из «горячих точек») [8].

На стадии судебного следствия суду необходимо было оценивать доказанность органами следствия таких элементов криминалистической характеристики преступления, как субъект преступления (обладание лицом организационно-распорядительными функциями в Вооруженных Силах РФ по специальному полномочию и, соответственно, статусом должностного лица), а также установления места совершения коррупционного преступления (места предварительного сговора и распределения ролей с соучастником по организованной группе). Необходимо было оценить позицию осужденного, который в суде апелляционной инстанции заявлял о том, что не получал взятки, как должностное лицо в составе организованной группы, действовал по поручению руководителя, исключительно по его указанию и по его просьбе помогал ему получать взятки от других лиц, не являлся должностным лицом, в обязанности которого входила подготовка военнослужащих для направления в служебную командировку. Относительно установления места совершения преступления осужденный решительно отрицал факт посещения штаба округа, указывал, что, будучи майором, служившим менее месяца, не мог свободно попасть на территорию войсковой части без пропуска. Отсутствие прямых доказательств места передачи взятки позволяет заинтересованным лицам утверждать, что в данное время они находились в другом месте [23, с.557]. В данных случаях необходимо выявить лиц, которые могли бы подтвердить нахождение субъекта взяточничества в данном месте. Подлежал дополнительной проверке установленный судом первой инстанции

факт прохождения осужденным службы в воинской должности начальника автомобильной службы войсковой части, перечень должностных обязанностей.

Из материалов данного дела усматривается, что, во-первых, место совершения ряда коррупционных преступлений военнослужащими носит «закрытый», «режимный» характер, что осложняет доказывание в суде данного элемента криминалистической характеристики преступления, а во-вторых, субъект коррупционного преступления, совершаемого в Вооруженных Силах РФ может обладать статусом должностного лица и организационно-распорядительными полномочиями, вытекающими из правоотношений, регулируемых военным законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами. Например, осужденный обладал организационно-распорядительными полномочиями по отбору военнослужащих в соответствии с указаниям заместителя командира войсковой части по материально-техническому обеспечению.

Полагаем, что порядок наделения полномочиями должностного лица является особенностью статуса должностного лица Вооруженных Сил РФ, который регулируется военным законодательством. Например, в связи со служебной необходимостью на военнослужащего может быть возложено временное исполнение обязанностей по следующей равной или высшей воинской должности.

Место совершения коррупционного преступления, совершенного в Вооруженных Силах РФ обладает спецификой, одной из существенных особенностей которой является действие режимных требований на военных объектах. Режимность объекта может заключаться в нахождении таковых под охраной караулов и войсковых нарядов. Контингент военных объектов является относительно постоянным, свободный доступ посторонних лиц на территорию невозможен.

Важно отметить, что режимные требования распространяются не только на военнослужащих, но и на посетителей объектов, в связи с чем можно выделить как требования в отношении поведения военнослужащих, так и требования к посещающим военные объекты лицам. Указом Президента РФ установлен порядок посещения военнослужащих, установлено, что посещение разрешается командиром роты во время, установленное расписанием дня, в специально отведенной для этого в полку комнате (месте) посетителей. Для их сопровождения и дачи необходимых пояснений назначаются подготовленные для этого военнослужащие [3].

Вышеуказанные выводы подтверждаются материалами судебного разбирательства [8], подтверждаю-

щего, что на территории военного объекта — штаба действует пропускной режим. Следует согласиться с позицией, встречающейся в работах по военному праву, что на территории воинской части, военных объектов находятся только специальные субъекты — подчиненный командиру данной воинской части личный состав (военнослужащие и лица гражданского персонала). Возможно нахождение и не подчиненных командиру военнослужащих и гражданского персонала других военных организаций, но опять-таки, относящиеся к личному составу военных организаций. Из этого правила, конечно, могут быть исключения, но они довольно редки [18, с.206]. К таким случаям можно отнести приведенные нами выше случаи посещения военнослужащих посетителями — «приходящими лицами».

Следует также учитывать специфику таких военных объектов, как например, военные городки. Особенностью данных объектов является обеспечение ими «непрерывности» деятельности, функционирования, в связи с чем вместе с военнослужащими могут проживать их семьи. На территории военных городков могут располагаться жилые дома для военнослужащих и членов их семей, детские сады, иные объекты, что обуславливает специфику места совершения деяния. Военные объекты могут иметь дополнительную инфраструктуру, по сравнению с другими объектами [26, с.59].

Отдельный интерес, с точки зрения криминалистической характеристики коррупционного преступления, представляют дела о взятничестве в военных учебных заведениях. Место совершения преступления, как системный элемент события преступления, обладает в данных случаях спецификой по сравнению с местом совершения аналогичных деяний в гражданских учебных заведениях. Данное обстоятельство ставит суд перед необходимостью удостовериться в доказанности следствием указанного элемента в целях установления виновности либо невинности подсудимого в совершении деяния.

В то время, как доказывание следствием места дачи и получения взятки в гражданских учебных заведениях не связано с различными «режимными требованиями», то по аналогичной категории дел, рассматриваемых в военных судах, судья обязан учитывать данную особенность криминалистической характеристики места совершения преступления.

В одном из дел, рассмотренных в 1-м Западном окружном военном суде [9], военнослужащий, проходивший службу по контракту в должности слушателя факультета командиров в учебном научном центре, находясь на его территории, а именно, в коридоре перед кафедрой, вручил Л. взятку — наличные денежные

средства. Данные денежные средства в общей массе денежных средств, полученных от иных слушателей, Л. передал должностному лицу в качестве взятки за совершение незаконных действий по внесению в ведомости двух проверок по физической подготовке сведений о выполнении упражнений на оценку «отлично», подтверждающих наличие высшего квалификационного уровня физической подготовленности.

В ходе судебного заседания по делу (протокол судебного заседания от 02 сентября 2021 года) в 1-м Западном окружном военном суде, защитник представил доводы апелляционной жалобы относительно недоказанности места совершения преступления, в соответствии с которыми стороне защиты было отказано в проведении осмотра места происшествия по причине того, что в оглашенном протоколе проверки показаний на месте с участием свидетеля якобы содержится достаточно сведений о месте передачи взятки. Между тем, ссылаясь на показания свидетеля, защитник указал в судебном заседании, что в конце коридора имелась рубка дежурного, что подтверждает невозможность конфиденциальной передачи денежных средств. «Рубка дежурного» является специфической деталью планировки расположения коридора военно-морского учебного заведения, как и место несения службы суточным нарядом (дневальными). Знание судом данных особенностей места совершения преступления позволило дать надлежащую оценку показаниям свидетелей.

Необходимо указать также на специфический характер системы документооборота в Вооруженных Силах РФ, который характеризует обстановку совершения преступления. Делопроизводство в Вооруженных Силах РФ регулируется в том числе Приказом Министра обороны РФ, от 4 апреля 2017 г. № 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации», который определяет порядок приема, оформления служебных документов в Вооруженных Силах РФ. Военная служебная документация используется в суде при оценке доказанности такого элемента криминалистической характеристики, как субъект преступления, доказательствами обладания субъектом должностными полномочиями. Так, апелляционной инстанцией в ходе судебного заседания по делу о совершении действий по направлению военнослужащих в служебную командировку [8] были подробно изучены такие документы, как журнал учета объявления приказов личному составу и должностным лицам, документация, регламентирующая включение в список военнослужащих, подлежащих направлению в «горячую точку» и подачу его по команде для согласования, при заполнении и ведении которой были выявлены ошибки, способствовавшие совершению преступления.

ВЫВОДЫ

1. Особенностью рассмотрения в военном суде уголовных дел коррупционной направленности является необходимость использования военным судьей значительного количества ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок прохождения военной службы, особенности материально-технического снабжения и учета, специфику военной техники и материальных средств.
2. Использование и учет военным судьей криминалистической характеристики коррупционного преступления и учет специфических особенностей ее отдельных элементов способствует уменьшению количества ошибок, допущенных при рассмотрении дел, всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела, позволяет осуществить рассмотрение дела в «разумный» срок, приводит к тому, что деятельность судьи приобретает более целенаправленный, экономичный, структурированный характер.
3. Элементом криминалистической характеристики преступления коррупционной направленности, совершенного в Вооруженных Силах РФ, являются факты-последствия, которые могут обуславливать невозможность выполнения ряда военных задач, нарушение нормальной жизнедеятельности воинских частей, в связи с чем указанный элемент криминалистической характеристики обладает существенными особенностями, так как в рассматриваемых случаях

факты-последствия наносят ущерб и подрывают обороноспособность и безопасность государства.

4. Субъект преступлений коррупционной направленности, совершаемых в Вооруженных Силах РФ, обладает существенными особенностями, так как является не просто должностным лицом, а «воинским должностным лицом», которое может являться начальником по служебному положению или (и) воинскому званию, обладать статусом должностного лица и организационно-распорядительными полномочиями, вытекающими из правоотношений, регулируемых военным законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами, в соответствии с указаниям командира, которым в связи со служебной необходимостью может быть возложено временное исполнение обязанностей по следующей равной или высшей воинской должности.
5. Существенными особенностями обладает такой элемент криминалистической характеристики коррупционного преступления, совершаемого в Вооруженных Силах РФ, как место совершения преступления — военный объект, который характеризуются такими особенностями, как закрытость, «режимность», жесткий пропускной режим, охрана военного объекта караулами и войсковыми нарядами, относительно постоянный контингент, отсутствие свободного доступа на территорию конкретного военного объекта со стороны иных лиц, в том числе представителей антикоррупционных комитетов, антикоррупционных общественных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 24 января 1998 г. № 61 // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
2. Указ Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 11 февраля 2006 г. № 90 // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
3. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 31.07.2022) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
4. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30 ноября 1995 г. № 1203 // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 (ред. от 09.02.2012) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
6. Приказ Министра обороны РФ от 30.12.2017 № 830 «Об утверждении Порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и Перечня сведений, содержащихся в уведомлениях», Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2018 № 49838 // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
7. Приказ Министра обороны РФ от 17.09.2021 № 555 Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021–2024 годы // [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс.
8. Апелляционное определение № 22–88/2020 от 30 октября 2020 года судебной коллегии по уголовным делам 1-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». интернет -портал. —

- URL: https://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1345151&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 21.10.2022).
9. Апелляционное определение № 22–96/2021 от 02 сентября 2021 года судебной коллегии по уголовным делам 1-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». интернет-портал. — URL: https://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1213910&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 06.11.2022).
 10. Апелляционное определение № 22–101/2021 4 сентября 2021 года судебной коллегии по уголовным делам 1-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». интернет-портал. — URL: https://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1417437&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 22.10.2022).
 11. Апелляционное определение № 22–104/2021 от 18 ноября 2021 года судебной коллегии по уголовным делам 1-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». интернет-портал. URL: https://1zovsspb.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1428088&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 29.10.2022).
 12. Апелляционное постановление № 37/2022 от 12 апреля 2022 года 1-го Западного окружного военного суда [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. URL: https://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.phpname=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1759463&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 21.10.2022).
 13. Обзор апелляционной практики 1-го Западного окружного военного суда по уголовным делам за 1-е полугодие 2020 года [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Интернет — портал. — URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=278 (дата обращения 21.10.2022).
 14. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам за 1-е полугодие 2022 года [Электронный ресурс]: // 2006–2022 «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Интернет — портал. — URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=288 (дата обращения 22.10.2022).
 15. Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 26 марта 1999 г.), UNESCO, Doc. HC.1999/7.
 16. Волженкин Б.В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998.
 17. Волков, А.А., Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока РФ) [Электронный ресурс]: диссертация ... кандидата юридических наук / А.А. Волков. Красноярск: СФУ, 2020. 256 с.
 18. Глухов Е.А., Евстратова Ю.А. О необходимости освободить командование от несвойственных обязанностей по расследованию преступлений / «Военное право» № 4 (50) 2018 С. 204–210.
 19. Зателепин О.К., Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». М.: За права военнослужащих, 2009. Вып. 106. 288 с.
 20. Зателепин О.К., Фатеев К.В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву / «Право в Вооруженных Силах», № 10, 2003.
 21. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. 416 с.
 22. Ковалев В.И., Ломакина Т.В. Оплата труда гражданского персонала: комментарии и разъяснения. Серия «Право в Вооруженных Силах-консультант» М.: «За права военнослужащих», 2009. Вып. 102. 192 с.
 23. Криминалистика: учебник / Т.А. Седова, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристансков, Под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанскова. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 712 с.
 24. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
 25. Преступления против военной службы / Под общ. ред. канд. юрид. наук Зам. Председателя Верховного Суда РФ Н.А. Петухова. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 399 с.
 26. Скоробогатов М.В., Военно-правовой статус пограничного отделения (пограничной заставы) / Военное право. М. № 4 (50). 2018 С.54–60.
 27. Хлыстова, Н., Дроздов, В. Коррупционное преступление в сфере государственных закупок: понятие, место в системе должностных преступлений и классификация / Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, Т. 1. № 8 2019. С. 250–257.

© Ильин Федор Ильич (i.ilin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД В ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ. СТ. 205 И 205.1 УК РФ

Кесаева Инга Робертовна

Адвокат, Коллегия адвокатов «Право»

i.kesayeva@list.ru

CRIMINAL SUICIDE IN MATTERS OF QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLES 205 AND 205.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. Kesaeva

Summary. The phenomenon of suicide terrorism, its genesis, topical aspects of international experience of struggle, the profile features and problems of motivation of a suicide bomber, indicators and signs of a potential terrorist attack are considered. The author's vision of countering the commission of crimes by suicide bombers by special services and law enforcement agencies is revealed.

The subject of the study is: the current state and trends in the development of such a phenomenon as suicide bombers, its legal regulation, features of the investigation and prevention of this type of crime, the world experience in combating this phenomenon.

The purpose of the study is to obtain new information about the concept of criminal suicide, its legal nature, current state, trends, as well as to develop recommendations for the prevention of crimes related to acts of suicide.

The methodological basis of the research consists of methods of analysis, analogy, logical deduction and induction, a systematic approach, a structural and functional method, historical-legal, comparative-legal, formal-legal, statistical, survey method, etc.

The scientific novelty lies in the fact that the article examines the criminal-legal and criminological problems of preventing criminal suicide, taking into account current trends and on the basis of existing experience in combating this phenomenon.

Keywords: terrorist act, Islamism, suicide bomber, ideology of terrorism, motivation of suicide bomber, counteraction to terrorism, crime prevention.

Аннотация. Рассмотрен феномен терроризма смертников, его генезис, актуальные аспекты международного опыта борьбы, особенности профиля и проблемы мотивации террориста-смертника, индикаторы и признаки потенциального теракта. Раскрывается авторское видение противодействия специальными службами и правоохранительными органами совершению преступлений террористами-смертниками.

Предметом исследования являются: современное состояние и тенденции развития такого явления как суицид террористов-смертников, его правовая регламентация, особенности расследования и предупреждения подобного вида преступлений, мировой опыт борьбы с данным явлением.

Цель исследования заключается в получении новых сведений о понятии криминального суицида, его правовой природе, современном состоянии, тенденциях, а также в выработке рекомендаций по предупреждению преступлений, связанных с актами суицида.

Методологическую базу исследования составляют методы анализа, аналогии, логической дедукции и индукции, системный подход, структурно-функциональный метод, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, метод опроса и т.д.

Научная новизна заключается в том, что статья рассматривает уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминального суицида с учётом современных тенденций и на основе имеющегося опыта в борьбе с данным явлением.

Ключевые слова: террористический акт, исламизм, террорист-смертник, идеология терроризма, мотивация смертника, противодействие терроризму, предупреждение преступности.

Как показывает мировая практика борьбы с преступностью, в последние 15 лет все чаще используются террористы-смертники в террористической деятельности.

Исследования специалистов показали, что деятельность таких преступников наносит больший вред, чем использование радиоуправляемых взрывчатых веществ для же целей. Если рассматривать оба варианта с технической точки зрения, то деятельность смертников более примитивна и требует меньше затрат, чем устройство радиоуправляемого взрывчатого вещества.

Пресечь деятельность смертника сложнее, ввиду того, что он представляет опасность уже на пути следования к объекту атаки. Существует опасность приведения террористом в действие устройства до того момента, как он будет идентифицирован представителями спецслужб.

При подготовке террористической атаки важно учесть возможные пути для отхода.

В случае участия смертника возможность его поимки и задержания уменьшается, равно как и риск того, что при допросе он выдаст сведения обо всех лицах, участвовавших в подготовке теракта.

Сегодня специалисты в области криминалистики считают террористов-смертников некими «умными бомбами». Такое мнение сложилось ввиду того, что смертники выполняют ряд функций в реализации преступного замысла. Они принимают решение об оптимальном размещении взрывного устройства, они же часто решают вопрос о том, из чего будет изготовлено устройство, а также являются средством доставки взрывного устройства до места осуществления атаки.

Все чаще слышатся призывы радикальных исламистов об использовании токсичных отравляющих веществ взамен взрывных устройств. Весьма вероятно, что в скором будущем человечество столкнется с террористическими атаками, использующими в качестве средств отравляющие вещества. [1]

Безусловно, террористы-смертники являются непосредственными исполнителями особо опасных преступлений террористической направленности, целью которых являются дестабилизация ситуации в стране и в мире в целом, дискредитация безопасности государства и удержание в страхе население определенной страны.

В Уголовном Кодексе РФ упомянутые действия квалифицируются по ст. 205 «Терроризм, т.е. соверше-

ние взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» и ст. 205.1. «Вовлечение лица в совершение преступления, предусмотренного статьями 205, 206, 208, 211, 277 и 360 настоящего Кодекса, или склонение лица к участию в деятельности террористической организации, вооружение либо обучение лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансирование акта терроризма либо террористической организации».

Отечественные правоведы, комментирующие состав терроризма, считают, что «объективная сторона выражается в двух видах деяний: во-первых, совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, и, во-вторых, угроза совершения таких действий. Родовой объект — общественная безопасность и общественный порядок. Видовым объектом преступления выступает общественная безопасность, т.е. безопасные условия жизни общества.

Характеризуя субъективную сторону рассматриваемого вида преступлений, следует отметить, что его субъектом является лицо, признанное вменяемым и достигшее 14-летнего возраста, имеющее умысел к совершению преступления, сознающее общественно-опасные последствия своих действий, в том числе жертвы среди населения, имеющее целью нанести значительно больший вред своими действиями или угрозами, о которых будет проинформировано большое количество людей [2].

Промежуточной целью террористов-смертников и их кураторов является обстановка страха, напряженности в результате информационного воздействия на неопределенно большое количество людей. Конечной целью выступает шантаж государств, организации, как физического, юридического лица или группы лиц к совершению каких-либо действий или отказу от них в интересах террористов и в ущерб адресатам воздействия.

Подготовка террориста-смертника — это очень долгий, трудоемкий и комплексный процесс, включающий в себя изменение сознания объекта, с целью восприятия им окружающего мира как чего-то агрессивного и враждебного, представляющего безусловную угрозу,

того, что впоследствии он несомненно захочет уничтожить. Редки случаи, когда смертник совершает атаку под влиянием личных убеждений и по собственной воле.

Само действие самоубийства или суицид, (от лат. *sui caedere* — убивать себя) — целенаправленное лишение себя жизни, добровольное, иногда вынужденное, самостоятельное (в некоторых случаях осуществляется с помощью других людей). Все самоубийства условно делят на два класса — истинные и демонстративные (т.н. парасуицид или псевдосуицид). В противовес псевдосуициду, истинный суицид — это хорошо спланированное мероприятие, цель которого — любой ценой лишить себя жизни вне зависимости от внешнего мнения [5].

Специалисты определяют и этапы совершения суицида, которые весьма похожи на этапы совершения теракта: к ним можно отнести формирование мотивации, осуществление подготовки, выбор и реализация способа совершения.

По официальной статистике, каждый год кончают жизнь самоубийством 1 100 000 человек, среди них 55000 россиян. ВОЗ насчитывает 80 способов ухода из жизни [6]. Авторы статьи предлагают среди множества мотивированных причин суицида выделить субъективно-психологические (боязнь наказания, личные проблемы, несчастную любовь, одиночество, потеря смысла жизни, смерть близких, творческий кризис, идеологический протест, раздражительный суицид); зависимость и психосоматические болезни (алкоголизм, наркомания, игромания, шизофрения), криминальные или доведение до самоубийства (физические издевательства, финансовые долги, религиозный и религиозно-политический фанатизм, самоубийство чести, милитаризованный мотив нанесения урона противнику) и т.д.

По мнению психологов, в частности Алексея Жирнова, период подготовки может занимать от нескольких дней до нескольких лет. Суицидент долго анализирует причины и возможные последствия самоубийства, рассматривает различные способы и оценивает их эффективность и надёжность, планирует наиболее надёжный сценарий суицидального действия. [7].

Среди многочисленных способов совершения суицида, перечисленных в Википедии — удушения, утопления, отравления, падения с высоты, самострела, самосожжения, физического истощения, эвтанази, суицида при помощи холодного оружия или технических средств названо «... самоубийство методом подрыва в непосредственной близости от себя заряда взрывчатого вещества» [8].

Необходимо подчеркнуть, что в большинстве стран самоубийство в большинстве случаев преступлением не является. В то же время пособничество при самоубийстве, подстрекательство к самоубийству, доведение до самоубийства и неоказание медицинской помощи при самоубийстве может повлечь за собой правовую ответственность. В России в настоящий момент предусматривается ответственность по ст. 110 Уголовного кодекса РФ за доведение «до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». К сожалению, в научной юридической литературе в настоящее время преступления терроризма и вовлечение в совершение преступлений террористической направленности не проходит по совокупности со ст. 110 УК РФ. [9]

Федеральным законом Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 103-ФЗ Уголовный кодекс России дополнен статьей 205.1. «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению», которая устанавливает уголовную ответственность за: 1) вовлечение лица в совершение: терроризма; захвата заложника; организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем; угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля; нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; 2) склонение лица к участию в деятельности террористической организации; 3) вооружение либо обучение лица в целях совершения указанных преступлений; 4) а равно финансирование акта терроризма либо террористической организации.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205.1. Уголовного кодекса России относится, в соответствии с ч. 4 ст. 15 УК РФ к категории тяжких преступлений. Санкция за это преступление предусматривает лишение свободы на срок от четырех до восьми лет. Квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 205.1. УК РФ относится к категории особо тяжких преступлений. Санкция за это преступление представляет собой лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

По мнению руководителя Владивостокского центра исследования организованной преступности Михеева И.Р. в современной правоприменительной практике разграничение терроризма и смежных с ним преступлений представляет собой значительную сложность. Законодатель выделяет несколько составов преступлений, смежных с терроризмом: терроризм и убийство при отягчающих обстоятельствах; терроризм и захват

заложника; терроризм и бандитизм; терроризм и диверсия; терроризм и посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля и др. [10].

Авторы данной статьи предлагают по составам преступлений считать смежным с терроризмом преступление по ст. 110 УК РФ доведение «до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего».

Подводя итоги предлагается применять термин «криминальный суицид» в практике определения составов преступлений по ст. ст. 205 и 205.1. УК РФ, а в отношении субъекта — смертника, совершившего террористи-

ческий акт — «криминальный суицидент». Во-вторых, учитывать ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» в процессе квалификации преступлений террористического характера и участия в их подготовке. В-третьих, в будущем, одной из действенных профилактических мер по противодействию терроризму может стать внесение уточнений к уголовному законодательству Российской Федерации в случае, если установленное лицо или группа лиц, прямо или косвенно способствовавших действиям террориста-смертника, погибшего при совершении суицидального теракта, а так же будет доказано, что родственники или близкое окружение криминального суицидента способствовали осуществлению данного суицида общеопасным способом, то по совокупности может быть применена 110 ст. УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамова, М.А. Феномен участия женщин в террористической деятельности [Текст] / М.А. Адамова // Kant. — 2013. — № 1.
2. Александров, А. Террорист-самоубийца: психологический портрет [Текст] / А. Александров // Россия и мусульманский мир. — 2004. — № 1.
3. Глухарев, Д.С. Феномен смертников и система предотвращения террористических актов [Текст] / Д.С. Глухарев // Политический векторPRO. Комплексные проблемы современной политики. — 2013. — № 1.
4. Журавель, В.П. Террористы-смертники: проблемы противодействия [Текст] / В.П. Журавель // Право и безопасность. — 2010. — № 3.
5. Иванов, С.Н. Терроризм смертников: исторический аспект [Текст] / С.Н. Иванов // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2008. — № 2–1.
6. Ильченко, О.Ю. Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении. [Текст] / О.Ю. Ильченко // Вестник Института социологии. — 2016. — № 2 (17).
7. Каменева, М.Е. Особенности профиля террориста смертника [Текст] / М.Е. Каменева // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 2.
8. Кашников, Б.Н. Терроризм на святой земле [Текст] / Б.Н. Кашников // Российский научный журнал. — 2007. — № 1.
9. Козлов, М.В. Радикализм на святой земле: подходы и концепции [Текст] / М.В. Козлов // Евразия: духовные традиции народов. — 2012. — № 4.
10. Кутушева, С.И. Психология смертников [Текст] / С.И. Кутушева // Симбирский научный вестник. — 2014. — № 4.

© Кесаева Инга Робертовна (i.kesayeva@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF STATE INFORMATION SYSTEMS

A. Kuznetsov

Summary. The article presents an analysis of the development of state information systems as the main tool for digitalization of public administration, including on the basis of expert and analytical materials of the Accounts Chamber of the Russian Federation. The tendencies of legal support for the functioning of information systems and services are considered. The key problems and directions of their solution are outlined.

Keywords: information system, legal regulation, digitalization, public administration, interdepartmental interaction.

Кузнецов Антон Константинович

Канд. ист. наук., Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)
kuznetsov-ak@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ развития государственных информационных систем как основного инструмента цифровизации государственного управления, в том числе на основании экспертно-аналитических материалов Счетной палаты Российской Федерации. Рассмотрены тенденции правового обеспечения функционирования информационных систем и сервисов. Обозначены ключевые проблемы и направления их решения.

Ключевые слова: информационная система, правовое регулирование, цифровизация, государственное управление, межведомственное взаимодействие.

Сложно представить современное государственное управление без использования информационных систем (баз данных, регистров, реестров). Цифровая трансформация, как основной вопрос повестки дня, требует тщательного анализа действующих управленческих инструментов и механизмов в целях повышения эффективности деятельности органов публичной власти.

Автоматизация отдельных бизнес-процессов государственного управления привела к появлению большого количества информационных систем и сервисом. К сожалению, необходимо констатировать, что в рамках одного ведомства разрабатываются и внедряются в эксплуатацию часто технологически разные системы, что справедливо приводит к недовольству пользователей.

Так, образовательные организации высшего образования в части основной деятельности ведут соответствующие сегменты:

- ♦ федеральной информационной системы обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования, и приема граждан в образовательные организации для получения среднего профессионального и высшего образования (ФИС ГИА и приема) (в соответствии

с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.11.2021 № 2085);

- ♦ федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» (ФИС ФРДО) (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.05.2021 № 825);
- ♦ государственной информационной системы «Современная цифровая образовательная среда» (ГИС СЦОС) (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1836);
- ♦ федеральной информационной системы государственной научной аттестации (ФИС ГНА) (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.11.2013 № 1035);
- ♦ единой государственной информационной системы учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР) (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.04.2013 N 327).

Приведен лишь перечень государственных информационных систем (операторами являются Минобрнауки России и Рособрназор) по основной деятельности вузов, без рассмотрения иных направлений. К тому же только Минобрнауки России использует еще 9 своих

ведомственных информационных систем. В перечне информационных систем, банков данных, реестров, регистров, находящихся в ведении Минобрнауки России, который представлен на официальном сайте, содержится 111 позиций.

Представляется интересным комплексное исследование Счетной палаты Российской Федерации, объектом которого стали 67 федеральных органов власти и органов управления государственными внебюджетными фондами и соответственно 1147 информационных систем (в том числе 630 государственных информационных систем) [3]. Даже посмотрев на среднее количество информационных систем в одном органе власти, можно отметить важнейшую проблему оптимизации работы с данными. На сегодняшний день все более четко прослеживается тренд на объединение различных баз данных, регистров, реестров, межведомственное информационное взаимодействие, определение «единой точки» ввода данных [5].

Тем не менее, это не означают, что перестают появляться новые информационные системы. Так, Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2022 № 854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета» в целях повышения эффективности деятельности по ведению воинского учета Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральной налоговой службе при участии Министерства обороны Российской Федерации до 1 апреля 2024 г. необходимо обеспечить формирование государственного информационного ресурса, содержащего сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета.

Необходимо отметить задачу по дальнейшему совершенствованию правового регулирования функционирования государственных информационных систем. Так, базовый федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационную систему как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств [1]. Тем не менее, отсутствует дефиниция государственной информационной системы и критерии к ней отнесения информационных систем. Законодатель лишь указывает на необходимость издания федерального закона, закона субъекта Российской Федерации, правового акта государственных органов, а также цель создания государственных информационных систем — реализация полномочий государственных органов и обеспечение обмена информацией между

этимися органами, а также иные установленные федеральными законами цели.

Важно на законодательном уровне указать основания императивного отнесения информационных систем к государственным информационным системам. Это могут быть типовые полномочия органов публичной власти, предоставление государственных услуг, исполнение государственных функций и (или) функций по государственному контролю (надзору) и т.д.

Следует определить единые подходы к развитию государственных информационных систем, с учетом уже сформулированных требований (Постановление Правительства Российской Федерации от 06.07.2015 № 676 (ред. от 23.12.2021) «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации»).

Инфраструктурной основой для решения данной проблемы может стать единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех». Платформа «ГосТех» предназначена для реализации процессов жизненного цикла государственных информационных систем и автоматизированных инструментов производственного конвейера разработки программного обеспечения, а также для реализации предоставления цифровых продуктов в виде прикладных сервисов, работающих в инфраструктуре облачных вычислений. Платформа «ГосТех» создается в целях сокращения сроков создания, развития государственных информационных систем, повышения эффективности и результативности систем, перехода на качественно новый уровень их эргономичности, совместимости, надежности и защищенности, а также каталогизации и оптимизации получения пользователями платформы цифровых продуктов, обеспечения высокого уровня качества и безопасности цифровых продуктов и поддержки разработок отечественных решений в области информационных технологий [2].

Чаннов С.Е. отмечает проблему обработки персональных данных в таких информационных системах на примере упомянутой выше ФИС ГИА и приема [6]. Может ли выпускник общеобразовательной организации сдать единый государственный экзамен и поступить в образовательную организацию высшего образования без согласия на обработку персональных данных и соответственно без внесения своих данных в ФИС ГИА и приема? [4].

В ходе анализа описаний состава и структур данных государственных информационных систем

Счетная палата Российской Федерации отмечает отсутствие единой модели государственных данных, в том числе правил и общей (единой) формы описания справочников баз государственных данных государственных информационных систем в составе программной и эксплуатационной документации баз данных [3].

По итогам анализа аудиторы установили, что для 31% государственных информационных систем документация не содержит сведения о семантике данных и способах их идентификации — сведений, направленных на наполнение данных смыслом, сценарием использования и т.д. и необходимых для работы с гетерогенными базами данных и определения, как данные соотносятся между собой и с реальным миром. Еще в 20% государственных информационных систем недостаточное описание наборов (атрибутов) данных приводит к невозможности определить, какие именно сведения хранятся в системе [3].

Функционирующая в качестве эксперимента, Единая информационная платформа национальной системы управления данными, к сожалению, не стала основой повышения качества межведомственного информационного взаимодействия.

Таким образом, огромное количество информационных систем, баз данных, регистров, реестров, цифровых сервисов, в том числе государственных информационных систем, создает значительные барьеры на пути цифровой трансформации государственного управления, требует существенных финансовых затрат и иных ресурсов. Трендом сегодняшнего дня является замена «лоскутной автоматизации» централизованным платформенным решением, обеспечивающим безопасность, стабильность, удобство, принятие обоснованных управленческих решений на основе корректных данных. Необходима соответствующая инвентаризация информационных систем, вывод из эксплуатации части из них; разработка единой стратегии развития государственных информационных систем.

В части правового обеспечения функционирования государственных информационных систем представляется важным в верхнеуровневых нормативных актах закрепить соответствующий понятийный аппарат, критерии отнесения информационных систем к государственным, единые требования к описанию состава и структуры данных, доступность всех государственных информационных ресурсов любому государственному органу (действенное межведомственное информационное взаимодействие).

ЛИТЕРАТУРА

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 05.12.2022.
2. Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 676 и признании утратившим силу пункта 6 изменений, которые вносятся в требования к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2017 г. № 555: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2338 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 05.12.2022.
3. Государственные информационные системы // Бюллетень Счетной палаты. 2022. № 8 (297). URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-8-2022> (дата обращения: 20.12.2022).
4. Кузнецов А.К., Васильева Ж.С. Актуальные проблемы правового регулирования организации и проведения единого государственного экзамена в Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 6. С. 143–147.
5. Кузнецов А.К. О правовом регулировании новых цифровых технологий // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова. В 2-х частях. 2020. С. 411–418; Кузнецов А.К. О применении некоторых новых информационных технологий в избирательном процессе // Выборы в контексте ценностей гражданского общества и правового государства. Сборник материалов Национальной научно-практической конференции. 2019. С. 125–132.
6. Чаннов С.Е. Правовые проблемы обработки персональных данных в государственных информационных системах // Информационное право. 2018. № 2. С. 10–13.

© Кузнецов Антон Константинович (kuznetsov-ak@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ НА ИНСТИТУТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

IMPACT OF THE WORLD CLIMATE AGENDA ON BUSINESS LAW INSTITUTIONS

A. Reikh

Summary. The article presents a study of the impact of the global climate agenda on the institutions of business law. The author focuses on the fact that in the world community today special attention is paid to the issue of reducing and neutralizing the carbon footprint. A number of business law institutions are undergoing changes due to global green trends both in Russia and abroad. Within the framework of this work, special attention is paid to the study of the impact of the climate agenda on such business law institutions as the securities market, namely the issuance of “green bonds”, and carbon credits, as a type of economic tool used to reduce the negative impact on the environment. It is important to say about some changes that should be made to the list of principles of business law. The Russian legislator should provide a range of economic benefits and incentives for green sector issuers and investors to support their overall motivation to have a positive impact on the climate situation. Since the Bank of Russia is a body that regulates the securities market, certain benefits should be provided for precisely in the regulatory legal acts issued by it. These indulgences may relate to simplifying the admission of green issuers to the securities market, reducing the established reserve requirements for possible losses. According to the author, the impact of the global climate agenda on the institutions of business law is difficult to overestimate. Both at the international and national levels, states are modernizing certain legal institutions in order to have a positive effect on the environment and global climatic conditions. However, there are also legal gaps in the regulation of new, modernized institutions of business law. Also, for more effective use of new legal structures in the business area, it is necessary to consolidate a number of legal indulgences / benefits.

Keywords: law, ecology, business law, carbon credits, climate agenda.

Reйх Александра Павловна

Студент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
alexandra.reich.law@mail.ru

Аннотация. В статье представлено исследование влияния мировой климатической повестки на институты предпринимательского права. Автор акцентирует внимание на том, что в мировом сообществе сегодня особое внимание уделяется вопросу снижения и нейтрализации углеродного следа. Ряд институтов предпринимательского права претерпевает изменения из-за общемировых зеленых тенденций как в России, так и за рубежом. В рамках данной работы особое внимание уделено исследованию влияния климатической повестки дня на такие институты предпринимательского права, как рынок ценных бумаг, а именно выпуск «зеленых облигаций», и углеродные кредиты, как тип экономического инструмента, используемого для снижения негативного воздействия на окружающую среду. Важно сказать и о некоторых изменениях, которые следует внести в перечень принципов предпринимательского права. Российскому законодателю следует предусмотреть ряд экономических льгот и стимулов для эмитентов и инвесторов зеленого сектора, чтобы поддержать их общую мотивацию оказать положительный эффект на климатическую обстановку. Так как Банк России является органом, регулирующим рынок ценных бумаг, то определенные льготы должны быть предусмотрены как раз в выпускаемых им нормативно-правовых актах. Эти послабления могут касаться упрощения допуска зеленых эмитентов на рынок ценных бумаг, снижения установленных нормативов резервирования на возможные потери. По мнению автора, влияние мировой климатической повестки на институты предпринимательского права сложно переоценить. Как на международном, так и на национальном уровне государства модернизируют те или иные правовые институты с целью оказания положительного эффекта на окружающую среду и мировые климатические условия. Однако, существуют и правовые пробелы регулирования новых, модернизированных институтов предпринимательского права. Также, для более эффективного использования новых правовых конструкций в бизнес-сфере необходимо закрепить ряд правовых послаблений/льгот.

Ключевые слова: право, экология, предпринимательское право, углеродные кредиты, климатическая повестка.

Введение

Проблемы экологии в последнее время занимают первое место на повестке дня в мировом сообществе. Причиной этому является не только нацеленность государств на политику устойчивого развития, но и прямая необходимость выживания че-

ловека в климатических условиях, далеких от идеальных. Бизнес-сообщество практически всегда вынуждено играть по правилам, навязываемым ему сверху. Таким образом, климатическая повестка привносит свои коррективы и в привычные нам институты предпринимательства, модернизируя их правовое регулирование.

Действующее регулирование климатического вопроса на международном уровне и в России

В мировом сообществе сегодня особое внимание уделяется вопросу снижения и нейтрализации углеродного следа. Данный вопрос долгое время обсуждался на уровне Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), а в ноябре 2021 года этот же вопрос был поднят в рамках Конференции ООН по изменению климата в Глазго. Европа также предпринимает попытки принятия программы климатической нейтральности к 2050 году. Действия международного сообщества направлены на сдерживание глобального потепления, вызванного, в частности, увеличением углеродного следа. В рамках конференции в Глазго был также принят Климатический пакт. Однако, многие специалисты называют его поверхностным и не преследующим больших целей. Обозревая вопрос регулирования климатического кризиса на международном уровне, можно прийти к выводу, что ключевые действия должны совершаться и совершаются на уровне самих заинтересованных стран. Международные решения являются лишь катализатором принятия решений на национальном уровне.

В частности, в качестве примера можно рассмотреть движение России к озеленению процесса инвестирования. Начало данного процесса было положено участием в реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотском протоколе к ней 1997 года. 22 апреля 2016 года Россия в числе 175 стран подписала Парижское соглашение по борьбе с глобальным изменением климата в штаб-квартире ООН в г. Нью-Йорке. Основное назначение Парижского соглашения заключалось в удержании прироста глобальной средней температуры к концу XXI в. в пределах 2 °C сверх доиндустриальных показателей. Однако на настоящий момент Соглашение до сих пор не ратифицировано [7, с. 43–45], но было принято Постановление Правительства от 21.09.2019 года, так как Соглашение не содержит предусмотренных российским законодательством оснований для ратификации. Тем не менее, 04.11.2020 г. В.В. Путиным был подписан Указ «О сокращении выбросов парниковых газов» в целях реализации вышеупомянутого Парижского соглашения. Согласно п. 9 Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» одним из основных внешнеполитических вызовов энергетической безопасности является наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой» экономике. Важной частью национальной стратегии сегодня является формирование и развитие системы зеленого

финансирования. В Российской Федерации также реализуется национальный проект «Экология», в рамках которого следовало бы предусмотреть развитие «зеленого» финансирования и «зеленых» облигаций, в частности. Более того, 2 июля 2021 года В.В. Путин подписал Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», под регулирование которого попадают крупнейшие эмитенты выбросов парниковых газов. Принятие указанного закона является поворотным моментом для решения климатической повестки в России. О влиянии указанного закона на один уникальный институт предпринимательства будет сказано чуть позже.

Так, ряд институтов предпринимательского права претерпевает изменения из-за общемировых зеленых тенденций как в России, так и за рубежом. В рамках данной работы особое внимание будет уделено исследованию влияния климатической повестки дня на такие институты предпринимательского права, как рынок ценных бумаг, а именно выпуск «зеленых облигаций», и углеродные кредиты, как тип экономического инструмента, используемого для снижения негативного воздействия на окружающую среду. Важно сказать и о некоторых изменениях, которые следует внести в перечень принципов предпринимательского права.

«Зеленые» облигации

Начать исследование указанных выше институтов я бы хотела с изменения разновидностей ценных бумаг. Более десяти лет назад за рубежом, а около трех лет назад уже и в России появились новые разновидности ценных бумаг: «зеленые» и социальные облигации. Речь в данной работе пойдет о первых. «Зеленые» облигации представляют из себя разновидность облигаций, денежные потоки от которых идут на финансирование природоохранных проектов, а также иных проектов, приносящих экологическую пользу. Более общим и ранним по отношению к «зеленым» облигациям является термин «зеленая» экономика. Он впервые был использован в отчете «План развития «зеленой» экономики», составленном специалистами для великобританского Правительства. Великобритания реализовала данную задумку с целью стать ведущим международным финансовым центром в области «зеленого» финансирования. В 2007 г. Европейским инвестиционным банком были выпущены первые «зеленые» облигации, предназначенные для финансирования проектов альтернативных источников энергии и повышения энергоэффективности. В 2008 г. Международный банк реконструкции и развития выпустил облигации, которые были непосредственно обозначены как «зеленые», для этого при отборе проектов Всемирный Банк впервые применил экологические критерии оценки. Введение указанных критериев в использование было край-

не важно, так как это позволило инвесторам оценивать целевое использование финансовых ресурсов. Однако, если правовому регулированию института «зеленых» облигаций в зарубежных странах уделено достаточно внимания, то в России ситуация обстоит иначе.

Правовое регулирование института «зеленых» облигаций разработано очень слабо. Пока что на рынке «зеленых» облигаций отсутствуют государственные регуляторы, а управление определяется частно установленными стандартами, рейтингами и схемами сертификации. С одной стороны, это делает рынок «зеленых» финансов более мобильным в части реагирования на потребности участников рынка, но, с другой стороны, возможны злоупотребления из-за недостатка легитимности, подотчетности и контроля. В России практически отсутствует законодательное регулирование «зеленых» облигаций. Есть лишь поручения Президента, проекты нормативных актов Банка России, а также принятая в 2019 году Стратегия Банка России [1]. Тем не менее, как показывает зарубежная практика, для запуска «зеленых» облигаций на рынок нужно не только создать льготные условия налогообложения для инвесторов, а в том числе усовершенствовать законодательную базу. В ряде стран, таких как Китай, Нидерланды, Англия, рынок «зеленых» облигаций развивается стремительно, существует четкий перечень критериев для данного вида ценных бумаг, а также предусмотрен трёхэтапный процесс эмиссии [7, с. 46]. Необходимо, как минимум, внести дополнения в ФЗ «О рынке ценных бумаг», чтобы закрепить в нем понятие «зеленых» облигаций и особенности их эмиссии и обращения. Часть необходимых дефиниций были отмечены рабочей группой по вопросам «зеленого» финансирования при Экспертном совете по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России [5, с. 9–10]. Были даны определения понятий: «зеленые инвестиции», «зеленые кредиты» и «зеленые облигации», но и эти определения требуют своего совершенствования.

Россия является обладательницей крупнейших в мире запасов природного газа и энергетического угля, использование которых влечет за собой значительные объемы выбросов. Доля же возобновляемых источников энергии в общей структуре производства составляет менее 1%. В 2019 году Московская биржа анонсировала запуск Сектора устойчивого развития (внутри него 3 сегмента: «зеленых» облигаций, «социальных» облигаций и национальных проектов), в который включаются облигации, получившие от независимых верификаторов заключения о соответствии принципам зеленых финансов (*second party opinion*) [3, с. 60]. Выдача «Эксперт РА» независимых заключений о соответствии «зеленым» принципам продиктована заинтересованностью рынка в этом. В перспективе на-

личие соответствующего заключения о соответствии позволит эмитентам получать ряд льгот, в том числе налоговых. Пока что «зеленый» статус кроме направленности на общественно-важные цели и плюса к деловому имиджу компании, которая решила такого рода облигации выпустить, не дает.

В «Эксперт РА» в 2019 году созданы и утверждены методологии экспертной оценки о соответствии облигаций принципам зеленых, социальных кредитов, а также методология присвоения рейтинга ESG [3, с. 61]. Эти методологии базируются на принципах (*Green Bonds Principles* [10]), разработанных Международной ассоциацией рынков капитала (*International Capital Market Association*, далее — «ICMA»). Стоит отметить, что GBP не раскрывают климатические облигации, как разновидность зеленых облигаций [11]. Однако, именно эти облигации очень популярны в последние годы, так как они мобилизуют средства на проекты начиная от сокращения выбросов парниковых газов и заканчивая обеспечением помощи большому Барьерному рифу в адаптации к потеплению вод [12].

Как можно заметить, в России не разработаны пока что единые принципы оценки «зеленых» облигаций, поэтому используются международные стандарты. Представляется необходимым создать собственные стандарты, перенимая опыт ICMA [8, с. 31]. Пока что в области зеленого финансирования развиваются крупные игроки на рынке. Так, в 2020 г. ВЭБ РФ были выработаны Методические рекомендации по развитию инвестиционной деятельности в сфере зеленого финансирования в РФ в целях привлечения внебюджетных средств в проекты, направленные на реализацию целей развития РФ в области зеленого финансирования и целей устойчивого развития. Это неудивительно, так как зеленое инвестирование и «зеленые» облигации в частности только продолжают набирать свою популярность. В последние несколько лет были осуществлены выпуски «зеленых» облигаций: ООО «Ресурсосбережение ХМАО» в 2018 г., ООО «СФО РуСол 1» в 2020 г., ФПК «Гарант-Инвест» в 2020 г., а также уже ряд выпусков РЖД. Для наглядности можно представить, что экологический эффект от выпуска ФПК «Гарант-Инвест» по подсчетам специалистов будет равен сокращению выброса CO₂ на 4,6 тыс. тонн или высадке 187 тыс. деревьев [9]. Очевидно, что мировые климатические тенденции активно внедряются не только в бизнес-сферу зарубежных стран, но в российские реалии.

Тем не менее, надо отметить, что российскому законодателю следует предусмотреть ряд экономических льгот и стимулов для эмитентов и инвесторов зеленого сектора, чтобы поддержать их общую мотивацию оказать положительный эффект на климатическую обста-

новку. Так как Банк России является органом, регулирующим рынок ценных бумаг, то определенные льготы должны быть предусмотрены как раз в выпускаемых им нормативно-правовых актах. Эти послабления могут касаться упрощения допуска зеленых эмитентов на рынок ценных бумаг, снижения установленных нормативов резервирования на возможные потери.

Углеродные кредиты

Второй институт предпринимательского права, который хотелось бы проанализировать и подвергнуть правовому анализу — углеродные кредиты. Нельзя сказать, что у этого явления есть что-то общее с действительно денежно-кредитными операциями. Однако, это новая разновидность проектов, реализуемых в рамках осуществления предпринимательской деятельности. Максимальная доля выбросов углекислого газа приходится на предприятия черной металлургии, цементной промышленности и другие. Однако, существуют природоохранные технологические решения, которые позволяют сохранять либо восстанавливать природные экосистемы с целью снижения концентрации парниковых газов в атмосфере путем: лесовосстановления, использования биоугля, профилактики лесных пожаров, восстановления и сохранения торфяных почв. Крупные компании, согласно уже упомянутому выше ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», будут довольно сильно ограничены в выбросах углекислого газа. Тем не менее, чтобы получать возможность осуществлять подобные выбросы, они должны компенсировать причиняемый окружающей среде вред. Организуя различные вышеупомянутые природоохранные проекты, компании получают углеродные кредиты, дающие им возможность производить больше и/или компенсировать текущие выбросы. В России это вопрос этого и следующего года, когда углеродные кредиты наберут свою популярность. В Европе уже существуют специализированные организованные рынки, где более успешные в экологическом смысле компании торгуют углеродными единицами. В России пока что регулирования данной области нет, но само появление углеродных кредитов сильно меняет бизнес парадигму. На мой взгляд, необходимо ввести в правовое поле понятие углеродных кредитов, их сущности. Пока же компании могут руководствоваться только ГО-СТами предельных выбросов парниковых газов, а также Методическими рекомендациями по проведению добровольной инвентаризации объема выбросов парниковых газов в субъектах РФ, утвержденными Минприроды России в 2015 году. Также необходимо развивать правовое поле для создания централизованного рынка сбыта углеродных единиц. Если обращаться к зарубежному опыту, то подобный инструмент там давно существует и уже получил свое правовое закрепление

и развитие. На практике в начале декабря 2021 года в России реализован первый проект по достижению углеродной нейтральности. Свой углеродный след стала компенсировать сеть кофеен «Кофемания». Компания совместно с девелопером экологических проектов «Гринвест» проанализировала количество CO₂, который образуется в течение всей цепочки процессов, начиная от сборки кофейных зерен и заканчивая подачей готового напитка гостям. Полученный углеродный след будет компенсирован покупкой зеленой электроэнергии, добровольных углеродных единиц, образованных в результате природоохранных мероприятий, и посадкой деревьев на территории г. Москвы.

Новый принцип предпринимательского права

Переходя к более общему институту предпринимательского права, его принципам, необходимо отметить, что в их основе лежат принципы рыночной экономики в целом [6, с. 53]. Это означает, что указанные принципы предпринимательского права более мобильны и чувствительны к экономическим реалиям. В таком случае, в ряду общепризнанных принципов (например, свободы предпринимательской деятельности, единства экономического пространства) уже можно выделить и новый принцип — экологичности и энергоэффективности предпринимательской деятельности. Этот принцип теоретически может быть выведен и из принципов энергетического права, где энергосбережение и рациональное, экономическое и эффективное использование энергии выделяется в качестве отдельного принципа [4, с. 158]. Сформировать и ввести в теоретический оборот новый принцип, на мой взгляд, представляется обоснованным решением, так как принципы права представляют собой руководящие положения, основные начала права. Если на повестке дня ближайшие 30 лет будет стоять климатический вопрос, то появление нового «зеленого» принципа предпринимательского права является своевременным и соответствующим тенденции устойчивого развития, которая повсеместно внедряется во многие области предпринимательской деятельности.

Я полагаю, что влияние мировой климатической повестки на институты предпринимательского права сложно переоценить. Как на международном, так и на национальном уровне государства модернизируют те или иные правовые институты с целью оказания положительного эффекта на окружающую среду и мировые климатические условия. Однако, существуют и правовые пробелы регулирования новых, модернизированных институтов предпринимательского права. Также, для более эффективного использования новых правовых конструкций в бизнес-сфере необходимо закрепить ряд правовых послаблений/льгот.

Выводы и предложения

Необходимо внести изменения в законодательство, регулирующее рынок ценных бумаг. Дать определение «зеленым» облигациям, пошагово описать особенности процесса их эмиссии. Определить четкие и релевантные для нашей страны критерии соответствия проектов «зеленым» целям, а также предусмотреть создание нового или упразднение уже существующего органа на контроль за целевым расходованием средств. При этом надо и ужесточить требования Стандартов эмиссии ценных бумаг к содержанию проспекта ценных бумаг, так как расходование привлеченных средств на достижение «зеленых» целей должно быть прописано не как право эмитента, а как его непосредственная обязанность, без возможности свести такой эффект к нулю;

Также важно закрепить ряд льгот для эмитентов «зеленого» сектора. Одним из шагов могло бы стать введение понижающего коэффициента для нормативов резервирования Банка России на возможные потери по такого рода ценным бумагам [2];

Создать правовое поле для регулирования рынка углеродных единиц, как основы для будущего снижения негативного воздействия на окружающую среду и климат;

В теоретической плоскости оценить важность экологической стабильности и устойчивого развития, закрепив принцип экологичности и энергоэффективности предпринимательской деятельности. Это является ключевым моментом, так как принцип является базой, из которой произрастает потом более развитое законодательное регулирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» (ред. 16.10.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621612/?ysclid=lc8my7esho636922732> Дата обращения: 05.12.2021 г.
2. Положение Банка России от 19.12.2019 N 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» (ред. от 04.07.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/?ysclid=lc8mzmtn8m534267197 Дата обращения: 05.12.2021 г.
3. Катасонова Ю. Время зеленых лимитов // Банковское обозрение. 2020. N 4–5. С. 60–61.
4. Лахно П.Г. Принципы энергетического законодательства. Энергетика и право. М.: Юрист, 2008. С. 158.
5. Новикова Е.В. Эколого-правовое регулирование на этапе развития зеленой экономики в России // Экологическое право. 2020. N 4. С. 9–16.
6. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. С. 53.
7. Симаева Е.П. Правовое обеспечение рынка «зеленых» облигаций // Безопасность бизнеса. 2020. N 1. С. 43–46.
8. Смирнова Е.В. Гринвошинг. Безопасность в техносфере. 2011. N 5. С. 31–33.
9. Информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://cbonds.ru>. Дата обращения: 05.12.2021 г.
10. Green Bonds Principles, June 2018. URL: <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Regulatory/Green-Bonds/Green-Bonds-Principles-June-2018-270520.pdf>
11. Environmental Theme Bonds: a major new Asset Class brewing, excerpt from Sustainable Banking — Risk and Opportunity in Financing the Future, edited by Joti Mangat, published by Thomson Reuters 2010. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/understanding>
12. Mobilizing private finance to drive an energy industrial revolution. Mathews, Kidney, Mallon, Hughes. // Energy Policy 38 (2010). URL: https://econpapers.repec.org/article/eeeeenepol/v_3a38_3ay_3a2010_3ai_3a7_3ap_3a3263-3265.htm

© Рейх Александра Павловна (alexandra.reich.law@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

FEATURES OF CORPORATE GOVERNANCE ORGANIZATION IN THE BANKING SECTOR

A. Samokhina

Summary. The author analyzed the legal regulation of corporate governance in credit institutions. The article highlights the features of corporate governance in banks, which may be important for the further improvement of corporate governance in all corporate organizations. The author gave an assessment of compliance with the principle of transparency in the disclosure of corporate information in the banking sector. The author noted the importance of business reputation and professional qualities of persons included in the management bodies of credit institutions. The author posed problems in the field of corporate governance in the banking sector and suggested ways to solve them.

Keywords: credit institution, bank, corporate governance, internal management, Central Bank of the Russian Federation, disclosure of information, ownership structure.

Кредитные организации выполняют важную роль в обеспечении стабильности гражданского оборота. Такие организации осуществляют разнообразные банковские операции, а также обеспечивают сохранность заемных средств, полученных ими от вкладчиков, в связи с чем финансовое положение кредитных организаций и их эффективная работа являются предметом наблюдения широкого круга заинтересованных лиц. Этим обусловлено выделение кредитных организаций в отдельную категорию субъектов гражданских правоотношений и создание для них специального правового регулирования.

Пункт 7 статьи 66 Гражданского кодекса Российской Федерации для определения особенностей правового положения кредитных организаций, а также прав и обязанностей их участников, отсылает к специальным законам, регулирующим деятельность таких организаций [1]. Банковское правовое регулирование представляет собой систему нормативных правовых актов. Базовыми федеральными законами, закрепляющими

Самохина Анна Николаевна
Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
annsamohina.s@gmail.com

Аннотация. Автором проведен анализ правового регулирования корпоративного управления в кредитных организациях. В статье выделяются особенности корпоративного управления в кредитных организациях, которые могут иметь значение для дальнейшего совершенствования корпоративного управления во всех корпоративных организациях. Дана оценка соблюдения принципа прозрачности при раскрытии корпоративной информации в банковском секторе. Отмечено важное значение деловой репутации и профессиональных качеств лиц, входящих в органы управления кредитных организаций. Автором поставлены проблемы в сфере корпоративного управления в банковской сфере и предложены пути их решения.

Ключевые слова: кредитная организация, банк, корпоративное управление, внутренне управление, Центральный Банк Российской Федерации, раскрытие информации, структура собственности.

основы правового положения кредитных организаций, являются Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках и банковской деятельности) и Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России). Правовые нормы, содержащиеся в данных законах, в том числе устанавливающие в отношении кредитных организаций специальные требования и ограничения, позволяют выделить такие организации среди всех корпоративных юридических лиц. Помимо наделения кредитных организаций специальной правоспособностью, закрепления особых механизмов создания и прекращения таких юридических лиц, а также специальных процедур, применяемых при возникновении признаков несостоятельности, важный вопрос составляют особенности организации корпоративного управления в кредитных организациях.

Сфера корпоративного управления входит в предмет деятельности Банка России (пункт 10.2 статьи 4

Закона о Банке России) [2]. В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «корпоративное управление». В данной работе корпоративное управление будет пониматься в значении, указанном в разработанном Банком России Кодексе корпоративного управления, согласно которому понятие корпоративного управления охватывает собой систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами [8].

Банк России выразил намерение продолжить в 2023–2025 годах работу по развитию корпоративных отношений и корпоративного управления [9]. В связи с этим опыт создания специального правового регулирования корпоративного управления в кредитных организациях может послужить основой для совершенствования общих положений о корпоративном управлении. В кредитных организациях, как подконтрольных Банку России субъектах финансового рынка, было опробовано на практике внедрение и использование передовых принципов корпоративного управления.

Активное развитие специального правового регулирования корпоративного управления в кредитных организациях началось в начале прошлого десятилетия и было обусловлено принятием Банком России следующих актов: Письма Банка России от 06.02.2012 г. № 14-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору «Принципы совершенствования корпоративного управления», Положения Банка России от 25.10.2013 г. № 408-П «О порядке оценки соответствия квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации лиц, указанных в статье 11.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статье 60 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», и порядке ведения базы данных, предусмотренной статьей 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (утратило силу, заменено на Положение Банка России от 27.12.2017 г. № 625-П), Письма Банка России от 10.04.2014 г. № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления». Сегодня значительно увеличилось количество актов Банка России (нормативных и рекомендательных), принятых по вопросам корпоративного управления в кредитных организациях. Главными характеристиками правового регулирования банковского сектора, разработанного Банком России, являются его динамичность и адаптивность, что позволяет обеспечить интересы общества в условиях трансформации экономики.

Многие правовые положения и рекомендации Банка России берут за основу правила корпоративного

управления, сформулированные в международных актах и других национальных правовых актах. Банк России уделяет большое внимание принципам корпоративного управления, сформулированным Базельским комитетом по банковскому надзору, среди которых можно отметить: Рекомендации «Совершенствование корпоративного управления в кредитных организациях» (сентябрь 1999 г.), «Принципы совершенствования корпоративного управления» (октябрь 2010 г.) и «Принципы корпоративного управления для банков» (июль 2015 г.). В научной литературе отмечается высокое значение рекомендаций Базельского комитета при построении национальными надзорными органами корпоративного управления в банковском секторе своих стран [12, с. 48].

Предлагаем выделить отдельные правовые конструкции, существующие в корпоративном управлении в кредитных организациях. На наш взгляд, следует ожидать, что правовые механизмы, созданные Банком России в сфере корпоративного управления в кредитных организациях, могут быть распространены на все акционерные общества, независимо от сфер деятельности.

Одной из главных проблем при создании любой корпорации является угроза неудовлетворительного финансового положения ее учредителей. Для защиты интересов широкого круга лиц в банковском секторе закреплены механизмы оценки финансового положения и деловой репутации учредителей, акционеров (участников) кредитных организаций. Банк России, проведя анализ информации, подтверждающей финансовое положение и деловую репутацию указанных лиц, может отказать в государственной регистрации кредитной организации и выдаче ей лицензии (статья 16 Закона о банках и банковской деятельности), или даче согласия на совершение сделки с акциями (долями) кредитной организации (если размер акций (долей) кредитной организации, составляющих предмет сделки, требует предварительного согласия Банка России, согласно статье 61 Закона о Банке России). Механизмы проверки финансового положения акционеров (участников) кредитных организаций показали свою эффективность и позволили минимизировать появление на рынке неконкурентоспособных банков.

В целях непрерывности контроля над акционерами (участниками) кредитных организаций Банком России создан механизм раскрытия структуры собственности кредитной организации. Как не раз отмечалось в научной литературе, для российского банковского сектора характерна высокая концентрация собственности, то есть сосредоточение контроля над кредитной организацией в руках одного акционера или небольшой группы лиц [11, с. 210]. Согласно Положению Банка Рос-

сии от 26.12.2017 г. № 622-П информация о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находится банк подлежит обязательному раскрытию [4]. Таким образом решен вопрос с раскрытием сложных схем владения кредитными организациями. Аналогичные требования предъявляются к негосударственным пенсионным фондам, страховым организациям, управляющим компаниям и микрофинансовым компаниям. В других секторах экономики такие требования отсутствуют. Эмитенты эмиссионных ценных бумаг частично раскрывают сведения об акционерах, владеющих не менее чем 5% голосов в отчете эмитента [5]. На наш взгляд, на сегодняшний день нельзя признать достаточным раскрытие информации об акционерах в рамках отчета эмитента эмиссионных ценных бумаг (без раскрытия схем владения). Считаем, что в будущем возможно распространение требования о раскрытии конечных бенефициарных владельцев на все акционерные общества, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам.

В 2021 году Закон о банках и банковской деятельности был дополнен статьей 11.1–3., предусматривающей дополнительную обязанность кредитных организаций по формированию и направлению в Банк России перечня лиц, контролирующих кредитную организацию (далее — Перечень) [3]. Еще до соответствующей новеллы, в научной литературе не раз отмечалась необходимость усиления ответственности мажоритарных акционеров и руководящего состава за результаты деятельности кредитной организации [12, с. 51]. Вместе с тем, именно механизм определения перечня лиц, под контролем которых находится кредитная организация, должен составить необходимую основу для решения на практике конкретных задач по привлечению лиц к субсидиарной ответственности в случае несостоятельности кредитной организации. Лица, соответствующие признакам контролирующего лица, предусмотренным статье 61.10 Федерального закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», включаются в Перечень либо кредитной организацией, либо по инициативе Банка России. Такие лица подлежат обязательному уведомлению о включении и исключении их из Перечня, и имеют право оспорить их включение в указанный Перечень в судебном порядке. Целью новеллы является предупреждение негативной практики по сокрытию контролирующих лиц, усиление ответственности руководящих лиц за принимаемые ими решения, а также облегчение поиска лиц, на которые будет возложена субсидиарная ответственность по долгам кредитной организации, в случае ее несостоятельности.

Перечисленные выше механизмы обнаружения и надзора за лицами, имеющими возможность оказывать влияние на деятельность кредитной организации,

имеют главной целью недопущение смещения рисков с акционеров (участников) кредитной организации на ее кредиторов (включая вкладчиков), особенно в ситуации возникновения признаков банкротства кредитной организации.

Отдельного внимания заслуживают особенности построения корпоративного управления в кредитных организациях. Причиной повышенного внимания к организации корпоративного управления в кредитных организациях является то, что от его эффективности во многом зависит стабильность кредитной организации, на что не раз указывал сам Банк России [7]. Мировые кризисы показали, что несостоятельность корпоративного управления может иметь серьезные негативные последствия для финансовой системы в целом. От выбранной акционерами (участниками) стратегии развития кредитной организации и делового опыта ее руководителей зависит финансовая надежность кредитной организации. Поэтому Банк России уделяет пристальное внимание системе органов управления и ее соответствия базовым принципам корпоративного управления. Так, в кредитных организациях, независимо от организационно-правовой формы (акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью), должны быть сформированы следующие органы управления: высший орган управления (общее собрание акционеров (участников)), совет директоров (наблюдательный совет), единоличный и коллегиальный исполнительные органы (статья 11.1 Закона о банках и банковской деятельности). Статьей 11.1–1. Закона о банках и банковской деятельности значительно расширена исключительная компетенция совета директоров кредитной организации (по сравнению с положениями, содержащимися в законах об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью). Совету директоров кредитной организации надлежит принимать активное участие в вопросах совершенствования системы управления рисками, взаимодействию со службой внутреннего аудита кредитной организации, а также определении кадровой политики кредитной организации. Эти положения направлены на преодоление негативной практики уклонения членов совета директоров некоторых кредитных организаций от прямого участия в формировании стратегии организации и контроле за деятельностью исполнительных органов кредитной организации.

Проблема повышения профессионализма руководящего состава кредитных организаций была решена Банком России за счет:

1. установления дополнительных требований к квалификации и деловой репутации руководителей кредитной организации. Данное правило

касается всех руководителей кредитной организации (ее филиала), а также членов коллегиальных органов управления (совета директоров и коллегиального исполнительного органа).

2. процедуры предварительного согласования Банком России лиц, которые планируется избрать в органы управления кредитной организации или назначить на руководящую должность [6].

Банк России большое значение уделяет вопросам реализации на практике принципа прозрачности. Обеспечение информационной прозрачности можно признать одним из механизмов защиты интересов лиц, напрямую не связанных с деятельностью организации. Миноритарные акционеры, инвесторы, вкладчики и иные заинтересованные лица, как правило, не имеют действенных способов получения информации о деятельности корпорации напрямую от ее органов управления (в отличие от мажоритарных акционеров). В связи с этим законодательное закрепление обязанности кредитной организации по раскрытию информации, предусмотренной законом, является необходимым условием построения эффективного контроля за деятельностью организации. Повышенный уровень транспарентности деятельности кредитных организаций обусловлен раскрытием следующей специальной информации:

1. Информация о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация.
2. Перечень лиц, контролирующих кредитную организацию.
3. Информация о персональном составе органов управления, включая информацию об их квалификации.
4. Финансовая отчетность.

В начале 2022 года в связи со сложной экономической ситуацией, а также введением санкций против крупных банков Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и Банк России приняли решение разрешить финансовым организациям не раскрывать указанную выше информацию [10]. Введенные изъятия при раскрытии сведений имеют своей целью снижение санкционных рисков для организаций и их руководящего состава. Вместе с тем, как справедливо отмечает Банк России, для нормального функционирования финансового рынка и сохранения доверия контрагентов друг к другу необходимо возвращение к раскрытию информации как финансовых, так и нефинансовых организаций [9].

На сегодняшний день сохраняются следующие проблемы корпоративного управления в банковском секторе:

- 1) Обеспечение баланса между полнотой реализации принципа информационной прозрачности деятельности организаций и интересами самих корпораций в условиях иностранных санкций.

На наш взгляд, кредитные организации должны провести анализ сведений, подлежащих раскрытию, для выявления корпоративной информации, которая не является «чувствительной» и может быть раскрыта без ущерба для деятельности компании.

- 2) Законодательное закрепление требований к раскрытию информации о вознаграждении членов органов управления и руководящих работников кредитной организации, а также применяемых организацией дивидендных практик.

На сегодняшний день отсутствуют требования к раскрытию кредитными организациями локальных актов, принятых по вопросам вознаграждения и материальной мотивации их сотрудников, а также утвержденной дивидендной политики. По нашему мнению, в кредитных организациях необходимо обеспечить прозрачность системы вознаграждения руководящих лиц, а также механизма определения размера дивидендов.

- 3) Закрепление обязанности по раскрытию информации о системе и практике корпоративного управления.

Для выполнения данного требования предлагается раскрывать информацию о соблюдении принципов корпоративного управления.

- 4) Совершенствование регулирования отчетности кредитных организаций.

Банком России уже осуществляются шаги по оптимизации отчетной информации. Такие меры должны позволить сократить административную нагрузку на банки.

Подводя итог, еще раз отметим, что одним из направлений предстоящей работы Банка России в 2023–2025 году является совершенствование корпоративного управления в целом, в том числе в организациях, не являющихся участниками финансового рынка. Поскольку одной из функций Банка России является осуществление регулирования, контроля и надзора в сфере корпоративных отношений в акционерных обществах, многие опробованные в банковской сфере инструменты правового регулирования корпоративного управления впоследствии могут быть реализованы при совершенствовании общих положений о корпоративном управлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) / Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.01.2023).
2. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» / Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 13.01.2023).
3. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 29.12.2022) «О банках и банковской деятельности» / Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 13.01.2023).
4. Положение Банка России от 26.12.2017 г. № 622-П «О порядке раскрытия информации о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находятся банки — участники системы обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации, а также о порядке раскрытия и представления в Банк России информации о структуре и составе акционеров (участников) негосударственных пенсионных фондов, страховых организаций, управляющих компаний, микрофинансовых компаний, в том числе о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых они находятся» / Вестник Банка России. 2018. — 13 апреля. — № 30–31.
5. Положение Банка России от 27.03.2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» / Вестник Банка России. 2020. — 27 мая. — № 39–40.
6. Положение Банка России от 27.12.2017 г. № 625-П «О порядке согласования Банком России назначения (избрания) кандидатов на должности в финансовой организации, уведомления Банка России об избрании (прекращении полномочий), назначении (освобождении от должности) лиц, входящих в состав органов управления, иных должностных лиц в финансовых организациях, оценки соответствия квалификационным требованиям и (или) требованиям к деловой репутации лиц, входящих в состав органов управления, иных должностных лиц и учредителей (акционеров, участников) финансовых организаций, направления членом совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации информации в Банк России о голосовании (о непринятии участия в голосовании) против решения совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации, направления запроса о предоставлении Банком России информации и направления Банком России ответа о наличии (отсутствии) сведений в базах данных, предусмотренных статьями 75 и 76.7 Федерального закона от 10 июля 2002 года N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также о порядке ведения таких баз» / Вестник Банка России. 2018. — 13 апреля. — № 30–31.
7. Письмо Банка России от 13.09.2005 г. № 119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях» / Вестник Банка России, 2005. — 22 сентября. — № 50.
8. Письмо Банка России от 10.04.2014 г. № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» / Вестник Банка России, 2014. — 18 апреля. — № 40.
9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России) / Вестник Банка России, 2022. — 29 декабря. — № 63.
10. Решение Совета директоров Банка России от 29.12.2022 г. «О требованиях к раскрытию кредитными организациями (головными кредитными организациями банковских групп) отчетности и информации в 2023 году» / Режим доступа. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 13.01.2023).
11. Васильев Е.С. Особенности корпоративного управления в банковском секторе России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2011. — Вып. 3. Ч. II. — С. 206–218.
12. Самойлович В.А. Принципы корпоративного управления и практика их применения в российских кредитных организациях // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — № 4. — С. 47–53.

© Самохина Анна Николаевна (annsamohina.s@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Селина Елена Александровна

Аспирант, Российский государственный
университет правосудия
9265857758@mail.ru

THE PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION IN THE ACTIVITIES OF THE DEFENDER AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

E. Selina

Summary. Objective — this article is focused on the study of the conditions for the implementation of the principle of competition at the pre-trial stages of the criminal process, as well as the existing gaps in the legal regulation of the powers of the defender, which do not fully ensure the actual equality of the parties at the stage of preliminary investigation and, as a consequence, the genuine functioning of the fundamental principle of the criminal process.

The author will propose the modernization of the current legislation by making appropriate changes in order to ensure genuine competition at the pre-trial stages of the criminal process.

Relevance — exclusively within the framework of the adversarial nature of the parties, the procedural function of the lawyer can be implemented to the extent that it meets the rights and legitimate interests of the defendant. The adversarial principle is one of the fundamental principles of criminal proceedings, for the implementation of which both the prosecution and the defense must be endowed with the same rights and have a real opportunity to use the powers granted.

The specifics of the implementation of the principle of competition in the activities of the defender is due to his activity in the process of proving. The legislator, giving the defender broad powers to collect evidence, took competition as a basis. The aim was to equalize the defense side with the prosecution side in order to ensure true equality, under which the fundamental principle of criminal proceedings will be realized. Exclusively within the framework of adversarial proceedings, the procedural function of a lawyer can be fully realized to the extent that it meets the rights and legitimate interests of the persons brought to criminal responsibility.

Conclusions — currently, the principle of competition in the pre-trial stages of the criminal process is implemented in a limited mode due to the lack of genuine procedural equality of the parties. The lawyer is not a full-fledged subject of proof due to the identified gaps in the regulation of the defender's powers to collect evidence. In order

Аннотация. Задача — настоящая статья ориентирована на исследование условий реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса, а также имеющихся пробелов в правовом регулировании полномочий защитника, не позволяющих в полной мере обеспечить действительное равенство сторон на стадии предварительного расследования и как следствие подлинное функционирование основополагающего принципа уголовного процесса.

Автором будет предложена модернизация действующего законодательства путем внесения соответствующих изменений в целях обеспечения подлинной состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Актуальность — исключительно в рамках состязательности сторон может быть реализована процессуальная функция адвоката в той мере, в какой это отвечает правам и законным интересам подзащитного лица. Принцип состязательности выступает одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, для реализации которого и сторона обвинения, и сторона защиты должны быть наделены одинаковыми правами и иметь реальную возможность пользоваться предоставленными полномочиями.

Специфика реализации принципа состязательности в деятельности защитника обусловлена его активностью в процессе доказывания. Законодатель, наделяя защитника широкими полномочиями по собиранию доказательств, за основу взял состязательность. Преследовалась цель уравнивать сторону защиты со стороной обвинения для обеспечения подлинного равноправия, в условиях которого и получит свою реализацию основополагающий принцип уголовного судопроизводства. Исключительно в рамках состязательного судопроизводства может быть в полной мере реализована процессуальная функция адвоката в той мере, в какой это отвечает правам и законным интересам привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

Выводы — в настоящее время принцип состязательности в досудебных стадиях уголовного процесса реализуется в ограниченном режиме ввиду отсутствия подлинного процессуального равенства сторон. Адвокат не является полноправным субъектом доказывания ввиду выявленных пробелов регулирования полномочий защитника по собиранию доказательств. В целях реализации в деятельности адвоката принципа состязательности следует восполнить имеющиеся пробелы нормативного регулирования.

Ключевые слова: принцип состязательности, равноправие сторон, защитник, собирание доказательств, уголовный процесс, пробелы в законодательстве.

to implement the adversarial principle in the lawyer's activity, it is necessary to fill in the existing regulatory gaps.

Keywords: the principle of competition, equality of the parties, defender, collection of evidence, criminal proceedings, gaps in legislation.

Исследование проблем реализации принципа состязательности в деятельности защитника на досудебных стадиях уголовного процесса будет неполным без рассмотрения происхождения и эволюции состязательного уголовного судопроизводства в России.

Состязательная форма процесса получила свое отражение в сборнике правовых норм Киевской Руси — Русской Правде 1016г [5, с. 174], которая основную роль в суде отводила сторонам — участникам состязания. Уголовный процесс в тот период по существу не отличался от гражданского и рассматривался как спор «сутяжников» — истца и ответчика [7, с. 15]. Защитник не был вовлечен в сферу уголовно-правовых отношений, а судебный процесс уже строился на началах равноправия сторон.

Состязательность положена в основу развития древнерусского права и сформировала первоосновы справедливого судебного процесса — равноправие сторон. Древнерусские методы состязания были направлены на установление истины, которая достижима при использовании сторонами процесса равных процессуальных возможностей.

Убеждение о единственно верном и естественном способе судопроизводства — состязательном процессе нашло воплощение в судебной реформе 1864 года. Для его функционирования предполагалось закрепление на законодательном уровне корпорации судебных поверенных, в чем найдет выражение идея введения в России профессиональной, присяжной адвокатуры [10, с. 64]. С созданием института присяжных поверенных стало возможным закрепить и реализовать на практике такой принцип судопроизводства как состязательность.

Институт наделяется присущими статусу обязанностями, которые нашли закрепление в Судебных уставах 1864 года. Согласно Уставу уголовного судопроизводства, состязательные начала становились методом установления истины [12]. Стороны получили право представлять доказательства и опровергать доводы друг друга.

Реформа предоставила сторонам возможность состязаться, наделив прокурора и защитника равным объемом правомочий на этапе рассмотрения и проверки собранного по делу доказательственного материала. Процессуалисты времен Российской империи усматривали состязательность в доведении сторонами до сведения суда доказательств в подтверждение своих доводов или опровержении доводов противной стороны [16, с. 69].

Представляется правильным заимствовать из истории прогрессивные моменты в развитии адвокатуры и не допускать возвращения к периоду ущемления прав защитников. Необходимо перенимать достижения, которые в своем развитии адаптируются к современному статусу адвоката, а не допускать пробелы в правовом регулировании деятельности защитника, свойственные истории становления корпорации.

Участие защитника на досудебных стадиях уголовного процесса является необходимым фактором справедливого и законного разбирательства, так, как только профессиональный защитник в обеспечение принципа состязательности способен противостоять стороне обвинения в отстаивании прав и законных интересов подзащитного лица.

Непременным условием для установления истины, применительно к уголовному процессу, выступает равноправие сторон, — стороны защиты и стороны обвинения. Процессуальное равенство лежит в основе принципа состязательности уголовного судопроизводства. Конституционность налагает на принцип особое значение и превращает в основополагающее положение для судопроизводства в целом, определяющее его основные черты. Конституционный суд РФ в своем постановлении от 14 февраля 2000 г. № 2-П прямо указал, что принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного процесса [11].

Стадия возбуждения уголовного дела не является исключением. Сторона защиты должна принимать участие в доказывании на равных условиях со стороной обвинения. На данной стадии должен функци-

онировать процессуальный механизм обеспечения прав участвующих лиц [4, с. 211]. Однако затрагивая участие защитника на стадии возбуждения уголовного дела, следует внести определенность, что речь идет об адвокате, принимающем участие в уголовном деле на основании заключенного соглашения. Назначение защитника при отсутствии адвоката, приглашенного на договорной основе, применительно к стадии возбуждения уголовного дела не урегулировано, что образует пробел действующего уголовно-процессуального законодательства РФ. Дифференциальный характер участия защитника на начальной стадии уголовного процесса не позволяет в полной мере обеспечить реализацию принципа состязательности.

Как отмечает А.Э. Амасьянц, несмотря на формальное распространение принципа состязательности на все стадии уголовного процесса, положения, регламентирующие его реализацию на этапе проверки сообщения о преступлении изложены непоследовательно и противоречиво [1, с. 91]. Пробелы в законодательстве вне зависимости от отраслевой принадлежности регулируемых правоотношений не позволяют в полной мере совершенствоваться нормативно закрепленным положениям применительно к потребностям практики. Конституционный Суд неоднократно отмечал, в целях совершенствования законодательства следует преодолеть пробелы нормативного регулирования. В связи с этим урегулирование назначения адвоката на стадии возбуждения уголовного дела станет первым шагом к обеспечению подлинной состязательности на данном этапе уголовного процесса.

Следующим шагом в обеспечении подлинной состязательности на стадии возбуждения уголовного дела станет четкое определение полномочий адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении регламентирует ст. 144 УПК РФ. Указанная норма закрепляет и права дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. И.И. Иванов, справедливо подмечает, что «сторона обвинения сегодня обладает разнообразными эффективными процессуальными средствами сбора информации доказательственного характера еще на этапе проверки заявления (сообщения) о преступлении [8, с. 93]. Касательно адвоката, норма лишь предусматривает возможность пользоваться его услугами, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Сторона защиты должна принимать участие в доказывании на равных условиях со стороной обвинения. Разделив участников уголовного процесса на и предоставив каждой право на собирание доказательств,

законодатель не создал необходимого механизма действительного равенства правомочий противостоящих субъектов и тем самым не превратил участников в истинные стороны состязательного уголовного процесса [6]. Формирование доказательств — понятие комплексное, охватывающее последовательное выполнение целого ряда процессуальных действий [13, с. 93]. Процессуальный статус следователя включает права и механизм их реализации, а полномочия адвоката по собиранию доказательств не получили дальнейшей конкретизации в уголовно-процессуальном законодательстве. Создается видимость наделения субъекта правом, которое в полной мере не реализовать.

Н.М. Кипнис указывал на расширение принципа состязательности в уголовном процессе на стадии предварительного расследования, и поднимал вопрос, правомерно ли в данных условиях оставлять за следователем исключительное право в решении вопроса о приобщении или не приобщении представленных защитником сведений к материалам уголовного дела в качестве доказательств [9, с. 10].

А.Э. Амасьянц акцентирует внимание на том, что равенство процессуальных прав по собиранию доказательств — одно из основных условий состязательности [2, с. 42]. А.В. Смирнов с интересом смотрит на предложения по предоставлению адвокатам более широких прав по самостоятельному собиранию доказательств, но в свою очередь отмечает, что такие радикальные изменения процессуальной функции защитника требуют существенной перестройки деятельности самой адвокатуры, преобразования ее в действительно независимую общественную организацию [14, с. 31–37].

Представляется, что процессуальное неравенство между стороной защиты и стороной обвинения может быть преодолено путем внесения в уголовно процессуальное законодательство следующих изменений и дополнений. Предлагается дополнить статью 86 УПК РФ примечанием с целью закрепления процессуальной формы для собранных адвокатом сведений, полученных путем опроса лиц с их согласия, а именно урегулировать протокол опроса и требования к его составлению.

А.В. Смирнов функциональное равенство сторон закладывал в основу дискурсивной модели состязательности [15, с. 258]. С точки зрения науки уголовно-процессуального права данный аспект представляется наиболее важным, поскольку справедливая процедура уголовного судопроизводства имеет самостоятельную ценность.

Конституционный суд РФ многократно в своих постановлениях акцентировал внимание на действие

принципа состязательности при рассмотрении судом ходатайств об избрании меры пресечения. Принцип состязательности в максимальном своем проявлении реализуется при избрании судом меры пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, ввиду чего стороны обвинения и защиты должны иметь равные возможности по выражению своей позиции. Однако возможности стороны защиты в отличие от стороны обвинения, по участию в состязательном процессе при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения ограничены.

В условиях состязательности защитник должен быть своевременно информирован о доводах следователя с тем, чтобы противостоять ему. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает нормы, закрепляющей право адвоката знакомиться с материалами в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения до их направления в суд.

Принимая участие в судебном заседании по рассмотрению данного ходатайства, адвокат вправе обратиться к материалу доказательств, подтверждающие возможность и целесообразность избрания в отношении подзащитного лица более мягкой меры пресечения. Полномочие адвоката не оспаривается, однако возможности собирания доказательств у сторон разные, как следствие и по объему представленные в суд материалы будут отличаться.

Соблюдение принципа состязательности напрямую влияет и на эффективность судебного контроля, к которому относится производство в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Судебный порядок рассмотрения жалоб на действия (бездействия) или решения

должностных лиц — одна из предусмотренных законом возможностей обжалования адвокатом постановление следователя об отказе в признании доказательств недопустимыми.

Применительно к рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, принцип состязательности остается не реализованным при проведении судебного заседания в отсутствие участников процесса. Закон предусматривает подобную возможность, к которой зачастую прибегают следователи, мотивируя невозможность явки для участия в судебном заседании занятостью по месту проведения расследования. Практика свидетельствует о рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в нарушение установленных сроков, что также не способствует должной реализации принципов уголовного судопроизводства, в частности принципа состязательности.

На современном этапе развития института адвокатуры отмечается совершенствование законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность, значительное расширение полномочий защитника по сравнению с предшествующими положениями. Относительно регламентации доказывания усматривается консервативность уголовно-процессуального закона, которая представляется неоправданной на фоне существенных перемен в общественной жизни, сопровождающихся принципиальными изменениями в законодательстве [3, с. 3].

Выявленные в процессе исследования проблемы определили необходимость дальнейшего совершенствования реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амасьянц А.Э. Некоторые проблемы обеспечения права на защиту на стадии рассмотрения сообщения о преступлении // Современное право. — № 1. — Изд-во: Новый индекс. — 2014. — С.91–94.
2. Амасьянц А.Э. Уголовно-процессуальные проблемы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура № 2 (3). — Москва — С. 42–48.;
3. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений / А.В. Белоусов. М.: Юрлитинформ, 2001. — 173с.
4. Бургер Б.М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. — № 4 (26). — Изд-во: Краснодар. ун-та МВД России. — 2009. — С. 211–215.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 800с.
6. Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Рос. юстиция. — 2003. — № 7. — С. 50–51.
7. Загорский Г.И. Доказывание в древнерусском уголовном процессе // Российское правосудие. — 2016. — № 6. — С.15–19.
8. Иванов И.И. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании: проблемы, тенденции, перспективы // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сб. науч. ст. СПб., 2017. С. 107–108.
9. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. — М.: Юрист, 1995. — 127с.
10. Кудрявцев В.Л. Процессуальное положение адвоката в российском уголовном судопроизводстве // Современное право. — 2005. — № 4. — С. 64–68.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ — 2000. — № 3.

12. Российское законодательство X — XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / Отв. ред.: Виленский Б.В.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. — М.: Юрид. лит., 1991. — 496 с.
13. Семенов В.А. Формирование доказательств и участие защитника в этом процессе // Уголовное право. — 2007. — № 4. — с. 93–97.
14. Смирнов А.В. О процессуальной независимости следователя, защитника и обеспечении законных интересов личности в условиях правовой реформы: Сб. науч. Тр. / Ред. В.С. Шадрин. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1991. С.31–37.
15. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. — 320с.
16. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М. — 1915. — 433с.

© Селина Елена Александровна (9265857758@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

DOI 10.37882/2223-2974.2023.02.29

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ДОКТРИНЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. ДИСКУССИЯ В ДОКТРИНЕ

Сташкевич Алина Валерьевна.

Национальный исследовательский Томский
государственный университет
stashkevich.alina@list.ru

THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF REAL FULFILLMENT OF A CONTRACTUAL OBLIGATION IN THE TEACHING OF THE SOVIET PERIOD OF CIVIL LAW. DEBATE IN DOCTRINE

A. Stashkevich

Summary. This article reveals various approaches to the concept of the principle of real fulfillment of a contractual obligation in the doctrine of the Soviet period. The positions of legal scholars on this issue are given, and judgments are evaluated. The author also compares the principle of real performance of a contractual obligation and the principle of proper performance of a contractual obligation, expresses his own opinion on this issue. In addition, based on the study of opposing concepts, an attempt is made to form one's own position.

Keywords: doctrine, Soviet period, principle, contract, actual performance of an obligation, proper performance of an obligation, proper subject of performance.

Аннотация. В данной статье раскрываются различные подходы к понятию принципа реального исполнения договорного обязательства в доктрине советского периода. Приводятся позиции ученых-правоведов относительно данного вопроса, и дается оценка суждениям. Также автор проводит сравнение принципа реального исполнения договорного обязательства и принципа надлежащего исполнения договорного обязательства, высказывает собственное мнение по данному вопросу. Кроме того, на основе изучения противоположных концепций, делается попытка формирования собственной позиции.

Ключевые слова: доктрина, советский период, принцип, договор, реальное исполнение обязательства, надлежащее исполнение обязательства, надлежащий предмет исполнения.

Принцип реального исполнения договорного обязательства представляет собой категорию, относительно которой во все периоды существования не утихали дискуссии. Авторы не сходятся в какой-либо определенной концепции. Наоборот, разрабатывают новые и доказывают их право на самосто-

ятельность. В частности, в отношении непосредственно исследуемого принципа реального исполнения договорного обязательства. Позиции ученых разнятся от его возвышения до главенствующего вплоть до отрицания его самостоятельности и существования в целом. Связано это с тем, что в советское время доктрина

претерпевала изменения. Очевидной причиной и первоисточником таких изменений явились перестройка государственной экономики. С первых дней своего существования, советская власть в своих действиях по принятию новых нормативно-правовых актов исходила из ограничения сферы применения частной инициативы в договорном праве. Рыночная экономика сменилась плановой. Такие кардинальные изменения не могли не повлечь за собой определенных последствий. В частности, происходило фундаментальное изменение законодательства, а вслед за ним и теоретическое обоснование существующих норм. Другими словами, становление советской власти стало вехой в развитии доктрины гражданского права советского периода.

В данной работе перед исследователем поставлен вопрос о понятии рассматриваемого принципа непосредственно в советские времена. Тем не менее, представляется необходимым затронуть некоторые аспекты существования и реализации данного принципа в дореволюционный период для того, чтобы иметь возможность оценить произошедшие изменения, и глубже погрузиться в исследуемый вопрос.

В силу отсутствия четкой систематизации гражданских норм в досоветский период, трудно говорить о наличии какой-либо сформировавшейся позиции по вопросу принудительного исполнения обязательств. Тем не менее, ученые-правоведы того периода исходили из возможности принуждения должника к реальному исполнению обязательства во всех случаях по решению суда. К данной концепции применимо название — широкое применение иска об исполнении в натуре. Первопричиной такого подхода являлась сама сущность феодального права, в основе которой лежало государственное принуждение. Тем не менее, к концу XIX века стали появляться исключения из общего правила, которых со временем становилось все больше. В частности, на это влияла и доктрина. Так, Г.Ф. Шершеневич писал о том, что нельзя понимать ст. 570 т. X Свода Законов Российской империи, как позволяющую во всех случаях истребовать исполнение в натуре¹.

Однако, несмотря на политику отрицания возможности безграничного принуждения к реальному исполнению обязательства, распространявшуюся в научном сообществе, законодательство и судебная практика не стремились полагаться на взгляды доктрины, поскольку возможность принуждения к исполнению обязательства в натуре рассматривалась, как «безусловное

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). С. 266–267.

право кредитора и неотъемлемую часть обязательства», на что в своем труде указывает А.Г. Карапетов².

Отсюда усматриваются определенные попытки доктрины, законодательства и судебной практики дореволюционного периода к определению границ возможности требования принудительного исполнения обязательства в натуре. И хотя ведущие российские цивилисты того времени и пытались определиться с мнением по данному вопросу, даже прибегая к германскому опыту, тем не менее, создания и становления собственного подхода к данному вопросу не удалось достичь.

Так, дореволюционный период не дает ответа на интересующие нас вопросы, поскольку не формирует в своем правовом поле взгляд на данную проблему. Поэтому за поиском ответов следует погрузиться в советский период, поскольку именно в это время происходит становление данного принципа, а изначально и зарождается само понятие реального исполнения обязательств.

Ряд исследователей, о которых речь пойдет позднее, считали, что становление советской власти и изменение существующего порядка вещей, в частности упомянувшийся ранее переход от рыночной экономики к плановой, поставили принцип реального исполнения договора во главу угла. Более того, как отмечает в своей монографии А.В. Захаркина, многие ученые-правоведы советского времени считали, что принцип реального исполнения обязательства был присущ исключительно советскому периоду, поскольку существовала необходимость выполнения государственных хозяйственных планов³. В частности, так считал А.В. Венедиктов. Поясняя свою позицию, он высказывался о том, что «советское хозяйственное право переносит центр тяжести на реальное исполнение договора, ибо лишь оно приводит к тому выполнению плана, которое представляет собой не только основную, но и единственную цель договора в обобществленном секторе»⁴.

Действительно, исходя из позиции советских ученых-юристов, нельзя не принять во внимание тот факт, что выплата неустойки или штрафа в случае неисполнения обязательства, были не способны в период плановой экономики заменить реальное исполнение договорного обязательства. Такой вывод следовал из того,

² Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Изд-во «Статут», 2003. С. 16.

³ Захаркина А.В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: Монография. Статут, 2017. С. 88.

⁴ Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности // Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2004. Т. 1. С. 402–403

что ни штраф, ни какое-либо иное исполнение не были способны возместить те потери, которые испытала бы отдельная организация или народное хозяйство в целом от неисполнения договора, в частности от невыполнения каких-либо работ или неоказания определенных услуг. Думается, именно из данной логики исходило советское правоприменение: стороны договора не имели возможности своим соглашением отменить обязательность реального исполнения и предусмотреть его замену денежным эквивалентом.

В тот момент разрастались дискуссии относительно рассматриваемого принципа. Ряд ученых, о которых упоминалось ранее, рассматривали принцип, как фундаментальный, в условиях плановой экономики, а также говорили о возможности его существования исключительно в советском гражданском праве. Другие, в частности, М.М. Агарков¹ и И.Б. Новицкий², были не согласны с данной позицией. Они придерживались мнения, что данный принцип характерен для большинства буржуазных стран. Были и те, кто отрицал самостоятельность существования принципа реального исполнения обязательств, считая его частью принципа надлежащего исполнения обязательств. В частности, Г.А. Свердлык полагал, что последний поглощает собой первый³. В.С. Толстой в целом отрицал существование данного принципа. По его мнению, данный вывод основан на возможности кредитора требовать принуждения к реальному исполнению договора или же осуществить замену исполнения денежным возмещением⁴.

Тем не менее, исследуемый принцип прочно закрепился в доктрине советского периода и породил еще не одну дискуссию о своем месте в системе гражданского права и возможности практического применения.

Впервые термин «реальное исполнение обязательств» появился в советском праве в 30-х гг. В то время законодательное закрепление и в целом сущность принципа реального исполнения исчерпывалась его противопоставлением предоставлению в счет неисполнения обязательства неустойки и убытков. Указанный аспект являлся определяющим при решении вопроса о содержании данного принципа.

Считалось, что только реальное исполнение обязательства позволяет наиболее полным образом удовлетворить интересы кредитора, а само существование

принципа сводилось к характеру плановой экономики, в условиях которой реальное исполнение обязательства виделось обязательным.

Так, исследуемый принцип появился как некое императивное предписание, которое предполагало невозможность изменения установленных договором условий, в том числе взыскание денежного суррогата (неустойки, убытков) вместо исполнения обязательства в натуре. Такой позиции придерживалось большинство авторов того периода. Однако их взгляды со временем то и дело стали спотыкаться о возникающие относительно данного принципа вопросы, на которые ответ можно было дать с трудом. Тогда и возникла необходимость отойти от общепринятого понимания принципа реального исполнения обязательства. Именно в этот момент начинают появляться различные подходы к пониманию сущности данного правового института.

Федоров И.В. пишет о том, что сущность принципа реального исполнения обязательств выражается в установленном законом требовании исполнения обязательства в натуре, в недопустимости замены предмета исполнения денежной компенсацией. Вместе с тем, он отмечает, что существует множество подходов к содержанию данного принципа⁵.

Следует отметить, что принцип реального исполнения обязательства нередко сравнивали с принципом надлежащего исполнения. По этому поводу существует несколько позиций. Одни авторы разграничивают их и рассматривают, как абсолютно самостоятельные принципы. Другие полагают, что принцип надлежащего исполнения поглощает принцип реального исполнения, поэтому последний существует, как некая часть первого. Также некоторые авторы считали данные понятия тождественными, синонимичными, и никак их не разделяли между собой⁶. К тому же ранее упоминалась позиция о том, что рядом ученых в принципе отрицается существование принципа реального исполнения обязательства. На наш взгляд отрицать существование принципа, который лег в основу исполнения обязательств в советский период недопустимо, поскольку именно исполнение обязательства в натуре являлось целью договоров при существовавшей плановой экономике. В связи с чем предлагаем рассмотреть соотношение данных принципов в нескольких аспектах — как двух самостоятельных категорий, и через поглощение одного принципа другим.

¹ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 47.

² Новицкий И.Б. Реальное исполнение обязательств // Труды ВШЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 153.

³ Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. С. 149.

⁴ Толстой В.С. Исполнение обязательств. С. 52.

⁵ Федоров И.В. К вопросу о понятии принципа реального исполнения обязательств по советскому гражданскому праву//Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск.1966.С.57

⁶ Гришин Д. Теоретические и практические аспекты исполнения обязательств в натуре // ЭЖ-Юрист. 2001. N 32. С. 10.

Обосновывая позицию поглощения принципа реального исполнения принципом надлежащего исполнения обязательства можно исходить из того, что принцип реального исполнения приравнивается к одному из критериев надлежащего исполнения — исполнению обязательства с надлежащим предметом.

И.В. Федоров высказывает свою позицию по данному вопросу. Он выражает свое несогласие с позицией А. Кривенко, в которой последний указывает на тождественность рассматриваемых принципов¹. Большинство авторов также не согласны с данной позицией, однако, они считают, что упомянутые принципы, будучи не тождественными, совпадают в определенной мере по своему содержанию. Другими словами, соотносятся как целое и часть. И более широким по содержанию считается принцип надлежащего исполнения обязательства. Такой же позиции придерживаются и некоторые иные ученые-правоведы, в частности, Н.И. Краснов, В.Г. Вердников. Однако и с данной позицией автор выражает несогласие.

Так, Н.И. Краснов излагал свою позицию в вопросе соотношения следующим образом. Он считал, что нельзя ставить знак равенства между данными принципами. Реальное исполнение, как писал автор, «является лишь одной из сторон надлежащего исполнения, надлежащим исполнением в отношении предмета обязательства»². Думается, что позиция, исходя из которой принцип реального исполнения поглощается другим, или же вовсе не существует, является категоричной и необоснованно лишает принцип реального исполнения самостоятельности. Позиция же Н.И. Краснова и иных ученых-правоведов, считающих данный принцип самостоятельным, на наш взгляд является наиболее приемлемой, поскольку позволяет провести довольно тонкую грань между рассматриваемыми категориями, и не умаляет при этом принцип реального исполнения обязательства.

Относительно данного вопроса И.В. Федоров высказывает следующее мнение: «к определению понятия и выявлению сущности принципа реального исполнения обязательств, как нам кажется, нужно подходить с позиций его служебной роли»³. В данном случае автор приходит к выводу о том, что применение принципа реального исполнения обязательства сводится к предмету исполнения. Говоря точнее, автор не счита-

ет исполненным обязательство, по которому должник уплатил кредитору неустойку, поскольку в данном случае не достигнута цель возникшего обязательства.

В продолжение обоснования своей позиции, автор высказывает мысль о том, что реальное исполнение может быть надлежащим и ненадлежащим. И именно это разделение позволяет разграничить два самостоятельных, но взаимосвязанных и дополняющих друг друга принципа, которые действуют одновременно на протяжении всего существования обязательства.

Интересной представляется зародившаяся в доктрине советского периода дискуссия относительно соотношения принципа реального исполнения обязательства и исполнения обязательства в натуре (реального исполнения). В частности, делался акцент на то, что отождествление данных категорий невозможно, поскольку реальное исполнение усматривается, как исполнение обязательства в натуре, а принцип реального исполнения обязательства как недопустимость замены исполнения в натуре денежной компенсацией⁴. В этой связи полагаем необходимо рассмотреть позицию профессора И.В. Федорова по данному вопросу. Он придерживается позиции о недопустимости смешения данных понятий. Соотношение данных категорий автор сводит к следующему: реальное исполнение обязательств является следствием осуществления требований принципа реального исполнения. Осуществление этих требований обеспечивается юридическими средствами.

Так, по нашему мнению, принцип реального исполнения договорного обязательства в доктрине советского периода занимал важное место, и ему удалось сохранить свою самостоятельность, несмотря на ее оспаривание многими учеными, которые считали данный принцип составной частью принципа надлежащего исполнения, а некоторые и вовсе отождествляли его с последним, либо отрицали его существование. Тем не менее, мы пришли к выводу о том, что именно признание самостоятельности данного принципа является наиболее обоснованной позицией, а иное можно рассматривать как необоснованное умаление его значимости.

Безусловное возвышение данного принципа в советский период неоспоримо вызвано переходом к плановой экономике, где главной целью ставилось надлежащее исполнение в отношении предмета обязательства. Иное могло полечь за собой отступление от данной цели и нарушение нормального функционирования, как отдельной организации, так и народного хозяйства в целом.

¹ Кривенко А. План и договор в отношениях между социалистическими организациями. Кандидатская диссертация, 1952 г. С. 99.

² Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. М.: Юрид. лит., 1959. С. 19.

³ Федоров И.В. К вопросу о понятии принципа реального исполнения обязательств по советскому гражданскому праву// Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск.1966.С.57

⁴ Рясенцев В.А. Советское гражданское право. Т. 1 / . С. 488.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1 / Агарков М.М. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 490 с.
2. Венедиктов, А.В. Договорная дисциплина в промышленности // Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. — М.: Статут, 2004. — 470 с.
3. Захаркина А.В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: Монография. Статут, 2017. — 176 с.
4. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Изд-во «Статут», 2003. — 109 с.
5. Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. — М.: Госюриздат, 1959. — 192 с.
6. Кривенко А. План и договор в отношениях между социалистическими организациями. Кандидатская диссертация. — М., 1952 г. — 364 с.
7. Новицкий И.Б. Реальное исполнение обязательств. // Труды ВЮИОН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 153–155.
8. Рясенцев В.А. Советское гражданское право. Учебник. Т. 1. Безрук Н.А., Брагинский М.И., Вердников В.Г., Занковская С.В., и др.; Отв. ред.: Рясенцев В.А. — М.: Юрид. лит., 1965. — 560 с.
9. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. — 200 с.
10. Толстой В.С. Исполнение обязательств / В.С. Толстой. — Москва: Юридическая литература, 1973. — 208 с.
11. Федоров И.В. К вопросу о понятии принципа реального исполнения обязательств по советскому гражданскому праву // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск. 1966. — С 57–61.
12. Г.Ф. Шершеневич. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступительная статья, Е.А. Суханов. — М.: Фирма «СПАРК», 1995. — 556 с.

© Сташкевич Алина Валерьевна (stashkevich.alina@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Томский государственный университет

КАКИМ БЫЛ УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН ПРИ РАСПАДЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

WHAT WAS THE CRIMINAL LAW DURING THE DISINTEGRATION OF THE SOVIET STATE

I. Uporov

Summary. The main characteristics of the criminal legislation in the Soviet state on the eve of the collapse of the USSR in 1991 are revealed. The emphasis is on the analysis of the norms of the Criminal Code of the RSFSR that was then in force. The inconsistency of the development of the criminal during the transitional period of Gorbachev's "perestroika" is noted. On the one hand, the political and ideological principles of the formation of offenses inherent in the socialist state were preserved, and on the other hand, the rapidly deteriorating situation in the economy forced the authorities to use the methods of the capitalist economy, adjusting the legislation, including criminal law, accordingly.

Keywords: criminal code, transitional period, socialism, capitalism, crime, punishment.

Упоров Иван Владимирович

*Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru*

Аннотация. Раскрываются основные характеристики уголовного законодательства в советском государстве накануне распада СССР в 1991 г. Акцент делается на анализе норм действовавшего тогда УК РСФСР 1960 г. Отмечается противоречивость развития уголовного законодательства в переходный период горбачевской «перестройки». С одной стороны, сохранялись присущие социалистическому государству политико-идеологические принципы формирования составов преступлений, а с другой стороны стремительно ухудшавшееся положение в экономике вынуждало власти привлекать методы капиталистической экономики, соответственно корректируя законодательство, в том числе уголовное право.

Ключевые слова: уголовный кодекс, переходный период, социализм, капитализм, преступление, наказание.

В декабре 2022 г. было отмечено 100-летие образования СССР, который прекратил свое существование в 1991 г. С распадом советского государства стала другой и общественно-экономическая формация: во всех 15 бывших союзных республиках социализм сменился капитализмом. Причем это произошло мирным путем по окончании неудавшейся горбачевской «перестройки», которая закончилась бурными политическими событиями, когда в союзных республиках было выражено народное волеизъявление развиваться дальше как самостоятельные государства.

Позади было 74 года функционирования советского общества, в котором сформировались государственные основы уникальной советской социалистической страны. Сейчас, спустя три десятка лет после распада СССР, в России на фоне имеющихся сложнейших проблем, и прежде всего социально-экономического характера, все чаще обращается внимание на опыт деятельности советского государства, где было немало полезного в том, что можно использовать в современной России. Но, как бы ни было, СССР — это уже часть истории нашего Отечества, и в этой связи важно зафиксировать состояние советских государственных-правовых институтов при его завершении, и прежде

всего имея в виду уровень бывших союзных республик, в нашем случае — РСФСР.

Одним из таких институтов являлось уголовное право, соответственно рассмотрим основные характеристики уголовного законодательства РСФСР по состоянию на декабрь 1991 г. (напомним, что юридически СССР перестал существовать 26 декабря 1991 г., когда Совет Республик Верховного Совета СССР принял соответствующую декларацию). Тогда в РСФСР действовал УК РСФСР, принятый еще 27 октября 1960 г. (ранее действовали УК РСФСР 1922 и 1926 гг.), соответственно мы рассматриваем этот акт в редакции от 5 декабря 1991 г., когда были внесены последние изменения в рамках советского государства [1].

Относительно изменений в рассматриваемом УК РСФСР следует заметить, что на конец 1991 г. были приняты 63 закона о внесении изменений и дополнений к УК РСФСР, при этом активность законодателя резко возросла в период отмеченной выше «перестройки» (1985–1991 гг.), когда были приняты 28 законов о поправках к УК РСФСР. При этом к имевшимся в начальной редакции УК РСФСР 269 статьям за последующее время были добавлены еще 71 статья (!), в то время как

исключены 10 статей, и такая трансформация произошла как раз накануне распада советского государства, отражая происходящие в СССР процессы социально-экономических и политико-идеологический преобразований, и ниже будут указан ряд введенных статей. В этом контексте внимание акцентируется на наиболее характерных позициях УК РСФСР завершающего периода советского государства, учитывая, что уголовное законодательство РСФСР в период 1960-е — первая половина 1980-х гг. довольно подробно исследовано в литературе [2; 3; 4 и др.] .

Общая часть УК РСФСР состояла из шести глав: 1) Общие положения; 2) Пределы действия Уголовного кодекса; 3) О преступлении; 4) О наказании; 5) О назначении наказания и об освобождении от наказания; 6) О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера. Особенная часть включала в себя двенадцать глав: 1) Государственные преступления; 2) Преступления против социалистической собственности; 3) Преступления против жизни и здоровья, свободы и достоинства личности; 4) Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан; 5) Преступления против личной собственности граждан; 6) Хозяйственные преступления; 7) Должностные преступления; 8) Преступления против правосудия; 9) Преступления против порядка управления; 10) Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения; 11) Преступления, составляющие пережитки местных обычаев; 12) Воинские преступления.

Виды наказаний определены в ст. 20–23 УК РСФСР, и они не претерпели существенных изменений (лишение свободы; исправительные работы без лишения свободы; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; штраф; увольнение от должности; возложение обязанности загладить причиненный вред; общественное порицание; конфискация имущества; лишение воинского или специального звания). Смертная казнь являлась исключительной мерой уголовного наказания, кроме того, к военнослужащим срочной службы могло также применяться наказание в виде направления в дисциплинарный батальон.

Указанный подход к структуре УК РСФСР был сформирован еще в 1920-е гг., в дальнейшем он в значительной степени сохранился и в новом УК РФ 1996 г., но с коррективами, связанными с отказом от коммунистической идеологии и принципов социалистического образа жизни, которые в УК РСФСР находили свое отражение в немалом количестве статей. Вместе с тем нужно иметь в виду, что к концу 1980-х гг., когда СССР формально еще функционировал, в союзных республиках,

и особенно в РСФСР, уже принимались законодательные нормы, присущие рыночной экономике и западной правовой культуре, связанной с защитой прав человека.

Поэтому на рубеже 1990 г. в советском государстве сложилось положение, когда, образно говоря, еще сохранился социализм с монополюс правящей КПСС, Советами народных депутатов как органами публичной власти, красными флагами и речами о будущем социалистическом СССР, но уже по нарастающей привносились элементы капитализма, которые, в итоге, вытеснили социализм. Тогда же обсуждался и был принят (2 июля 1991 г.) проект обновленных Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик [5] (Основы так и не вступили в силу и не стали частью УК РСФСР) .

В УК РСФСР сохранялась идеологическая составляющая. Так, в ст. 1 УК сразу же определяется присущие для советского государства приоритеты уголовно-правовой охраны: «охрана общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств» [1]. Как видно, на первом месте интересы государства, и не случайно государственные преступления в Особенной части УК РСФСР расположены на первом месте (первая глава этой части кодекса), причем за их совершение были возможны предельно жесткие наказания — смертная казнь (за измену Родины, шпионаж, диверсию, бандитизм и др.), в то время как составы преступлений против личности — только в третьей главе Особенной части УК РСФСР.

В этом же ряду следует назвать составы преступлений против собственности — советский законодатель ограничивал такие преступления: в отдельной главе — против социалистической собственности, и в отдельной главе — против личной собственности граждан. В результате один и тот же состав преступления, например, кража, предусматривал разные наказания — за кражу государственного (общественного) имущества без отягчающих обстоятельств могло быть назначено наказание на срок до 3 лет лишения свободы, а если краденое имущество было личной собственностью, то — до двух лет. А за хищение государственного (общественного) имущества в особо крупных размерах (независимо от форм хищения) и вовсе могла быть назначена смертная казнь. После распада СССР этот подход был отвергнут. Из политико-идеологический соображений был и такой вид наказания, как «общественное порицание».

Согласно Конституциям СССР 1936 и 1977 г. труд являлся обязанностью трудоспособных граждан — так, в ст. 60 Конституции СССР 1977 г. указывалось: «Обязан-

ность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества» [6]. Отсюда в УК РСФСР была ст. 209 — «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни». Однако эта статья была исключена незадолго до распада СССР — последним советским законом о поправках в УК РСФСР (5 декабря 1991 г.), что отражало сложившееся к тому времени в советском обществе мнение о свободе человека определять род своих занятий, недопустимости принудительного труда, — на этот счет были и публичные высказывания Генсека КПСС и Президента СССР М.С. Горбачева о поддержке «общечеловеческих ценностей».

В русле той же трансформации представлений в советском обществе о социальных приоритетах в контексте объектов уголовно-правовой защиты до распада СССР, то есть, еще в рамках советского государства, из УК РСФСР были исключены такие составы преступлений, как передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну (ст. 74–1), частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153), спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы (ст. 154), нарушение правил торговли (ст. 156–3), распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190–1).

Как видно, речь шла в основном о хозяйственной деятельности. И в этом отношении следует заметить, что перед распадом СССР в стране сложилось политическое противостояние между союзной властью (лидер — М.С. Горбачев) и российской властью (лидер — Б.Н. Ельцин), и если союзная власть в декларациях и в законах придерживалась социалистических принципов, пусть и с «перестроечными» коррективами, то российская власть де-факто уверенно привлекала капиталистические принципы. Соответственно имела место так называемая «война» союзных и российских законов [7] (в частности, в РСФСР стала возможной частная собственность на землю вопреки законам СССР). И в этом смысле исключение спекуляции из числа общественно опасных деяний из УК РСФСР вписывалось в политику российского руководства, причем такое решение противоречило Закону СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и злоупотребления в торговле» от 31 октября 1990 г.

В этой связи необходимо отметить, что уголовное законодательство в РСФСР в завершающий период со-

ветского государства состояло не только из УК РСФСР, но также из законов СССР в уголовно-правовой сфере. Такие законы после их принятия в дальнейшем включались в соответствующие уголовно-правовые нормы уголовных кодексов союзных республик, а до такого включения союзные законы действовали на всей территории СССР непосредственно; в РСФСР такие законы не были включены в УК РСФСР, но не было и приостановлено их действие, хотя это было возможно на основании Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. и других российских законов. Помимо отмеченного, были приняты Законы СССР: «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «Об ответственности за нарушение порядка использования воздушного пространства СССР», «О защите чести и достоинства Президента СССР», «Об уголовной ответственности за блокировку транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта» и др. Однако эти законы в практике не применялись.

Наряду с исключением ряда составов преступлений, УК РСФСР пополнялся новыми, и таковых было больше, в их числе включенные в последние годы существования советского государства: призывы к совершению преступлений против государства (ст. 70–1), самовольное использование транспортных средств, машин либо механизмов (ст. 94–1), нарушение правил пользования энергией или газом в быту (ст. 94–2), заражение заболеванием СПИД (ст. 115–2), незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 126–2), преследование граждан за критику (ст. 139–1), воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 140–1), уклонение от подачи декларации о доходах (ст. 162–1), вмешательство в разрешение судебных дел (ст. 176–1), оскорбление судьи или народного заседателя (ст. 176–3), нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 200–1), организация азартных игр (ст. 208–1), вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, влекущих одурманивание (ст. 210–2), хищение радиоактивных материалов (ст. 223–1), изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости (ст. 228–1) и др. Многие из этих составов позже были восприняты в постсоветской России.

Можно констатировать, что уголовное право в советском государстве накануне распада СССР развивалось противоречиво. С одной стороны сохранялись присущие социалистическому государству политико-идеологические принципы формирования составов

преступлений, а с другой стороны стремительно ухудшавшееся положение в экономике, влекущее снижение уровня жизни и, как следствие, недовольство населения, вынуждало власти привлекать методы капиталистической экономики, соответственно корректируя законодательство, в том числе уголовное право. В итоге переходного периода социалистическая обществен-

но-экономическая формация не смогла выдержать исторического испытания, и советское государство перестало существовать. При этом УК РСФСР продолжал действовать до введения в действие УК РФ 1996 г., причем в УК РСФСР активно вносились изменения, уже в полной мере отражавшие капиталистическую общественно-экономическую формацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г., ред от 05.12.1991 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2023 г.).
2. Кузнецова, Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (Общая часть) // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1991. N 3. С. 30–39.
3. Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391.
4. Сизова В.Н. К вопросу об эволюции российской уголовно-правовой системы в период 1926–1996 гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 168–174.
5. Кролев И.М., Мацнев Н.И. Обсуждение проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Правоведение. 1988. N 2. С. 100–104.
6. Конституция (Основной Закон) СССР (принята Постановлением ВС СССР от 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
7. Тарасова Е.А. «Война законов» РСФСР-СССР в 1990–1991 гг. // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 230–246.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Краснодар

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

FEDERAL LEVEL OF PUBLIC AUTHORITY IN RUSSIA: LEGAL FRAMEWORK

I. Uporov

Summary. The institute of public authority of the federal level is considered from the point of view of its legal regulation. The relevant legal acts, scientific works on this issue are analyzed. Attention is focused on the norms of the Constitution of Russia, which are linked to the characteristics of federal public authorities. It is noted that with the adoption of the constitutional amendments of 2020, the legal regulation of the federal government has become more systematic, but a number of positions need additional reflection and legislative clarification.

Keywords: public authority, Constitution, state, separation of powers, jurisdiction, powers, legal acts.

Уповор Иван Владимирович

*Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru*

Аннотация. Рассматривается институт публичной власти федерального уровня с точки зрения его правового регулирования. Анализируются соответствующие юридические акты, научные труды по данной проблематике. Внимание акцентируется на нормах Конституции России, которые увязываются с характеристиками федеральных органов публичной власти. Отмечается, что с принятием конституционных поправок 2020 г. правовое регулирование федеральной власти стало более системным, но ряд позиций нуждается в дополнительном осмыслении и законодательном уточнении.

Ключевые слова: публичная власть, Конституция, государство, разделение властей, предметы ведения, полномочия, правовые акты.

Особенность публичной власти заключается в том, что все без исключения структуры этого социального института функционируют в строгом соответствии с правовыми актами, определяющими правовой статус органов публичной власти (здесь и далее, если нет оговорок, понятием органа публичной власти охватываются также должностные лица, имеющие властные полномочия). При этом регулирование полномочий органов публичной власти осуществляется детальным образом, и прежде всего это касается ситуаций, когда такие органы взаимодействуют с гражданами, что наглядно видно, в частности, в многочисленных административных и иных регламентах, где подробно расписываются содержание и последовательность действия органов публичной власти по оказанию соответствующих государственных и муниципальных услуг.

Федеральные органы публичной власти в этом контексте не являются исключением. Будучи общегосударственными органами, их статус регулируется, разумеется, только на федеральном уровне (в отличие от органов публичной власти субъектов Федерации и муниципальных образований).

Исходным актом является Конституция России [1], где в ст. 10 указывается, что государственная власть осуществляется на основе разделения на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Здесь отме-

ченная «государственная власть» относится к органам публичной власти федерального уровня и регионального уровня (уровня субъектов Федерации), что закрепляется в ч. 1 и 2 ст. 11 Конституции России (на третьем уровне публичной власти, то есть, на муниципальном уровне, разделение властей имеет свою специфику). В целом правовые акты, регулирующие деятельность органов публичной власти федерального уровня, могут быть представлены в следующем перечне: Конституция России; федеральные конституционные законы; федеральные законы; указы Президента РФ; постановления Правительства РФ; акты министерств и других органов (ведомств) исполнительной власти.

Ключевым праворегилирующим актом применительно к федеральным органам публичной власти является Конституция России, что вполне естественно, учитывая, что Конституция России является общегосударственным актом, в котором по определению должны определяться статусные характеристики прежде всего и в основном общегосударственных органов публичной власти, в данном случае — федеральных органов, учитывая, что Россия является федеративным государством. Но, как видно из представленного перечня, Конституцией России не ограничивается регулирование федеральных органов публичной власти. Законы и подзаконные акты в данной сфере общественных отношений после принятия Конституции России стали издаваться сформиро-

ванными органами публичной власти согласно конституционным учредительным положениям (Конституция России имеет учредительный характер, в частности, был создан новый орган публичной власти федерального уровня в виде Федерального Собрания, а другие органы, хотя и функционировали ранее, но были переформатированы, получив измененный статус).

Следует заметить далее, что согласно ч. 1 и 2 ст. 3 Конституции России народ в нашей стране является единственным источником власти, которую народ осуществляет непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В этой же ст. 3 говорится о том, что высшим непосредственным выражением власти народа Конституция России называет референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3). Соответственно акты, принимаемые на референдуме федерального уровня, также могут быть источником правовых норм, регулирующих статус органов публичной власти федерального уровня. Однако референдумы федерального уровня в России проводятся редко — последний состоялся в марте 1993 г. Помимо референдума, имеется практика (также редкая), когда проводится голосование — так, Конституция России 1993 г. принималась «всенародным голосованием», а конституционные поправки 2020 г. — «всероссийским голосованием». В обоих случаях при этом в России действовали законы о референдуме. Но, например, в 1993 г. в силу политических соображений в рамках имевшего тогда в России острого противостояния ведущих политических сил (с одной стороны — Президента РФ Б.Н. Ельцина и его сторонников, а с другой стороны — Вице-Президента А.В. Руцкого, руководства Верховного Совета РФ и их сторонников), проводились не «референдумы», а «голосования».

Такой подход вызывает дискуссии в научно-правовой литературе (работы Р.Э. Адыгезаловой, Р.М. Дзидзоева, А.А. Магомедовой, С. Манжосова, Д.Ш. Пирбудаговой, Е.А. Соколовой, М.В. Соколова, И.А. Старостиной и др.), и прежде всего по вопросу об обязательности принимаемых путем «голосования» решений. Консенсуса пока не найдено. Между тем в ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (2004 г.) и в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (2002 г.) достаточно четко отрегулирован институт референдума федерального уровня, в то время как институт всероссийского голосования законодательной четкости не имеет, и его использование в таком виде для решения столь важных для страны вопросов, включая регулирование публичной власти, представляется неправильным.

В Конституции России нормы, регулирующие статус органов публичной власти федерального уровня, содер-

жатся в во всех главах, за исключением последней (глава 1 — «Основы Конституционного строя», глава 2 — Права и свободы человека и гражданина», глава 3 — «Федеративное устройство», глава 4 — «Президент Российской Федерации», глава 5 — «Федеральное Собрание», глава 6 — «Правительство Российской Федерации», главе 7 — «Судебная власть и прокуратура», глава 8 — «Местное самоуправление»). Как видно, в абсолютном большинстве глав (в 8 из 9) Конституции России так или иначе отражается правовое положение федеральных органов публичной власти.

При этом конституционно-правовое регулирование осуществляется двумя основными блоками конституционно-правовых норм. В первом блоке определяются общие принципы формирования, функционирования, предметы ведения федеральных органов публичной власти, основы их взаимодействия с органами публичной власти субъектов Федерации и органами публичной власти муниципальных образований. Соответствующие правовые нормы закреплены в Конституции России, поскольку, как отмечалось, этот акт имеет общегосударственный масштаб, и иного акта, где бы содержались общие принципы организации федеральных органов публичной власти, в российской государственно-правовой системе в настоящее время нет. Во втором блоке раскрываются функции и полномочия конкретных органов федеральных органов публичной власти, которые изначально указываются в ч. 1 ст. 11 Конституции России (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ (Государственная Дума и Совет Федерации), Правительство РФ, суды РФ) и затем раскрываются в отдельных главах Конституции России.

Возвращаясь к первому блоку, отметим, что, как отмечалось, выборы (наряду с референдумом) являются высшим непосредственным выражением власти народа (ч. 2 ст. 3 Конституции России). Соответственно и публичная власть на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) появляется и функционирует на основе выборов. На федеральном уровне граждане (избиратели) непосредственно избирают Президента РФ, а также депутатов Государственной Думы ФС РФ. Эти избранные народом властные структуры определяют правовые основы для формирования и функционирования органов публичной власти всех уровней, и в наибольшей степени — федеральных органов публичной власти, что осуществляется путем издания соответствующих федеральных конституционных законов, федеральных законов и указов Президента РФ, например, ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (2020 г.), ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (1996 г.), Указ Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (2020 г.), Указ Президента РФ «Об утверждении Положения о Министерстве внутрен-

них дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (2016 г.) и др.

В свою очередь, сформированные таким образом федеральные органы публичной власти издают подзаконные акты, определяющие статус нижестоящих органов публичной власти федерального уровня, а также регулирующие организацию своей внутренней деятельности по непосредственному осуществлению установленных полномочий, например, Постановление Правительства РФ «О Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии» (2004 г.), Приказ МВД России «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрации на учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (2017 г.), Регламент Государственной Думы (1998 г.) и др.

Такой подход имеет четкое конституционное закрепление — так, в ст. 71 Конституции России, где определяются предметы ведения Российской Федерации (федерального центра), в п. «г» указывается, что к таковым относятся: «организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти» [1].

В первом блоке конституционных норм о федеральных органах публичной власти указываются, помимо отмеченных выше, также следующие позиции.

Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции России «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий» [1]. Разграничение предметов ведения и полномочий представляет довольно сложную проблему, учитывая, что в Конституции России использован «остаточный» принцип для определения предметов ведения и полномочий субъектов Федерации (ст. 73 Конституции России), который и является наиболее дискуссионным. В начале 1990-х гг. в России в этом контексте стала использоваться такая правовая форма, как федеративный договор, которым был введен институт совместного ведения федерального центра и субъектов Федерации. После принятия Конституции России договорная форма стала конституционной.

Однако в практике федеративные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий федеральных органов публичной власти и органов публичной власти субъектов Федерации не нашли широкого применения (очевидно, ввиду стабилизации социально-экономической ситуации в стране после распада СССР), соответственно заключенные ранее договора после истечения срока действия утратили юридическую силу, и сейчас конституционные нормы (ст. 71, 72, 73 Конституции России) являются важнейшей правовой основой в вопросе о рассматриваемом разграничении полномочий (по данной проблематике имеются соответствующие работы [2; 3]). Этому способствуют и конституционные поправки 2020 г., согласно которым, в частности, все органы публичной власти (федеральные, региональные, муниципальные) составляют «единую систему публичной власти» (ч. 3 ст. 132 Конституции России), причем термин «публичная власть» в конституционный текст введен впервые, на что обращают внимание многие авторы [4; 5 и др.]. Данная новелла вызвала дискуссию в правовой литературе, в частности, это касается публично-властных полномочий Центрального Банка РФ, который согласно ч. 2 ст. 75 Конституции России свои функции осуществляет независимо от других органов государственной власти, что дает основанием ряду авторов (например, Н.А. Тарабану) считать ЦБ РФ в качестве органа государственной власти [6]; данная точка зрения, высказанная и ранее, уже длительное время остается неоднозначной. Равным образом это касается и выведения государственных корпораций за пределы системы единой публичной власти [7].

Отметим еще другие позиции из первого блока конституционных норм о федеральных органах публичной власти. Так, в ст. 18 Конституции России закрепляется то, что составляет «смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [1], а именно — «права и свободы человека и гражданина». Этот тот принцип, который относится к органам публичной власти всех трех уровней — федерального, регионального и муниципального.

Другие принципы такого типа определены следующим образом: в ч. 2 ст. 15 Конституции России, где применительно к органам государственной власти и органам местного самоуправления указывается, что они «обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» [1]; в ч. 2 ст. 24 Конституции России, согласно которой «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не пред-

усмотрено законом» [1]; в ч. 2 ст. 32 Конституции России, согласно которой российские граждане «имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1]; в ч. 2 ст. 40 Конституции России, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления «поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище» [1]. При этом именно на федеральном уровне соответствующие органы публичной власти являются своеобразными «локомотивами», которые определяют для органов публичной власти нижестоящих уровней соответствующие параметры и ориентиры.

Только к федеральным органам публичной власти относится еще ряд праворегулирующих позиций. Так, согласно ст. 52 Конституции России «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». В данном случае под «государством» следует понимать федеральные органы правосудия, правоохранительные и иные органы, деятельность которых регулируется федеральным законодательством. В этом же ключе и ч. 2 ст. 69, согласно которой «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» [1]. А согласно ч.1 ст. 78 Конституции России федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих функций и полномочий могут создавать территориальные органы.

Наконец, еще две позиции из первого блока праворегулирующих конституционных норм определены в главе 8 Конституции России. В обоих случаях соответ-

ствующие нормы относятся к «органам государственной власти», к которыми, напомним, являются как федеральные органы публичной власти, так и органы публичной власти субъектов Федерации (ч. 1 и 2 ст. 11 Конституции России). Так, согласно новой ч. 1.1 ст. 131 Конституции России, введенной конституционными поправками 2020 г., «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» [1], а в ст. 131 говорится о том, что органы государственной власти при осуществлении публичных функций во взаимодействии с органами местного самоуправления должны гарантировать последним компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения указанных функций. Вместе с тем нужно заметить, что с местным самоуправлением взаимодействуют, как правило, органы публичной власти субъектов Федерации, и в целом вопрос взаимодействия федеральных органов публичной власти с органами местного самоуправления «через голову» органов публичной власти субъектов Федерации требует своего дополнительного теоретического обоснования и законодательного уточнения.

Помимо Конституции России и обозначенных выше правовых актов, в правовые основы формирования и функционирования органов публичной власти всех уровней включаются также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, которые, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции России, являются составной частью российской правовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 05.05. 2023 г.) .
2. Железнов Б.Л., Губейдуллин Р.Х. Федеративный договор 1992 года и современный российский федерализм // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 174–178.
3. Эриашвили Н.Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях сильной центральной власти // Образование и право. 2021. № 11. С.81–86.
4. Баранов П.П. Новеллы законодательного закрепления принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 81–87.
5. Султанов Е.Б. Конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн.2. С. 9–16.
6. Тарабан Н.А. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) в системе органов государственной власти: конституционно-правовые основы организации и деятельности // Финансовое право. 2017. № 6. С. 44–47.
7. Спиридонов П.Е. Особенности системы публичного управления в Российской Федерации и ее влияние на развитие административного права // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 29–34.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: ФИНАНСИРОВАНИЕ И РАСХОДЫ 2022 ГОДА, В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ, ГАРАНТИРОВАННОГО КОНСТИТУЦИЕЙ РФ

HEALTHCARE: FINANCING AND EXPENSES OF 2022, WITHIN THE FRAMEWORK OF ENSURING THE RIGHT TO FREE MEDICAL CARE GUARANTEED BY THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

O. Fadeeva

Summary. This article is devoted to the analysis of the volume of financing of the healthcare system in the Russian Federation in 2022, in a three-year perspective and the ratio of funding to the ability of every citizen of the Russian Federation to exercise their right to receive free medical care.

The analysis of the events that have occurred since 2020 allows us to reflect important aspects of public life that need to be paid special attention to when forming the budget systems of each specific industry, first of all, the healthcare system, as the fundamental system of any state.

Currently, the state is doing a lot of work in terms of providing citizens of the Russian Federation with preferential medicines, the formation of medical personnel, the availability of medicines, however, due to the emergence and active spread of new infections in the world, in particular, the Coronavirus pandemic (COVID-19) that has engulfed the whole world and its new strains appearing again and again and varieties, the distribution of cash flows for healthcare often goes against planned spending. In this article we will consider the directions of medical expenses and their sufficiency for the realization of the constitutional right of citizens to health protection.

Keywords: the right to health protection, healthcare, financing, problems of financing the healthcare system.

Фадеева Ольга Владимировна

Аспирант, Кемеровский государственный университет
olga_fa@bk.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу объемов финансирования системы здравоохранения в РФ в 2022 г., в трехлетней перспективе и соотношению финансирования с возможностью каждого гражданина РФ реализовать свое право на получение бесплатной медицинской помощи.

Анализ событий, произошедших начиная с 2020 г., позволяет отразить важные аспекты общественной жизни, на которые необходимо обратить особое внимание при формировании бюджетных систем каждой конкретной отрасли, прежде всего, системы здравоохранения, как основополагающей системы любого государства.

В настоящее время государство проводит огромную работу в части обеспечения граждан Российской Федерации льготными лекарственными средствами, формированием кадрового состава медицинских работников, доступности лечебных средств, однако, ввиду появления и активного распространения в мире новых инфекций, в частности, охватившей весь мир пандемии Коронавируса (COVID-19) и появляющихся вновь и вновь его новых штаммов и разновидностей, распределение денежных потоков на здравоохранение зачастую идет в разрез с запланированными тратами. В настоящей статье мы рассмотрим направления расходов на медицинское обеспечение и их достаточность для реализации конституционного права граждан на охрану здоровья.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, здравоохранение, финансирование, проблемы финансирования системы здравоохранения.

В соответствии с основными положениями, изложенными в Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации, охрана здоровья граждан и укрепление общественного здоровья является основополагающей единицей, существующей в социальной и экономической политике государства [1]. Обеспечение этой важной социальной политики призвана претворять в жизнь именно государственная система здравоохранения.

Финансирование конкретной отрасли государства является экономическим понятием, включающим в себя распределение государственных расходов на определенные общественные сферы и программы. Такой важнейшей сферой и является здравоохранение.

Осенью 2021 года, в РФ был обнародован проект трехлетнего бюджета, согласно которому бюджетные ассигнования по разделу «Здравоохранение» в 2022

году составят 1 243 465,8 млрд. рублей, в 2023 году — 1 210 775,9 млрд. рублей, в 2024-м — 1 237 932,4 млрд. рублей [2]. Львиную долю указанных затрат в 2022 году было запланировано направить на организацию и обеспечение стационарной медицинской помощи (214 639 250,3 млн. руб.), амбулаторной помощи (249 981 103,6 млн. руб.), государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (235 860 268,9 млн. руб.), комплекс процессных мероприятий «Обеспечение отдельных категорий граждан лекарственными препаратами» (176 040 405,2 млн. руб.), финансовое обеспечение выполнения функций федеральных государственных органов, оказания услуг и выполнения работ (закупка товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд) (121 161 888,4 млн. руб.) [9]

Вышеуказанное распределение бюджетных средств вызвано сопутствующими дефицитами в медицинской среде. Так, уже несколько лет, довольно остро стоит проблема нехватки медицинского персонала первого звена врачебной помощи: это врачи скорой помощи и районных поликлиник, медицинские сотрудники больниц. Особенно сильно эта проблема ощущается в отдаленных местностях России.

Кроме того, материальное обеспечение больниц нуждается в глобальной модернизации: оборудование и аппаратура бюджетных учреждений давно устарели или сильно загружены в силу своей единичности.

Количество обращений за медицинской помощью стремительно растет, а вместе с ним растет и количество жалоб пациентов на некачественное, несвоевременное и недоступное медицинское обслуживание. Так, по данным регулярного издания «Медвестник», за десять месяцев 2022 года в Росздравнадзор поступило 76 090 обращений граждан с жалобами на качество и безопасность медицинской деятельности, в том числе 46 104 — на нарушения прав заявителей при оказании медпомощи [10]. Недовольство порождает за собой необходимость реформ, что влечет необходимые финансовые траты.

В пояснительной записке проекта трехлетнего бюджета на 2022, 2023, 2024 годы было отмечено, что доля в общем объеме расходов федерального бюджета на здравоохранение в 2022 году по сравнению с 2021 годом, которая составляла 5,8%, уменьшится и составит 5,3%. В 2023 и 2024 годах она также уменьшится и составит 4,9% [11]. Эксперты также отмечают значительное падение доли бюджета на здравоохранение в расходах государства: по отношению к объему ВВП соответствующего года доля расходов раздела «Здравоохранение» составит в 2022 и 2023 годах 0,9%, в 2024 году — 0,8%.

Именно такая существенная динамика не может не вызывать вопросов.

При этом, сравнительно меньшие объемы расходов в 2022 году обусловлены пиковыми значениями 2021 года, когда на систему здравоохранения пришлась значительная нагрузка по борьбе с пандемией COVID-19: многие лечебные учреждения были перепрофилированы под ковидарию, для борьбы с вирусом потребовалось масштабное приобретение специальных противовирусных лекарственных средств, ввиду нетипичности осложнений на легочную систему человека, больничные учреждения проводили массовую закупку кислородных аппаратов, в силу быстрой распространяемости — специальные защитные костюмы и экипировку для медицинских сотрудников.

В настоящее время мы наблюдаем картину последствий новой коронавирусной инфекции в виде осложнений неинфекционных заболеваний граждан, которые также имеют место быть в период данной эпидемии, и будут проявляться в последующие годы. Для их преодоления потребуются дополнительные расходы на профилактику обострений, активное изучение и лечение заболеваний путем реабилитации пациентов.

Премьер министр РФ Михаил Мишустин анонсировал приоритетные траты отрасли «Здравоохранение» в рамках бюджета 2022 года:

- ◆ борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями и онкологией;
- ◆ приобретение для сел и малых городов мобильных комплексов и автомобилей скорой помощи;
- ◆ траты на проведение углубленной диспансеризации для граждан, перенесших ковид;
- ◆ приобретение за счет средств ФСС технических средств реабилитации для граждан, перенесших ковид [12].

Вместе с тем, многие специалисты отмечают, что, в целом, расходы на здравоохранение в трехлетней перспективе только растут.

К примеру, глава Счетной палаты Алексей Кудрин на парламентских слушаниях в Совете Федерации, посвященных обсуждению бюджета, обратил внимание на то, что именно по системе здравоохранения в федеральном бюджете в этом году грядет снижение на 117 млрд. рублей расходов, но если посмотреть цифры 2019 года, то идет рост почти на полтриллиона (на 42% больше). При этом, если взять всю бюджетную систему, включая все субъекты РФ, то в 2022 году запланирован рост расходов на здравоохранение до 1,382 трлн. рублей — это уже более существенный показатель, — указывает автор [13]. Цифра кажется убедительной, однако,

раздел «Здравоохранение» не вошел в пятерку основных направлений расходов государства, уступив место таким отраслям, как «национальная оборона» с расходами 4,98 трлн. рублей в 2023 году и «национальная безопасность и правоохранительная деятельность»: 4,417 трлн. рублей [14]. А дополнительные средства, выделенные после 2019 года, преимущественно были направлены на расходы в связи с пандемией COVID-19 (закупка медицинского оборудования, лекарств, оказание медицинской помощи, вакцинация и др.) и не решили проблемы накопившиеся в здравоохранении из-за недофинансирования [15].

С учетом особенностей развития ситуации в здравоохранении в последние годы, а также урезание бюджетных ассигнований, дальнейший дефицит в этой сфере кажется неизбежным.

Не стоит забывать, что при несостоятельности государственных медицинских организаций принять повышенный объем обращений граждан, ввиду недоукомплектованности кадрами или неоснащенности медикаментами и оборудованием, увеличивается нагрузка и количество обращений в платные клиники.

Согласно последним данным, доля личных расходов населения на здравоохранение в РФ (от общих расходов населения и государства) на 40% выше, чем в «новых-8» странах ЕС, и на 60% выше, чем в «старых» странах ЕС (соответственно 35, 25 и 22%). Другими словами, недостаточные государственные расходы на здравоохранение ложатся дополнительным бременем на бюджеты российских семей [15].

Согласно статистике, объем платных медицинских услуг в России за 10 лет вырос почти в три раза, при этом в 2020 году он составлял 694 млрд. руб. Расходы россиян на медицинское обслуживание также увеличились за 10 лет: в 2010 году один житель страны тратил в среднем 1,8 тыс. руб., в 2020-м — уже 4,7 тыс. руб. [16]. Указанная тенденция, по сути, означает, двойную оплату гражданами одной и той же медицинской помощи, так как частично бюджет на здравоохранение формируется из процентных отчислений от заработной платы в фонды ОМС и ФСС, то есть каждый работающий граж-

данин РФ отдает часть заработанного в счет получения необходимого лечения или обследования в будущем.

Усугубляют картину государственных гарантий на охрану здоровья данные аналитики CloudPayments (сервис входит в группу Cloud), согласно которой, в июне 2022 года онлайн-спрос на платные медицинские услуги снизился на 51%, при этом количество транзакций стало на 3% больше, а средняя сумма онлайн-покупки снизилась на 52%: с 17 712 руб. до 8 453 руб. Эти данные могут свидетельствовать о том, что люди стараются экономить на платных медицинских услугах, выбирая только самые необходимые [8]. Экономия на собственном здоровье еще раз подчеркивает острую нехватку государственного участия в обеспечении конституционного права на получение качественной и бесплатной медицинской помощи.

Таким образом, с начала 2019 года число больных граждан только возрастает, а объем финансовых ассигнований на их лечение в перспективе снижается. Как результат, объемы бесплатной медицинской помощи по программе государственных гарантий и их финансовое обеспечение в ближайшие годы только сократятся, а главное, не будут решены главные проблемы системы здравоохранения РФ, такие как дефицит медицинских кадров, недостаточное лекарственное обеспечение, низкая оплата труда медицинских сотрудников и т.д.

В любом случае, система здравоохранения испытывает исключительную нехватку средств для дальнейшего ее развития.

В целях выполнения своих конституционных гарантий в части охраны здоровья, государству необходимо увеличить финансирование здравоохранения, средства должны быть направлены на оплату труда медицинских работников, что, в том числе, решит вопрос привлечения дополнительных кадров в отрасль, на расширение объемов закупки лекарственных препаратов для пациентов амбулаторных лечебных учреждений, на увеличение объемов бесплатной помощи гражданам, нуждающимся в медицинской реабилитации, паллиативных больных и др., на развитие медицинского образования и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 1: [от 30.11.1994. в ред. от 03.08.2018 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. — № 32. Ст. 3301; Рос.газ. 2018. — 08 августа.

4. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов: постановление Правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 2505 // Собрание законодательства РФ. — 2022. — 03 января. № 1. — Ст. 205.
5. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение РФ. Что надо делать. Состояние и предложения: 2019–2024 гг. 3-е изд. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. — 416 с.
6. Журнал «Здравоохранение России» от 28.06.2022 г. Режим доступа: <https://zdorovayarossia.ru/ratings/20-regionov-rf-po-raskhodam-nazdravookhraneniye-v-2022-godu/> (дата обращения 10.01.2022)
7. Татьяна Бескаравайная. «Больше половины платных медуслуг в России приходится на амбулаторный сегмент». Режим доступа: // <https://medvestnik.ru/content/news/Bolshe-poloviny-platnyh-meduslug-v-Rossii-prihoditsya-na-ambulatornyi-segment.html> (дата обращения 10.01.2022)
8. Евгений Одинцов «Россияне начали экономить на платной медицине». Режим доступа: // <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/07/10/18097034.shtml> (дата обращения 10.01.2022)
9. Федеральный закон от 06.12.2021 N 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»/ Режим доступа: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/87a2a206f7284b7f945bfde69a809de0afb412f0/ (дата обращения 10.01.2022)
10. Россияне стали чаще жаловаться на плохое качество и низкую доступность медпомощи. Режим доступа: // <https://medvestnik.ru/content/news/Rossiyan-stali-chashe-jalovatsya-na-plohoe-kachestvo-i-nizkuu-dostupnost-medpomoshi.html> (дата обращения 10.01.2022)
11. ВШЭ обратила внимание Госдумы на расходы бюджета на здравоохранение. / Режим доступа: // <https://www.interfax.ru/russia/799881> (дата обращения 10.01.2022)
12. Бюджет на здравоохранение 2022 года. Источник: <https://www.zdrav.ru/articles/4293661178-19-m11-07-byudzheth-zdravookhraneniya-na-2020-god> (дата обращения 10.01.2022)
13. Журнал «Здравоохранение России» от 28.06.2022 г. Режим доступа: // <https://zdorovayarossia.ru/archive/2022/2022-1/> (дата обращения 10.01.2022)
14. Что нужно знать о бюджете на 2023 год. Разбираемся в цифрах <https://tass.ru/ekonomika/15898737> (дата обращения 10.01.2022)
15. Анализ расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по разделу «Здравоохранение» на 2022 г. и на плановый период 2023–2024 гг. <https://www.vshouz.ru/journal/2021-god/analiz-raskhodov-byudzhetov-byudzhetnoy-sistemy-rossiyskoj-federatsii-po-razdelu-zdravookhraneniya/> (дата обращения 10.01.2022)
16. Татьяна Бескаравайная. «Больше половины платных медуслуг в России приходится на амбулаторный сегмент». Режим доступа: // <https://medvestnik.ru/content/news/Bolshe-poloviny-platnyh-meduslug-v-Rossii-prihoditsya-na-ambulatornyi-segment.html> (дата обращения 10.01.2022)

© Фадеева Ольга Владимировна (olga_fa@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ ПРИ СОВЕРШЕНИИ БАНКОВСКИХ СДЕЛОК ПОСРЕДСТВОМ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

ENSURING THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES WHEN PERFORMING BANKING OPERATIONS THROUGH SMART CONTRACTS

M. Yakubov

Summary. In this article, the author explores the features of ensuring the protection of the rights of consumers of financial services in legal relations arising from banking transactions executed through smart contracts. The author highlights a number of problems of protecting the weak party in banking agreements and offers their solutions based on the established scientific doctrine and foreign experience.

Keywords: smart contract, blockchain, consumer, banking transaction, financial services.

Якубов Мухиббулло Лутфуллоевич

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
muhibbullo_97@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автор исследует особенности обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг в правоотношениях, вытекающих из банковских сделок, исполняемых посредством смарт-контрактов. Автор выделяет ряд проблем защиты слабой стороны в банковских договорах и предлагает их решения основываясь на сложившейся научной доктрине и зарубежном опыте.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, потребитель, банковская сделка, финансовые услуги.

Смарт-контракты набирают популярность и все чаще внедряются во все сферы жизни. Круг правоотношений, в которых они используются, увеличивается с каждым днем, начиная от простых форм договоров до сложных, многосторонних договорных конструкций. Не исключение и банковский сектор. В настоящей статье будут рассмотрены ситуации использования смарт-контракта при получении потребителями банковских услуг. Актуальность темы обусловлена внедрением крупнейшими банками мира технологии смарт-контракта в свою деятельность, в особенности, для предложения потребителям ряда привычных банковских услуг и сервисов.

Желание внедрить технологии блокчейн и смарт-контракты объясняется рядом преимуществ, которые могут положительно повлиять на оказывание банковских услуг, как для самих банков, так и для потребителей. Примерами таких улучшений могут быть, повышение скорости оказываемых услуг; прозрачность банковских операций и повышение уровня доверия потребителей финансовых услуг; снижение трудоемкости банковских операций и связанное с этим сокращение операционных расходов для банков и их клиентов; усиление защиты персональных данных; автоматизация процессов. Исходя из вышеуказанных преимуществ

внедрения технологии смарт-контрактов, правильно будет заметить, что именно представители банковского сектора заинтересованы в практическом внедрении новых технологий [4, с. 25]. Так, автор А.И. Савельев, изучая перспективы использования смарт-контрактов в Российской Федерации, выделяет ряд направлений: осуществление межбанковских расчетов, оптимизация процессов выдачи кредитов под залог имущества, оптимизация процесса выдачи аккредитивов [3].

Смарт-контракты, основанные на формуле «if-then-else», отлично подходят для совершения банковских операций. В то же время, несмотря на значительное преимущество, которое могут принести смарт-контракты, необходимо учитывать возможные правовые риски. Автор В.М. Камалян, изучая пример реального использования смарт-контракта Британским банком Barclays, для проведения сделок с аккредитивами в рамках международной поставки товаров [1, с. 10], выделяет ряд правовых рисков использования смарт-контрактов в банковской деятельности. Во-первых, у специалиста, привлекаемого для написания программного кода смарт-контракта, как правило, имеются только технические знания. Отсутствие у него понимания правовой природы договоров может негативно отразиться на правильном отражении юридической воли

сторон смарт-контракта. Вторым риском является человеческий фактор, выражающийся в возможности допущения специалистом ошибки в программном коде при составлении смарт-контракта. Такая ситуация может стать причиной неисполнимости обязательств по договору и возникновения упущенной выгоды у сторон сделки. Данный риск является существенным, так как «активированный смарт-контракт не подлежит правкам или отмене» [5, с. 24]. Негативные последствия могут быть устранены новым смарт-контрактом, однако это делает процедуру заключения договоров дорогостоящей. Третий правовой риск заключается в проблеме доказывании при разрешении споров между сторонами смарт-контракта. Программный код не может быть представлен в виде письменного доказательства, что характерно для договорных правоотношений. Поэтому при невыполнении одной стороной своих обязательств суд, запросив текст договора, получит программный код — нечитаемый для человека без соответствующих знаний [6, с. 32].

Не пытаясь раскрыть все существующие или возможные проблемы потребителей при вступлении в правоотношения, осложненные смарт-контрактом, осветим наиболее важные из них. В научной литературе проанализированы правовые риски, которые может повлечь внедрение смарт-контрактов. Так, автор А.В. Чирков при освещении проблемы защиты потребителей при заключении и исполнении смарт-контрактов, выделил следующие риски: «риск отличия условий смарт-контрактов от условий договора, изложенных на естественном языке; риск включения в смарт-контракт условий, ущемляющих права потребителей; операционные и регуляторные риски; риск непонимания потребителем условий смарт-контракта» [7, с. 180]. Справедливое замечание приводит в своей работе Е.П. Волос, обращая внимание на тот факт, что «ряд из указанных выше рисков касаются не только отношений, осложненных смарт-контрактом, но могут встречаться и при заключении традиционных договоров с потребителем. Следовательно, тут вопрос не в новых неизвестных теории и практике рисках, а в особенностях механизма реальной защиты прав слабой стороны» [2, с. 70].

Для минимизации правовых рисков автор на ряду с высказанными точками зрения других ученых на данную тему, предлагает рассмотреть в качестве способа предотвращения возникновения рисков для сторон банковской сделки внедрение обязательной «двойной интеграции» и аудита смарт-контрактов.

Одним из решений автор предлагает рассмотреть механизм двойной интеграции. Так в своей предыдущей работе автор рассматривал понятие двойной интеграции, как процесс создания бумажной версии договора

и интеграции его в конкретный смарт-контракт, который будет транслироваться в сети блокчейн [8, с. 187]. Данный механизм одними из первых был предложен компанией Eris Industries. Целью разработки данной технологии защиты сторон смарт-контракта при заключении банковских договоров и других договоров в форме смарт-контракта, является, во-первых возможность на суде иметь на руках «бумажную» копию договора для полноценной защиты своих интересов, во-вторых, в случае возникновения ошибки со стороны специалиста написавшего код смарт-контракта, обратиться к «бумажной» версии договора и вернуться на «правильный курс» исполнения обязательств по договору. Тот же Британский банк Barclays в качестве дополнительного метода защиты прав потребителей, предлагает использовать «двойную интеграцию» и утверждает, что после прохождения такой процедуры юристу представляющего смарт-контракт не потребуются новых доказательств на суде, так как, данная процедура со смарт-контрактами дает высшую защиту [10]. Хотя и идея смарт-контракта заключается в строгой структуре последовательности кода для автоматизации исполнения обязательств, вряд ли в ближайшем будущем судьи смогу читать данный текст не имея it-навыков, соответственно для того, чтобы сделать данный процесс понятным и прозрачным для всех сторон смарт-контракта и вне его поля, автор предлагает воспользоваться методом «двойной интеграции».

Другим решением автор видит обязательный аудит смарт-контрактов со стороны банков или регулирующих органов до его заключения. Такое предложение было предложено и другими авторами, так как «существует необходимость проверки условий смарт-контрактов на факт отсутствия в нем условий, ущемляющих права слабой стороны, вместе с дискриминацией и техническими ошибками» [9]. На данном этапе прогресса смарт-контрактов, аудит довольно распространенная практика и в целом состоит из следующих этапов. В первую очередь группа специалистов проводит первоначальный анализ кода смарт-контракта и передает обнаруженные ошибки команде проекта (авторам) смарт-контракта, которые в свою очередь дорабатывают текст смарт-контракта на базе выявленных ошибок. После чего подготавливается окончательный отчет о проделанной работе с учетом обнаруженных ошибок.

Делая вывод, автор считает внедрения «двойной интеграции» и аудита смарт-контрактов обязательной процедурой, так как из-за позитивного взгляда банковского сектора на внедрения смарт-контракта в свою деятельность стоимость договоров и сумм переводимых с помощью смарт-контрактов будет увеличиваться. Тем самым необходимость обеспечения защиты слабой стороны договора или в целом сторон смарт-контракта будет возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор Центрального Банка РФ по теме «Смарт-контракты» от октября 2018 г. // Сайт Центрального Банка РФ. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/47862/smartkontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
2. Волос Е.П. Защита слабой стороны банковского договора в условиях использования сторонами смарт-контракта // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2022. — С. 70–74.
3. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. — 2017. — № 5. — С. 94–117.
4. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы и технологии: некоторые правовые проблемы выработки понятийного аппарата // Право и цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 25–30.
5. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. — 2019. — № 1. — С. 21–28.
6. Камалян В.М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 32–39.
7. Чирков А.В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта. // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. (№ 11) . — С. 180–189.
8. Якубов М.Л. Смарт-контракты как начало конца классических договоров. Двойная интеграция. // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 8. — С. 187–189.
9. Salazar V.A.R. Unconscionability, Smart Contracts, and Blockchain Technology: Are Consumers Really Protected Against Power Abuses in the Digital Economy? International journal on Consumers Law and Practice. — 2021. — Vol. 9. — С. 74–94.
10. Банк Barclays разрабатывает шаблоны смарт-контрактов / Bits.media. Режим доступа. URL: <https://mmgp.com/threads/bank-barclays-razrabatyvaet-shablony-smart-kontraktov.487978/> (дата обращения: 12.01.2023) .

© Якубов Муhibбулло Лутфуллоевич (muhibbullo_97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ГОРОДА МОСКВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF SPECIAL PROJECTS IN THE SOCIAL SPHERE OF THE CITY OF MOSCOW: CURRENT STATUS AND PROBLEMS

**A. Averkiev
V. Gorelik**

Summary. This article discusses the main measures that are used by the Government of the city of Moscow to ensure the information security of the organization of the social sphere, as well as improve the quality of information support for activities aimed at improving the standard of living of the population. The main types of threats that are associated with the insufficient development of secure information technologies in the social sphere are identified, and some measures are proposed to eliminate these threats.

The relevance of the problem, which is considered in this article, is due to the fact that in recent decades Moscow has been a major center of the world economy, politics and culture, which suggests that all areas of the functioning of this city should be developed at the highest level.

The state of the social sphere is the most important indicator of the quality and standard of living of the population of any city. Given the resource and technological capabilities of Moscow, one must understand that special requirements are imposed on it, because all regions are guided by the capital in building and improving the social sphere of their cities.

The purpose of the study is to analyze the features of the implementation of special projects in the social sphere of the city of Moscow.

The hypothesis of the study is that today, as the main safe information technologies that are used in the social sphere of the city of Moscow, we can single out the projects "Social Patrol" and "Moscow Producer Center".

The study concluded that the social sphere of the city of Moscow is quite developed and includes innovative projects to improve the quality and standard of living of the population of the capital. However, it should be noted that such success of the considered projects is primarily due to the fact that their functioning is based on the competent selection of safe information technologies that ensure the smooth operation of all social systems.

Аверкиев Александр Владимирович

*Студент, Российский университет транспорта,
Россия, г. Москва
overaver@mail.ru*

Горелик Владимир Юдаевич

*Доктор. техн. наук, профессор, Российский
университет транспорта, Россия, г. Москва
gorelik@rgotups.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные меры, которые применяются Правительством города Москва для обеспечения информационной безопасности организации социальной сферы, а также повышения качества информационного обеспечения деятельности, направленной на повышения уровня жизни населения. Выделяются основные виды угроз, которые связаны с недостаточным развитием безопасных информационных технологий в социальной сфере, а также предлагаются некоторые меры устранения этих угроз.

Актуальность проблемы, которая рассматривается в данной статье, связана с тем, что в последние десятилетия Москва является крупным центром мировой экономики, политики и культуры, что говорит о том, что все сферы функционирования этого города должны быть развиты на высшем уровне.

Состояние социальной сферы является самым главным показателем качества и уровня жизни населения любого города. Учитывая ресурсные и технологические возможности Москвы, нужно понимать, что к ней предъявляются особые требования, т.к. на столицу ориентируются все регионы в построении и совершенствовании социальной сферы своих городов.

Цель исследования заключается в проведении анализа особенностей реализации специальных проектов в социальной сфере города Москва.

Гипотеза исследования заключается в том, что на сегодняшний день в качестве основных безопасных информационных технологий, которые применяются в социальной сфере города Москва, можно выделить проекты «Социальный патруль» и «Московский продюсерский центр».

В ходе исследования сделан вывод, что социальная сфера города Москва является достаточно развитой и включает в себя инновационные проекты по повышению качества и уровня жизни населения столицы. Однако нужно отметить, что такая успешность рассмотренных проектов связана, прежде всего, с тем, что их функционирование основано на грамотном подборе безопасных информационных технологий, которые обеспечивают бесперебойность работы всех социальных систем.

Keywords: secure information technologies, social sphere, threats to information security, quality of life of the population, social innovations, Social Patrol, Moscow Producer Center.

Введение

Актуальность проблемы, которая рассматривается в данной статье, связана с тем, что в последние десятилетия Москва является крупным центром мировой экономики, политики и культуры, что говорит о том, что все сферы функционирования этого города должны быть развиты на высшем уровне.

Состояние социальной сферы является самым главным показателем качества и уровня жизни населения любого города [9]. Учитывая ресурсные и технологические возможности Москвы, нужно понимать, что к ней предъявляются особые требования, т.к. на столицу ориентируются все регионы в построении и совершенствовании социальной сферы своих городов [8].

Цель исследования заключается в проведении анализа особенностей реализации специальных проектов в социальной сфере города Москва.

Аналитический обзор. В современной России серьезной проблемой является социальная напряженность, которая связана с тем, что многие социальные группы в различных регионах живут за чертой бедности. Однако другие группы людей, напротив, обладают достаточными средствами, чтобы позволить себе высокий уровень жизни и роскошь. Обе эти категории граждан проживают в Москве, что вызывает ряд проблем в качественной организации социальной сферы [7].

Для Москвы на сегодняшний день характерно постоянное внедрение социальных инноваций, которые направлены на формирование особых технологий повышения качества и уровня жизни населения вне зависимости от их принадлежности к определенному социальному классу или профессиональной группе [1].

Данный вид инноваций предназначен для решения или смягчения проблем населения, в частности, сокращение бедности, занятость молодежи, мобильность населения, решение проблем экологии и изменения климата, решение проблем потребления энергии, множество творческих задач, поддержка талантов в самореализации, уход за пенсионерами и организация досуга [4].

В научной литературе описываются основные элементы социальных инноваций: их социальная направ-

Ключевые слова: безопасные информационные технологии, социальная сфера, угрозы информационной безопасности, качество жизни населения, социальные инновации, «Социальный патруль», «Московский продюсерский центр».

ленность, легитимность в обществе и актуальность, новизна, направленность на достижение целей. Важно понимать, что в социальной сфере основная роль в производстве и распространении социальных инноваций принадлежит организациям гражданского общества [6].

Распространение коронавирусной инфекции потребовало от московских властей принятия чрезвычайных решений, чтобы своевременно и в полном объеме решать социальные проблемы жителей столицы и обеспечивать основные права в условиях вынужденных ограничений, связанных с борьбой с распространением опасных вирусных заболеваний [3].

Ограничения, неизбежные и необходимые в сложившейся ситуации, ущемляли интересы простых жителей столицы, которые были вынуждены ограничить свободу передвижения, перейти на другой режим работы, отказаться от привычной культурно-досуговой инфраструктуры [10].

Именно с этим связано наиболее активное внедрение социальных инноваций в социальную инфраструктуру города Москва, которые позволят в некоторой степени уравнивать возможности жителей города и обеспечить возможность творческого, интеллектуального и личностного развития горожан [2].

Важно отметить, что на сегодняшний день население города Москва в наибольшей степени нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании комплекса социальных инноваций, что связано непосредственно с возникающими социальными конфликтами и экономическими проблемами, которые отрицательно сказываются на репутации столицы Российской Федерации и приводят к возникновению ряда негативных социальных тенденций в московском обществе.

Материал и методы

На сегодняшний день в качестве основных безопасных информационных технологий, которые применяются в социальной сфере города Москва, можно выделить проекты «Социальный патруль» и «Московский продюсерский центр».

«Социальный патруль» представляет собой подразделение мобильной службы социальной помощи

бездомным Министерства труда и социальной защиты населения Москвы. Сотрудники «Социального патруля» проверяют улицы и отвечают на звонки, которые поступают им в рамках горячей линии [7].

Основная цель «Социального патруля» заключается в оказании необходимой помощи на месте или транспортировке бездомного человека в специальное учреждение.

Главной задачей «Социального патруля» является реализация государственной политики в области оказания помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации на территории города Москва. Данное подразделение всегда оперативно реагирует на звонки, отправляемые в единую диспетчерскую службу.

«Социальный патруль» осуществляет свою деятельность по трем основным направлениям, одним из которых является работа на улицах Москвы с целью выявления граждан, нуждающихся в социальной помощи. В качестве второго направления деятельности можно вспомнить предоставление ночлега людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Третьим направлением деятельности «Социального патруля» является предоставление полного спектра социальных услуг лицам, оказавшимся в критической ситуации на территории города Москвы. В структуру «Социального патруля» входит служба контроля, мобильные и пешеходные бригады, а также круглосуточные пункты ухода.

«Московский продюсерский центр» — второй проект, который может рассматриваться в рамках исследования основных безопасных информационных

технологий. Он представляет собой государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы, которое было создано с целью поиска и продвижения талантливых жителей столицы, а также информирования жителей о предстоящих мероприятиях и возможностях участия в них [5].

Центр является учреждением, подведомственным. Поэтому все проекты «Московского продюсерского центра» полностью согласовываются с Министерством культуры города Москвы. Это также дает возможность этому центру участвовать в более крупных проектах в качестве партнера и соорганизатора.

«Московский продюсерский центр» разрабатывает проекты для талантливых музыкантов и художников. Такие проекты, как «Музыка в метро» или «Уличный артист», позволили всем заинтересованным людям, прошедшим квалификацию, сыграть различные композиции и номера. Они также организуют выступления своих артистов и музыкантов в хосписах, чтобы хоть как-то поддержать людей, которые борются за жизнь из последних сил.

ВЫВОД

Подводя итог проведенного исследования можно сделать вывод о том, что социальная сфера города Москва является достаточно развитой и включает в себя инновационные проекты по повышению качества и уровня жизни населения столицы. Однако нужно отметить, что такая успешность рассмотренных проектов связана, прежде всего, с тем, что их функционирование основано на грамотном подборе безопасных информационных технологий, которые обеспечивают бесперебойность работы всех социальных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасумова, С.Е. Информационные технологии в социальной сфере: учебник и практикум для среднего профессионального образования / С.Е. Гасумова. 6-е изд. — М.: Юрайт, 2020. — 590 с.
2. Гришун, Т.В. «Умный» город Москва и его место в трендах развития «умных» концепций / Т.В. Гришун // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 38. — С. 873–882.
3. Кузнецов, А.А. Инновации в социальной сфере города Москвы / А.А. Кузнецов // Актуальные проблемы права, экономики и управления. Сборник материалов студенческой конференции. — Саратов: Саратовский источник, 2020. — С. 696–699.
4. Мегалополис Москва: правовое пространство и правовые практики: монография / Под ред. А.Ю. Царева. — Саратов: Саратовский источник, 2021. — 194 с.
5. Официальный сайт Правительства города Москвы. — 2022. — URL: <https://www.mos.ru> (дата обращения: 21.11.2022).
6. Страшнова, Ю.Г., Страшнова, Л.Ф. Пути совершенствования функционально-пространственной организации социальной инфраструктуры Москвы / Ю.Г. Страшнова, Л.Ф. Страшнова // Вестник МГСУ. — 2021. — Т. 16. № 9. — С. 1136–1151.
7. Ступин, А.А. Безопасность города Москвы (современное состояние, перспективы) / А.А. Ступин // Правовое обеспечение безопасности города Москвы: исторический опыт, актуальные тенденции и перспективы: материалы круглого стола, проводимого в рамках XVI Фестиваля науки города Москвы. — М.: Саратовский источник, 2022. — С. 125–129.

8. Яковлева, П.А. Социальное проектирование территории / П.А. Яковлева. — М.: Горизонт, 2021. — 560 с.
9. Adams, S. Social engineering / S. Adams. London, 2021. 386 p.
10. Jonson, A. Social infrastructure of the city / A. Jonson // Social Security Issues. 2022. No 2. P. 35–46.

© Аверкиев Александр Владимирович (overaver@mail.ru), Горелик Владимир Юдаевич (gorelik@rgotups.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ КНР: НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯ

Ван Цзяньган

Кандидат исторических наук, Институт
демографических исследований Федерального научно-
исследовательского социологического центра
Российской академии наук
w.j.gang2005@gmail.com

THE IMPACT ON DEMOGRAPHIC PROCESSES OF THE MIGRATION OUTFLOW OF THE POPULATION OF THE NORTH-EASTERN REGIONS OF CHINA: ON THE EXAMPLE OF HEILONGJIANG PROVINCE

Wang Jianguang

Summary. This article raises the issue of population outflow from Heilongjiang, an important exporting province of strategic resources such as crude oil, grain and timber. In China, it is one of the provinces with “high production”, which contradicts the rapid decline of its population. The purpose of this work is to study the causes of population outflow. The objectives of this article include: analysis of statistics related to the migration situation in the region; study of the phenomenon of Chinese expansionism in the Far East of the Russian Federation. In this study, general scientific methods were used — analysis and synthesis, as well as a systematic approach. The author came to the following conclusion: despite the fact that China is an extremely densely populated country, it is not protected from the outflow of population from some regions, which negatively affects the development of the economy.

Keywords: negative growth, migration, PRC, population aging, expansion.

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос об оттоке населения из Хэйлунцзян, важной провинции-экспортере стратегических ресурсов, таких как сырая нефть, зерно и древесина. В КНР является одной из провинций, имеющей “высокое производство”, что вступает в противоречие со стремительном сокращением ее населения. Целью данной работы является изучение причин оттока населения. К задачам данной статьи относятся: анализ статистики, связанной с миграционной обстановкой в регионе; изучение явления китайского экспансионизма территории Дальнего Востока РФ. В данном исследовании использовались общенаучные методы — анализ и синтез, а также системный подход. Автор пришел к следующему выводу: несмотря на то, что КНР является крайне густонаселенной страной, она не защищена от оттока населения из некоторых регионов, что негативно сказывается на развитие экономики.

Ключевые слова: отрицательный рост, миграция, КНР, старение населения, экспансия.

С 1990-х годов, в связи с увеличением миграционной активности между Россией и КНР, возник ряд опасений, в том числе, связанных с мнениями об экспансии Дальневосточного региона РФ. Так, ряд российских исследователей, среди которых О.Д. Захарова, Н.Н. Комиссина, В.В. Миндогулова, В.Я. Портяков, Л.Л. Рыбаковский, Л.А. Селиванов, Д.В. Тренин, И.Л. Федотов [1–4], видят угрозу в растущей миграционной активности. Однако, в провинциях КНР, граничащих с РФ, наблюдается длительный отток населения. Так, согласно статистике Седьмой национальной переписи КНР, с 2010 по 2020 год общая численность населения провинции Хэйлунцзян сократилась более чем на 6,46 миллиона человек, заняв последнее место в стране.

Последний чистый приток населения в провинцию Хэйлунцзян можно проследить более 40 лет назад.

На изменение общей численности населения той или иной территории влияют как естественные, так и механические факторы.

Естественное перемещение населения относится к увеличению или уменьшению численности населения, вызванному рождаемостью, старением, болезнями и смертями, в то время как механические изменения относятся к увеличению или уменьшению числа людей, вызванному перемещением населения, часто называемым темпом роста населения и коэффициентом миграции.

Диаграмма 1. Данные статистического бюро Хэйлунцзяна [6]

В обоих аспектах текущие показатели в провинции Хэйлунцзян показали значительный отрицательный рост.

Статистические показатели

С момента основания Китайской Народной Республики и до 1980-х годов ежегодный чистый коэффициент миграции населения провинции Хэйлунцзян был положительным. 1980 год стал переломным, впервые рост численности населения сменился с долгосрочной чистой иммиграции населения на чистую эмиграцию населения. За 10 лет с 2000 по 2010 год среднегодовой отток населения в провинции Хэйлунцзян достиг 126 000 человек [5].

С момента достижения своего пика в 2013 году, численности населения сокращалась 7 лет подряд, как видно из диаграммы 1.

Согласно данным Статистического ежегодника провинции Хэйлунцзян за 2020 год [7], естественный прирост населения провинции Хэйлунцзян был отрицательным с 2015 года, в 2019 году он достиг $-1,01\%$, что даже превзошло показатели соседней Японии. Хотя КНР полностью либерализовала политику рождаемости при рождении двух и трех детей, желание многих людей иметь детей по-прежнему остается низким.

За низким уровнем рождаемости стоит высокий уровень урбанизации в Хэйлунцзяне и трех восточных провинциях. В 2019 году уровень урбанизации Хэйлунцзяна достиг $60,9\%$, а в "Общих данных на семь человек" этот показатель достиг $65,61\%$.

Хотя 65% не является высоким показателем в современных восточных провинциях, три восточные провинции ранее достигли высокого уровня урбанизации,

Рис. 1

а низкий уровень рождаемости сопровождал его в течение длительного времени.

Постоянное население Дацина, города с наименьшей убылью населения в Хэйлунцзяне, составляет около 2,78 миллиона человек

В дополнение к отрицательному естественному приросту в течение многих лет, односторонний отток населения в настоящее время является самой большой проблемой для поддержания численности населения. Кроме того, решения данной проблемы все еще нет.

В провинции люди будут переезжать из близлежащих небольших округов и деревень в главные центральные города. Например, большая часть населения, расположенного в различных частях Шэньси, стекается

в более развитые Гуаньчжун и Сиань, столицу провинции, так, провинция Хэйлунцзян не является исключением.

По официальным данным Росстата, за январь-сентябрь 2021 года население Дальневосточного федерального округа сократилось из-за естественной убыли и миграции почти на 16,5 тысяч человек.

На рисунке №1 видно, что Северо-Восточный регион КНР, а также Дальневосточный регион РФ, по сравнению с остальными, малонаселены.

Хэйлунцзян достаточно большая провинция, которая имеет обширную сельскую местность. Сельское население отправляется в центральные города различных районов, после — в столицу провинции, а затем на юг.

Хотя эта тенденция имеет вялотекущий характер, в последние несколько десятилетий она становится все более очевидной.

Только Харбин и Дацин с трудом могут поддерживать демографический баланс.

Хотя поглощение сельского населения ускоряется, городские людские ресурсы Хэйлунцзяна сократились на 980 000 человек за 16 лет с 2000 по 2015 год, можно сказать, что население бежит из Хэйлунцзяна.

С 2007 года по настоящее время в Харбине, столице провинции Хэйлунцзян, не хватает более четверти корпоративного персонала. Что касается Цицикара, Дацина, Муданьцзяна, Цзямуси и других городов, то здесь ситуация еще более плачевная.

По сравнению со столицами провинций, города уровня префектуры не могут удержать людей, а тем более на уровне округа. Согласно последним данным, в уездах Тангван и Фэнлин города Ичунь, уездах Сюнькэ и уезде Сунву города Хэйхэ, уездах Хума и уезде Тахэ региона Дасинаньлин проживает менее 100 000 человек, что даже не сопоставимо с некоторыми жилыми районами Пекина.

Большинство из вышеперечисленных округов являются хорошо известными лесными округами в Хэйлунцзяне. Если лесная промышленность больше не нуждается в таком количестве рабочих мест, сокращение численности населения будет предсказуемым.

Среди этих оттоков населения на долю людей в возрасте 30–49 лет приходилось почти 60% оттока, в то время как на молодое поколение в возрасте 20–29 лет приходилось 19,4%. Отток населения, несомненно, привел к сокращению трудовых ресурсов провинции Хэйлунцзян.

Хотя трудовые мигранты по-прежнему составляют основную часть оттока населения, среди оттока также много молодых талантов с профессиональными навыками или высшим образованием. Например, за последние пять лет соотношение притока и оттока талантов с высшим образованием в провинции Хэйлунцзян достигло 1:4,6.

Эти таланты в основном направляются в близлежащие провинции Ляонин, Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй. Есть также много студентов колледжей, которые ходят в школу в экономически развитых районах на юго-восточном побережье, и они остаются в этом районе после окончания учебы.

Являясь предпосылкой любого экономического и социального развития, утечка населения и мозгов,

несомненно, негативно сказываются на местной экономике. За первые три квартала 2022 года ВВП провинции Хэйлунцзян составил 1044,67 млрд. юаней, заняв седьмое место среди административных районов провинции на материковой части страны.

Причины оттока населения

Начиная с «прорыва через Гуандун», несколько волн иммиграции в истории привели к процветанию людей на Северо-востоке в середине прошлого века. Однако, времена изменились, и прагматичные жители Хэйлунцзяна перешли от «огромного мира», который они любили поначалу, к тоске по «краям земли». Сегодняшний Хайнань стал «четвертой провинцией Северо-Восточного Китая».

Нельзя отрицать, что холод и удаленность (экономическая и географическая) провинции Хэйлунцзян являются неблагоприятными факторами для экономического развития. Из-за невыносимо низкой температуры зимой многие жители Хэйлунцзяна мигрируют на юг. Некоторые семьи с лучшими экономическими условиями купили дома в теплых южных городах.

Однако природная среда не является решающим фактором оттока людей из Хэйлунцзяна и всего Северо-восточного региона. Сегодняшний отток населения происходит в основном из-за изменений в политической и экономической среде, что является так называемым «мир другой, и все по-другому».

Государство придает большое значение Северо-Востоку. Кроме того, проекты Советского Союза по оказанию помощи в строительстве позволили Северо-Восточному региону развиваться одним из первых после образования Нового Китая.

После открытия нефтяного месторождения Дацин в 1959 году эта земля стала ключевой областью для промышленного развития страны. Развитие государственных лесных хозяйств и сельскохозяйственных мелиоративных угодий также позволило некоторым увлеченным молодым людям обосноваться здесь.

С 1980-х до середины 1990-х годов население Хэйлунцзяна начало сокращаться. И этот период является отправной точкой для окончания эпохи национальной плановой экономики и начала маркетинга. В этом контексте города на юго-востоке воспользовались удобным расположением побережья для развития торговли, и прибрежные районы были надлежащим образом развиты. Многие компании инвестировали сюда, что привлекло рабочих со всей страны.

Процесс глобализации привел к модернизации промышленной структуры и более быстрой мобильности населения. В итоге, Хэйлунцзян, в котором когда-то доминировала добыча полезных ископаемых, постепенно пришел в упадок, прежде чем он успел скорректировать свою промышленную структуру.

Он по-прежнему экспортирует в больших масштабах, но это просто паритетный экспорт на юг.

Согласно статистике за 2019 год, численность занятого населения в провинции Хэйлунцзян составляет всего 17,769 миллиона человек, что является рекордно низким показателем за последние десять лет. Многие молодые люди, которые хотят остаться в провинции Хэйлунцзян, в основном являются государственными служащими.

Промышленность следует за потоком людей, и население собирается в центральных городах, уезжает из провинций. В результате экономическая жизнеспособность обширной провинции Хэйлунцзян будет все больше и больше концентрироваться в нескольких центральных городах, а большинство оставшихся городов уровня префектур будут постепенно формироваться с точки зрения источника богатства, который все больше и больше похож на простой источник ресурсов.

Старение населения

Согласно данным Qiru, в 2020 году жители Хэйлунцзяна в возрасте 60 лет и старше составляли 23% населения провинции, а в возрасте 65 лет и старше — 15%, что говорит о вхождении данного региона в ряды глубоко стареющего.

Для пожилых людей требуется большое количество медицинских и сестринских услуг. Согласно «Ежегодному отчету о развитии социального страхования Китая», пенсии работников городских предприятий провинции Хэйлунцзян в 2015 году были сильно перерасходованы, а их доходы были примерно на 18,3 млрд. юаней меньше расходов. Это еще больше истощает и без того скудные средства, затрудняя развитие экономики.

Чтобы решить трудовую проблему, правительство Хэйлунцзяна сделало все возможное. В конце 2017 года провинция Хэйлунцзян опубликовала «Заключения о реализации мер по усилению подготовки низового профессионального и технического персонала в нашей провинции» с целью расширения команды профессионального и технического персонала в провинции; в 2018 году правительство провинции Хэйлунцзян сформулировало «Административные меры по привлечению иностранных талантов Рабочие станции в провинции

Хэйлунцзян (пробное внедрение)»; в этом году провинциальный комитет провинции Хэйлунцзян НПКСК также предложил «Мнения о внедрении по усилению строительства низового профессионального и технического персонала в нашей провинции» с целью расширения команды профессионального и технического персонала в провинции. Предложения по расширению внедрения талантов в провинции Хэйлунцзян» [8].

Зона свободной торговли включает в себя три больших района: Харбин, Хэйхэ и Суйфэньхэ. У каждого района есть четкие промышленные обязанности. Район Харбина отвечает за высокотехнологичные отрасли промышленности. Район Хэйхэ сосредоточен на трансграничных энергетических, пищевых и других отраслях торговли, в то время как район Суйфэньхэ в основном отвечает за лес, зерно и другие отрасли производства сыпучих грузов.

В последние годы Хэйлунцзян активно реагировал на национальную политику «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия» и упорно трудился над созданием «Экономического пояса Шелкового пути Восточного Лунцзяна по суше и морю». В 2019 году общее число иностранных инвесторов в Черноморском регионе достигло 5296 человек [9]. За последние пять лет общий объем импорта и экспорта товаров в провинции Хэйлунцзян также увеличился примерно на 55,86 миллиарда юаней. Эти новые возможности развития действительно увеличили количество рабочих мест в провинции.

Выводы

В настоящее время многие молодые люди в Хэйлунцзяне массово перемещаются в крупные города с более широкими возможностями трудоустройства и богатой культурной жизнью. Хотя высокая стоимость жизни и высокое давление часто заставляют их скучать по родному городу, они вынуждены на это, в связи со сложившейся ситуацией: дефицитом рабочих мест; ограничениями, связанными с карьерным ростом; низкими пособиями и высокими ценами на жилье.

Ввиду процессов, происходящих в данной провинции, опасения, касательно экспансии Дальневосточного региона РФ кажутся неактуальными и абсурдными. Отток населения из регионов — это серьезная проблема, которая может иметь отрицательное влияние на экономическое и социальное развитие области. Одной из основных причин оттока является отсутствие рабочих мест и возможностей для карьерного роста. Это может быть связано с отсутствием индустрии или недостаточным развитием существующей. Люди ищут лучшие возможности для себя и своей семьи, если они

не могут найти их дома, они будут искать их в других местах.

Другой важной причиной является отсутствие качественного жилья и инфраструктуры. Люди хотят жить в комфортных условиях, отсутствие которых побуждает их к смене места жительства. Наличие хорошо развитой инфраструктуры, такой как доступ к качественной медицинской помощи, хорошо развитой системы транспорта и удобного доступа к образованию, также является важным фактором для принятия решения о переезде.

Решение проблемы оттока населения из регионов требует комплексного подхода. Необходимо создать рабочие места и развить индустрию, а также улучшить жилищные условия и инфраструктуру. Необходимо также увеличить доходы населения и создать более благоприятные условия для жизни и развития. Необходи-

мо создать привлекательные условия для инвестиций и новых бизнесов, чтобы создать новые рабочие места и развить индустрию.

В целом, отток населения из регионов является серьезной проблемой, которую необходимо решать комплексно.

Провинция Хэйлунцзян имеет богатую историю. Отток населения из данного региона является проблемой масштаба целой страны, так как провинция обладает значительным промышленным потенциалом. Правительство работает над улучшением условий жизни в провинции для привлечения трудовых ресурсов, однако, в данном случае, на мой взгляд, требуются наиболее стремительные меры, так как с каждым годом демографическая ситуация в регионе становится все более критичной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссина И.Н. К проблеме импорта Россией китайской рабочей силы // Новая Евразия: отношения России со странами ближнего зарубежья: сб. статей. № 5. — М.: 1996;
2. Портяков В.Я. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Междунар. жизнь. 1996. № 2 2. — С.74; Рыбаковский Л.Л. Захарова О.Д. Миндогулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. — М.:1994. — С. 35–36;
3. Селиванов Л.А. Призрак «демографического империализма» // Миграция, 1997, № 3. — С. 4;
4. Тренин Д.В. Китайская проблема России. — М: Центр Карнеги, 1998. — С. 57; Федотов И.Л., Селиванов Л.А. Призрак «демографического империализма» // Миграция. 1997. № 3. — С. 4.
5. Ло Даньдань. Анализ и меры противодействия текущей ситуации с ростом численности населения в провинции Хэйлунцзян, 2022 г;
6. Ло Даньдань. Анализ ситуации с демографическим развитием провинции Хэйлунцзян и предложения по контрмерам, «Отчет о социальном развитии провинции Хэйлунцзян, 2018 г.»;
7. «Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян 2020» (Статистическое бюро провинции Хэйлунцзян, Национальное бюро статистики, исследовательская группа провинции Хэйлунцзян);
8. «Шанхайский статистический ежегодник 2020 года» [Электронный ресурс] . — Режим доступа — <http://ftz.hlj.gov.cn/kfzhl/1083.html> (дата обращения: 12.01.2023)
9. «Статистические показатели населения Хэйлунцзян» [Электронный ресурс] . — Режим доступа <https://www.citypopulation.de/zh/china/heilongjiang/admin/> (дата обращения: 12.01.2023)

© Ван Цзяньган (w.j.gang2005@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

COMMUNICATIVE CONFLICT: LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES

E. Gorbarenko
A. Zuev
A. Platonov
S. Rubtsov

Summary. Linguistic peculiarities can cause barriers and complicate the communication process for the parties. Successful communication can be hindered not only by the language barrier in the usual understanding for ordinary people, that is, ignorance of a foreign language, but also ignorance of linguistic and cultural features and nuances. The authors of this work have studied the linguistic features of communicative conflicts, as well as the influence of linguistic and cultural barriers on the course of the conflict. The study revealed that linguistic features certainly affect the course of a communicative conflict and can provoke its occurrence. This work will be relevant for high school lecturers who teach speech disciplines and conflictology.

Keywords: communicative conflict, linguistic features, linguistic and cultural features.

Горбаренко Екатерина Алексеевна

Старший преподаватель, Ленинградский
областной филиал Санкт-Петербургского
университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Санкт-Петербург
kaf.seigd.lof@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент,
Ленинградский областной филиал Санкт-
Петербургского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации, Санкт-
Петербург;
univerandrey@mail.ru

Платонов Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
Ленинградский областной филиал Санкт-
Петербургского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации, Санкт-
Петербург;

Рубцов Сергей Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
Ленинградский областной филиал Санкт-
Петербургского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации, Санкт-
Петербург;

Северо-Западный институт управления Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург

Аннотация. Лингвистические особенности могут стать причиной возникновения барьеров и усложнить сторонам процесс коммуникации. Помешать успешной коммуникации может не только языковой барьер в привычном для обывателей понимании, то есть незнание чужого языка, но и незнание лингвокультурных особенностей и нюансов. Авторы данной работы изучили лингвистические особенности коммуникативных конфликтов, а также влияние лингвокультурных барьеров на ход и течение конфликта. В ходе исследования удалось выявить, что лингвистические особенности, безусловно, влияют на течение коммуникативного конфликта и могут спровоцировать его возникновение. Данная работа будет актуальна для преподавателей высшей школы, читающих речеведческие дисциплины и конфликтологию.

Ключевые слова: коммуникативный конфликт, лингвистические особенности, лингвокультурные особенности.

Введение

Лингвистический аспект коммуникативных конфликтов становится всё более и более актуальным в наше время, учитывая возросшую мобильность жителей планеты и развитие современных технологий, дающих возможность общаться людям с любых точек Земли. Возможностей для коммуникации становится больше, а коммуникативные барьеры остаются и многие из них имеют лингвистический характер, что только подчеркивает актуальность данной научной работы.

Своевременность исследования не вызывает сомнений, поскольку в современных условиях невозможно существовать без конфликтов в процессе коммуникации. Нередко участники конфликта не могут прийти к его разрешению из-за различных коммуникативных барьеров, таким образом, лингвистические особенности влияют не только на участников конфликта, но и способны менять течение коммуникативного конфликта.

Лингвистические особенности конфликтов чаще всего становятся предметом исследования лингвистов, которые не рассматривают этот вопрос с конфликтологической точки зрения, а уделяют основное внимание языковым аспектам. Таким образом, цель нашей научной работы заключается именно в изучении лингвистических особенностей с точки зрения конфликтологии.

Итак, нами была выдвинута гипотеза, что лингвистические особенности, в частности их лингвокультурный аспект, могут спровоцировать конфликты и влиять на ход и течение коммуникативного конфликта.

Методика и организация исследования

Для проверки сформулированной нами гипотезы мы использовали такие методы исследования, как структурно-функциональный анализ литературы по проблеме исследования и лингвистические особенности различных языков, а также метод классификации социальных конфликтов.

Результаты исследования и их обсуждение

Лингвокультурный аспект изучения коммуникативных ситуаций заставляет по-новому взглянуть на проблему возникновения коммуникативных конфликтов. Так, в частности, выявление набора типов коммуникативных ситуаций осложняется наличием ряда различающихся особенностей лингвокультур и, как следствие, типы коммуникативных ситуаций в принципе не могут быть универсальными. То, что является коммуникатив-

ной нормой в одной лингвокультуре, может не соответствовать или даже противоречить коммуникативным нормам другой лингвокультуры, отсюда и бесконечное множество возможностей для возникновения конфликта. Это наиболее ярко видно в случае сопоставления «далеких» в культурном отношении лингвокультур. Далее представлены результаты того, каким образом лингвокультурные различия способствуют возникновению коммуникативных конфликтов.

Вербальное общение как один из типов межличностных отношений подразумевает взаимодействие людей с различным типом личности, каждый из которых имеет определенный набор ценностных установок. То, как люди воспринимают друг друга зависит, как от ситуации, приобретенного опыта и знаний, так и от этнической принадлежности, национальности, принадлежности к той или иной языковой группе. Следовательно, типы восприятия могут варьироваться от отрицания культурных различий в защите собственного культурного превосходства до интеграции в родную и новую культуру. Ценности, основанные на определенных убеждениях, служат своеобразной мотивацией к поведению личности в обществе. Противоречие убеждений, столкновение различных типов поведения людей приводит к конфликтам.

Прежде всего необходимо отметить значение и роль языкового барьера в коммуникативных конфликтах. Понятие «языковой барьер» довольно широко используется в современной лексике, однако не является четко определенным и чаще всего подразумевает под собой «невозможность общения из-за незнания чужого языка» [6, с. 897]. Однако мы в своей работе, употребляя словосочетание «языковой барьер», будем отталкиваться от другого определения: «языковые барьеры — трудности, возникающие из-за принадлежности коммуникатора и реципиента к различным языковым субкультурам — жаргон, сленг, профессиональная терминология и т.п. [4, с. 72] » Таким образом, можно прийти к выводу, что языковые барьеры могут быть самыми разнообразными.

Языковой барьер может возникнуть из-за различных лингвокультурных особенностей и стать причиной коммуникативного конфликта и восприниматься адресатом как элемент вербальной агрессии даже при базовом знании коммуникатором языка адресата. К примеру, при общении на турецком языке, желая восхититься чем-то или кем-то, можно очень сильно обидеть турка, делая это напрямую. Для такой ситуации у них есть специальное слово: «maşallah», использующееся вместе со словами восхищения или самостоятельно и буквально означающее «то, что пожелал Аллах». В русском языке фраза «Какой у вас чудесный ребёнок!» являет-

ся обычной похвалой, но турком это воспринимается в лучшем случае как незнание речевого этикета, а в худшем — как вербальная агрессия. Такие, на первый взгляд, незначительные мелочи могут привести к возникновению конфликта.

Носители разных языков по-разному воспринимают окружающий мир, что, говоря, к примеру, об английском и русском языках, может выражаться в том, «какую позицию субъект действия занимает по отношению к окружающему миру: пассивную или активную» [5, с. 138]. В английском языке чётко обозначен активный деятель, это отражено в использовании подлежащего — существительного, олицетворяющего источник действия или действующее лицо, пусть даже чисто формальное: *I'm thirsty. She's not sleepy. I've got to get up early tomorrow. Dawn is breaking.* В русском языке такие высказывания переданы неопределенно-личными и безличными конструкциями: Мне хочется пить. Ей не спится. Мне завтра рано вставать. Светает. Как можно заметить, русский языковой взгляд на мир полон некой безопасности и неопределенности, когда не субъект «делает» что-то по отношению к кому-то или чему-то, а, напротив, «что-либо делается» по отношению к субъекту. Это доказывает существование множества конструкций с модальными словами («нужно», «нельзя») и отрицательными инфинитивными конструкциями без модальных слов («не бывать», «не видать»). Таким образом, в процессе коммуникации на русском языке с англоязычным партнёром можно наткнуться на коммуникативный барьер из-за различий между пассивной ролью субъекта в русском языке и активной — в английском. А коммуникативный барьер способен легко перетечь в коммуникативный конфликт.

Даже не углубляясь в языковые тонкости относительно инертности языкового субъекта в русском языке, можно найти примеры логического коммуникативного барьера, связанного с разной семантической наполняемостью. Каждое слово и выражение имеет конкретную субъективную интерпретацию, то есть определенный объём семантики [1]. Некоторые слова и выражения могут иметь в другой языковой культуре совершенно иной оттенок. К примеру, пытаясь сделать кому-то комплимент на английском языке, сказав: «Ты на этом собаку съел!», можно всерьез обидеть собеседника и привести, казалось бы, безобидную ситуацию к конфликту. Для русскоязычного человека этот фразеологизм означает приобрести опыт, навык в чем-то, тогда как в английском языке выражение «*to eat dog*» имеет значение — «быть в унижительном положении», следовательно неверное употребление фразеологизма, который употребляется в обоих языках, может быть расценено как проявление вербальной агрессии в форме оскорбления.

Языковым барьером, приводящим к конфликту, могут также стать ложные друзья переводчика, то есть слова, которые сразу узнаваемы, так как они имеют сходное написание в разных языках, но при этом имеют разное значение. К примеру, чешское слово «*rozog*» переводится как «внимание», тогда как русскоязычный человек может воспринять его иначе. В то же время русское слово «девка» не несёт никакого отрицательного подтекста, в то время как чешское слово «*děvka*» имеет очень грубый оттенок и переводится как «шлюха». Ситуацию осложняет то, что русский и чешский, оба принадлежат к славянской группе языков, и довольно похоже, что делает ошибки с неверным употреблением «друзей переводчика» более вероятными, чем в далёких друг от друга языках. Неправильное использование любого из таких слов может быть истолковано как проявление вербальной агрессии и привести к коммуникативному конфликту.

Возникают ли коммуникативные конфликты из-за лингвокультурных особенностей или же лингвокультурные особенности существуют, чтобы дать повод для возникновения коммуникативного конфликта? Г. Зиммель пишет, что «от признания априорного инстинкта борьбы невозможно отказаться, если присмотреться к невероятно мелким, просто смехотворным поводам самой серьезной борьбы [2, с. 116]» и приводит примеры конфликтов, которые поистине имеют «смехотворный повод». Если существует «изначальная потребность во враждебности», как пишет Зиммель и *homo homini lupus est*, как утверждает в своей комедии Плавт, то лингвокультурные различия дают человечеству почти неиссякаемый источник конфликтов. И вопрос даже не в примитивном суждении: «мы говорим так, а они иначе», но в том, что *слова — это орудие увеличения напряжения конфликта.*

Очень часто в конфликте используются насмешки, колкости и подначивания. Важно отметить, что целью такой коммуникации не является выработка общей точки зрения или убеждение оппонента, на первый план выходит не аргументированное убеждение соперника, а эмоциональное противостояние, деление на «я» и «он». Оппонент — враг, которого надо уничтожить, повергнуть.

Говоря о лингвокультурных особенностях и их влиянии на возникновение и течение конфликтов, считаем необходимым рассмотреть в этом контексте гипотезу лингвистической относительности или гипотезу Сепира-Уорфа. Гипотеза, согласно которой языку отводится приоритетная роль в процессе познания, и он определяет мышление, представляет значительный интерес при рассмотрении ее в рамках конфликтологии. Ведь если люди, говорящие и, что важно отметить, думающие

щие на разных языках видят мир по-разному и по-разному мыслят, то это может быть сильным конфликтогеном. В одном из примеров Уорфа проведено сравнение между английским языком и языком хопи. В языке хопи слова, обозначающие природные явления, в отличие от английского (и русского, как и ряда других) языка являются не существительными, а глаголами.

«Почему lightning «молния», spark «искра», wave «волна», eddy «вихрь» ... и т.п. — существительные? ... В языке хопи «молния», «волна», «пламя», «метеор», «клуб дыма», «пульсация» — глаголы» [7]. Для меня «волна» это существительное, для индейца хопи, в свою очередь, «волна» — глагол. Она не нечто статичное, она существует в движении, она «волнится» и никак иначе. Если мы мыслим «существительными», а индейцы хопи «глаголами», то такое разное восприятие мира безусловно отражается на уровне конфликтности, это та самая лингвокультурная особенность, которая может стать барьером в процессе коммуникации и породить множество недоразумений. Важно также учесть, что глаголы языка хопи не имеют времён, таким образом, пытаюсь сказать индейцу хопи, что «тот человек бежит, а этот побежит» можно столкнуться с серьезным коммуникативным барьером, поскольку в их языке и мышлении нет даже возможности и формулировки такой фразы, а этот барьер в свою очередь может породить конфликт. Вероятно, некоторых конфликтов с коренным населением Америки можно было бы избежать, если бы колонизаторы учитывали особенности языка и мышления индейцев, прежде чем заклеить их дикарями.

Приведем в качестве примера использования гипотезы лингвистического релятивизма в политических целях для не просто подавления, но исключения любой возможности конфликта, произведение Дж. Оруэлла «1984». Авторитарное государство создало язык «новояз», чтобы

лишить людей возможности думать критически о правительстве. «Новояз» не просто обеспечивает знаковыми средствами мировоззрение приверженцев «ангсоца» [3], но и полностью исключил любые иные течения мысли. Таким образом, не подменяя, но избавляясь от любых политически невыгодных понятий, государство сводило к минимуму практически все конфликты.

Гипотеза лингвистической относительности на сегодняшний день ни доказана, ни опровергнута, однако, лингвисты признают, что определенная взаимосвязь между языком и мышлением существует, даже если язык не определяет мышление.

Таким образом, можно утверждать, что лингвистические особенности коммуникации могут стать довольно сильными конфликтогенами и повлиять на ход и течение уже существующих конфликтов. Язык состоит из множества нюансов, каждый из которых может превратиться в барьер между коммуницирующими сторонами.

ВЫВОДЫ

Многие из барьеров, возникающих в процессе коммуникации, имеют лингвистический характер и могут спровоцировать возникновение конфликта. Неправильный выбор слов, неверная формулировка могут разрушить хорошо отлаженный коммуникативный процесс и привести к возникновению конфликта. По результатам данного исследования, можно сделать вывод, что гипотеза, обозначенная во введении данной работы, подтвердилась: лингвистические особенности безусловно влияют на течение коммуникативного конфликта и могут спровоцировать его возникновение. Являясь обоюдоострым мечом, они могут, как способствовать разрешению конфликта, так и усугублять его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ещеркина Л.В., Сусоева А.С. Языковые барьеры в межкультурной коммуникации и пути их преодоления // Управление в современных системах. 2018. № 1 (17). — С. 27–29.
2. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 114–119.
3. Оруэлл Дж. Скотный двор. М.: АСТ. 2014. с. 267
4. Психология общения: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. с. 72.
5. Тимко Н.В. Достижение культурного понимания в переводе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. — С. 137–139.
6. Толковый словарь. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. «Азъ». 1992. — 907 с.
7. Уорф Б.Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960.

РАБОТА С НЕБЛАГОПОЛУЧНЫМИ СЕМЬЯМИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

WORKING WITH DYSFUNCTIONAL FAMILIES: REGIONAL EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE TECHNOLOGY OF INTERDEPARTMENTAL INTERACTION

*V. Kruglova
E. Uteeva
I. Golovanova*

Summary. In the context of the growth of dysfunctional families in the Republic of Tatarstan (hereinafter — RT), it is important to find new approaches to the organization of work with them. The article discusses the possibilities of the technology of interdepartmental interaction to improve the organization of work with families in a socially dangerous situation (hereinafter referred to as the family in the SOP), using the example of Kazan. The study is based on a quantitative analysis of the social services provided to families with children in a socially dangerous situation in three districts of Kazan ((Novo-Savinovsky, Vakhitovsky, Soviet), for the period 2017–2021.

Based on statistical data processing, it was revealed that during the period of coronavirus infection, when families with children in SOP were in particular need of protection and assistance from social service institutions, the number of social services provided decreased. Based on the presented essential characteristics of each stage of the technology of interdepartmental interaction, recommendations for improving work with disadvantaged families have been developed. It is determined that the development and implementation of social projects (programs) aimed at improving the efficiency of social services for the population is one of the priorities of the studied institutions of Kazan. Based on the results of the study, the authors formed recommendations aimed at improving social work with disadvantaged families and their children.

Keywords: families in a socially dangerous situation, technology of interdepartmental interaction, commission on juvenile affairs and protection of their rights, healthcare institutions, educational organizations, juvenile affairs units, youth institutions, social service organizations, social work, social services.

Круглова Венера Валерьевна

Казанский государственный медицинский университет venerakryglova@gmail.com

Утеева Эльмира Наильевна

Старший преподаватель, Казанский государственный медицинский университет uto@mail.ru;

Голованова Инна Игоревна

Кандидат педагогических наук, Казанский (Приволжский) Федеральный университет ginnag@mail.ru

Аннотация. В условиях роста неблагополучных семей в Республике Татарстан (далее — РТ), важно найти новые подходы к организации работы с ними. В статье рассматриваются возможности технологии межведомственного взаимодействия для совершенствования организации работы с семьями, находящимися в социально опасном положении (семья в СОП), на примере г. Казани. Исследование базируется на количественном анализе предоставленных социальных услуг семьям в СОП Ново-Савиновского, Вахитовского, Советского районов г. Казани за период 2017–2021 гг.

На основе статистической обработки данных было выявлено, что в период коронавирусной инфекции, когда семьи с детьми в СОП особенно нуждались в защите и помощи со стороны учреждений социального обслуживания, количество оказанных социальных услуг уменьшилось. На основе представленной сущностной характеристики каждого этапа технологии межведомственного взаимодействия разработаны рекомендации по совершенствованию работы с неблагополучными семьями. Определено, что разработка и внедрение социальных проектов (программ), направленных на повышение результативности социального обслуживания населения, является одной из приоритетных задач изучаемых учреждений г. Казани. По итогам исследования авторами сформированы рекомендации, направленные на улучшение социальной работы с неблагополучными семьями и их детьми.

Ключевые слова: семьи, находящиеся в социально опасном положении, технология межведомственного взаимодействия, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждения здравоохранения, образовательные организации, подразделения по делам несовершеннолетних, организации социального обслуживания, социальная работа, социальные услуги.

Введение

Семья отражает все актуальные проблемы социального характера, существующие в современном обществе. Поэтому к ней применимы все виды технологий социальной работы, отмечает Е.И. Холостова [1]. Межведомственное взаимодействие и его основные принципы работы с неблагополучными семьями были описаны П.Д. Павленком [2], А.И. Мустайкиной [3], Т.Н. Балашовой [4], М.С. Власенко [4].

В Татарстане за последние 5 лет количество семей в СОП демонстрирует тенденцию к увеличению. Численность семей, которые состоят на межведомственном патронате в РТ, показывает резкий рост в 44% (с 1105 семей до 1600) [5]. Это примерно 100 семей в год. Данная ситуация повышает ценность социальной работы с неблагополучными семьями и детьми. Необходимо понимать, что социально опасное положение характеризуется параметрами, способными вызвать негативные последствия для членов семьи, включая конфликты между членами семьи, асоциальные поступки родителей (законных представителей) и т.п. Поэтому такая семья нуждается в особом подходе, что может обеспечить межведомственное взаимодействие. Проведение сравнительного анализа предоставляемых социальных услуг в рамках технологии межведомственного взаимодействия Комплексного центра социального обслуживания населения Ново-Савиновского, Вахитовского, Советского районов г. Казани является целью настоящего исследования.

Материал и методы исследования

Был проведен анализ квартальных отчетов за 2017–2022 гг. Комплексного центра социального обслуживания населения г. Казани (ГАУСО «КЦСОН») по организации межведомственного социального патронирования несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и их семей и сводных отчетов по участию ведомств в реализации индивидуальной программы реабилитации (ИПР). Вторичная статистическая обработка данных проведена вручную при вычитывании различных индикаторов, присутствует метод динамических рядов с применением показателей и индикаторов. Была изучена проектная деятельность вышеуказанных учреждений социального обслуживания.

«Межведомственное взаимодействие — совместные действия (решения) субъектов (участников) межведомственного взаимодействия по вопросам организации профилактической работы с семьями в СОП» [6]. Основные принципы, которым должна следовать работа межведомственного взаимодействия [6]:

- ◆ распределение полномочий соучастников межведомственного социального взаимодействия;
- ◆ неприемлемость повторного обращения по запросу информации о несовершеннолетних и семьях в СОП субъектами межведомственного взаимодействия;
- ◆ обособление работы с несовершеннолетними и семьями в СОП;
- ◆ неразглашение данных, полученных при межведомственном взаимодействии, и сохранение их в надежных источниках.

Результаты исследования

1. Общие показатели социальных услуг семьям и несовершеннолетним в СОП по количеству уменьшались в течение 2020 года (на 27 услуг). Начиная с 2021 года, происходит резкое увеличение (в 2 раза в каждом исследуемом районе КЦСОН). Это связано с пандемией коронавирусной инфекции, когда семьям с детьми требовались особые помощь и поддержка со стороны социальных служб.
2. Тенденция по оказанию услуг по диагностике и обследованию детей и родителей во всех изучаемых районах показала уменьшение на 15% с 2017 по 2021 гг. Необходимо отметить, что предупреждение и своевременное выявление негативных явлений, возникающих в жизненном пространстве опекаемого ребенка и его законных представителей, наиболее важно, чем предотвращение этих явлений. Поэтому, мы считаем, данный вид услуг должен быть предоставлен в должном объеме.
3. Такие услуги, как психологические тренинги по снятию психотравмирующих ситуаций в семье, выработке умения и навыков социальной адаптации к сложившейся ситуации, помощь по созданию в семье атмосферы взаимопонимания и взаимоуважения, благоприятного микроклимата, диагностика и обследование детей и родителей с 2017 по 2021 гг. уменьшались в каждом изучаемом районе.
4. К основным целевым долгосрочным программам и технологиям, реализуемым в КЦСОН, относятся [7]:
 - ◆ Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» [8].
 - ◆ Подпрограмма «Организация деятельности по профилактике правонарушений и преступлений в РТ на 2014–2020 годы» и Подпрограмма Профилактика наркомании среди населения РТ на 2014–2020 годы» в рамках Государствен-

ной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в РТ на 2014–2025 годы» [9].

- ◆ Межведомственный комплексный план Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике безнадзорности, беспризорности, наркомании, токсикомании, алкоголизма, правонарушений, суицидов, защите их прав.
 - ◆ «Служба участковой социальной помощи», реализуемая в рамках внедрения в 2019 году в РТ инновационной модели по созданию участковой социальной службы.
5. Благодаря вышеперечисленным программам появились специальные алгоритмы деятельности соучастников профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в СОП в случаях [10]:
- ◆ алкоголизации семьи;
 - ◆ жестокого обращения с ребенком;
 - ◆ совершения несовершеннолетним правонарушения / преступления;
 - ◆ попытки детского суицида.
6. В отделениях социальной помощи семье и детям ГАУСО «КЦСОН» в рамках реализации программы по введению социального сопровождения семей с детьми используются технологии [1]:
- ◆ межведомственного взаимодействия и сопровождения несовершеннолетних, освободившихся из учреждений закрытого типа, условно осужденных, а также членов их семей;
 - ◆ межведомственного взаимодействия по организации социального сопровождения женщин, изменивших решение об отказе от своего новорожденного ребенка на решение принять ребенка в семью;
 - ◆ индивидуальной реабилитации несовершеннолетних и их семей в СОП;
 - ◆ межведомственное социальное патронирование.

Обсуждение

Объектом межведомственного взаимодействия выступают социально опасные семьи, т.е. семьи, опасные для общества своим неблагополучием.

Субъекты профилактики безнадзорности несовершеннолетних обозначены в рекомендациях по совершенствованию механизма межведомственного взаимодействия Министерства образования и науки России и в ст. 4 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних». Это органы и учреждения системы профилактики, а также организации, принимающие участие в пределах их

компетенции в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [11]:

- ◆ комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- ◆ ведомства социального обслуживания, занимающиеся выявлением несовершеннолетних из таких семей и выявлением у них основных проблем;
- ◆ учреждения по делам молодежи, организующие культурно-досуговую деятельность каждого ребенка «группы риска»;
- ◆ центры занятости населения обеспечивают занятость как самих родителей из семей в СОП, так и детей, подростков (временная или сезонная подработка);
- ◆ службы опеки и попечительства передают детей из семей в СОП в новые приемные семьи, устраивают несовершеннолетних в приюты на время лечения родителей от зависимости;
- ◆ органы внутренних дел решают вопросы правонарушений несовершеннолетних (чаще всего), реже родителей, проводят осмотры бытовых условий жизни семей в СОП, составляют акты о выходе в семьи;
- ◆ оказание срочной психологической помощи происходит по телефону доверия;
- ◆ учреждения пенитенциарной системы представлены воспитательными колониями, в которых содержатся несовершеннолетние преступники и правонарушители;
- ◆ подразделения по делам несовершеннолетних относятся к территориальным органам по вопросам устройства детей из семей в СОП;
- ◆ образовательные организации ведут посредническую деятельность при просвещении обучающихся;
- ◆ в учреждениях здравоохранения получают медицинскую и медикаментозную помощь при необходимости.

Межведомственная работа с семьями и несовершеннолетними, находящимися в СОП в РТ заключается в профилактике жестокого обращения и насилия, правонарушений и преступлений, половой неприкосновенности, терроризма и экстремизма, наркомании и алкоголизма, защита детей-инвалидов и создание условий для интеграции их в общество. Разработка и внедрение проектов, направленных на повышение результативности социального обслуживания населения — является одной из приоритетных задач ГАУСО «КЦСОН».

Разработка системы межведомственной координации сопровождения детей и индивидуального сопровождения развития детей с целью ранней идентифика-

ции трудностей и помощи в их разрешении являются задачами социальной сферы, указанные в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан [12]. Это подтверждает участие ГАУСО «КЦСОН» в исполнении государственного заказа в социальной сфере.

При постановке семьи на межведомственный учет территориальными органами и учреждениями системы профилактики создается сигнальная карта в информационной системе «Учет и мониторинг семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении в Республике Татарстан». Учет и мониторинг семей и несовершеннолетних в СОП является информационной системой, в которой содержатся данные целевой категории (на уровне муниципальных образований РТ и республики в целом). В ней находятся сведения о несовершеннолетних и их семьях в СОП в электронном виде, оказываемых услугах и результатах проводимой индивидуальной профилактической работы с ними. Основными целями данной системы являются установление, регистрация и рассмотрение причин, по которым семья и несовершеннолетние стали находиться в СОП; создание механизма операционной деятельности и координация действий министерств и подведомственных им органов и учреждений РТ, которые входят в республиканскую систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в СОП, и в то же время гарантируют выявление несовершеннолетних в СОП, их семей и организацию ИПР с ними [13]. Подвергает документ анализу и направляет сигнал рабочей группе из числа специалистов субъектов системы профилактики центр либо отделение социальной помощи семье и детям.

В течение 15 дней межведомственный муниципально-реабилитационный консилиум (МСРК) на основании акта обследования решает вопрос о необходимости постановки несовершеннолетнего и его семьи на межведомственный учет, определяет вид патроната; формирует состав рабочей группы из представителей субъектов системы профилактики, разрабатывает проект индивидуальной программы реабилитации со сроками ее реализации; направляет ходатайство в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) о постановке несовершеннолетнего в СОП и его семьи на межведомственный патронат. КДНиЗП выносит постановление о постановке несовершеннолетнего и его семьи на межведомственный патронат, утверждает рабочую группу и ИПР либо отклоняет решение МСРК о необходимости организации межведомственного патроната [14].

Рабочая группа, состоящая из специалистов различных органов и учреждений, курирующая так же семью

и реализацию ИПР, в период межведомственного социального патронирования осуществляет мероприятия согласно ИПР и вносит информацию о проведенной работе посредством информационной системы «Учет и мониторинг семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении в Республике Татарстан».

Во вторичных заседаниях МСРК осуществляет мониторинг реализации ИПР, корректировку мероприятий ИПР, направляет предложения в КДНиЗП о завершении реабилитационной работы. КДНиЗП координирует и контролирует деятельность МСРК, обеспечивая работу системы межведомственного патронирования семей и несовершеннолетних в СОП. Республиканский информационно-методический центр в сфере социального обслуживания (РИМЦ) осуществляет координацию статистической отчетности в данной системе; регистрацию и внесение изменений в учетные записи пользователей в ней. Обеспечением технического сопровождения вышеназванной информационной системы занимается Минцифры РТ.

Пользователями системы являются, таким образом, учреждения системы профилактики. Муниципальным администратором — пользователь из числа сотрудников отделения социальной помощи семье и детям ГАУСО «КЦСОН», утвержденный республиканским Министерством труда, занятости и социальной защиты. Система включает в себя разделы: картотека, мои дела, новые семьи, архив, сигнальные карты, добавить сигнальную карту, задачи, реестр бедных, отчеты, настройки, помощь [15].

Выводы или заключение

В соответствии с исследованием нами предлагаются следующие рекомендации: руководству ГАУСО «КЦСОН» выделить из числа сотрудников проектную группу (4–5 человек) с привлечением стейкхолдеров (заинтересованные лица) из некоммерческих организаций (НКО) и других заинтересованных смежных ведомств для разработки, реализации внутрикорпоративного проекта по профилактике безнадзорности среди детей в возрасте 7–13 лет из семей в СОП (например, по патронажу во время осенних, зимних, весенних и зимних каникул); в связи с тем, что ряд услуг ГАУСО «КЦСОН» не оказывается или оказывается в недостаточном количестве, привлечь в рамках межведомственного взаимодействия социально-ориентированные некоммерческие организации для оказания социальных услуг семьям в СОП в необходимом объеме.

Таким образом, совместные действия участников межведомственного взаимодействия по осуществлению

социальной работы с семьями в СОП сводятся к реализации основных направлений. Первое — оказание социальных услуг; второе — ведение проектной деятельности учреждений социального обслуживания. Направления

реализуются посредством алгоритмов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и их семей, находящимися в социально опасном положении и взаимосвязаны между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холостова Е.И. Социальная работа: учебник для бакалавров. Москва: Дашков и К, 2019. 612 с.
2. Павленок П.Д. Технологии социальной работы с различными группами населения: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2022. 272 с.
3. Мустайкина А.И. Роль межведомственного взаимодействия в социальной работе с неблагополучными семьями // Вестник Мордовского университета. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhvedomstvennogo-vzaimodeystviya-v-sotsialnoy-rabote-s-neblagopoluchnymi-semyami> (дата обращения: 09.12.2022).
4. Балашова Т.Н., Власенко М.С. Формы межведомственного взаимодействия органов, осуществляющих профилактику и защиту прав несовершеннолетних, проживающих в семьях группы риска и семьях, находящихся в социально опасном положении // Закон и право. 2020. № 3. С. 32–35.
5. Материал проведения заседания коллегии Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ «Труд, занятость и социальная защита: итоги 2020 года и задачи на 2021 год». 2021. № 1. 45 с.
6. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № ТС-702/07 «О направлении методических рекомендаций по совершенствованию межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам организации профилактической работы с семьями, находящимися в социально опасном положении». Принципы межведомственной системы. [Электронный ресурс]. Материал проведения заседания коллегии Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ «Труд, занятость и социальная защита: итоги 2020 года и задачи на 2021 год». 2021. № 1. 45 с.
7. Аналитический отчет ГАУСО «КЦСОН в городском округе» город Казань» по деятельности отделений социальной помощи семье и детям в городском округе «город Казань», 2021. 70 с.
8. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 16.10.2013 № 764 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463305393> (дата обращения: 12.11.2022).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70644264/> (дата обращения: 09.09.2022).
10. Алгоритмы деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в случае совершения несовершеннолетним правонарушений/преступлений/алкоголизации семьи/жестокое обращение с ребенком/ попытки детского суицида [Электронный ресурс]. URL: cson-kazan.ru (дата обращения: 05.09.2022).
11. Приказ Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан от 16 декабря 2017 года № 881 «Об утверждении модельной программы сопровождения семей с детьми, нуждающихся в социальной помощи, центром социальной помощи семье и детям, отделениями социальной помощи семье и детям комплексных центров социального обслуживания населения в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543558002> (дата обращения: 01.11.2022).
12. Утеева Э.Н., Круглова В.В., Рыбасова Ю.Ю. Субъекты системы межведомственного взаимодействия. Москва: Наука информ, 2022. 180 с.
13. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 01.10.2022).
14. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.04.2010 № 294 «О формировании единого банка данных Республики Татарстан о несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении» [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/428550851> (дата обращения: 19.09.2022).

© Круглова Венера Валерьевна (venerakryglova@gmail.com),

Утеева Эльмира Наильевна (umo@mail.ru), Голованова Инна Игоревна (ginnag@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Alikova S. — PhD, associate professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kopaeva1979@yandex.ru

Andreev A. — Lawyer, Chairman of the Council of the Moscow Bar Association «Andreev, Bodrov, Guzenko and Partners», public figure, Vice-President of the Pankration Federation of Russia, postgraduate student, Russian New University (Moscow)
andreev@abg.legal

Anetuly B. — Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia
anetuly.bexultan@yandex.ru

Antonov V. — Senior lecturer, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
vitaliy3005@yandex.ru

Averkiev A. — Student, Russian University of Transport, Russia, Moscow
overaver@mail.ru

Belousov A. — Candidate of Legal Sciences, Tyumen state University
belousovalecs@mail.ru

Bodrikov A. — Postgraduate student, National Research Ogarev Mordovia State University
catalonec91@bk.ru

Druzhinin A. — Lecturer, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow
andr.pstbi@gmail.com

Egorova D. — Candidate in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
DAEgorova@fa.ru

Fadeeva O. — Postgraduate student of Kemerovo State University
olga_fa@bk.ru

Filatov G. — Postgraduate student, State Academic University of Humanities
gfilat@mail.ru

Gezgiev M. — Senior lecturer, Ingush State University
maggez@mail.ru

Glukhova E. — Teacher, Postgraduate student of Moscow Griboedov University
egluhova@inbox.ru

Golovanova I. — Candidate of Pedagogical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
ginnag@mail.ru

Gorbarenko E. — Senior lecturer, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg
kaf.seigd.lof@mail.ru

Gorelik V. — Doctor of technical sciences, Professor, Russian University of Transport, Russia, Moscow
gorelik@rgotups.ru

Ilin F. — PhD student, St. Petersburg State University
i.ilin@mail.ru

Karelina E. — Ph. D (Economics), State University of Management
opferpriesterin@mail.ru

Kesaeva I. — Lawyer, Law Bar Association
i.kesayeva@list.ru

Kruglova V. — Kazan State Medical University
venerakryglova@gmail.com

Kubantsev K. — Postgraduate student of the A.S. Griboyedov IME
reyven21@hotmail.com

Kuvshinov M. — Doctor of Economics, Professor, South Ural State University (Chelyabinsk)
msk1954@mail.ru

Kuznetsov A. — Ph.D in History, I.N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary)
kuznetsov-ak@mail.ru

Kuz'mich N. — Candidate of economic sciences, Assistant Professor, Far Eastern State Agrarian University
kuzmiz@list.ru

Mikhaylina O. — PhD, associate professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
mixoa-70@yandex.ru

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Oskina M. — Postgraduate studies, Perm State National Research University
sky_mari@mail.ru

Panarin A. — Doctor of Economics, Professor RAO, Institute of International Economics, Leadership and Management, Russia, Moscow
panarinaa@list.ru

Platonov A. — Candidate of philosophy sciences, docent, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg

Pototskaya L. — Candidate of Economic Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov
lpototskaya@bk.ru

Reikh A. — Student, Moscow State University. M.V. Lomonosov; Russia Moscow
alexandra.reich.law@mail.ru

Rubtsov S. — Doctor of historical sciences, professor, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg; Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg

Samokhina A. — Postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
annsamohina.s@gmail.com

Sannikova Marina Olegovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov
sannikovamarin@yandex.ru

Selina E. — Postgraduate student, Russian State University of Justice
9265857758@mail.ru

Stashkevich A. — National Research Tomsk State University
stashkevich.alina@list.ru

Sukhanova I. — Doctor of economic sciences, professor, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov
suhanovaif@sgau.ru

Ukolova N. — Doctor of Economic Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov
nv.ukolova@yandex.ru

Uporov I. — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Uteeva E. — Senior lecturer, Kazan State Medical University
umo@mail.ru

Vassalatiy Z. — Candidate of Legal Sciences, Tyumen state University
z.v.vassalatiy@utmn.ru

Vinogradova T. — Applicant, senior lecturer, South Ural State University (Chelyabinsk)
shishkinata@susu.ru

Wang Jianguang — Candidate of Historical Sciences, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
w.j.gang2005@gmail.com

Yakubov M. — Postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
muhibbullo_97@mail.ru

Znamenskaya M. — Senior Lecturer, National Research University «MPEI»
goldenrose.91@mail.ru

Zuev A. — Candidate of historical sciences, docent, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg
univerandrey@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).